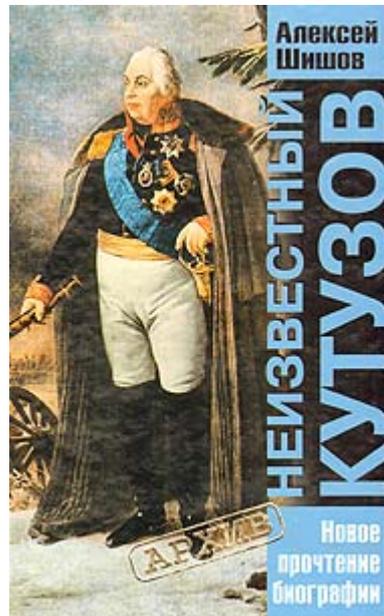

СЕРИЯ «АРХИВ»

А. В. ШИШОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ КУТУЗОВ

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ БИОГРАФИИ

Москва

«ОЛМА-ПРЕСС»

2001

ББК 63.3
Ш 658

*Исключительное право публикации книги А. Шишова
«Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.*

Разработка оформления серии

Петра Волкова

Шишов А. В.

Ш 658   Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии — М.:

ОЛМА-ПРЕСС, 2001. —   с.: ил. — (Архив)

ISBN 5-224-03158-3

Трудно найти в современной и прошлой истории России личность, любовь народа к которой была бы такой всеобщей и единодушной, какой она проявилась к Михаилу Кутузову. В чем заключается этот исторический феномен? Сегодня, в один из решающих периодов развития нашего государства, ответ на этот вопрос представляется интересным не только для историков. Рассказывая о судьбе, перипетиях карьеры великого русского полководца, автор книги привлекает к анализу богатый, разнообразный материал, опубликованный о Кутузове ранее, а также использует новые, уточненные факты его биографии. Особую ценность придают изданию собранные в отдельном разделе «Документы и воспоминания» подлинные письма самого Михаила Илларионовича и потрясающие своей мудростью и слогом его приказы по армии. А личные письма Екатерины II, Павла I, Александра I, Румянцева, Потемкина, Суворова и др., адресованные Кутузову, позволяют читателю окунуться в реальность той эпохи и одновременно с этим почувствовать удивительную связь времен. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3

ISBN 5-224-03158-3

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2001

Глава первая

Начало биографии

Потомственный дворянин Российской империи Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов мог гордиться своей родословной, уходящей корнями в далекое XIII столетие.

Как свидетельствует «История государства Российского» и «Бархатная книга родословных дворянских фамилий», род Голенищевых-Кутузовых происходит из «выехавшего на Русь к Благоверному Великому князю Александру Невскому из немец честного мужа именем Гавриил. У сего Гавриилы был правнук Федор Александрович Кутуз, от которого пошли Кутузовы. Происшедшего от сего Федора Кутуза потомка Андрея Михайловича Кутузова дочь была в замужестве за Казанским царем Самсоном.

Помятуго же Кутузова брат родной Ананий Александрович имел сына Василия, прозванного Голенище. Потомки их Голенищевы-Кутузовы Российскому престолу служили разные дворянские службы, а некоторые находились и в знатных чинах, и жалованы были от Государей поместьями и другими знаками монарших милостей» [1].

Так прозвище Василия Кутузова дало название всему роду Голенищевых-Кутузовых. Очень метко сказал по этому поводу Н. В. Гоголь: «Выражается сильно российский народ: и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в раз и потомство, утащит он его с собой и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света».

Биографией великого русского полководца занимались многие дореволюционные исследователи. Они внесли ясность в вопрос происхождения основоположника рода Кутузовых — Голенищевы — Гавриила, «выехавшего из немец»: был он из «славяно-руссов, обитавших в XIII веке по ту сторону реки Висла, где сейчас Пруссия» [2].

Новейшими исследованиями, на основе найденных архивных документов, было уточнено, что род Голенищевых-Кутузовых произошел «от выезжаго в Россию из Пруссии во времена Великого Князя Александра Невского именем Гатуша», принявшего православную веру и «во Святом Крещении Гаврилом названного». На русскую землю он выехал в 1263 году, «избегая раздоров и несогласий, рождавшихся в то время от крестовых рыцарей, возвращавшихся из Иерусалима» [3].

Существует еще и легенда о том, что основателем рода Голенищевых-Кутузовых является ближайший дружинник и боярин новгородского князя Александра Ярославича Гаврила Олексич, прославившийся в битве 15 июля 1240 года на реке Неве со шведами. Век старшего дружинника Александра Невского был короток: известно, что он погиб в 1241 году еще «не старым», дав продолжение роду великого русского поэта А. С. Пушкина через своего старшего сына Ивана Морхиню.

Отец М. И. Голенищева-Кутузова — Илларион Матвеевич был крупный военный инженер и принадлежал к числу наиболее образованных людей своего времени. Раньше о нем давались во многом неточные сведения. Так, в своей монографии член-корреспондент Академии Наук СССР П. А. Жилин пишет: «Начав военную службу при Петре I, Илларион Матвеевич пробыл в ней более тридцати лет. Он участвовал во многих войнах своего времени, где его талант в области инженерного искусства играл немалую роль в достижении побед русскими войсками...» [4].

В действительности же, как свидетельствуют формулярные списки, И. М. Голенищев-Кутузов родился в 1718 году. На военной службе он числился с 7 октября 1733 года, когда поступил в Петербургскую военно-инженерную школу, откуда был с успехом выпущен в звании кондуктора через три с половиной года.

Действительная служба началась с участия в топографических съемках в Санкт-Петербургской губернии, окрестностях столицы и на шведской границе. Затем в течение одиннадцати лет он исполнял должность флигель-адъютанта командира Кронштадтской морской крепости, привлекаясь «по инженерным делам и касающимся до канального строения». Именно последнее позволило молодому офицеру сделать удачную военную карьеру.

Инженер-капитан И. М. Голенищев-Кутузов с 1752 года в течение шести лет занимался непосредственным руководством строительства каменного канала Петра Великого. Его труды не остались незамеченными. В 1758 году он производится в инженер-майоры, через восемь месяцев спустя — в инженер-подполковники, а 1 января 1759 года — в инженер-полковники.

Как повышение по службе он получает назначение на должность начальника рижской инженерной команды. Затем следует перевод в столицу, в канцелярию Главной артиллерии и фортификации. Полковнику И. М. Голенищеву-Кутузову вверяется Остзейский крепостной департамент, ведавший российскими крепостями в Прибалтике как сухопутными, так и морскими. Одновременно он участвует в работе комиссий по составлению новых штатов артиллерии и инженерных войск русской армии.

В 1763 году отец полководца производится в инженер-генерал-майоры и руководит подготовительными работами по строительству Санкт-Петербургского арсенала. Летом следующего года И. М. Голенищев-Кутузов начальствует над изыскательной группой по съёмке трассы судоходного канала между Волгой и озером Ильмень, «чтобы от Твери до Ильменя и обратно могли ходить суда». Результаты работы получили высочайшее одобрение.

Следует новое назначение — руководство разработкой проекта канала, которому предстояло оградить северную российскую столицу от постоянных бедствий — наводнений. Строительство канала завершилось при Екатерине II, и потому его называли Екатерининским. (В 1923 году, в советское время, канал был переименован в честь писателя Грибоедова.) Императрица в знак благодарности наградила инженер-генерал-майора золотой табакеркой, осыпанной бриллиантами. Такая монаршья милость в то время считалась очень высокой.

Голенищеву-Кутузову-старшему довелось участвовать только в одной войне — русско-турецкой 1768—1774 годов. То была первая «екатерининская война» с Турцией, в которой русской армией командовал талантливый полководец генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский. Свою славу он завоевал в сражениях при Рябой Могиле, на реках Ларге и Кагуле. Там же отличился и генерал И. М. Голенищев-Кутузов, командуя инженерными и минерными отрядами действующей армии.

Закончить войну в армейских рядах ему не довелось. В конце 1770 года инженер-генерал-майор подал прошение об отставке «за старостью и болезнью» и вскоре был уволен от военной службы с чином генерал-поручика «за беспорочную службу». 37-летняя плодотворная деятельность И. М. Голенищева-Кутузова в качестве военного инженера сыскала ему признание и почет в русской армии и в обществе.

Оставив военную службу, отец полководца реализовал себя также и на гражданском поприще, став московским сенатором. От современников он получил прозвище «Разумная книга» — за ум, начитанность и образованность, за глубокие познания в делах военных и гражданских, заслуги в русско-турецкой войне. В 1777 году при открытии Псковского наместничества отставной генерал-поручик был избран первым предводителем дворянства Псковской губернии, имея земельные владения в трех уездах.

Скончался И. М. Голенищев-Кутузов в июле 1784 года в своем поместье Торопецкого уезда Псковской губернии, где его и похоронили в выстроенной им церкви Христова Воскресения.

Мать великого русского полководца принадлежала к старинному дворянскому роду Беклемишевых, существовавшему с 1323 года. В Гербовнике Всероссийской Империи записано: «Потомки сего рода Беклемишевых многие русскому престолу служили стольниками, окольными, воеводами и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями» [5].

Одна из Беклемишевых — Ефросинья Федоровна, прабабушка великого полководца, — была замужем за князем Михаилом Пожарским, отцом князя Дмитрия Пожарского, руководителя второго народного ополчения в Смутное время и освободителя Москвы от поляков. Примечательно, что вожди российских войск в знаменательные для Отечества 1612 и 1812 годы происходили по женскому колону из фамилии Беклемишевых.

Первый сын супругов Беклемишевых-Голенищевых-Кутузовых Михаил родился в Санкт-Петербурге 5 сентября 1747 года. Эта дата уточнена на основе обнаруженных архивных документов, поскольку общепризнанной датой рождения полководца, приводимой ранее во всех его биографиях, считалось 5 сентября 1745 года [6].

Имя мальчику-первенцу родители выбрали не случайно. Будучи людьми глубоко религиозными и свято почитающими обычаи православной церкви, они

назвали своего сына в честь Архангела Михаила, военачальника всех небесных сил, день которого православные верующие празднуют 6 сентября как чудо Архангела Михаила с Ханех. Архангел Михаил носит звание архистратига, как главы ангельского воинства, победившего сатану. Поэтому его изображают в воинских доспехах, как святых Георгия Победоносца и Александра Невского, с огненным мечом в руках. В последствии генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов как православный верующий всю свою жизнь особенно чтит архангела Михаила, своего небесного покровителя, всегда молился ему за победу русской армии.

Михаил был вторым ребенком в семье. Он имел старшую сестру Анну и младших брата и сестру — Семена и Дарью. Анна вышла замуж за отставного лейб-гвардии капитан-поручика Олега Ушакова, получив от отца в приданное деревню Недобровщина в Каменской Губе и полдеревни Гостицы в Нарской Губе. Она скончалась в 1813 году в возрасте 67 лет. О младшей сестре полководца известно, что девица Дарья Илларионовна проживала в селе Матюшкино Опочецкого уезда. Император Александр I по просьбе М. И. Голенищева-Кутузова пожаловал ей «по смерти пенсию 2000 рублей». Это была одна из высочайших благодарностей великому полководцу.

Брат Михаила Илларионовича — Семен учился в Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе и, освоив «часть геометрии и артиллерии», через два года, в 1768-м, был досрочно выпущен флигель-адъютантом в штаб инженер-генерал-майора И. М. Голенищева-Кутузова, своего отца, было ему тогда 14 лет от роду. Семен Илларионович страдал тихим помешательством и дослужившись до майора, видимо, по этой причине не смог продолжить военную службу. Отставной офицер проживал в селе Федоровском Великолукского уезда, где скончался в 1834 году в возрасте 82 лет.

С сестрами и братом Михаил Илларионович поддерживал теплые отношения. Письма полководца свидетельствуют, что он проявлял по отношению к ним и внимание, и заботу, заезжал к младшему брату в Федоровское, когда тот вышел в отставку.

Михаил рано лишился матери и маленьким оказался на попечении бабушки по отцовской линии — Бедринской. Добрая и простая женщина-дворянка отличалась набожностью и вела в деревне жизнь уединенную и патриархальную. Деревенский образ жизни под надзором бабушки сказался на

характере мальчика. Он рос добрым и остроумным, но вспыльчивым и горячим. В то же время отличался беспечностью, ленивостью на ученье, любил долго спать и нежиться. В раннем возрасте Михаил очень любил слушать сказки и рассказы.

Первый биограф М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского Филипп Синельников отмечал: «В малолетстве Михаил не имел ни малейшей склонности к резвостям. Он всегда уклонялся от своих сверстников и всегда приставал к людям, у которых часто спрашивал о причинах таких вещей, в которых с трудом удовлетворять могли его самые совершеннолетние... Много любил разговаривать и столько был любопытен, что готов был целый день расспрашивать и целый день слушать ответы на его вопросы. В юношестве отличался телесною красотой, был сложения самого крепкого, а росту среднего» [7].

Сыновей инженер-полковника И. М. Голенищева-Кутузова ожидала обычная судьба детей российских дворян времен правления императрицы Елизаветы Петровны — почти пожизненная военная служба, приближенное к царскому двору положение позволяло дать им блестящее военное образование, а значит, и возможность сделать успешную карьеру.

Отец даже позаботился о том, чтобы его сыновья первоначально с помощью гувернеров освоили не только русскую грамматику, несколько иностранных языков, математические науки, историю и географию, но также и основы артиллерийского и инженерного дела. По природе любознательному Михаилу учеба в домашних условиях давалась легко, что не могло не радовать требовательного отца.

Перед тем как отдать старшего сына на военную службу — «в военное учение» — инженер-полковник И. М. Голенищев-Кутузов обратился по команде с рапортом, прося проэкзаменировать своего сына в знании наук, связанных с артиллерийским и инженерным делом.

На следующий день после подачи рапорта, юного Михаила Голенищева-Кутузова «освидетельствовал» инженер-капитан-поручик Шалыгин. Он выявил, что экзаменуемый «в арифметике и геометрии довольноное знание имеет, в фортификации название главнейших линий, углов и строений изрядно знает...».

Столь высокие результаты «освидетельствования» дали право известному российскому каналостроителю 17 апреля 1759 года подать «покорнейшее доношение» на имя фаворита императрицы Елизаветы Петровны генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова об определении его сына «в артиллерийский корпус», а для обучения артиллерии и окончания зачатых наук отдать мне». То есть отец просил высокое начальство позволить продолжить военное обучение сына, показавшего «довольные знания» в науках при экзаменовании, в домашних условиях под личным наблюдением. В прошении на имя всесильного графа Шувалова также указывалось, что «сын Михаил одиннадцати лет» имеет домашнюю подготовку «сверх российской грамоты» по иностранным языкам — немецкому, французскому и латинскому, арифметике и геометрии, истории и географии, и также по артиллерии и фортификации. Все это свидетельствовало о том, что отец стремился дать одаренному от природы старшему сыну самое серьезное, систематическое образование в домашних условиях под своим присмотром.

21 июня 1759 года на основании приведенных освидетельствований дворянских детей состоялся Указ Сената Российской империи о зачислении «в Артиллерийскую школу недорослей», среди которых был и Михайла Кутузов. Через десять дней ему (по приказу графа П. И. Шувалова, много лично сделавшего для развития артиллерийского и военно-инженерного дела в России) присваивается военное звание капрала и он отправляется изучать науки домой.

Отец добился своего: старшего сына приняли после контрольного экзамена в Соединенную Артиллерийскую и Инженерную школу на артиллерийское отделение и предоставили ему возможность обучать его военным дисциплинам на «своем коште». Соединенная школа в то время являлась, наряду с Сухопутным Шляхетским кадетским корпусом, привилегированным учебным заведением с военно-технической специализацией. Отцовский выбор военной профессии как для старшего сына, так затем и младшего оказался не случайным. И не только потому, что сам Голенищев-Кутузов-старший был преуспевающим военным инженером и окончил ту же школу. Он, безусловно, считал что такая военная профессия откроет сыновьям хорошую перспективу служебного роста и развития личности.

Соединенная Артиллерийская и Инженерная дворянская школа была создана в 1758 году по инициативе генерал-фельдцейхмейстера русской армии П. И. Шувалова: в одно учебное заведение сливались Военно-инженерная и Артиллерийская школы. Из 135 ее учеников, из детей дворян, 60 изучали артиллерийское дело, 75 — инженерные науки.

Военно-инженерная школа была основана в 1712 году в Москве по именному указу последнего русского царя Петра I Алексеевича Романова, который проявлял особую заботу о подготовке «инженерства». Через семь лет школу перевели в новую столицу государства, строившуюся на берегах Невы, где ее объединили с инженерной ротой. Новое учебное заведение получило название Петербургской военно-инженерной школы.

В преобразованиях школы военных инженеров в середине XVIII века деятельное участие приняли М. И. Мордвинов, предок А. С. Пушкина инженер-генерал-майор А. П. Ганнибал (получивший образование в Соединенной артиллерийско-инженерной школе во Франции) и в то время управляющий Канцелярией Главной артиллерии и фортификации граф П. И. Шувалов. Последний приказал изучать в обеих школах единые предметы: артиллерийское дело, фортификацию, артиллерийскую географию, немецкий язык и другие.

Петербургская Артиллерийская школа была открыта в 1731 году. Через пять лет при ней создается Чертежная школа, получившая название Артиллерийской Чертежной.

Соединенная артиллерийская и Инженерная школа готовила специалистов военного дела, имеющих законченное образование. Ее воспитанники находились на полном государственном довольствии, получали жалованье и учились, соблюдая строгую воинскую дисциплину. Часть учеников, как Михаила Кутузов, выходцев их богатых семей, имели разрешение на домашнее обучение обязательным дисциплинам. В целом школа давала солидную военную, специальную и общеобразовательную подготовку.

В основе школьного обучения лежали предметы, необходимые для подготовки военных артиллеристов и инженеров: артиллерия, инженерное дело, фортификация и тактика. Много внимания уделялось изучению точных наук и общеобразовательных дисциплин: алгебры, геометрии, тригонометрии,

физики, истории, географии, словесности, иностранных языков, гражданской архитектуры, богословия, фехтования и танцев.

Особое внимание обращалось на знание математических дисциплин. Граф П. И. Шувалов так, например, обосновал необходимость изучения математики: «Знание геометрии артиллеристу и инженеру необходимо... Я не требую, чтобы артиллерийские и инженерные офицеры были великие алгебраисты, ибо сия нация весьма трудна, но довольно для офицера, если он знает способ извлекать радикалы натуры сравнением и словом, что называется алгеброю простою» [8].

Пребывание вне школы капрала Михайлы Голенищева-Кутузова продолжалось недолго. В связи с переводом отца из Риги в Санкт-Петербург, в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации он начинает регулярно посещать школьные занятия, находясь по-прежнему на «своем коште». (Голенищевы-Кутузовы проживали в собственном доме на Московской стороне, на 3-й Артиллерийской линии.) Уже в самом начале учебы 12-летний Кутузов стал заметно выделяться среди сверстников, благодаря своим знаниям и незаурядным способностям. На него обращает внимание начальник школы М. И. Мордвинов. По его решению юный воспитанник уже через несколько дней после «вступления в службу» «за прилежность к наукам» производится в каптенармусы артиллерии. А через месяц после начала занятий в школе по представлению Мордвинова, граф П. И. Шувалов своим «ордером» производит Михаила Кутузова в кондукторы. Это было воинское звание первого — выпускного класса школы. Ему вменяется в обязанность «вспоможение офицерам для обучения прочих», то есть учеников школы.

По установившейся в русской армии традиции присвоение очередного воинского звания, новое назначение, вступление в военную службу сопровождалось церемонией приведения к присяге. Принял ее и кондуктор Михаил Голенищев-Кутузов.

«Клятвенное обещание.

Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием, что хочу и должен моей природной и истинной Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елизавете Петровне Самодержице Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая... верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и в том во

всем живота своего в потребном случае не щадить, и притом по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Ея Императорского Величества верной службе о пользе государственной во всяких случаях касаться может...

И поверенный и положенный на мне чин... надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы ни вражды противно должности своей и присяги не поступать... в чем мне Господь Бог душевно и телесно да поможет.

В заключении же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего, Аминь».

Юному Кутузову приказом графа Шувалова разрешается заниматься по индивидуальному плану, то есть по особому для него расписанию. Кондуктор-выпускник с прилежанием изучает математические предметы, по механике «спокойствие и падение тел», материал о центре тяжести, движение по наклонной плоскости, машины и механизмы. На уроках по артиллерии он чертит пушки, мортиры, единороги и лафеты к ним.

По инженерному делу изучаются основы «регулярной фортификации», «начала гражданской архитектуры». Много времени отводилось картографии и рисованию: по географии кондуктор Голенцев-Кутузов рисовал генеральную карту Азии и особенно тщательно, в течение шести месяцев, — генеральную карту Франции, тушью рисовались ландшафты.

В Соединенной школе Кутузов-младший продолжил интенсивное изучение иностранных языков, которые давались ему легко. Перед выпуском он свободно говорил и переводил по-французски и по-немецки. Преподаватели отмечали, что 14-летний кондуктор «обучается с крайним прилежанием».

Учащимся Соединенной Артиллерийской и Инженерной школы тех лет везло на преподавателей. Генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов приглашал на должности преподавателей видных специалистов и ученых. Так, курс артиллерии вел И. А. Вельяшев-Волынцев, написавший книгу «Артиллерийские предложения», которая длительное время являлась учебным пособием.

Математику преподавал капитан Я. П. Козельский, уважаемый в школе педагог. Его «Арифметические предложения» и «Механические предложения» были одними из первых подобных учебников на русском языке. Являясь видным ученым-энциклопедистом, он создал сочинения по истории,

философии, ботанике. Козельскому принадлежат «Философские предложения», переводы многих иностранных книг на русский язык. Считается, что именно он сыграл большую роль в развитии математических способностей юного Голенищева-Кутузова.

Будущему полководцу, благодаря стараниям и природной одаренности, удалось усвоить полную программу обучения в школе к началу 1761 года, то есть менее чем за полтора года.

Одновременно кондуктор первого класса ведет занятия по арифметике и геометрии в Соединенной Солдатской школе, которая была образована в 1758 году для солдатских детей как второе отделение Артиллерийской и Инженерной школы. С этой задачей он справлялся довольно успешно, будучи не раз отмечен начальством.

Преподавательская деятельность многое дала Кутузову: он приобрел опыт наставника общеобразовательных знаниях навыки по формировании у будущих офицеров необходимых профессиональных качеств. Впоследствии он скажет: «Без толковых учителей совершенных офицеров никогда произвести не можно».

Полтора года учебы в школе пролетели быстро. 28 февраля 1761 года четырнадцатилетний кондуктор первого класса Михайла Голенищев-Кутузов за достигнутые успехи производится в первое офицерское звание инженер-прапорщика. Ему предписывается вступить «в действительную службу», но он еще несколько месяцев остается при школе.

Только 5 июня инженер-прапорщик М. И. Голенищев-Кутузов убывает к новому месту службы. В аттестате, выданном на его имя, говорилось, что с 20 октября 1759-го по 28 февраля 1761 года воспитанник, 14-ти лет, проходил службу в Школе, «науку инженерную и артиллерийскую знает, по-французски и по-немецки говорит и переводит весьма изрядно, по-латыни автора понимает, и в истории и географии хорошее начало имеет; состояния доброго и к перемене достоин». Аттестат подписал артиллерии обер-криг-комиссар Михайло Мордвинов.

Приказом графа П. И. Шувалова от 28 февраля 1761 года инженер-прапорщик Михайла Голенищев-Кутузов был направлен в Инженерный корпус на освободившуюся вакансию вместо Михайлы Можарова, убывшего в Сибирь с секретной экспедицией [9].

Через год М. Кутузов назначается флигель-адъютантом капитанского ранга к петербургскому и ревельскому генерал-губернатору генерал-фельдмаршалу фон Голштейн-Беку (принцу Голштейн-бекскому, крестнику Петра I). Отменное знание было немецкого языка. Одной из причин назначения молодого офицера в штаб ближайшего родственника императора Павла I, перешедшего из прусской службы в русскую.

Столичный губернатор возложил на Кутузова ведение дел собственной канцелярии. «Маловразумительные» обязанности оказались непростыми. Инженер-прапорщик исполнял их не только добросовестно, «обнаружив свои способности к делам гражданским, но еще более старался употребить все меры к приобретению навыка в них и опытности» [10]. Думается, все же эта адъютантская служба была не в характере молодого офицера, высокообразованного, с командирскими задатками.

Принц Голштейн-Бек остался доволен своим флигель-адъютантом. Когда через полгода штаб генерал-губернатора расформировали, он предложил Военной коллегии распределить М. Голенищева-Кутузова капитаном для определения в полк «здешней команды», то есть расквартированный недалеко от Санкт-Петербурга.

21 августа 1762 года Михаила Голенищев-Кутузов, еще не достигший 15-летия, производится в капитаны и назначается командиром роты в Астраханский пехотный полк. (Через десять дней, 31 августа в командование этим полком вступает тридцатидвухлетний А. В. Суворов, которому суждено будет стать военным гением России.)

С пребывания в Астраханском пехотном полку, одном из лучших в частях русской армии, началась более чем полувековая служба М. И. Голенищева-Кутузова в российских войсках.

Астраханский полк вел свою родословную с 1700 года, (был создан по велению Петра I) и являлся одним из старейших в русской регулярной армии. Организационно астраханцы входили в состав Санкт-Петербургской дивизии, которой командовала сама императрица Екатерина II.

Полк размещался в небольшом городке Новая Ладога вблизи от столицы, занимаясь боевой подготовкой в месте своего расквартирования, но для несения караульной службы регулярно вызывался на несколько месяцев в Петербург.

Служба пятнадцатилетнего ротного командира в армейском полку под командованием полковника А. В. Суворова стала прекрасной школой для будущего главнокомандующего русской армией в Отечественной войне 1812 года. Суворов принял полк после возвращения с Семилетней войны, где зарекомендовал себя бесстрашным боевым офицером, послужившим на различных штабных, строевых и интендантских должностях. Он был верен себе: накопленный опыт участника большой войны в Европе стал достоянием подчиненных — офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов Астраханского пехотного полка. Сторонник быстрого маневренного боя, свои взгляды на ведение боевых действий Суворов воплощал в повседневную учебу и воспитание астраханцев. Уже в скором времени, на учениях, его полк поражал всех высокой выучкой личного состава и инициативностью полкового командира в ходе маневров.

Кутузов за время своего пребывания в Новой Ладогe сполна познал суворовскую «Науку побеждать». Бессмысленная строевая муштра и изучение простейших приемов в строю заменялись обучением солдат тому, что в первую очередь от них потребуется на войне: штыковыми атакам, прицельной стрельбе из ружей, залповому огню, форсированию водных преград, марш-броскам — не по «битым путям», а по целине, по лесам и болотам. Астраханский пехотный полк многократно поднимался по тревоге и в любую погоду уходил без обозов на полевые учения. Пехотинцев учили вести ночные атаки, быть смелыми, устремленными, на достижение победы. Суворовское правило гласило: «Тяжело в учении — легко в бою».

Очевидцев больше всего поражали учебные сквозные штыковые атаки, когда два батальона полка шли в штыки друг против друга. При ударе в штыки Суворов приказывал наступающим ни на секунду не задерживаться, но, как бы не был силен удар, он не позволял отражающим его отойти и только в последнее мгновение разрешал поднять вверх штыки, чтобы солдаты не поранили друг друга в начинающейся отчаянной схватке.

На роты пехоты «в полный карьер на саблях» скакала кавалерия, и опять, чтобы научить пехотинцев выдерживать этот натиск, только в самое последнее мгновение солдатам разрешалось разомкнуться и пропустить сквозь свои ряды кавалеристов. Учились не только люди, но и кони. Позади строя пехоты

Суворов приказал ставить лукошки с овсом, и лошади привыкали прорываться сквозь строй людей, зная что за ним их ждет «поощрение».

Капитан Кутузов лично участвовал в таких суворовских учениях, проходя прекрасную школу младшего армейского командира. Его рота числилась в числе лучших, в ней всегда проявлялась даже в мелочах забота о нижних чинах. Здесь не было, как и во всем Астраханском полку, рукоприкладства, унижения человеческого достоинства.

Полковой командир успел хорошо изучить способности капитана М. И. Кутузова и оценить его. В суворовской характеристике подчиненному, данной в феврале 1763 года и утвержденной петербургским обер-комендантом генерал-поручиком И. И. Костюриным говорилось: «В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинские экзерцицы обучает порядочно и к сему тщение имеет, лени ради больным не репертовался и во всем ведет себя так, как честному обер-офицеру подлежит, и как по чину своему опрятен, так и никаких от него не порядков не происходит, и таких пороков, коим в указе гос. коллегии 756 году генваря 20 дня написаны, не имеет, чего ради по усердной его службе к повышению чина быть достоин» [11].

Совместная служба с А. В. Суворовым продолжалась всего семь месяцев. Высочайшим указом полковник А. В. Суворов назначается командиром Суздальского пехотного полка. Первой суворовской наукой для молодого ротного командира стало твердое убеждение, что главная сила русской армии в ее солдате, что только завоевав его доверие и любовь, можно требовать от него полной отдачи в бою, мужественного, перенесения всех тягот и лишений в ратной службе. Это убеждение Кутузов пронесет через всю жизнь.

В начале военной карьеры Михайле Голенищеву-Кутузову везло в наставниках и учителях. Доверительные отношения сложились у него в начале 60-х годов со своим двоюродным дядей Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым, флотским офицером, ставшим генерал-интендантом флота, членом Адмиралтейств-Коллегии в чине генерал-майора. Перед этим он был начальником Морского кадетского корпуса, более столетия бывшего главным поставщиком офицерских кадров в военные флота России.

Дядя стал для племянника добрым советчиком, умным наставником и старшим товарищем. Кутузов питал к нему чисто сыновьи чувства и часто, уже

в зрелом возрасте, называл его в письмах своим «батюшкой». От дяди молодой офицер вообрал в себя очень многое: любовь к русской литературе, стремление к изучению иностранных языков, и главное, интерес к государственным делам.

И. Л. Голенищев-Кутузов — один из самых знаменитых людей в кутузовском роду. При Екатерине II он был адмиралом, первым членом Адмиралтейств-Коллегии, казначеем флота и директором морского кадетского корпуса, при Павле I — вице-президентом, а затем и президентом Адмиралтейств-Коллегии, состоя «во всех правах и преимуществах» генерал-фельдмаршала. Директором Морского кадетского корпуса Иван Логинович оставался вплоть до своей кончины в 1802 году, то есть в течение сорока лет, воспитав в его стенах не одно поколение российских флотских офицеров.

Адмирал И. Л. Голенищев-Кутузов написал ряд трудов по военноморскому искусству. В совершенстве владея французским и немецким языками, он перевел на русский язык работы многих иностранных авторов. Особенно ценной была книга Павла Госта «Искусство военных флотов», дважды издававшаяся в России. Иван Логинович переводил и художественную литературу, в частности роман великого французского просветителя Вольтера «Задич, или Судьба».

Обширная библиотека дяди многие годы находилась в полном владении племянника. Кабинет адмирала-книголюба станет для молодого Михаила Кутузова тем местом, где совершенствовался его пытливый ум: углублялись знания в области военной теории и истории, специальных науках, проходило знакомство с лучшими произведениями отечественной и мировой литературы.

Служба в Астраханском пехотном полку, познание всех тонкостей суворовской тактики и школы воспитания позволили молодому офицеру увидеть свое будущее на военном поприще в боевых делах во славу русского оружия. Такая возможность предоставилась ему довольно скоро, в 1764 году, на шестнадцатом году жизни.

В 1763 году началась борьба за польское наследство: с кончиной короля Августа III за престол Польши боролись курфюрст Саксонский и Станислав Понятовский, фаворит императрицы Екатерины II. Восшествию на престол первого претендента препятствовали европейские государства, и прежде всего Россия. Они опасались, что польская корона вместо избирательной станет

наследственной. Екатерина II настаивала на избрании Станислава Понятовского, бывшего посла в России, за которого выступала партия могущественных магнатов Черторыжских. Они и их сторонники обратились к российской императрице послать в Польшу войска для стабилизации обстановки в стране.

В октябре 1764 года Станислав Понятовский был избран польским королем. Лидеры оппозиции — влиятельные князя Радзивиллы и граф Браницкий призвали своих сторонников из числа польской шляхты и всех недовольных новым королем к оружию. Ряды мятежников быстро росли. Начались столкновения не особо крупных отрядов повстанцев с русскими войсками и правительственными силами.

Пехотный капитан М. И. Голенищев-Кутузов после настойчивых просьб все же добился своего. 1 марта 1764 года он был направлен волонтером в русские войска, вступившие в Польшу под командованием генерал-майора Ивана Ивановича Веймарна.

Сведений об участии Кутузова в своем первом военном походе сохранилось немного. По всей видимости он не занимал сколько-нибудь заметных командных должностей.

Первый биограф великого полководца Ф. Синельников поведал, хотя и кратко, но обстоятельно, о двух боевых эпизодах: «Под Варшавой виленский воевода князь Радзивилл 28 июня напал на отряд подполковника Бона, где находился капитан Кутузов. Бок со своим помощником Кутузовым не только отбили нападение Радзивилла, но и обратили его в бегство...» В 1765 году во время одной из небольших ошибок «капитан Голенищев-Кутузов, по совершенном разбитии толпы мятежников польских, обратил их в бегство. Поэтому начальство стало употреблять его наиболее в подобных обстоятельствах» [12].

Широкого размаха боевые действия в польских пределах так и не получили. Мятежники всюду терпели полное поражение и вскоре прекратили военное противоборство. 1 марта 1765 года офицер-волонтер М. И. Голенищев-Кутузов, проведя в Польше ровно год, убыл в Новую Ладугу на прежнюю должность ротного командира Астраханского пехотного полка. Теперь в послужном списке 17-летнего капитана значилось участие в боевых действиях, что многое значило для дальнейшего служебного роста.

Снова потянулись трудовые будни ротного командира: обучение подчиненных, частые учения, марши полка по окрестностям Новой Ладogi, экзерциции. Кутузов прослыл среди полковых офицеров ярим сторонником суворовской школы обучения и воспитания, за что ратовал его личный, еще совсем небольшой, боевой опыт участия в польских событиях. Он запомнил на всю жизнь слова Суворова о том, что солдат и в мирное время должен чувствовать себя на войне.

Астраханский полк по-прежнему продолжал периодически нести караульную службу в Санкт-Петербурге, в том числе и почетную — во дворце. Обстоятельства сложились так, что симпатичный, ловкий, уверенный в себе, начавший хорошо разбираться в тонкостях придворной жизни молодой офицер неоднократно оказывался в поле зрения императрицы. Одним из достоинств Екатерины II было ее умение разбираться в людях. Не ошиблась она и в М. И. Голенищеве-Кутузове, сумев «заглянуть» в его будущее. Новое назначение для молодого офицера «показавшегося» самодержавной государыне, не заставило себя долго ждать.

С восшествием на российский престол после дворцового переворота и убийства императора Петра III Екатерина II заявила о себе как просвещенная монархиня, пытавшаяся использовать и европейских, прежде всего французских, просветителей применительно к условиям самодержавной власти в России. Свое правление императрица начала с широких, многообещающих государственных преобразований. Одним из ее начинаний стала попытка создать общий свод законов Российской империи. Необходимость такого шага со стороны самодержавной власти назрела давно. В имперском государстве действовали законы, утвержденные еще царем Алексеем Михайловичем, отцом Петра I. За прошедшие с тех пор 100 лет многое изменилось в российском законодательстве. Сменявшие друг друга цари, императоры и императрицы постоянно издавали в немалом числе высочайшие указы и повеления. К действующим законам добавлялись новые, многие старые или дополнялись, или отменялись. Требовалось упорядочить существующие правовые акты: пересмотреть или исключить устаревшие законы, многие дополнить современным содержанием, составить новые.

Эту работу поручили специальной комиссии, получившей название Уложенной. Направления Екатерина II разработала руководство, получившее

название «Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения». Два первых пункта «Наказа гласили:

«1. Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно.

2. Палагая сие, законом веры предписанное, правило за вкоренившееся, или за должествующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иначе кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видети все Отечество свое на самой высшей степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия» [13].

В состав Уложенной комиссии вошли «выборные» — 573 депутата от всех сословий Российского государства: дворянства, купечества, мещанства, казачества, инородцев и даже лично свободных государственных крестьян. Участвовать в составлении уложения было лишено только крепостное крестьянство, составлявшее большинство населения страны. Выборные привезли с собой 1465 наказов от избирателей.

Общее руководство работой комиссии осуществлял генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский, а ее председателем стал известный военачальник и дипломат генерал-поручик А. И. Бибиков. Им потребовалось немалое число сотрудников, людей образованных, деятельных и ответственных. Так в аппарате Уложенной комиссии оказался капитан М. И. Голенищев-Кутузов. Высочайшим указом он переводится из полка в распоряжение генерал-прокурора князя Вяземского (в составе специально отобранной группы офицеров в количестве 22 человек, в основном из гвардейских полков).

Работа в штате Уложенной комиссии стала для М. И. Кутузова серьезной жизненной школой, расширила его кругозор, дав широкие познания в области права, экономики, социологии. Все это ему весьма пригодилось в будущей военно-административной, дипломатической и педагогической деятельности.

Молодому офицеру пришлось соприкоснуться с такими людьми, как всесильные в то время братья Орловы, будущий светлейший князь Г. А. Потемкин, доверенное лицо императрицы граф П. И. Панин, известные литераторы И. П. Елагин и Г. В. Козицкий, историки академик Г. Ф. Миллер и князь М. М. Щербатов, другими влиятельными людьми екатерининского

времени. Среди депутатов оказалось немало и родственников по линии дяди Ивана Логиновича — Бибиковых.

Для разработки проектов по отдельным вопросам создавались специальные депутатские комиссии (всего 19), называвшиеся «частными». Они состояли из пяти депутатов: трое избирались, а еще двое назначались Вяземским и Бибиковым. М. И. Кутузов был включен в состав секретариата «частной» Юстицкой комиссии, переименованной позже в комиссию о правосудии вообще.

В его обязанности входило ведение протоколов заседаний, составление реестров наказов, выписок и сводок из существующего законодательства, формулирование статей проектов законов. Протоколы заседаний затем сводились в одну официальную дневную записку, которая утверждалась на следующем заседании комиссии. Ее краткое изложение — «экстракт» — ежедневно направлялось императрице.

Уложенная комиссия действовала до декабря 1768 года: началась война с Турцией и многие депутаты, будучи людьми военными, должны были возвратиться к местам службы или сразу отправиться на театр военных действий. (Больше комиссия по составлению нового свода законов Российской империи Екатериной II не собиралась. Огромный труд многих сотен людей так и остался незавершенным.) А капитан М. И. Голенищев-Кутузов вскоре вновь оказался в Польше, где принял участие в начавшейся войне с польскими конфедератами. Она стала следствием событий 1764—1765 годов, связанных с возведением на королевский трон приверженца России Станислава Понятовского.

Его противники, из числа польской вольной шляхты, собравшись в феврале 1768 года в украинском городке Баре, образовали «конфедерацию», объявили сейм Польши низложенным и принялись за создание собственной армии. Варшавское правительство оказалось бессильным в противодействии барским конфедератам. Те, окрепнув, в октябре издали манифест, в котором призвали население к повсеместному восстанию против короля Станислава Понятовского и потребовали от России вывода своих войск с польских территорий.

Русские войска, стоявшие в Польше, были немногочисленны: всего до 15 тысяч человек. Они состояли из шести карабинерных, тринадцати пехотных и

четырёх гусарских полков под командованием генерал-аншефа Петра Ивановича Олица. Эти малые военные силы составили наблюдательную (наблюдательную) армию, разбросанную на большой территории.

России пришлось вновь вмешаться во внутренние беспорядки своего западного соседа. 8 ноября 1768 года императрица Екатерина II издает высочайший манифест, в котором указывалось на нарушения прав диссидентов — православных жителей католической Польши, (преимущественно белорусов и украинцев) и что эти события в польском королевстве заставили Российскую империю принять участие в делах Польши.

Польское посольство в Санкт-Петербурге от имени нации запросило у Екатерины II военной помощи. В Польшу на усиление наблюдательной армии направляются новые войска, составившие особый корпус генерал-майора И. И. Веймарна. Корпус состоял из трех карабинерных (Нарвского, Новгородского и Санкт-Петербургского) и четырех пехотных (Казанского, Нарвского, Новгородского и Углицкого) полков при 10 орудиях.

При корпусе Веймарна был и капитан М. И. Голенищев-Кутузов. Корпусной командир помнил молодого пехотного офицера еще по первому польскому походу и высоко оценил его способности вести борьбу с мятежными «партиями», воевавшими разрозненно, без общей связи между собой, на свой страх и риск.

Отряды барских конфедератов, в своей основе состоявшие из многочисленной польской шляхты, занимались откровенным грабежом местного населения, особенно малороссов. Это побудило жителей двух воеводств — Киевского и Брацлавского обратиться к русскому командованию с просьбой о защите от грабежей и насилия со стороны гайдамаков. Капитан М. И. Кутузов получает назначения для руководства то одним то другим небольшим русским отрядом.

Войска генерала Олица без труда одерживали верх над силами барских конфедератов. Но те, рассеявшись в одном месте, вновь собирались в других местах. В конце 1769 года большое число конфедератов бежало за Днестр. Под городом Люблином отличился Суздальский пехотный полк под командованием А. В. Суворова, разгромивший крупный отряд пана Пулавского.

В отличие от первого польского похода М. И. Голенищеву-Кутузову на сей раз пришлось участвовать в серьезных боях. Пожалуй, самым ожесточенным

стало столкновение с конфедератами 26 февраля у укрепленного местечка Жванец. Здесь капитан астраханцев, смелый и инициативный, отличился дважды.

Сперва, в первой половине дня, поисковый отряд Кутузова сумел перехватить выбитых из жванецких окопов конфедератов: стремительной атакой он завершил разгром противника, потерявшего в общей сложности 68 человек убитыми и пленными из первоначальной численности в 400 защитников укреплений Жванца.

Во второй половине дня отряд генерал-майора Измайлова (6 рот пехоты при 4 пушках) произвел атаку укреплений местечка Окопа, лежащего при впадении Овруча (Здручь) в Днестр. В нем засело 320 конфедератов с 6 пушками под командованием Познанского стольника Потоцкого. Атака велась двумя колоннами капитанов Каца и Тыртова. Одна пехотная рота с пушкой была оставлена в резерве для наращивания усилий атакующих. Этой резервной ротой командовал капитан М. И. Голенищев-Кутузов.

«В 8 часов пополудни атакующие открыли пушечный огонь по пунктам атаки. Ответный огонь вскоре был подавлен нашими орудиями. Войска, назначенные для атаки, приблизились к укреплениям и открыли ружейный огонь, потом колонна Каца бросилась в атаку. Конфедераты защищались отчаянно и бросали с вала на атакующих огромные бревна. Несмотря на это, правая колонна через четверть часа овладела валом. Вслед за атакой правого фланга левая колонна также бросилась на штурм и вскоре вступила на вал. По овладении валом были выломаны ворота, ведущие в Окоп. Но оказалось, что мост через глубокий ров, по которому нужно было следовать в Окоп, был разломан. Засев в домах, конфедераты открыли сильную стрельбу. Тем не менее мост был восстановлен и атакующие вступили в Окоп, объятый пламенем. Неприятель разбежался в разные стороны, и часть успела на небольших паромках переправиться через Днестр, в том числе все начальники; остальные были убиты или взяты в плен. Захвачено шесть чугунных пушек и магазин, который был уничтожен. Наши потери оказались незначительными: убиты один прапорщик, четверо рядовых и ранено пятнадцать человек» [14].

Сам М. И. Кутузов, вспоминая военные походы в Польшу, говорил: что «тогда он еще не понимал войны и что настоящие понятия о ней в нем развил только герой Ларги и Кагула». Таким человеком он считал генерал-

фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, возглавившего русскую армию в войне России с Турцией 1768—1774 годов. В его войска капитан Голенищев-Кутузов попал из Польши в начале 1770 года.

В биографии будущего «освободителя Отечества» начинается исключительно важный период. Именно «екатерининские» русско-турецкие войны второй половины XVIII века оказали значительное влияние на формирование Кутузова как полководца, познавшего в войнах на Юге Российской империи азы не только тактики, но и румянцевской, потемкинской, суворовской стратегии. Двадцать лет военной деятельности Михаила Илларионовича было связано с ратной службой на южных рубежах России. Более десяти лет он провел в военных походах и сражениях против турецкой армии, пройдя настоящую командирскую школу возмужания.

Кутузов, участвуя в боевых действиях против барских конфедератов, числился в Смоленском пехотном полку, который размещался в Минске, на территории так называемой Малой Польши, отошедшей к России по договору о разделе Польши 1772 года. Полк вместе с двумя другими — Нижегородским пехотным и Кирасирским его императорского величества Наследника — входили в состав дивизии генерал-поручика И. П. Нумерса.

С окончанием военных действий в Польше Военная коллегия решила передать все три полка на усиление 1-й армии генерал-аншефа Румянцева. Пехотный капитан М. И. Голенищев-Кутузов прибыл в действующую на Юге армию в составе смоленцев.

Когда румянцевская армия снялась с зимних квартир и двинулась в поход, следует новое назначение 22-летнего офицера с уже немалым боевым опытом. Он назначается дивизионным квартирмейстером и поступает в непосредственное подчинение генерал-квартирмейстера 1-й армии генерал-майора Федора Васильевича Боура (Бауэра). Так начиналась его штабная служба, требовавшая недюженных способностей.

Обязанности квартирмейстера были ответственны и хлопотливы. Кутузов занимался рекогносцировкой — разведкой местности и маршрутов передвижения войск, их размещением в полевых лагерях и по квартирам в населенных пунктах, составлением диспозиций. Ко всему этому приходилось выполнять «доверенные поручения» Ф. В. Боура.

Русско-турецкая война 1768—1774 годов стала своеобразным продолжением военных действий России против польских конфедератов. В их поддержку выступила турецкая дипломатия, видевшая в них своих союзников. Султану Османской империи в случае развязывания войны с Россией была обещана всевозможная поддержка враждебно настроенных к ней Франции и Австрии.

Формальным поводом к объявлению войны послужило столкновение украинских повстанцев-гайдамаков с польским отрядом у села Балты на турецко-польской границе. Гайдамаки разорили и сожгли Балту, в числе пострадавших оказались и турки. В Стамбуле началась антироссийская кампания: Турция призывалась к мщению за умышленно пролитую кровь османов.

Арестованный посол Российской империи в Турции Алексей Михайлович Обрезков был брошен в главную султанскую политическую тюрьму — Семибашенный замок. Не желавшая войны, императрица Екатерина II предложила противной стороне нетрудные для выполнения условия мирного решения вспыхнувшего конфликта. Турецкий же султан посчел предложения России за ее слабость, отверг их и объявил войну северному соседу.

Для России очередная русско-турецкая война стала еще одной попыткой пробиться на берега Черного моря, в древности носившего название Русского, а затем Понта Эвксинского. Геополитически к нему тяготели наиболее плодородные части Российской империи. Это диктовалось и особенностями экономического развития государства.

Турция же считала Черное море только своим, внутренним, как Мраморное. Она владела всем черноморским побережьем и даже не помышляла о том, чтобы увидеть на здешних водах и берегах чей-то чужой флаг. Морская торговля велась только турецкими купцами. Османская империя и ее верный вассал — Крымское ханство постоянно угрожали южным пределам Российского государства.

Война, вошедшая в историю как «первая екатерининская» оказалась долгой и трудной для воюющих сторон в то же время одержанная в ней победа и одной из самых блистательных для русского оружия. В полную силу проявился на этой войне полководческий талант генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского.

Турция объявила войну России 6 октября 1768 года. Но боевые действия начались не сразу. 4 ноября в Санкт-Петербурге был собран Военный совет под личным председательством одной из самых знаменитых в мировой истории воительниц — императрицы Екатерины II. Она сама начертила стратегический план войны и избрала полководцев для ее ведения.

Войска, которые можно было выделить для участия в войне, разделили на три действующие армии. 1-й армии численностью в 80 тысяч человек предстояло сосредоточиться в районе Киева и действовать наступательно. Начальство над нею возлагалось на генерал-аншефа князя А. М. Голицына. 2-я армия графа П. А. Румянцева численностью в 40 тысяч человек предназначалась для защиты южных границ. Она получила наименование оборонительной или украинской. 3-я армия под командованием генерал-аншефа П. И. Олица численностью в 12—15 тысяч человек получила название обсервационной или наблюдательной. Ей предстояло сосредоточиться у Луцка и затем пойти на соединение с 1-й армией для ведения общих наступательных действий.

Турецкая армия огромная во все прошлые времена насчитывала 600 тысяч человек. Против нее выставлялось 120 тысяч русских войск. Однако из-за большой некомплектности численность действующих русских армий оказалась намного меньше планируемой.

Боевые действия начались в январе 1769 года. 1-я русская армия дважды подступала к вражеской крепости Хотин, выиграла несколько сражений и наконец захватила Хотинскую крепость. Перейдя в наступление на юг, русские войска заняли столицы Молдавского и Валахского княжеств и подошли к самому Дунаю.

Румянцевская армия в тот год не вела решительных наступательных действий, прикрывшись отдельными отрядами, активно действовавших против турок. Неприятель, обладавший значительным превосходством в силах, так и не смог выяснить истинную численность 2-й армии, считая ее весьма значительной. Это стало главной причиной бездействия и нерешительности султанского полководца — великого визиря, ожидавшего в Северном Причерноморье крупного наступления русских войск.

Однако нерешительность действий генерал-аншефа А. М. Голицына в кампании 1769 года вызвали недовольство в окружении Екатерины II. Князя

отзывают в столицу, а главнокомандующим 1-й армией императрица назначает генерал-аншефа графа П. А. Румянцева. Командование 2-й армией вверяется Петру Ивановичу Панину.

Румянцевский план ведения новой военной кампании 1770 года отличался решительностью задач и был утвержден не менее решительно настроенной государыней. Он предусматривал прежде всего уничтожение живой силы противника. С этой целью 1-й армии предписывалось действовать наступательно, препятствуя переходу турецких войск через Дунай. 2-й армии поручалось, кроме активной обороны южной государственной границы и защиты Малороссии от набегов конницы крымского хана, овладение сильной крепостью Бендеры на реке Днестр. 3-я наблюдательная армия переформировывалась в дивизию и входила в состав 1-й армии.

Главнокомандующий 1-й армии произвел ее серьезную реорганизацию. 2—3 полка сводились в бригады, бригады в дивизии. Управление армейской артиллерией децентрализовывалось и артиллерийские роты распределялись по дивизии. Тем самым румянцевская армия получала большую возможность для ведения наступательных операций, управление войсками заметно улучшилось. Последнее обстоятельство не замедлило сказаться на победном ходе военной кампании.

Общая численность 1-й армии, сведенной в три дивизии, с учетом кавалерии, составила 38 818 человек при 296 орудиях, причем, за вычетом 5203 человек нестроевых и более 2 тысяч больных, под ружьем у генерал-аншефа П. А. Румянцева оказалось всего 31 497 человек [15].

Смоленский пехотный полк, где числился капитан М. И. Голенищев-Кутузов, вошел в состав 3-й бригады 1-й дивизии генерал-аншефа П. И. Олица. Второй и третьей дивизиями командовали генерал-поручики П. Г. Племянников и Я. А. Брюс. Все три этих военачальника сумели отличиться в первой «екатерининской турецкой войне».

Румянцевская армия весной 1770 года снялась с зимних квартир, перешла Днестр у крепости Хотин и начала наступательные боевые действия в южном направлении. Выступая в поход главнокомандующий предписал корпусу генерал-поручика Х. Ф. Штофельна очистить от противника Валахию и ограничиться в действиях обороной восточной части Молдавского княжества.

Однако там уже свирепствовала эпидемия чумы. Она погубила значительную часть молдавского корпуса и самого Штофельна. Вступивший в командование передовым корпусом генерал-поручик Н. В. Репнин собрал оставшиеся, крайне малые силы на реке Прут у Рябой Могилы и стойко отбивал наскоки 72-тысячной конной орды Крымского ханства, вассала Оттоманской Порты.

Последнее обстоятельство заставило Румянцева форсированным маршем вести армию на выручку Репнина. Вперед главнокомандующий выслал подвижной авангард под начальством генерал-квартирмейстера 1-й армии. Генерал-майору Боуру предписывалось атаковать врага с тыла и поддержать русские войска, оборонявшиеся у Рябой Могилы.

Корпусу генерал-поручика Репнина ставилась задача поддержать атаку армейского авангарда. Следовало сосредоточенным артиллерийским огнем по береговым на Пруте батареям неприятеля лишить турок возможности повернуть свои орудия против атакующих русских войск.

Авангардный корпус генерал-майора Боура состоял из пяти гренадерских батальонов, одного батальона егерей, трех батальонов мушкетер, 12 эскадронов кавалерии и 14 орудий. Корпусной артиллерией командовал известный своей опытностью генерал-майор П. И. Мелиссино. В корпусе находился и дивизионный квартирмейстер капитан Голенищев-Кутузов.

Армейскому авангарду не удалось скрытно от конного вражеского боевого охранения подойти к турецким позициям. Неприятель, расположившийся на высотах, своевременно обнаружил приближение русских войск. Было разгадано и намерение корпусов Боура и Репнина соединиться. Оставив против второго часть своей пехоты, противник двинул 20 тысяч войск навстречу первому, стремясь разбить подходивших.

В четвертом часу пополудни 10 июня войска авангардного корпуса устремились навстречу неприятелю, намереваясь прямо атаковать его. Перед наступающим фронтом находился небольшой лес, удобный для обороны. Неприятель решил занять его своей пехотой. Но Ф. В. Боуэр сумел еще прежде направить для занятия леса отличных стрелков-егерей. А четыре пехотных батальона с корпусной кавалерией быстро пошли в обход леса, чтобы атаковать неприятеля во фланг.

Неприятель был вынужден очистить лес, чтобы избежать сильного удара во фланг и сам пошел вперед. Бой завершился усилиями гренадер, которые забрасывали атакующих османов гранатами. Тем пришлось сперва отступить к своему походному лагерю, а затем начать поспешное отступление. Русские войска преследовали врага на протяжении 20 верст, пока наступившая южная ночь не заставила прекратить дальнейшее движение.

Среди отличившихся в деле 10 июня у Рябой Могилы оказался и дивизионный квартирмейстер капитан М. И. Голенищев-Кутузов. Офицер, находившийся во время сражения в авангарде наступающих русских войск, показал себя храбрым, энергичным и исполнительным штабным работником. После дела у Рябой Могилы он стал лично известен главнокомандующему, сумевшему оценить достоинства капитана квартирмейстерской службы.

В победной рееляции главнокомандующего 1-й армии генерал-аншефа П. А. Румянцева императрице Екатерине II по поводу состоявшегося сражения говорится: «...Генерал-квартирмейстер Боур... за совершенный порядок и неустрашимость весьма похваляет батальных командиров графа Воронцова, Нейбуша, князя Меншикова и прочих, не меньше отдает справедливость за усердие к службе... капитанам Кнорингу, Кутузову... Словом он рекомендует всех чинов, при его корпусе находящихся, что не боялись ни опасности, ни трудов и шли охотно ударить на неприятеля, да токмо бегство его, к большому отличению себя, отдалило настоящий случай» [16].

Дело 10 июня стало только репетицией перед большим сражением на берегах реки Прут близ древнего высокого кургана, получившего имя Рябой Могилы. Огромный укрепленный полевой лагерь турецких войск и крымской конницы находился несколько южнее ее.

Главные силы румянцевской армии по крайне плохим дорогам смогли подойти к корпусам Репнина и Боура только 16 июня. Накануне утром была проведена рекогносцировка расположения неприятеля. В ней, вне всякого сомнения, участвовал и капитан Кутузов.

Лагерь султанских войск оказался хорошо укрепленным и труднодоступным не только благодаря самой природе. Позиция с фронта выглядела весьма сильной: крутые высоты и болотистый ручей делали нападение с этой стороны почти невозможным. Штурмующим пришлось бы взбираться на скаты высот под ружейным и пушечным огнем в упор. Левый

вражеский фланг также прикрывался крутым спуском и болотистой речной поймой. Правый фланг неприятеля был открыт и позволял атаковать лагерь с этой стороны крупными силами пехоты и кавалерии. Именно здесь крымский хан сосредоточил свою маневренную конную армию.

Прибыв к Рябой Могиле, главнокомандующий 1-й армии познакомился с данными обстоятельной рекогносцировки. На их основе генерал-аншеф П. А. Румянцев составил план предстоящего сражения. Он решил взять неприятельский укрепленный лагерь широким обходным маневром, учитывая, что турецких и крымских войск было в два раза больше, чем русских.

Корпусу Ф. В. Боура, в рядах которого участие в сражении принял Кутузов, отводилась особая роль. Ему предстояло атаковать турецкие позиции в лоб. Корпусу Н. В. Репнина предписывалось атаковать правый фланг неприятеля и, зайдя к нему в ближний тыл, отрезать ему путь к отступлению. Главным армейским силам приказывалось поддержать натиск этих двух корпусов. Отряду генерал-майора Г. А. Потемкина ставилась задача переправиться через реку Прут в шести верстах ниже Рябой Могилы и ударить неприятелю в тыл.

В 7 часов утра 17 июня русская армия пришла в движение. Полки корпуса Боура прежде всего заняли высоты на левой стороне заболоченного ручья. Чтобы обеспечить штурм укрепленного вражеского лагеря на противоположных высотах, в первой линии атакующих поставили пушки и единороги. Лишь только русские батареи открыли огонь, как выдвинувшийся вперед неприятель укрылся в лагере.

Генерал-майор Боур приказал начать фронтальную атаку. Две роты гренадер графа Воронцова, быстро взобравшись по крутым склонам вверх, устремились первыми в штыковую атаку на засевших в ретрашементях (окопах) турецких пехотинцев. Те, не принимая рукопашной схватки, заблаговременно и удачно обратились в бегство.

Крымский хан, командовавший султанскими войсками, не смог остановить свою многочисленную конницу, бежавшую вслед за турками. Русская кавалерия довершила успех, гнав противника около 30 верст по направлению к реке Кагул. Туда с юга подходили главные силы армии великого визиря.

Убедительная победа русского оружия при Рябой Могиле прославила полководца П. А. Румянцева. По показаниям пленных, в сражении «сила

неприятеля простиралась до 22 тыс. турок, поровну пехоты и конницы, и 50 000 татар при 44 пушках» [17].

Главнокомандующий 1-й армией писал в докладе Екатерине II о результатах дела под Рябой Могилой: «...Потерю неприятеля в людях определить трудно, потому что он многих убитых и раненых увез с поля сражения. На месте сражения осталось до 400 трупов. С нашей стороны... убито 22, ранено 19 и без вести пропало 5 человек» [18].

Румянцев узнав что турецко-крымская армия остановилась на крепкой позиции у реки Ларги, решил отбросить ее к самому Дунаю. Русские войска двинулись вдоль берега Прута на юг.

Как и раньше, главнокомандующий выслал вперед верст на 20 авангардный корпус. Его функции были возложены на корпус Ф. В. Боура, усиленный сперва двумя гусарскими полками — Сербским и Харьковским, а затем еще и войсками Н. В. Репнина с отрядом Г. А. Потемкина.

На сей раз на долю квартирмейстерской службы армии выпала огромная по сложности и объему работа. И вновь находчивый и расторопный дивизионный квартирмейстер М. И. Голенищев-Кутузов оказался на высоте, отличившись при разведке неприятельской позиции. В ее задачи входило визуальное определение особенностей укреплений вражеского лагеря, численности войск в нем, выявление лучших направлений для атаки, разведка естественных препятствий.

Рекогносцировка выявила схожесть позиций султанской армии с теми, что она защищала при Рябой Могиле. Левый фланг вновь прикрывался рекой Прут и болотистой долиной. Ширина реки делала переправу через нее невозможной на имеющихся в армии понтонах. Река Ларга прикрывала собой фронт неприятельской позиции. Высоты на противоположном берегу опускались в долину Ларги крутыми скатами. Местность была открытой и далеко просматривалась с высот.

Численность турецко-крымских войск доходила до 80 тысяч, преимущественно конницы. Противник с севера прикрывался тремя отдельными ретрашементами, четвертый — самый значительный прикрывал его правый фланг, который можно было обойти на виду у неприятеля.

После проведенной разведки перед квартирмейстерами армии встала еще одна задача, более трудная. По решению главнокомандующего, с

наступлением темноты, предстояло навести на переправах восемь мостов и к часу ночи 7 июля обеспечить своевременный подход войск к первым четырем мостам через реку Ларга.

Квартирмейстеру Голенищеву-Кутузову надлежало провести войска корпуса Боура к мосту № 3, а затем принять участие в направлении движения главных сил армии и артиллерии по мостам № 3 и № 1.

Руководить движением войсковых колонн, перемещением тысяч людей предстояло в условиях кромешной тьмы южной ночи. Операцию по форсированию реки приказывалось совершить скрытно, до рассвета, чтобы раньше времени не потревожить неприятеля.

Корпуса Боура и Репнина сумели завершить переправу через водную преграду к рассвету и заняли позицию впереди главных сил армии. Вся армейская кавалерия выстроилась за ними. Авангардным войскам предстояло атаковать правый фланг неприятеля, менее защищенный природными преградами.

По диспозиции на сражение особая задача выпала на долю дивизии Племянникова. Ей следовало сосредоточиться против левого фланга османов и, остановившись на высотах при Ларге, сильной пушечной пальбой поражать неприятельский лагерь с его укреплениями. В случае сосредоточения главных сил турок и крымских татар против войск Боура и Репнина, дивизии предписывалось быстро перейти по мосту через Ларгу и атаковать вражеские окопы на высотах.

Сражение на реке Ларга началось в четвертом часу утра. Для усиления огневой поддержки атакующих П. А. Румянцев выдвинул вперед из главного кара артиллерийскую бригаду генерал-майора П. И. Мелиссино. Он развернул свои батареи на высотах между кара Н. В. Репнина и Г. А. Потемкина. Огонь русских орудий оказался настолько эффективным что ответная пальба из вражеского ретраншемента довольно быстро стала затихать.

Двинувшаяся на приступ вражеских окопов русская пехота почти без сопротивления и потерь овладела им, а затем и второй линией окопов. Турецкая пехота обратилась в бегство. Когда солдаты дивизии Племянникова усилили натиск штурмующих вражескую позицию и те захватили неприятельский лагерь, бегство турецких и крымских войск стало общим. Сражение длилось 8 часов.

Победителям достался в качестве трофеев походный лагерь султанского паши и крымского хана, весь неприятельский обоз с артиллерийскими запасами и провиантом, тысячи походных палаток, много скота, который турки гнали с собой в качестве «рогатой» провизии. Было взято 8 знамен, 33 орудия и большое число личного оружия султанского войска.

Потери побежденных составили убитыми более тысячи человек. В плен же попало всего 23 человека, что говорило о том, что победители не смогли организовать должного преследования беглецов. Русские войска потеряли в сражении всего 90 человек — убито 29 и ранен 61 нижний чин [19].

Блестящая победа русского оружия повлекла за собой поток боевых наград. В 1769 году императрица Екатерина II учредила единственный в истории Российского государства чисто военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия четырех степеней. Удостоиться его военачальники и офицеры могли только за личные заслуги на поле брани. Первым кавалером ордена Святого Георгия высшей степени стала сама Екатерина II, воинственная государыня — воительница России. Она вполне заслуженно наградила сама себя.

Вторым кавалером этой высшей военной награды в истории Российской империи стал тогда еще генерал-аншеф П. А. Румянцев .

В письме П. А. Румянцеву, в котором Екатерина II сообщала о награждении его орденом Святого Георгия I степени за победу при Ларге, она пишет: «Славной вам и всем в сражении бывшим войскам баталии, при которой высшее военное искусство предводителя было поддержано храбростию и неустрашимостию подчиненных ему воинов... Вы займете в моем веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного...» [20].

Указом военной коллегии от 30 июля 1770 года «за оказанные 7-го числа того же июля против неприятеля храбрые поступки кавалерами военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия» стали также: 2-й степени — Племянников, князь Репнин, генерал-квартирмейстер Боур; 4-й степени — подполковники граф Семен Воронцов, князь Сергей Меншиков, Богдан Елчанинов и другие.

Не остались без награждения и нижние чины. П. А. Румянцев приказал выдать из экстраординарной суммы по 1000 рублей на каждый из

отличившихся корпусов Боура, Репнина, Племянникова. Эти деньги были разделены между солдатами и унтер-офицерами.

Заслуженное награждение нашло и капитана М. И. Голенищева-Кутузова. Главнокомандующий высоко отметил вклад в одержанную победу квартирмейстерской службы 1-й армии: «...его сиятельство по рекомендациям командовавших над корпусами и по собственному своему испытанию отличившихся подвигами в сем дел наградил чинами, именно: ...в обер-квартирмейстеры премьер-майорского ранга дивизионных квартирмейстеров Богдана Кноринга, Ивана Боувера, Карла Гандвига и капитана Михайлу Голенищева-Кутузова...» [21].

И на сей раз капитан-квартирмейстер отличился при проведении разведки вражеских позиций. Он сумел получить от пленных и местных жителей, засланных в ближайшие тылы османов, точное расположение неприятельского опорного лагеря на казавшемся неприступном холме.

Формулярный список великого русского полководца Кутузова-Смоленского подтверждает его личное участие в деле при реке Ларге. Документы свидетельствуют о нескольких боевых эпизодах, в которых дивизионный квартирмейстер принял самое деятельное, «примерное» участие.

Первый из них относится к ожесточенной стычке между русскими войсками и крымско-татарской конницей 5 июля, накануне генерального сражения: «В 3 часа пополудни наездники устремились на правый фланг корпуса Боура. Боур приказал подполковникам Анжели и Елчанинову атаковать фронт неприятельский 12-ю эскадронами, что и исполнено было наилучшим образом, и неприятель был рассыпан. Однако, собрав свежие силы, возобновил он нападение, стараясь пробиться во фланг эскадронов подполковника Елчанинова. На помощь подполковникам Анжели и Елчанинову откомандирован от Боура Голенищев-Кутузов с двумя ротами легких войск. Сей чиновник и здесь показал удивительную храбрость, стояв долго и неподвижно сомкнутым строем против сильного огня неприятельского, и отбивался с желаемым успехом одною беспримерною пальбою, а при наступлении неприятельских наездников устремлялся на них сам с своею командою и всегда отгонял их от фронта. Во время сего действия неприятель потерял множество людей, и лучшие его наездники все почти пали, неприятель вынужден был ретироваться» [22].

Капитан Кутузов в ожесточенной схватке русских войск с крымской конницей во второй половине дня 5 июля стал одной из главных действующих фигур. В ходе боевого столкновения корпус Боура оказался в трудном положении, так как его каре оказалось окруженным с фронта и обоих флангов многотысячной вражеской конницей. Чтобы не допустить больше ее фронтальных атак, Боур выслал вперед бригаду генерал-майора Вейсмана. Та ружейным и пушечным огнем заставила неприятеля сперва отступить на дальность орудийного выстрела, а затем спуститься с возвышенности в долину реки Ларги, к своему укрепленному лагерю.

Дивизионный квартирмейстер участвовал и в штурме неприятельского укрепленного лагеря в день 7 июля: «...при атаке ретрашементов противника гренадеры под командой Голенищева-Кутузова с удивительною храбростию устремились на гору, чего неприятель не ожидая, тотчас ударился в бегство» [23].

Бежавший с берегов Ларги неприятель вновь собрался с силами близ берегов Дуная. Обеспокоенный П. А. Румянцев выслал 8 июля вперед авангардный корпус Ф. В. Боура. Корпусные отряды, в составе которых был и обер-квартирмейстер М. И. Голенищев-Кутузов, смогли прояснить обстановку. Разведка показала, что султанская армия разделилась на две части: турецкие войска отступили вниз по левому берегу реки Кагул, а крымская конница степью ушла в сторону крепостей Измаил и Килия.

Поражение при Ларге не поколебало уверенность верховного визиря Халил-бея в своих силах. Он значительно превосходил русских в численности войск. Султанский полководец насчитывал под своим командованием 50 тысяч отборной пехоты, главным образом янычар, 100 тысяч конницы и 350 разнокалиберных орудий. Крымский хан имел под рукой 80 тысяч легкой конницы, находясь от турецких войск всего в 20 верстах.

Халил-бей тоже вел разведку противника и был весьма рад, узнав о малочисленности русских. Он решил сам атаковать их и разгромить в новом полевым сражении. Крымскому хану поручалось нанести сильный удар в тыл русской армии. Обо всем этом главнокомандующему в ночь на 13 июля сообщил командир авангардного корпуса, имея на руках довольно точные разведывательные данные.

Георгиевский кавалер генерал-аншеф П. А. Румянцев двинул армию вперед и 17 июля ее главные силы соединились с авангардным корпусом, усиленным войсками Н. В. Репнина. Русская армия сосредоточилась в 8 верстах от неприятеля. Началось взаимное наблюдение друг за другом. Верховный визирь стал разбивать походный лагерь вблизи устья степной речки Кагул у села Гречани в 7 верстах от русского стана.

Захваченные пленные показали: верховный визирь Халил-бей и крымский хан намерены произвести совместную атаку русской армии 21 июля. Это подтверждалось и визуальным наблюдением за действиями неприятеля.

Ситуация складывалась непростой. Румянцев как опытный и решительный полководец, чтобы упредить удар верховного визиря, решил сам напасть на турецкие войска до того, как конница крымского хана успеет совершить стремительный набег на армейские тылы.

Румянцева не остановила в таком решении даже малочисленность русских войск: под ружьем у него осталось всего 17 тысяч человек. Для защиты обоза армии от нападения легкоконных крымских татар пришлось выделить 6 тысяч человек под командованием князя Волконского.

Сражение вновь началось перед рассветом. Русская армия, выстроенная в три огромных дивизионных каре с приданной дивизиям артиллерией, в пятом часу утра 21 июля двинулась к турецким укреплениям. Там быстро подготовились к отражению атаки русских войск. Дальнейшие действия Халил-бея показали, что и он был преисполнен желания разгромить противника.

Верховный визирь не стал ожидать атаки лагеря и направил вперед на нападающих свою многочисленную конницу, которой, казалось, не было ни конца ни края. Однако русские сумели подготовиться к ее встрече раньше, чем она успела нанести удар. В центре перед фронтом каре генерал-аншефа Олица развернулись батареи генерал-майора Мелиссино. Сосредоточенным картечным огнем они отбили массированную атаку вражеской конницы и в центре, и на флангах. Затем артиллерийский огонь обрушился на сам турецкий лагерь. Стоящая в нем султанская пехота пришла в большое замешательство. Отбив натиск турецкой конницы, русские каре в 8-м часу утра двинулись на штурм вражеских укреплений. Тем временем верховный визирь сумел восстановить порядок в лагере, выслав оттуда для контратаки 10 тысяч

янычар. Они обрушились на дивизию Племянникова и едва не добились успеха благодаря своему численному превосходству.

Отборная султанская пехота своей массой смяла боевые порядки Астраханского пехотного полка и разорвала каре Муромского, Бутырского и 4-го гренадерского полков. Солдаты, смешавшись с янычарами, отчаянно дрались с более многочисленным неприятелем. Наступил критический момент генеральной баталии на реке Кагул.

В решающий момент рукопашной схватки личный пример генерал-аншефа П. А. Румянцева, бросившегося в сечу, и его «Стой, ребята!» спасли положение. Русские пехотинцы дружно ударили в штыки и быстро восстановили прежний строй. Началось повальное истребление толп контратаковавших янычар. Одновременно русские каре неудержимо надвигались на лагерь султанской армии.

Сражение на реке Кагул завершилось разгромом турецкой армии. К 8 часам утра с поля брани бежал верховный визирь, равно как и его огромное войско. Победителям достался неприятельский лагерь: 140 пушек, тысячи походных палаток, множество верблюдов, скота, разной посуды, фур с припасами и даже денежная казна полководца Блистательной Порты.

На сей раз потери неприятеля по самым скромным подсчетам оказались впечатляюще огромны — до 20 тысяч человек. В русской армии погибло 322 человека, без вести пропало 11, ранено 550 человек [24].

Преследовать бегущую султанскую армию поручили генерал-квартирмейстеру Ф. В. Боуру, который гнал отступающих до самого Дуная. Выйдя 23 июля к месту речной переправы турок, русские войска добились расстроенные полчища, захватив в плен до тысячи человек и «последний парк артиллерии, при берегу найденной, в двадцати шести орудиях».

В победной реляции императрице Екатерине II граф П. А. Румянцев доносил: «В трофеи на месте баталии и при берегу Дунайском... получено: знамен пятьдесят шесть, бунчуков два, дервишских знамен два, литавр четыре... разных калибров артиллерии двести три орудия... Плену по сей день имели более двух тысяч военных людей...» [25].

В Кагульском сражении обер-квартирмейстер М. И. Голенищеву-Кутузову не довелось принять непосредственное участие. Перед самым сражением он получил назначение в отряд полковника Волконского, охранявшего

провиантский транспорт армии. Но офицер квартирмейстерской службы превосходно проявил себя не только в проведенных рекогносцировках и разведке неприятельских сил, но и в схватках с крымской конницей, пытавшейся напасть на русские обозы.

Когда началось преследование разгромленной турецкой армии, Голенищев-Кутузов вместе с подполковником графом Воронцовым оказался в войсках Боура. О том, где приходилось действовать Кутузову, известно из румянцевской реляции в Санкт-Петербург.

В ней в частности говорится: «...Положив я на завтра (17 июля, — *А. Ш.*)... весь транспорт провиантский провождать к реке Кагулу, постав в тот же день для обеспечения оного от реки Салги, куда клонилось стремление татар деташемен (отряд, отдаленный от главных сил. — *А. Ш.*) подполковника князя Волконского, состоящий из двух карабинерских: Сибирского и Тверского полков и двух же баталионов егерей подполковника и кавалера Фабрициана и майора Финлоха. По вышеописанному предположению, как армия от реки Салги отступала вправо в соединение со своими корпусами, то татары тотчас поспешили обратиться чрез ту реку против наших провиантских обозов, в чаянии воспользоваться истреблением оных, но предводитель помянутого деташемента, на заслону оных посланного, князь Волконский весьма храбрый отпор сделал семи тысяча татар, на него нападшим, которые между им и транспортом став, стремились его атаковать. Он, невзирая на превосходные неприятельские силы, сквозь всю сию толпу мужественно с кавалериею и пехотою огнестрельным и белым оружием пробился и оградил своею защитою не только идущий провиант, но тогда же сопротивным ударом рассыпал нападавших татар с уроном их многим, а своей только имея в раненых семи карабинерах да восьми егерях. Отражение сие, однакож, не обуздало татар, которые еще большими толпами от Ялпусского озера пустились в левую нашу сторону чрез реку Салгу, напрягаясь всеми образы отрезать наше пропитание. Упреждая в том склонение неприятеля, я того же числа, то есть 17-го, командировал от армии генерал-майора и кавалера Глебова с пятью полками тяжелой артиллерии, графа Подгорчиани с гусарскими Венгерским, Ахтырским и Острогожским полками, Потемкина с четырьмя баталионами гренадер, да бригадира Гудовича с пикетами в числе двух тысяч человек, чтоб под защитою сего корпуса пройти всему провиантскому транспорту к армии, которого я

полагал дожидаться в сем лагере... (то есть при устье реки Кагул. — *А. Ш.*). По отдохновении немногом, велел я генерал-квартирмейстеру Боуру со своим корпусом идти вслед за неприятелем... 23-го июля генерал-квартирмейстер Боур пришел к Дунаю против Исакчи, где не было мосту, а посредством множества судов с некоторою частью войск переправился уже визирь на тот берег, еще однакож и на сем берегу была часть неприятеля, как и все обозы... Визирь, увидев сюда приход наших войск, подслал из того берега фрегат о несколько пушек, с которых стрелять начали по нашем корпусе..., но сопротивным действием своей артиллерии не допустил до исполнения сие предприятие помянутый генерал-квартирмейстер, и войски, найденные более тысячи, в виду визиря и всех своих собратий, с воплем взирающих с той стороны на их участь, положили свое оружие и предались в наши руки...» [26].

Кагульская победа стала вершиной полководческой карьеры Петра Александровича Румянцева. Указом Военной коллегии от 2 августа 1770 года он был пожалован в генерал-фельдмаршалы «За оказанные ее величеству и отечеству верные и усердные услуги и за храбрость в предводительстве ее войск и в побеждении врага христианства...» [27].

Императрица Екатерина II вновь щедрой рукой наградила многих участников битвы при Кагуле. За «отличную храбрость и усердие» почетное оружие — золотые шпаги получили ближайшие помощники главнокомандующего генералы Олиц, Племянников, князь Репнин, граф Брюс, граф Салтыков и генерал-квартирмейстер Боур. Кавалерами Военного ордена Святого Георгия 3-й степени стали генерал-майоры князь Долгоруков и Мелиссино, полковник граф Воронцов. Четверо полковников, в том числе князь Волконский, получили в награду ордена Святого Георгия 4-й степени.

Новоиспеченный генерал-фельдмаршал российской армии со славой завершил военную кампанию 1770 года. В конце июля сдалась турецкая крепость Измаил, в августе русские взяли Килию, в сентябре Аккерман. В начале ноября после упорного сопротивления пала дунайская крепость османов город Браилов.

Русская армия оказалась на дунайских берегах — конечной цели военной кампании 1770 года. Полководец П. А. Румянцев всегда стоял за отказ от огульного наступления. Он говорил: «Стою непременно на том правиле, что, не

обеспечившими надежно оставляемого за собой, большими шагами нельзя ступить вперед» [28].

Главкомандующий 1-й армии в тот год решил ограничиться победами, одержанными в полевых сражениях, и взятием придунайских крепостей.

За Дунай решил не наступать и Г. А. Потемкин. Там с особой силой свирепствовала эпидемия чумы, способная уничтожить любую армию. К тому же русские войска и так не отличались многочисленностью.

Кампанию 1770 года обер-квартирмейстер Голенищев-Кутузов заканчивал в рядах 2-й армии генерал-аншефа Петра Ивановича Панина. Румянцев, устраивая русские войска на зимние квартиры, решил помочь главнокомандующему 2-й армии и отправил к нему своего генерал-квартирмейстера Боура. Тот, в свою очередь, захватил с собой несколько хорошо зарекомендовавших себя, толковых офицеров-квартирмейстеров, в том числе Кутузова.

Существует и другая версия, почему молодой штабной офицер оказался в рядах 2-й армии. Причиной стал обрушившийся на него гнев главнокомандующего. Кто-то из «друзей» Кутузова донес Румянцеву, что в часы досуга под веселый смех товарищей капитан-квартирмейстер довольно удачно копирует походку и манеры генерал-фельдмаршала. Лишь безупречная служба и боевые заслуги спасли обер-офицера от сурового наказания, и он поплатился только изгнанием из победоносной 1-й Дунайской армии. Обошли его и наградами в орденах.

Это происшествие оставило на всю жизнь глубокий след в кутузовском характере. Он стал человеком скрытным, недоверчивым, порой замкнутым в себе. Внешне это был тот же Голенищев-Кутузов, при всех своих званиях и регалиях, веселый и общительный в любом кругу общения. Но близко знавшие его сослуживцы говорили, что «сердца людей открыты Кутузову, но его сердце закрыто для них...».

Дела у армии Панина шли не столь блистательно, как у 1-й. Сильная турецкая крепость на Днестре — Бендеры продолжала упорно сопротивляться. 10 сентября Панин уведомил генерал-фельдмаршала Румянцева о том, что «Бендеры продолжают сопротивляться с чрезвычайным упорством», и потому просил укрепить его войсками.

Опытный полководец, Румянцев понимал, что только со взятием Бендерской крепости можно было блестяще закончить кампанию 1770 года. Он посылает в помощь 2-й армии к Бендерам отряды Ржевского и Игельстрема. Одновременно генерал-фельдмаршал не препятствовал убитию офицеров своей временно бездействующей, армии в качестве добровольцев для участия в штурме турецкой крепости.

Вполне вероятно, что отбывший по служебным делам во 2-ю армию оберквартирмейстер Голенищев-Кутузов присоединился к офицерам-добровольцам, пожелавшим участвовать в штурме крепости Бендеры. Такое желание возникло вполне естественно у молодого офицера, впервые принявшего участие в большой войне, масштаб которой не шел в сравнение с двумя польскими.

Осада Бендерской крепости началась русскими войсками 15 июля и приняла затяжной характер. Сильный турецкий гарнизон, почти наполовину состоял из элитной султанской пехоты — янычар, уповал в своем упорстве на крепость бендерских стен, обилие запасов и скорую помощь от верховного визиря. К тому же генерал-аншеф П. И. Панин долго не решался на генеральный штурм, стремясь взять осажденных измором и бомбардировками.

Получив подкрепление, граф Панин для овладения крепостью решил взорвать вход в нее минными фугасами и, воспользовавшись образовавшимися брешами в крепостной стене, ворваться в Бендеры. В ряды штурмующих были назначены 29 гренадерских и 29 мушкетерских рот. Командовать штурмовыми отрядами вызвалось много офицеров-добровольцев, среди них оказался и капитан М. И. Голенищев-Кутузов.

Штурм крепости Бендеры в ночь с 15 на 16 сентября 1770 года вошел в военную историю своим ожесточением и кровопролитием. В десятом часу вечера 400 пудов пороха минных фугасов взлетело в воздух. В крепостной стене зазияло несколько брешей. Несмотря на темноту, штурмующие войска, хорошо знакомые с местностью, без всякого замешательства бросились на приступ, стремясь ворваться в город прежде всего через проломы.

Турки открыли сильный бесприцельный ружейный и пушечный огонь по русским, но в темноте он оказался малоэффективным. Штурмовые колонны действовали с одинаковым мужеством и успехом, почти одновременно вступив на крепостной вал. Неприятель, сбитый с вала, организовал упорную

оборону на улицах и в домах пылавшего города. Огонь пожаров освещал ночной город.

На городских улицах турки сопротивлялись еще более яростно, долго отказываясь капитулировать. Штурмовые отряды шаг за шагом, с великой настойчивостью продвигались вперед к бендеровскому замку, последнему оборонительному рубежу осажденного гарнизона.

Чтобы победно завершить затянувшийся штурм, генерал-аншеф Панин бросил в бой все армейские резервы. Он был вынужден спешить карабинеров, гусарские и пикинерские эскадроны. Кавалеристов отправили прикрывать тыл штурмующих, заняв задние траншеи. Панин опасался, что осажденные могут провести сильную контратаку и поддержать себя ударами извне.

Бой за Бендеры длился всю ночь и завершился только днем. Осаждавшие сумели отразить несколько попыток турок нанести удар с тылу. В конце концов крепостной гарнизон, уstraшенный потерями и бесстрашным упорством русских солдат и офицеров, сложил оружие. Султанское командование считало крепость на берегах Днестра неприступной, возлагая на нее в войне с Россией большие надежды, которые не оправдались. Бендеры пали под ударом русского оружия. Потери неприятеля при штурме составили до 5 тысяч человек, не считая сгоревших. В плен сдались около 12 тысяч человек, в том числе 5390 янычар.

Победа далась штурмующим ценой большой крови. Было убито 687 человек, ранено 1875, а всего выбыло из строя 2593 человека [29].

После участия в штурме крепости Бендеры офицеры-добровольцы вернулись в ряды 1-й армии. Обер-квартирмейстер Михаила Голенищев-Кутузов 26 сентября 1770 года «по собственной просьбе» был определен в Смоленский пехотный полк с одновременным производством в премьер-майоры.

Причин оставления им так успешно начавшейся квартирмейстерской службы было несколько. Главная видится в том, что сам Кутузов в кампании 1770 года, участвуя в целом ряде крупных сражений и штурме крепости Бендеры явно почувствовал в себе больше склонности и способностей не к штабной службе, а к боевому командованию. Именно здесь на войне проявились его настоящие командирские качества: смелость, решительность, находчивость, инициативность, хладнокровие в критических ситуациях боя.

Молодой офицер уже тогда продемонстрировал завидное умение обращаться с солдатами, которые ценой своей крови и жизни добывали большие и малые победы русского оружия. Он оказался способен и в бою вести за собой людей. Эта черта была в нем замечена многими сослуживцами.

Имелись и другие, весьма существенные причины оставления престижной штабной, квартирмейстерской службы. Широко образованный двадцатилетний Голенищев-Кутузов своим знанием военного дела, энергией и инициативой выгодно отличался от многих офицеров, прежде всего иностранцев, занимавших почти все должности в штабе 1-й армии генерал-фельдмаршала Румянцева.

Засилье немецких офицеров, всемерная поддержка ими друг друга, незаслуженное поощрение и продвижение их по службе создали для Кутузова, являвшегося в штабе Боура старшим офицером, нестерпимую обстановку. Его резкие суждения по поводу попыток насаждения в русской армии чужеродных прусских порядков не могли не вызвать недовольства у большинства немецких офицеров и возглавлявшего румянцевский штаб генерал-квартирмейстера Боура.

Все это привело к тому, что Михаила Голенищев-Кутузов был отчислен из штаба 1-й армии якобы «за неимением в генеральном штабе того чина порозжей вакансии». Более того, генерал-квартирмейстер Боур не препятствовал уходу из-под его подчинения способного, перспективного офицера.

Когда в последних числах ноября 1770 года армия генерал-фельдмаршала Румянцева расположилась на зимних квартирах, премьер-майор Голенищев-Кутузов уже находился в Смоленском пехотном полку. Воинская часть стала на зимние квартиры недалеко от границы в молдавской деревне Туфешти.

В ходе боевых действий Кутузову довелось свидеться с младшим братом Семеном и отцом. Илларион Матвеевич был направлен из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации на Юг сперва во 2-ю армию, затем в 1-ю. Вместе с ним из Санкт-Петербурга убыл и его младший сын, бывший у отца флигель-адъютантом.

Полководец Румянцев высоко ценил способности инженер-генерал-майора И. М. Голенищева-Кутузова, начальника инженерных и минерных

команд 1-й армии. Главнокомандующий сообщал императрице Екатерине II, что Голенищев-Кутузов-старший усердно помогал ему в «самом огне», демонстрируя «твердость духа».

И. М. Голенищев-Кутузов оставил после себя дошедшие до нас схемы основных сражений 1770 года: при Рябой Могиле 17 июля, на речке Ларге 7 июля, при Кагуле 21 июля и преследования неприятеля генерал-майором Боуром, а также планы «турецкого города» и крепости Бендеры, лагеря турок при урочище Рябая Могила, карты стали документальными источниками для изучения в будущем военной истории екатерининской эпохи.

Военная кампания 1771 года внесла в формулярный список премьер-майора Михайлы Голенищева-Кутузова участие еще в двух больших сражениях — «при Бухареште и при разбитии 40 тысяч неприятеля» 19—20 октября 1771 года при Попештях.

Четвертый год «первой екатерининской войны» России с Турцией внес серьезные изменения в планы высшего русского командования. По плану кампании, утвержденному Военной коллегией и императрицей Екатериной II 1-й действующей армии генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева ставились активные оборонительные задачи. Ей в течение 1771 года предстояло удерживать Бессарабию, Молдавию и Валахию, не допускать перехода крупных турецких сил через Дунай, оттягивать на себя по возможности больше сил неприятеля, имитируя готовность к формированию водной преграды.

Главенствующая роль в кампании теперь отводилась 2-й армии. Ей предстояло овладеть Крымским полуостровом и вывести из войны верного союзника Османской империи — Крымское ханство.

Румянцевская армия получила часть сил из 2-й армии для своего усиления. В мае в Яссы прибыли Старооскольский, Орловский и Севский пехотные, Днепровский и Елизаветградский пикинерские полки. С учетом прибывшего пополнения 1-я армия в мае 1771 года насчитывала 28 700 человек пехоты, 8 400 человек кавалерии и 860 артиллеристов.

Организационно армия состояла из Валахского корпуса (1-й дивизии) под командованием генерал-аншефа П. И. Олица, среднего корпуса, куда входили главные армейские силы, под начальством генерал-поручика Н. В. Репнина, и войск левого крыла армии (3-й дивизии) генерал-майора О. А. Вейсмана. Смоленский и Старооскольский пехотные полки входили в состав 1-й дивизии.

В состав румянцевской армии входил еще и резервный корпус генерал-квартирмейстера Ф. В. Боура, насчитывавший в своем составе 4500 пехоты и 220 кавалерии. Корпус состоял из Севского гусарского, двух пикинерских полков и семи сводных батальонов, в том числе гренадерского батальона подполковника Салтыкова численностью в 609 человек. Батальон был составлен из гренадерских рот Старооскольского и Севского пехотных полков. В нем и состоял к моменту боевых действий в Валахии премьер-майор Старооскольского пехотного полка Михайла Голенищев-Кутузов.

С началом кампании 1771 года в армейском командовании произошли изменения. П. А. Румянцев в связи с кончиной П. И. Олица назначил командовать Валахским корпусом (1-й дивизией) генерал-поручика Н. В. Репнина с подчинением ему отдельного корпуса генерал-майора Г. А. Потемкина, пребывавшего в Крайовском банате (области). Сам главнокомандующий возглавил главные силы армии — ее средний корпус.

В начале июня разведка сообщила о концентрации турецких войск в Журже, откуда рукой было подать до Бухареста. Румянцев с главными силами армии подошел к устью реки Кагорлуй и расположился лагерем при деревне Фальтешти. Генерал Репнин 7 июля соединился с корпусом Потемкина у Капучанского моста и получил приказание сторожить выход неприятеля из крепости Журжа.

Турецкое командование решило совершить «диверсию» на Бухарест. 10 июня неприятельские войска численностью свыше 10 тысяч человек подошли к позиции Репнина под Бухарестом в окрестностях монастыря Вокарешти. Объединенные силы двух русских корпусов насчитывали до 10 тысяч человек. Силы сторон на сей раз были примерно равны.

Турецкие войска не успели выстроиться из походного в боевой порядок, как их стремительно атаковали русские, вышедшие им навстречу. Османов гнали 11 верст и наконец опрокинули в реку Самбор. Для дальнейшего преследования разгромленных турок Репнин направил кавалерию и егерей под командованием Потемкина и Чарторыйского. Те повели преследование еще 10 верст до реки Аржис.

Неприятель потерял в сражении при Бухаресте, столице Валахии, более 300 человек, оставленных на поле боя, бросил в поспешном бегстве часть

своего обоза, пять знамен, одну пушку и еще при отступлении лишился 500 человек убитыми и 21 взятым в плен.

Потери русских войск выразились в 41 погибшем и небольшом числе раненых. В реляции главнокомандующему Н. В. Репнин особо засвидетельствовал личную храбрость Г. А. Потемкина, против войск которого были направлены главные усилия турок, а также отдал справедливость всем офицерам, участвовавшим в деле [30].

Во второй половине октября при Попештях близ Бухареста произошло новое, более крупное столкновение воюющих сторон. Здесь премьер-майор М. И. Голенищев-Кутузов «примерно» отличился, показав себя с самой лучшей стороны как командир гренадеров.

На сей раз турки решили не только занять Бухарест, но и очистить к зиме от русских всю Валахию, угрожая в первую очередь коммуникациям 1-й армии. На валахскую столицу султанское командование отрядило крупные силы — 40 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты. Румянцев же таких сил не имел, к тому же его войска не могли быть собраны.

Чтобы преградить путь неприятелю к Бухаресту, генерал-поручик Р. И. Эссен, вступивший в командование Валахским корпусом вместо заболевшего Репнина, решил собрать свои разрозненные силы воедино. Приказание об этом получил и генерал-майор П. А. Текелли, временно назначенный командовать резервным корпусом Боура, которого вызвали в Санкт-Петербург.

19 октября турецкое войско переправилось через реку Сабору и утром следующего дня подошло к деревне Попешти, оказавшись в шести верстах от расположения войск Эссена. Чтобы не дать неприятелю возможности возвести полевые укрепления, генерал-поручик Эссен решил немедленно атаковать его, хотя и имел под рукой всего 12 тысяч человек.

1-я дивизия построилась в боевой порядок для атаки. На правом фланге встало каре генерал-майора И. В. Гудовича, в центре каре генерал-майоров В. В. Долгорукова и И. А. Игельстрома. Левый фланг под командованием князя Ю. Н. Трубецкого был усилен четырьмя тяжелыми осадными пушками. Кавалерия дивизии расположилась между пехотными каре.

Отряд генерал-майора Текелли, вышедший после совершенного похода в тыл турецких войск, перестроился в два каре и двинулся в сторону неприятеля, прикрываясь густым кустарником.

Русские первые начали сражение, организовав фронтальную атаку. Вперед выдвинулось каре Долгорукова. Турки не ожидали скорого нападения и от неожиданности пришли в смятение. Их многочисленная кавалерия произвела несколько нападений на наступающих, но ее легко отбивали. Вскоре султанское командование поняло, что в такой ситуации можно атаковать сам Бухарест, оставленный русскими без прикрытия. С этой целью выделяется часть конных отрядов.

Князь Долгоруков, вовремя заметив такое устремление турок, немедленно отделил из каре подполковника Д. К. Кантемира с легкими войсками и пятью эскадронами кавалерии. Необходимо было задержать фланговый маневр турецкой конницы и прикрыть дорогу на Бухарест.

Кантемир выполнил поставленную ему задачу, но число нападавших конных турок возросло до трех тысяч человек. Тогда генерал-поручик Эссен отправил в помощь Кантемиру каре И. В. Гудовича, командира Астраханского пехотного полка. Пушечный огонь заставил конницу османов остановиться. Последовавшая атака русских заставила ее отойти назад. Прорыва врага на Бухарест не произошло.

Когда опасность на левом фланге исчезла, генерал-поручик Эссен возобновил атаку на неприятельский ретрашемент у деревни Попешти. Ответным ходом турок стала атака турецкой конницы по всему фронту. Масса легких конников, успешно отбитая в центре и на левом фланге, устремилась на правое каре Долгорукова, ослабленное выделением отряда подполковника Кантемира. Турки старались окружить здесь русских.

Князь Долгоруков приказал подпустить нападавших на картечный выстрел. Когда густая масса вражеской конницы приблизилась, последовало три поспешных залпа из всех орудий правого флангового каре. Турки так и не доскакали до русских рядов. Понеся от картечи большие потери, они обратились в бегство.

Атака русских войск продолжалась. Каре Игельстрома и Трубецкого, приблизившись к турецким окопам, открыли пушечную стрельбу, подавляя

ответный огонь. Когда он стал заметно ослабевать, генерал-майор Игельстром выслал для штыковой атаки из своего караула охотников.

Окончательно развеяла по полю брани турецкую конницу и пехоту атака караула генерал-майора Текелли, подошедшего к этому времени к Попешти. Его батальоны и эскадроны довершили полный разгром неприятеля, которого преследовали еще 8 верст, пока на землю не легла ночная темень.

Потери турецких войск в сражении при Попешти составили до двух тысяч убитыми, 350 человек попало в плен. Трофеями победителей стали 10 знамен, 14 пушек, а их потери исчислялись всего в 55 убитых и 199 раненых.

Генерал-поручик Р. И. Эссен, донося об одержанной победе генерал-фельдцейхмейстеру Г. Г. Орлову, фавориту императрицы Екатерины II, отмечал отменное мужество и неустрашимость многих генералов и офицеров. Среди других он выделил премьер-майора М. И. Голенищева-Кутузова, «который был не только неоднократно посылаем в разные места для осмотра их положения и, несмотря на встречавшиеся с ним опасности, доставлял начальнику своему вернейшие сведения, но даже в самый день сражения напрашивался на все опасные случаи» [31].

По представлению генерал-майора и кавалера П. А. Текелли премьер-майора Старооскольского пехотного полка Михаила Голенищев-Кутузов за боевые отличия в кампании 1771 года, «что он в сражениях поступал с отличной храбростью», был произведен 8 декабря того же года в подполковники.

Поздней осенью активные военные действия сторон прекратились. 1-я армия расположилась на зимних квартирах. Ряд сводных гренадерских батальонов, находившихся в Валахии, отправили по своим дивизиям. Среди них был и гренадерский батальон графа Салтыкова, в составе которого Кутузов сражался в 1771 году. Старооскольский пехотный полк вошел в состав 4-й бригады и был размещен на зимних квартирах в Молдавии, в Фальчинском цыгуге (округе).

На этом завершилось пребывание подполковника М. И. Голенищева-Кутузова в армии фельдмаршала Румянцева. В 1772 году офицера переводят в Крым, где располагалась армия генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова.

Участие в русско-турецкой войне 1768—1774 годов стало для будущего победителя Наполеона отличной школой постижения воинской науки. Полководческое искусство генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского во многом помогло раскрыться кутузовскому таланту. Участвуя в победных сражениях румянцевской армии при Рябой Могиле, на реках Ларге и Кагуле под Бухарестом в штурме Бендерской крепости, молодой офицер увидел, как профессиональная выучка и наступательный дух русских воинов при точных и решительных действиях главнокомандующего приносят блестящий успех даже при численном превосходстве неприятеля и при менее выгодных позициях.

Здесь ему представилась на деле возможность наглядно убедиться в исключительной важности согласованных действий отдельных армейских частей: пехоты, кавалерии, артиллерии, разведки. (М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, равно как и другой апостол русской армии — А. В. Суворов-Рымникский еще в начале своего командирского становления поняли, что на войне бьют не числом, а умением.)

В рядах 1-й армии Румянцева будущий фельдмаршал научился по настоящему «понимать войну» и не случайно за отличия в боевых действиях его постоянно повышали в должности: капитан, обер-квартирмейстер, премьер-майор, (минуя звание секунд-майора), подполковник. Правда, пока не было еще присвоено орденов и наградного оружия.

Переведенный во 2-ю, Крымскую армию, 25-летний подполковник Голенищев-Кутузов предстал перед сослуживцами как достаточно опытный боевой офицер. В 1772 году крупных военных действий в Крыму не велось, так как полуостров был уже очищен от турецких гарнизонных войск, а ханство «замирено». Однако опасность высадки крупных десантов турок, бомбардировок артиллерии с моря и «восстаний» крымских татар оставались.

Все ожидали мира, переговоры о котором между Россией и Турцией начались 19 мая. Для их ведения императрица Екатерина II назначила главных российских уполномоченных. Ими стали генерал-фельдцейхмейстер граф Григорий Григорьевич Орлов и полномочный посол России в Турции тайный советник Алексей Михайлович Обрезков, выпущенный по такому случаю из заточения в Семибашенном замке.

Однако мирные переговоры, где каждая сторона проявляла неуступчивость в своих требованиях, результатов не дали. Стамбул никак не хотел признать своего поражения в войне с Россией. В марте 1772 года военные действия возобновились. Султанское командование, имея сильный и многочисленный флот, не раз предпринимало попытки высаживать десант на крымское побережье. Блистательная Порты не могла примириться с потерей подвластного для себя Крымского ханства и господства на Черном море.

М. И. Голенищев-Кутузов состоял в отдельном отряде генерал-майора И. И. Кохиуса. В начале 1773 года отряду было предписано расположиться и действовать у Днепра в урочище Олешки, находящемся против Кинбурнского мыса. На подполковника Кутузова возлагались довольно часто различные задания по разведке местности, где располагались русские войска. Командование не раз отмечало профессиональность рекогносцировок, которые позволяли так располагать войска, что турки из гарнизона Очаковской крепости не решались «покушаться» на них.

10 июля 1774 года был заключен Кючук-Кайнардшийский мирный договор. Согласно его статьям Стамбул лишался Крыма, обязывался вывести свои войска из Тамани и Кубанского края и передать России крепости Еникале, Керчь, город Азов с его уездом, замок Кинбурн с округом по левому берегу Днепра. Российская империя получала большие территориальные приращения.

Условия мирного договора казались для проигравшей в войне Османской Порты крайне тяжелыми и оскорбительными. Уже через 12 дней установленный мир между Турцией и Россией оказался нарушенным турецкой стороной, высадившей 22 июля крупный морской десант в районе крымского селения Алушты.

Получив такое сообщение с побережья, В. М. Долгоруков уже на следующий день выдвинул против высадившихся турок отряд генерал-майора Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, будущего генерал-фельдмаршала и вице-президента Военной коллегии. К нему по пути присоединились другие, более мелкие воинские отряды, в том числе и Кохиуса. В его составе гренадерским батальоном Московского легиона командовал подполковник М. И. Голенищев-Кутузов.

(Московский легион был образован в 1769 году как особое, экспериментальное воинское формирование. По штатному расписанию в него входили мушкетерские и гренадерские батальоны, карабинерные и гусарские эскадроны, егерские, казачьи и артиллерийские команды. Однако штаты легиона не соблюдались. В начале 1774 года в Московский легион входили две легкие полевые команды, 360 егерей от 6 полков Финляндской дивизии, 3000 донских и 3000 малороссийских казаков. Легионом командовал генерал-майор Иван Варфоломеевич Якоби. Летом того же года он получил под свое начальство вновь сформированный батальон гренадер подполковника Голенищева-Кутузова.)

Самостоятельное командование воинским подразделением стало новым важным этапом в кутузовской биографии. Приняв гренадерский батальон, «из новых и молодых людей состоящий», Голенищев-Кутузов, по оценке генерал-аншефа Долгорукова, привел «вверенный ему батальон в наилучшую исправность и признание службы» и довел «до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат».

Командующий 2-й, Крымской армии, понимал, что нельзя давать высадившемуся турецкому десанту углубляться в глубь полуострова. Турция не без основания рассчитывало на вооруженную поддержку местного населения. Сводный отряд генерал-поручика В. П. Мусина-Пушкина в составе семи батальонов пехоты численностью в 2850 человек, совершив марш-бросок, быстро сосредоточился у деревни Алушта.

Тем временем турки расположились на левом, высоком берегу реки Алушты, устроив для себя два лагеря. Их передовой десантный отряд в количестве 7—8 тысяч солдат занял выгодную позицию в четырех верстах от моря перед деревней Шумы (Шумны), с обеих сторон которой были крутые горные обрывы. Они готовились к отражению атаки подходивших русских войск. Спешно устраивались полевые укрепления, которые усиливались еще и отступлением в окрестных горах проходов. Каменистый морской берег позволил десантникам укрепить каменными плитами высокий вал воздвигнутых ими укреплений у Шумы.

Приблизившись к Алуште, генерал-майор Мусин-Пушкин лично провел рекогносцировку вражеской позиции: возможности окружить турок не просматривалось. Тогда командир отряда решил провести открытую, лобовую

атаку турецких укреплений у деревни Шумы, назначив ее на 24 июля. Неприятелю нельзя было давать время на фортификационное усиление занимаемой позиции.

Русская пехота выстроилась в четыре каре. Два из них под начальством генерал-майора Якоби должны были штурмовать левый фланг турецких укреплений. Два других под командой самого Мусина-Пушкина наступали на правое неприятельское укрепление. Впереди левой колонны шел гренадерский батальон подполковника Голенищева-Кутузова.

В реляции императрице Екатерине II главнокомандующий Крымской армии генерал-аншеф В. М. Долгоруков так описывает бой при деревне Шумы: «Как только войска повели атаку, они были встречены жесточайшим огнем из пушек и ружей. Неприятель упорно защищался более двух часов, атакующие каждый шаг добывали кровью. Наисильнейшая пальба не умолкала с обеих сторон. Мусин-Пушкин приказал атаковать в штыки и продраться в ретраншемент, что и исполнено было с левой стороны, где самое сильное сопротивление оказано гренадерскому батальону, ...столь удачно, что турки бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи и будучи гонимы к обширному лагерю своему, у берега стоящему...»

Русские пехотинцы преследовали бегущих турок две версты, сделать это дальше не позволила крутизна окрестных гор, обрывавшихся в море. Генерал-поручик Мусин-Пушкин стал сосредоточивать свой отряд на новой позиции, готовясь атаковать алуштинский лагерь неприятельского десанта. Но атака не состоялась, поскольку пришло известие об окончательном заключении мира между Россией и Турцией.

На месте боя у деревни Шумы турки оставили более 300 убитых, русские захватили батарею из 4 пушек, несколько знамен, сами потеряв погибшими 32 человека.

В числе многочисленных раненых оказался подполковник М. И. Голенищев-Кутузов: «Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла на пролет в том же месте на другой стороне лица...» [32].

оказалось тяжелым. Турецкая пуля ударила его в левый висок и вышла у правого глаза, но не задела его. Кутузова оперировали, врачи

сомневались в удачном исходе, считая рану смертельной. Но к их удивлению, Михаил Илларионович выздоровел, хотя дело на поправку шло долго.

В 20-е годы XIX века на месте ранения М. И. Кутузова у деревни Шумы, ныне Кутузовка Алуштинского района, был построен фонтан, ставший своеобразным памятником русскому полководцу. Надпись на плите у фонтана гласит: «Близ сего места в сражении противу турок Михаил Илларионович Кутузов, что после был фельдмаршалом и князем Смоленским, ранен в глаз».

После победного завершения русско-турецкой войны 1768—1774 годов Михайла Голенищев-Кутузов за отличия в ноябре 1775 года был представлен к награждению первым своим боевым орденом.

При этом главнокомандующий 2-й армией князь В. М. Долгоруков свидетельствовал, «что он, Голенищев-Кутузов во все время бытия своего в его предводительстве отличил себя перед прочими ревностным и прилежным исполнением всего ему поручаемого... Несравненно большую похвалу заслужил он мужеством своим и храбростью оказанного особливо за время атаки войск турецких, сделавших в последнюю кампанию десант на Крымские берега при Алуште, он был отряжен для завладения неприятельским ретрашементом, к которому вел свой батальон с такою неустрашимостью, что ни превосходная сила защищающихся, ни жесточайшее их сопротивление его не остановили, и многочисленный неприятель, тщетно противившийся сему устремлению, принужден, бросая своим укрепления, спасаться бегством; в самое же то время, как делано было последнее усилие к преодолению турков, он, Голенищев-Кутузов, получил весьма опасную рану» [33].

По данному представлению высочайшим указом императрицы Екатерины II от 26 ноября 1775 года подполковник Голенищев-Кутузов был «пожалован кавалером военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия в четвертом классе».

Ко времени получения георгиевского кавалера он состоял уже в штате Тульского пехотного полка. В январе 1775 года одинаковые по структуре Московский и Санкт-Петербургский легионы были расформированы, из входивших в их состав пехотных батальонов с командами егерей образовали новые армейские полки: Ревельский, Полоцкий, Тульский и Днепропетровский пехотные. Тульский же пехотный полк был сформирован из двух батальонов Московского легиона.

После полученного тяжелого ранения М. И. Голенищев-Кутузов около года находился на излечении, после чего подал по команде прошение о предоставлении ему годичного отпуска для завершения лечения. Екатерина II удовлетворила просьбу боевого офицера, разрешив ему годичный отпуск «без вычета жалования». Несколько позднее самодержавная государыня «соизволила указать выдать из кабинета тысячу червонных господину подполковнику Михайле Кутузову, едущему для лечения к водам» [34].

Императрица Екатерина II имела несколько бесед с М. И. Голенищевым-Кутузовым, связанных с его прошением об отпуске, представлением к награждению и во время самой процедуры вручения ордена Святого Георгия. После чего искушенная в людях Екатерина II заявила: «Надобно беречь Кутузова. Он у меня будет великим генералом».

Получив монаршьё разрешение убыть на лечение, М. И. Голенищев-Кутузов отправился в Берлин. Прекрасное знание немецкого языка послужило ему хорошую службу. Помимо принятия медицинских процедур, он старался получше приглядеться к прусским военным порядкам, которые не раз в истории России пытались насадить в ее армии. Затем последовало посещение Вены, где русский офицер не раз встречался и подолгу беседовал с престарелым фельдмаршалом Лаудоном, хорошо познавшим военное искусство полководца при короле Пруссии Фридрихе II Великом и отстаивавшего как военный теоретик кардонную стратегию.

Во время лечения за границей Кутузов кроме Пруссии и Австрии, побывал также в Англии, Голландии и Италии. И всюду он интересовался современным состоянием военного дела: организацией европейских армий, их вооружением, уровнем военной науки, системой подготовки офицерских кадров, печатными трудами по кругу своих интересов.

Из-за границы в Санкт-Петербург М. И. Голенищев-Кутузов возвратился в начале 1777 года. Решение Военной коллегии от 3 апреля определило его ближайшее будущее: пять штаб-офицеров, в том числе и подполковника Тульского пехотного полка Михаила Голенищева-Кутузова направляли к генерал-аншефу Г. А. Потемкину для их дальнейшего определения в службе, по его личному усмотрению. В Новороссийской губернии в то время шло формирование новых гусарских и пикинерских полков, для которых требовались командные кадры.

Такое решение было объявлено Голенищеву-Кутузову 28 апреля. Исключив его из списков Тульского пехотного полка, Военная коллегия предписывала немедленно отправиться к Потемкину, в то время командующему всей легкой конницей и всеми иррегулярными войсками. Генерал-аншеф определил прибывшего к нему офицера, «излечившего рану на теплых водах» на свободную вакансию в Луганский пикинерский полк, сформированный как воинская часть в 1764 году.

Спустя ровно два месяца, 28 июня, высочайшим указом Екатерины II подполковник Михайла Голенищев-Кутузов производится в полковники. Ему было тогда 30 лет от роду. А 10 июля того же года он назначается командиром Луганского пикинерского полка.

Полковник Голенищев-Кутузов, вне всяких сомнений, с большой радостью принял командование полком. Пикинеры представляли собой вид легкой кавалерии, вооруженные саблей, пикой (отсюда их название) и карабином. Такие легкоконные полки были созданы в русской армии по инициативе самого Григория Потемкина, будущего всесильного светлейшего князя генерал-фельдмаршала Потемкина-Таврического. Наряду с казачьей конницей они как нельзя лучше были приспособлены к действиям в южных степях, по своей организации и боевому применению приближались к другому виду легкой конницы — гусарским полкам, которые в то время комплектовались из поселенцев на степном Юге России, создаваясь из бывших слободских и украинских казачьих полков. Пикинерный полк состоял из 10 эскадронов. Обер- и штаб офицеры проходили тщательный отбор. Зачисление в такой полк делало офицера на ранг выше по сравнению с пехотным в той же должности.

Луганский пикинерный полк стоял в Новороссийской губернии (Малороссии), охватывавшей тогда Северное Причерноморье. Это была огромная, преимущественно степная, территория, которую еще предстояло освоить в хозяйственном отношении, заселить, построить города и порты, проложить дороги, сделать полноправной частью державы.

По указу императрицы Екатерины II с 1764 года в Новороссийскую губернию вошли земли на запад от Днепра до реки Синюхи и границ с Польшей, на юге они граничили со степью — владениями Крымского ханства, где в крепостях стояли турецкие гарнизоны. Северное Причерноморье и Крым России еще предстояло завоевать.

Главными городами Новороссии являлись Новомиргород и крепость Святой Елизаветы. Земли на востоке от Днепра вдоль украинской укрепленной пограничной линии до станиц донского казачества, отдаленных рекой Северский Донец, образовали Екатерининскую провинцию, с главным городом Бахмутом и крепостью Белевская. Провинция подчинялась в административном отношении Новороссийской губернии.

В 1773 году по предложению Г. А. Потемкина, царского наместника в Астраханской, Новороссийской и Азовской губерниях и командующего над всеми войсками, поселенными в этих губерниях, состоялась новая административная реорганизация, утвержденная государыней. Новороссийская губерния разделилась: ее Бахмутский уезд с новоприобретенными землями образовали Азовскую губернию. К Новороссийской же губернии присоединилась Запорожская Сечь.

С января 1776 года Г. А. Потемкин осуществляет хозяйственное попечение в Новороссийской и Азовской губерниях. Екатерина II поручает своему фавориту «бережение» южной государственной границы — укрепление Днепровской линии. Выполняя столь ответственную задачу, Потемкин входит в непосредственное сотрудничество с П. А. Румянцевым, командовавшим войсками на Юге страны. Они направили в помощь нерешительному командующему Крымским корпусом генерал-поручику князю А. А. Прозоровскому деятельного помощника на случай возможных осложнений в Крыму. Выбор пал на генерал-майора А. В. Суворова.

После «первой екатериинской» войны с Оттоманской империей обстановка на южных российских границах и в Крыму стала быстро обостряться. Несмотря на подписание Кючук-Кайнарджирского мирного договора, согласно которому ханство, объединявшее Крым и земли на Тамани, в Прикубанье и Северной Таврии, было объявлено независимым от Стамбула, там постепенно вызревал очаг нового военного конфликта России с Турцией. «Крымская заноза» вновь давала о себе знать.

Основной причиной стала смена политического руководства в Крыму. Вместо хана Давлет-Гирея, стремившегося любыми способами восстановить протекторат Турции над ханством, его правителем при поддержке русских войск был избран Шагин-Гирей. Он ориентировался на Россию, но сторонников среди подданных имел немного.

Неудачные реформы, которые начал осуществлять Шагин-Гирей, вызвали недовольство среди татарского населения в Крыму и в Прикубанье и даже среди ханского окружения. В октябре 1777 года взбунтовалась личная ханская гвардия — бишлеи. Вскоре в огне восстания оказался весь Крым, волнения перекинулись на Тамань и Прикубанье, угрожая гарнизонам русских войск.

В такой непростой для России ситуации Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева проявили предусмотрительность, послав на помощь князю Прозоровскому молодого генерала Суворова. По просьбе хана Шагин-Гирея, терявшего власть, Крымский и Кубанский корпуса под общим командованием А. В. Суворова восстановили прежний порядок на всей территории Крымского ханства.

Султанские власти через свою многочисленную агентуру пристально следили за развитием событий в Крыму, что не стало секретом для российского правительства. В Стамбуле вновь заговорили о новой священной войне против неверных, поскольку повод для нее представился. Примириться с потерей Крыма Турции было очень трудно.

Обстановку обострившихся российско-турецких отношений во многом разрядили действия генерал-майора А. В. Суворова, который в течение весны и лета предпринимал всяческие меры по защите Тамани и Прикубанья от возможных турецких десантов, где османы могли найти поддержку у местного мусульманского населения. Суворов так оценил свою деятельность в восточной части ханства, записав в автобиографии: «...по реке Кубани учредил линиею крепости и фельдшанцы (полевые укрепления. — *А. Ш.*) от Черного моря до Ставрополя и тем сократил беспокойствия закубанских и ногайских народов».

В том же году Суворов приступил к переселению христианской колонии греков и армян из Крыма в Приазовские степи во избежания угрозы жестокой расправы над ними османов в случае возникновения войны между Россией и Турцией. К тому же эта часть населения Крыма являлась главным поставщиком налогов в ханскую казну. По поводу переселения 30-тысячной колонии христиан он ведет напряженные дипломатические переговоры с Шагин-Гиреем, противившимся их отправке из Крыма, поскольку этим резко подрывалась экономическая жизнь ханства.

Во избежание разрыва с благонадежным ханом, российское командование строго соблюдает добровольность переселения. Тем самым оно твердо подтверждает верность договорным обязательствам России по отношению к Крымскому ханству.

Российской дипломатии приходится прилагать немало усилий для избежания новой войны с Блистательной Портой, могущество которой было еще значительным. Турция так и не решилась на военные действия со своим северным соседом, устремленным к берегам Черного моря. Стамбул был вынужден официально признать независимость Крымского ханства и законность избрания на бахчисарайский трон Шагин-Гирея. В свою очередь, Россия обещала вывести войска из Крыма и Кубани, это было выполнено в 1779 году.

Тревожная обстановка в Крыму и на южных границах государства во многом наложила отпечаток на жизнь русской армии, стоявшей в Новороссии. Луганский пикинерский полк, в командование которым вступил полковник М. И. Голенищев-Кутузов, размещался по Днепровской укрепленной линии. Ситуация на Юге, когда складывалась предвоенная обстановка, требовала от командования поддержания высокой готовности войск, особенно таких боевых самостоятельных единиц как полк. Кавалерийский к тому же, в отличие от пехотного отличался высокой мобильностью в случае сбора войск по тревоге.

Командиру приграничного пикинерского полка приходилось оперативно решать массу текущих дел. Но прежде всего Кутузов видел свою задачу в повышении воинской выучки, поддержании высокой готовности конного полка к немедленным действиям. Суворовская «наука побеждать» осваивалась теперь в масштабе полка. Его настойчивость и целеустремленность в обучении подчиненных не раз обращали на себя внимание высшего начальства и самого Потемкина.

У молодого командира желания и сил для руководства полком хватало с избытком. Весь предшествующий опыт командования пехотной ротой, отдельными воинскими отрядами, гренадерскими батальонами позволял ему теперь уверенно, со знанием дела учить людей тому, что, в первую очередь, им необходимо уметь на войне.

Командир Луганского пикинерского полка являл собой для подчиненных образец исполнения служебного долга. Высокая общая и воинская культура,

уставная требовательность, общительность и доброжелательность к людям, низшим по званию и положению, выдержка, умение найти общий язык с подчиненными особенно с нижними чинами, забота об их скромном быте и повседневных нуждах делали свое дело. В полку создалась атмосфера взаимной ответственности, требовательности и появилось желание служить образцово.

Примечательно, что во время командования кавалерийским полком Кутузову довелось еще раз на себе получить уроки воинского искусства от своего бывшего полкового начальника. (Приказ генерал-майора А. В. Суворова по Кубанскому корпусу от 16 мая 1778 года, несколько позднее дошел до Крымского корпуса и других войск, расположенных в Новороссии.) В этом ставшем широко известном приказе А. В. Суворов подвел итоги своей деятельности на Кубани, подробно разбирая меры по организации войсковой службы, обучению разнородных войск, по сбережению здоровья подчиненных. В содержательной части знаменитого приказа уже обозначались основные идеи суворовской «Науки побеждать», ставшей настольной книгой для всех последующих поколений русского воинства.

Основная часть приказа представляла собой наставление полевым войскам. Она учила как строить каре для боя, удобное для обороны и, особенно, в наступлении, как учить нижних чинов результативной стрельбе и штыковому удару, как учить кавалеристов атаке на саблях, а казаков — атаке с дротиками.

«Кавалеристов начинать экзерцировать (обучать строго. — *А. Ш.*) конному пехотой (по конному. — *А. Ш.*), в заезжании, формировании на маршах, потом на конях большой атаке в полный карьер, на саблях и протчими для движения маневрами... Нужно наблюдение в эскадронах интервалов, для врубки сквозь оные второй кавалерийской линии, а между тем первая, при сильном опровержении противника, вмиг строитца по апелю (сигнал в кавалерии для сбора после атаки)... Конница рубит и колет разбитых и рассеянных в тыл или для лучшего поражения стесняет на кареи... Пехотные огни открывают победу, штыки скалывают буйно пролезших в кареи, сабля и дротик победу и погоню до конца совершают», — подытоживает свои взгляды на военное обучение кавалеристов Александр Васильевич Суворов [35].

На поприще полкового командира в Кутузове проявилась черта особенно необходимая полководцу — это правильная расстановка офицерских кадров, верный подбор своих ближайших помощников. Он умел поощрять ревностно служащих, строго относился к нерадивым, вплоть до их отчисления их полка.

Показательны в этом отношении два документа. В первом из них, в рапорте на имя Г. А. Потемкина, он «покорнейше просит» исключить из списка полка штаб- и обер-офицеров, которые, будучи зачислены в полк, к месту службы не явились, а вместо них назначить офицеров, которые, состоя сверх комплекта, исполняют должности вместо отсутствующих.

В другом документе — письме на имя начальника канцелярии Потемкина подполковника В. С. Попова он прилагает «списочек» «необходимых офицеров», которых удержать желает и потому просит закрепить их за полком и не планировать к перемещению по службе в другие полки [36].

Благодаря каждодневным стараниям М. И. Голенищева-Кутузова его полк выходит в число лучших среди пикинерских полков, стоявших на новой Днепровской пограничной линии. Непосредственный его начальник генерал-поручик А. Б. Де-Бальмен отмечал в рапорте Потемкину по результатам смотра «состоящих там полков... Луганский и Полтавский полки, старанием и попечением господ полковых и ратных командиров, во всех частях как внутреннего, так и наружно равно и в военной экзерциции доведены до такого стояния, которого только желать можно от конных полков...» [37].

Командирские труды полковника луганских пикинеров не остались без награды. Указом императрицы Екатерины II от 28 июня 1782 года Михайла Голенищев-Кутузов был пожалован в бригадиры. Это воинское звание было последним шагом к заветным генеральским эполетам.

В 1783 году Г. А. Потемкин произвел реформу легкой кавалерии русской армии. Шесть пикинерных полков, малых по численности, переформируют в три легкоконных полка. Командиром одного из них — Мариупольского — стал бригадир Голенищев-Кутузов. В его легкоконный полк вошел личный состав из двух пикинерных — Луганского и Полтавского.

С мая по конец 1783 года бригадир М. И. Голенищев-Кутузов, как записано в его формулярном списке, оказывается «внутри Крыма». К тому времени в Крымском ханстве произошли большие события. Осенью 1781 года в Прикубанье вспыхнуло восстание кочевавших там ногайцев, подготовленное

противниками Шагин-Гирея и турецкой агентурой. В мае следующего года волнения перекинулись в Крым.

Хан Шагин-Гирей укрывается от своих подданных в Керчи, где стоял русский гарнизон. Он обращается за помощью в Санкт-Петербург. Для его защиты императрица Екатерина II приказывает ввести русские войска на полуостров. Соответствующее приказание получает и генерал-поручик Де-Бальмен.

Русские войска, встретив слабое сопротивление, овладели Перекопом и за месяц очистили Крым от мятежных отрядов. Гораздо сложнее было навести прежний порядок на Кубани, поскольку ногайцы обладали немалой военной силой. Тогда правительство назначает командующим Кубанским корпусом А. В. Суворова, хорошо знакомого с обстановкой.

8 апреля 1783 года императрицей Екатериной Великой был подписан высочайший рескрипт о присоединении Крыма и Кубанского края. Этим законодательным актом упразднялось Крымское ханство, хан Шагин-Гирей удалялся из Крыма, а население переходило в российское подданство.

С политической карты того времени исчез не просто верный вассал Блистательной Порты. Прекратило свое существование некогда сильное ханство, ряд столетий существовавшее в немалой степени за счет бесчисленных грабительских, опустошительных набегов на соседние страны. Историческое соседство с Крымским ханством дорого обошлось Российскому государству, Польше с ее украинскими землями, Молдавии, многим горским народам Северного Кавказа. Это была цена многих тысяч человеческих жизней, проданных в рабство людей, выжженных поселений.

«Крымская заноза» далась Российскому государству большими ратными трудами. Только в царствование Екатерины II удалось решить проблему безопасности южных рубежей в степных просторах от Дунайского устья и ставропольских земель.

Присоединение теперь уже бывшего Крымского ханства к России прошло без заметных осложнений. Для обеспечения принятого государыней решения Крымскому, Кубанскому и Кавказскому корпусам предписывалось принять решительные действия. Суворову приказывалось занять войсками укрепления оставленной ранее Кубанской линии и готовиться к приведению кочевавших в Прикубанье ногайцев к присяге. В верховьях реки Кубань присягу должен был

принять командуемый Кавказским корпусом генерал-поручик П. С. Потемкин, родственник фаворита императрицы.

Полки легкой конницы под командованием генерал-поручика Де-Бальмена заняли важнейшие пункты в Крыму. Его население оказалось готовым к присяге на верность России. Успешно было проведено принятие присяги и в Прикубанье, хотя Суворову пришлось военной силой подавить вспыхнувший там 30 июля мятеж.

За успешное решение крымского вопроса Г. А. Потемкину был присвоен высший титул «князя Таврического». Почетными наградами получили также и военачальники, действовавшие в Крыму и на Кубани. Екатерина II всегда оказывалась щедрой на признание истинных заслуг своих верноподданных перед российским Отечеством и «ея императорским величеством».

Не остался без высокой награды за усмирение мятежников и М. И. Голенищев-Кутузов, назначенный в Крым помощником генерал-поручика графа Де-Бальмена. Первый биограф великого полководца Ф. Синельников отмечает: «...бригадир Голенищев-Кутузов, находясь со своею бригадою в Крыму..., участвовал самым деятельным образом во всех распоряжениях и мерах, которые приняты были к усмирению мятежников и к восстановлению тишины и спокойствия, за что награжден чином генерал-майора 24 ноября 1784 года» [38].

В тот год Михаил Илларионович похоронил отца. Получив отпуск по семейным обстоятельствам он решает вопросы наследования — закрепления за ним и братом поместий, имевшихся у отца в трех уездах: Великолукском, Опочецком и Пусторжевском (Новоторжевском).

Присвоение генеральского звания открывало Кутузову при его личных достоинствах и военных заслугах дальнейшие перспективы для продвижения по службе. Боевой опыт, благосклонность императрицы, крест Георгиевского ордена, способность успешно решать не только военные, но и задачи государственного значения — все это было давно замечено в кругах высшего командования русской армии и ближайшем окружении Екатерины II.

23 мая 1785 года президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический подписал ордер о новом назначении командира Мариупольского легкоконного полка генерал-майора Голенищева-Кутузова.

В ордере говорилось: «Начальству Вашему поручается Бугский егерский корпус, составленный из четырех батальонов команды господина полковника и кавалера Воеводского, а именно: 1-го 2-го егерских, 2-го мушкетерского Белорусского и 4-го Харьковского. Имеется по тому немедленно отправиться в Наместничество Екатеринославское, и, приняв в Вашу команду помянутые батальоны, составить корпус Бугский. Употребите всемерное старание о скорейшем вооружении вверенного Вам корпуса, так и снабжения всем по штату егерскому» [39].

Егерями называлась легкая пехота, состоящая из хороших стрелков, специально подготовленных для ведения огневого боя. В русской армии она впервые появилась в 1763 году. Опыт ее создания был проделан в Финляндской дивизии, где на каждую пехотную роту определили по пять метких стрелков. Всего их в дивизии набралось 300 человек. Создание опытных егерских команд прошло успешно.

В 1765 году при 25 пехотных дивизиях вводятся отдельные егерские команды из 65 стрелков во главе с офицером. Назначение егерей в войсках определялось четко — действовать в рассыпном строю и вести огневой бой. Для этого их вооружали более легкими ружьями, чем пехотинцев, они имели более легкую и удобную форму одежды и амуницию.

В егеря отбирали солдат «самого лучшего проворного и здорового состояния». Они должны были уметь ловко и быстро преодолевать препятствия, маскироваться и скрытно занимать боевые позиции. Все перестроения егеря совершали ускоренным шагом или бегом. Прицельное поражение неприятеля одиночными выстрелами определяло уровень воинской выучки егерей. Во второй половине XVIII века они представляли собой наиболее перспективный вид армейской пехоты.

Совершенствование структуры легкой пехоты в русской армии шло быстро. В 1777 году егерские команды пехотных полков сводятся в шесть батальонов. В 1784—1785 годах их развернули в егерские корпуса четырехбатальонного состава. Каждый батальон состоял из шести рот и его численность по штату определялась в 1004 человека.

Бугский егерский корпус существовал еще пока только в решении Военной коллегии — его предстояло сформировать. Надлежало отобрать «людей в егери годных, молодых и росту небольшого». Тем же потемкинским

приказом предписывалось в случае, если «в обоих батальонах мушкетерских, а также в егерских окажутся люди рослые и к егерской службе неспособные, таковых возвратить к господину полковнику Воеводскому».

Основной же задачей командира создаваемого Бугского егерского корпуса был не столько отбор людей, сколько как можно скорее обучить молодых солдат, пришедших из мушкетерских полков, и новобранцев меткой стрельбе, умелому пользованию в бою штыком и прикладом, не теряться в рукопашных схватках, легко ориентироваться и передвигаться в лесу, поле, горах, в летних и зимних условиях. Но главное, будущим егерям требовалось привить умение самостоятельно действовать в боевой ситуации — ведение боя в рассыпном строю принципиально отличалось от действий в составе каре или колонны.

К месту новой службы генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов убыл, сдав Мариупольский легкоконный полк, находившийся в полевом лагере, новому командиру. Им стал полковник Осип Михайлович Дерибас (Хосе де Рибас, испанец, на русской службе с 1772 г.), будущий адмирал, командир Дунайской гребной флотилии, один из основателей порта и города Одессы.

Весьма примечательно, что при самой тщательной процедуре приема, «недостатков и нечетов в полку не оказалось, военнослужащие чины денежным жалованьем и всем необходимым имуществом обеспечены, неудовольствия своего никто не высказал, а при расспросе каждый объявил, что всем доволен» [40]. Иначе говоря, старый командир передал новому Мариупольский легкоконный полк в безупречном состоянии.

Вплоть до глубокой осени в окрестностях слободы Водолаги под Полтавой шла напряженная учеба егерских батальонов Бугского корпуса. Выходы в поле с отработкой действий в рассыпном строю сменялись стрельбой с поражением на местность, марш-бросками, показательными занятиями. Много из того, что требовалось от легкой пехоты, делалось впервые и егерями, и их командирами.

Кутузов, организуя обучение, во многом следует примеру Суворова под чьим командованием ему довелось служить в Суздальском пехотном полку: вместо устаревших и непригодных для легкой пехоты инструкций им составляются новые, офицеры применяют их на практике во время боевой учебы егерских батальонов и рот, которая тщательно контролируется командиром корпуса. Многие руководящие документы, исходящие в батальоны

от его лица, проникнуты суворовскими взглядами на развитие русской армии, суворовской «Науке побеждать»,

Одна из инструкций егерям поучает: «Относиться с ружьем и держать его в чистоте, не простирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающего труды, бесполезные солдату... Обучать заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно, скоро... Приучать к проворному беганью, подпалзывать скрытными местами, скрываться в ямах и во впадинах, прятаться за камни, кусты, возвышения и, укрывшись, стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье. Показать им хитрости егерские для обмана и скрывает их места, как-то: ставить каску в стороне от себя, дабы давать неприятелю через ту пустую цель и тем спасти себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать. Учить также стрелять из пистолета, показав им меру выстрела, дабы понапрасну не стреляли на дистанции, куда пистолет не доносит...» [41].

Одновременно с боевым «сколачиванием» егерского корпуса, генерал-майору Голенищеву-Кутузову приходится выполнять и ответственные поручения Г. А. Потемкина-Таврического. Так, в 1786 году он совместно с полковником Всеводемским создает гренадерские батальоны для пяти полков 3-й дивизии, «выбрав людей способных как из прежних, так и вновь приводимых рекрут». Уже через пять месяцев непосредственный начальник командира корпуса бугских егерей генерал-поручик Х. И. Гейкин доложил Потемкину, что «батальоны Екатеринославского, Таврического, Фанагорийского и Киевского гренадерских полков генерал-майором и кавалером Голенищевым-Кутузовым укомплектованы людьми и готовы совместно с Бугским егерским корпусом выступить в поход в Екатеринославское наместничество» [42].

Вновь сформированные войска генерал-фельдмаршал Потемкин-Таврический решил передислоцировать на берег реки Буг. Егерский корпус, оставив в Водолаге только «трудно больных», совершил 135-верстный марш из Константинограда до слободы Каменки, стоящей на берегу Днепра. Переправившись через него на «казенных паромках» егерские батальоны вскоре прибыли на новое место расквартирования.

Их обустройство здесь на зимних квартирах складывалось непросто. Едва ли не самой серьезной проблемой стало «использование воды для питья», которая в Буге и его притоках — реках Ингуде и Грамоклее оказалась «совсем

неудобной». Местные колодцы были немногочисленны и неемки. В результате настойчивых поисков нашли «родничок» с «лучшей водой» — «вкусом приятна и по количеству своему достаточна». Важность находки «родничка» была столь значимой, что корпусной командир сообщил о нем лично Потемкину.

На всех командирских должностях М. И. Голенищева-Кутузова отличала забота о рядовом солдате — его быте, питании, здоровье. В одном из приказов по Бугскому корпусу он отмечает: «В бытность мою недавно во 2-м батальоне и осматривая между прочим батальонный лазарет, нашел оной в таком состоянии, которого довольно не похвалить не могу: чистота и изобилие в белье, в постелях и одеялах, чистота в посуде для квасу и прочего, все сии части в таком совершенстве, что могут служить примером заботливости и человеколюбия» [43].

На берегах Буга шла усиленная боевая подготовка: егеря учатся действовать в рассыпном строю и каре, совершенствуют отдельные навыки. В приказе командир корпуса требует от офицеров: «При обучении батальонов примечать рекомендую следующее —

1. Каре есть нужнейшее построение против... неприятеля; обучать строению оного со всякой скоростью, из фронта, из колонн разного рода как-то: дивизионной, полудивизионной, плутоножной (взводной. — А. Ш.) и четырехрядовой.

2. Обучать маршировать кареем в разные стороны тихим маршем, скорым, а иногда бегом на короткое расстояние, обыкновенным скорым маршем принимать вправо и влево.

3. Пальба плутоножная должна употребляться не только на месте, и во время движения употреблять около карея рассыпную цепь из резерва, ежели возможно...» [44].

М. И. Голенищев-Кутузов постоянно требует приблизить одиночную подготовку стрелков к реальным условиям боевой ситуации. Он вновь и вновь напоминает командирам батальонов и рот: «Не упустить егерей действовать и в россыпи по данным от меня наставлениям, избирать для сего самые неровные места».

Особое значение придавалось обучению егерей стрельбе по цели. Кутузов писал: «Об успехе оной сомневаться не можно, ежели приложить старание и откинуть старинное предупреждение, будто бы российского

солдата стрелять цельно выучить не можно» [45]. Егеря усиленно занимаются огневой подготовкой. Корпусной генерал наставляет своих офицеров, говоря, что по числу лучших стрелков «узнать можно годность ротного командира». Когда из тыловых складов доставляется необходимое количество пороха и в батальонах проводятся учебные стрельбы — «пушечные экзерциции», генерал-майор Голенищев-Кутузов лично присутствует на них.

Форсирование боевой подготовки шло не только в бугском егерском корпусе. В течение всего 1786 года посол России в Турции доносил в Санкт-Петербург об усилении в окружении султана сторонников военного реванша по отношению к северному соседу. Президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин в конце года выезжает из столицы на Юг, чтобы на месте принять меры для укрепления государственной границы и предотвращения надвигающейся войны. Вместе с ним отправляется и генерал-аншеф А. В. Суворов, помощь которого Потемкину просто необходима.

В это время императрица Екатерина II задумала провести необычную внешне-политическую акцию, чтобы продемонстрировать Европе военную и экономическую мощь России: в первой половине 1787 года она предпринимает поездку в южные области империи, которые находились под управлением ее ближайшего помощника в государственных делах и фаворита Григория Потемкина. Государыню сопровождало и большое число иностранцев, осведомлявших своих правителей о делах российских и, разумеется, о состоянии русской армии и флота.

7 января санный поезд императрицы выехал из Царского Села. На всем пути ее следования разыгрывалось действо, поражавшее иностранцев — всевозможные празднества, фейерверки, парады войск, военные маневры, приемы... Роль режиссера-постановщика взял на себя лично Г. А. Потемкин-Таврический.

Царский поезд прибыл в столицу Екатеринославского наместничества город Кременчуг 30 апреля. Здесь Потемкин продемонстрировал императрице воинские части, сформированные им в последние годы в Новороссии. Высочайшего смотра удостоились шесть легкоконных полков — Сумский, Ахтырский, Изюмский, Харьковский, Павлоградский и Мариупольский, батальоны Екатеринославского гренадерского полка, Екатеринославский кирасирский полк и Бугский егерский корпус.

Одним из главных действующих лиц среди генералитета, собравшегося в Кременчуге, стал М. И. Голенищев-Кутузов. Высочайший смотр явился для него экзаменом на зрелость в ранге военачальника. Шутка ли сказать, проверке подвергался и его родной Мариупольский легкоконный полк, которым он командовал восемь лет, и недавно сформированный им батальон Екатеринославского гренадерского полка, и, наконец, последнее его детище — Бугский егерский корпус.

Собранные в Кременчуге со всей Новороссии войска понравились Екатерине II и произвели сильное впечатление на ее спутников, европейских дипломатов. «Войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно...» — напишет императрица в столицу Н. И. Салтыкову [46].

В письме из Кременчуга генералу П. Ф. Еропкину государыня отметила: «Здесь я нашла треть прекрасной легкой конницы. Она такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало» [47].

Затем Екатерина II посетила Крым, посмотрела парад кораблей молодого русского Черноморского флота, а на обратном пути остановилась в специально выстроенном армейском полевом лагере под Блакитной. Его устройством занимал генерал-аншеф Суворов, удостоенной за это монаршей награды — золотой табакерки с вензелем Екатерины II и украшенной бриллиантами. Здесь высочайший смотр был проведен другим пяти легкоконным полкам и еще драгунскому Смоленскому.

Малороссия летом 1787 года напоминала собой театр боевых действий. В конце июня войска потянулись к Полтаве, куда 7 июля прибыла со всей блестящей свитой самодержица. Здесь, на следующий день, после обозрения поля знаменитой Полтавской битвы, собранные войска приняли участие в маневрах, воспроизводящих ход сражения русской и шведской армий под крепостью Полтавой. Русские полки под начальством генерал-аншефа Ю. В. Долгорукова, имея сорок орудий полевой артиллерии, атаковали стоявшего перед ним неприятеля. В грандиозном военном учении участвовал и Бугский егерский корпус генерал-майора Голенищева-Кутузова, которому на смотре «Ее Императорского Величества» подчинялись еще четыре гренадерских батальона.

Полтавские маневры стали не только данью памяти победе в крупнейшем сражении Северной войны 1700—1721 годов, когда полное поражение

потерпела сильнейшая европейская армия королевства Швеции. Императрица Екатерина II, полновластный властелин Юга России князь Потемкин-Таврический, Военная коллегия смотрели гораздо шире. Международная ситуация обязывала государственные верхи продемонстрировать странам Европы и Стамбулу свою военную мощь, готовность русской армии к назревавшей на берегах Босфора новой русско-турецкой войне.

Генерал-фельдмаршал Потемкин показал на поле Полтавской битвы императрице и ее свите, иноземным дипломатам (и шпионам по совместительству) не все войска, стоявшие на Юге. Президент Военной коллегии постарался продемонстрировать выучку прежде всего новых видов войск — легкой регулярной кавалерии и егерей, ударную силу любой армии того времени — гренадеров и артиллерии. Такой показ вполне удался.

Потемкинские генералы, которым в большинстве предстояло пройти не через одну войну, «выказали» искусство вождения разнородных войск, умелое руководство ими на маневрах, при столкновении с «противником». В камер-фурьерском журнале было записано что войско «во всех движениях доказало совершенное устройство и похвальную расторопность» [48].

Отменной выучкой отличились на маневрах батальоны Бугского егерского корпуса. Действия легкой пехоты заслужили монаршьё одобрение: «Благодарю Вас, господин генерал. Отселе вы у меня считаетесь между лучшими людьми и в числе отличнейших генералов», — сказал императрица Екатерина II командиру бугских егерей по окончании Полтавских маневров.

Награда генерал-майору М. И. Голенищеву-Кутузову не заставила себя долго ждать: маневры под Полтавой с самой лучшей стороны продемонстрировали обученность егерей Бугского корпуса. Заслуги его командира были отмечены награждением 11 июля 1789 года орденом Святого Владимира 2-й степени. Его было почетно получить и на войне.

Генерал-фельдмаршал Потемкин в поздравлении по этому поводу отметил «усердную службу, радение и отменную исправность в исполнении порученного» георгиевского кавалера. В скорой войне с Турцией князь Таврический большие надежды возлагал на легкие войска — конные и пешие, маневренные, с хорошей выучкой, мобильные.

Отныне на левой стороне груди Кутузова будет сиять, отливая золотом и серебром, его первая звезда — орден Святого Равнопрестольного князя

Владимира. «Вторая екатерининская» война России с Турцией даст ему новые награды — боевые.

Итак, военная карьера складывалась у Голенищева-Кутузова удачно. Нашел он и свое семейное счастье. В 1787 году в его жизни произошло важное событие. 40-летний полковой командир 27 апреля (8 мая) вступил в брак с Екатериной Ильиничной Бибиковой, которой было чуть больше 20 лет, младшей дочерью инженер-генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова, участника Семилетней войны, человека большого ума и обширных знаний, представителя древнего дворянского рода, корни которого уходили в начало XIV века.

Со своей будущей женой Михаил Илларионович познакомился в доме своего дяди Ивана Логиновича, когда она была еще 13-летним подростком и жила в доме адмирала и его супруги, своей старшей сестры по отцу, Авдотьи Ильиничны, после кончины матери.

Стройный, прекрасно сложенный молодой офицер с «выразительными карими глазами», остроумный и деликатный, веселый, смешливый, легко копирующий голосом, мимикой и жестами хорошо знакомых ей людей, покорило воображение юной Катеньки.

Время сделало свое дело: через 8 лет хрупкая и угловатая девочка с густыми черными волосами, какой запомнил Михайла Кутузов свою дальнюю родственницу перед длительным расставанием, совершенно преобразилась. Она превратилась в красивую изящную девушку, на тонком лице которой выделялись огромные глаза, восторженно смотревшие на своего кумира.

Михайла Голенищев-Кутузов предстал перед своей избранницей мужественным офицером, с орденом Святого Георгия на груди. Следы страшного ранения лишь подчеркивали необычность и неповторимость образа избранника Екатерины Бибиковой. В подарок Екатерине Ильиничне Кутузов заказал художнику П. Ротари свой портрет в форме штаб-офицера Луганского пикинерского полка с орденом Святого Георгия 4-й степени на мундире. По желанию заказчика живописец не показал на портрете следы ранения на лице.

По многочисленным свидетельствам, любовь, глубокое уважение и неустанная забота друг о друге и детях сопровождали их в течение всей жизни. Ее письма мужу, близким родственникам наполнены постоянной тревогой за его судьбу, ведь большую часть жизни ему пришлось провести в военных

походах. В своих письмах Михаил Илларионович постоянно обращался к жене «мой друг», чаще всего подписываясь в конце «верный друг Михайла Г-К».

Лишь один эпизод из жизни кутузовской четы. «Михайла Ларионовича не видела 8 месяцев, — сетует Екатерина Ильинична в письме его дальнему родственнику А. М. Кутузову. — Теперь стоят под Измаилом, который, думаю, возьмут... Но частые удары на кого упадут, неизвестно. Боюсь, чтоб не была я избрана перенести оный в потере Михаила Ларионовича. Мысль сия меня уже съедает...» [49].

И далее в другом письме: «...Награждена божею милостию, что спас Михаила Ларионовича, ...не только оставил его живого, но и здорового. Услыша сие, была порадована несказанно...» [50].

Супружеская поддержка, стойкость и терпение жены великого полководца не остались незамеченными для царственных особ России. 5 апреля 1797 года, в день коронации императора Павла I, Екатерина Ильинична была пожалована орденом Святой Екатерины, единственным чисто «женским» орденом российского Отечества. 30 августа 1812 года Александр I пожаловал урожденную Бибикову в придворное звание статс-дамы в награду за заслуги ее супруга в Бородинской битве, прославившей русское оружие.

Скончалась светлейшая княгиня Е. И. Голенищева-Кутузова-Смоленская 23 июня 1824 года. Ее погребли в церкви Сошествия Святого Духа в Александро-Невской Лавре.

У супругов Голенищевы-Кутузовых было шестеро детей: пять дочерей и сын Николай. Он умер от оспы в младенчестве, на первом году жизни, в ноябре 1790 года. Смерть единственного сына, продолжателя рода и фамилии Голенищева-Кутузова, глубоко потрясла родителей. Горестное известие Михаил Илларионович получил, находясь под Измаилом.

Старшая дочь Прасковья Михайловна (1777—1844) была замужем за сенатором М. Ф. Толстым. Вторая дочь — Анна (1782—1846) вышла замуж за генерал-майора Н. З. Хитрово.

Средняя дочь Елизавета, любимица отца, родилась в 1783 году, вышла замуж в 19 лет за флигель-адъютанта императора Александра I графа Ф.И. Тизенгаузена, через три года героически погибшего в сражении при Аустерлице. Именно его гибель навела Льву Толстому сцену ранения Андрея Болконского в Аустерлицком сражении. Елизавета Михайловна, поклонница и

знакомая поэта А. С. Пушкина, вторично вышла замуж за генерал-майора Н. Ф. Хитрово, ставшего временным поверенным в делах России во Флоренции.

Предпоследняя дочь, Екатерина Михайловна (1787—1827), была замужем за генерал-майором князем Н. Д. Кудашевым, погибшим в октябре 1813 года. Вторично она вышла замуж за генерал-майора И. С. Сарачинского. Младшая из дочерей, Дарья (1788—1854), была замужем за обер-гофмейстером, членом Государственного Совета Ф. П. Опочининым.

В 1859 году старший внук Михаила Илларионовича, генерал-майор в отставке Павел Матвеевич Толстой в ответ на свое прошение императору Николаю I высочайшим указом получил «дозволение ему и единственному сыну его Павлу, как происходящим по женскому колену от князя Голенищева-Кутузова-Смоленского, именоваться Голенищевыми-Толстыми с тем, чтобы такое присвоение фамилии не изменяло порядка наследования в родовом имени» [51].

Глава вторая

Возмужание полководца

Российской дипломатии так и не удалось предотвратить новую, большую войну с Османской империей. Благоразумие не возобладало в султанском окружении, печальные уроки «первой екатерининской» войны оказались напрочь забыты.

15 июля 1787 года послу России в Стамбуле Якову Ивановичу Булгакову вручается ультиматум с требованиями, которые перечеркивали все ранее достигнутые соглашения и трактаты между двумя соседними государствами. Турция требовала отозвать русских консулов из Ясс, Бухареста и Александрии, а турецких консулов допустить во все российские гавани и торговые города в

Северном Причерноморье. Россия должна также согласиться на досмотр всех своих судов, проходивших через проливы Босфор и Дарданеллы.

В ультиматуме речь шла о прямом и грубом нарушении суверенных прав Российского государства. Противная сторона заранее знала, что для Санкт-Петербурга такие требования просто неприемлемы. Ответ на них было предложено дать не позднее 15-го августа.

Стамбул явно форсировал развитие событий. До установленного срока Я. И. Булгакова пригласили на заседание дивана — совета при турецком султани. От посла в категорической форме потребовали немедленного возвращения Блистательной Порте Крыма и признания недействительным Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Русский посол держался с достоинством. Я. И. Булгаков отказался передать такой ультиматум императрице Екатерине II, сказав, что ему заранее известен ее ответ. Других слов от него члены дивана не ожидали. 5 августа посла арестовали и заключили в Семибашенный замок — Константинопольскую политическую тюрьму, где уже успел побывать не один полномочный посланник государства Российского.

13 августа 1787 года Турция, поддерживаемая Лондоном и Парижем, официально, в которой уже раз, объявила России «священную» войну. В Стамбуле даже не стали ждать ответа из Санкт-Петербурга на предъявленный ультиматум.

Руководство русской армией в начавшейся войне Екатерина II возлагает на президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического. Екатерининский фаворит принимает меры по обеспечению безопасности южной государственной границы: войска, принимавшие участие в Полтавских маневрах, срочно перебрасываются в Херсон, главную тогда морскую базу России на Черном море, в Екатерининскую губернию, к границе вдоль реки Южный Буг.

Бугский егерский корпус возвращается из-под Полтавы к месту дислокации по уже известному маршруту. Батальоны совершив ускоренный марш, 12 августа переправляются через Днепр и далее держат путь в Ольвиополь. Там назначается сборный пункт русской действующей армии.

Особые надежды, и не без основания, возлагает на недюженные способности генерал-аншефа А. В. Суворова, находящегося в Херсоне. Ему

поручается наблюдение за всеми передвижениями турецких сил у Очаковской крепости и по Бугу.

Российская императрица Екатерина II подписала высочайший манифест о войне только 7 сентября: главнокомандующим армией утверждается генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин, второе лицо в империи, ему же вверялось непосредственное руководство главной действующей армией — Екатеринославской, насчитывавшей 82 000 человек и 180 орудий. Вспомогательная или Украинская армия под командованием генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева имела 37 000 человек и 50 орудий [1].

Бугский егерский корпус до июля 1788 года находился «у закрытия границ по Бугу», входя в состав сил Главной армии. Они располагались в Екатеринославском наместничестве под общим командованием генерал-аншефа князя Ю. В. Долгорукова. Помимо егерей, в подчинении у генерал-майора Голенищева-Кутузова находились Елисаветградский, Херсонский и Александрийский легкоконные полки с 12 орудиями. По сути дела он командовал приграничной группировкой войск, состоявшей из легкой пехоты, конницы и артиллерии.

Граница по Бугу опиралась на крепость Ольвиополь и охранялась тщательно. Кутузов решил усилить крепостной гарнизон, оставив здесь 150 егерей, два эскадрона Херсонского полка и сотню казаков. Основные силы он расположил между Ольвиополем и устьем реки Ингул. Усиливаются пограничные кордоны, под круглосуточный контроль берутся броды через Буг. По самой реке круглые сутки разъезжали солдаты в лодках, осматривая камыши и противоположный берег Буга.

Базовый лагерь кутузовских войск разбивается в верстах двадцати от речного берега в удобном для выдвижения месте между селами Александровка и Константиновка. Корпусной командир видит свою задачу в своевременном пресечении всяких попыток неприятеля перейти границу по Бугу.

В середине сентября решением главнокомандующего кутузовский корпус передвигается к устью Буга: «обстоятельства требуют подкрепить Херсонскую часть, ибо неприятель начал покушаться на Кинбурн» [2]. Прибыв к устью Буга с тремя егерскими батальонами и двумя легкоконными полками, генерал-майор Михайла Голенищев-Кутузов поступает в непосредственное подчинение

Суворову, державшему свою штаб-квартиру в Кинбурне, и который был рад вновь увидеть в своем подчинении исполнительного и инициативного командира.

Турция имела огромный флот, и, вне всяких сомнений, стремилась лишить Россию ее присутствия на черноморских просторах. Стамбул несколько столетий смотрел на Черное море как на свое внутреннее.

Поэтому представлялась очевидной попытка османов уничтожить Херсон, на верфях которого строили корабли для молодого русского флота. Эту главную Черноморскую базу России на дальних к ней подступах прикрывала крепость Кинбурн.

Весь боевой участок Херсон-Кинбурн поручили генерал-аншефу А. В. Суворову, командовавшему в 1787 году приморской частью Екатеринославской армии. Важность кинбурнских позиций князь Потемкин-Таврический подчеркнет в письме императрице Екатерине II: «От храбрости сих войск зависит спасение...».

Суворов, проверяя войска, лично ставит своему бывшему ротному командиру задачу обороны границы. Легкоконные Павлоградский и Мариупольский полки подтягиваются поближе к Кинбурну, чтобы в случае надобности усилить его гарнизон.

Опасность нападения на Кинбурнскую крепость усиливалась с каждым днем. Осенью под стенами Очакова собрался впечатляющий по численности кораблей султанский флот с десантом на борту, закрывший собой выход в море из Днепровско-Бугского лимана. Стороны вели усиленную разведку. Суворов приказал нести дозорную службу «должным образом», чтобы обезопасить себя от внезапного удара с моря.

1 октября турки после ожесточенной бомбардировки русских позиций с кораблей Очаковской эскадры, подошедшей к Кинбурну на дальность пушечного выстрела, начали высаживать десант на Кинбурнскую косу: прибывшие на лодках 5000 янычар — отборной султанской пехоты двинулись по песчаной косе на штурм крепости.

Русская пехота, усиленная казачьими и легкоконными полками, уничтожила большую часть высадившихся на Кинбурнской косе янычар. Лишь немногие сумели добраться на лодках до своих кораблей. Суворов лично руководил отражением турецкого десанта и был дважды ранен, за что

удостоился высшей награды Российской империи — ордена Святого Андрея Первозванного.

Вскоре отряд запорожцев, состоявших на службе у османского султана, в два часа ночи попытался, переправившись через Буг, захватить Осицкую косу. Однако неприятеля обнаружили донские казаки — после перестрелки запорожцев прогнали к лодкам, и они были «вынуждены уехать обратно».

Для содержания пограничных кордонов и конных разъездов к генерал-майору Голенищеву-Кутузову дополнительно поступают три казачьих полка — Донской Табунщикова, первый и второй бугские. Чтобы не упустить теплое время, он предпринимает форсированное укрепление Николаевской крепости (ныне город Николаев): ежедневно наряд егерей в 180 человек ведет земляные работы вокруг замка, а внутри его ликвидируются многие хозяйственные пристройки, сооружаются подмости для установки пушек.

Проверявший состояние Николаевской крепости, начальник 1-й дивизии Екатеринославской армии генерал-аншеф Н. В. Репнин нашел, что все Голенищева-Кутузова «весьма порядочно, как и укрепление здешнего замка же хорошо устроено, так что... при сем poste под предводительством его... в случае нападения неприятельского все пойдет с желаемым успехом» [3].

Корпусной командир проявляет заботу о вооружении егерей. По его заявкам каждому батальону придается по одному восьмифунтовому единорогу и одной трехфунтовой пушке. Для обучения батальонных канониров пушечной стрельбе на каждое орудие получается 2,5 пуда пороха, а для обучения стрелков — по 840 готовых восьмизолотниковых пуль на батальон.

При корпусе образуется команда «верных казаков» под начальством секунд-майора Захара Алексеевича Чепеги, ставшего в июле 1788 года кошевым атаманом Черноморского казачьего войска. «Верными казаками» называли запорожцев, перешедших на службу России после ликвидации в 1775 году Запорожской Сечи. Другая часть запорожцев бежала в Турцию и поселилась на Дунае, образовав там Дунайскую Сечь.

М. И. Голенищев-Кутузов доносил армейскому командованию в рапорте, что «верных казаков» к нему «ежечасно пребывает». Команда Чепеги вооружается пиками и пистолетами, обучается стрельбе, ведению пехотного боя. Черноморское казачье войско пройдет всю войну и после ее завершения

по указу императрицы Екатерины II поселится на Тамани и близлежащем правом берегу Кубани, став в будущем частью Кубанского казачьего войска.

Наступившая зима была в Северном Причерноморье необычно холодной — река Буг замерзла, и противник мог воспользоваться этим. Генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов принимает дополнительные меры предосторожности. Вдоль Буга рассылаются, малые разъезды, которые по вечерам, перейдя на другой берег, осматривают степь с курганов. Также по заданию командира егерского корпуса, хорошо понимавшего значимость достоверных сведений о неприятеле еще со времен квартирмейстерской службы, за Буг на турецкую сторону в разведку ежедневно высылаются небольшие специальные отряды — «партии». Сбором разведывательных данных занимались и более крупные отряды «верных казаков» секунд-майора Чепеги и полковника Дягина от Донского казачьего полка. Полезную информацию приносили с собой перебежчики, бывшие запорожцы.

Все попытки противника вторгнуться на сопредельную территорию малыми и большими отрядами зимой и весной 1788 года проваливались. Его своевременно обнаруживали или конные разъезды, или «разъездные лодки», и, обычно, не принимая боя, турки возвращались восвояси.

Заботясь о надежности прикрытия государственной границы, генерал-майор и кавалер М. И. Голенищев-Кутузов, не забывал при этом и о безопасности местного населения Прибужья. По его указанию «жителям, для хлебопашества приехавшим, жен и детей на берегу при себе иметь не велено»; мужчины не должны ночевать по разным избам, а размещаться на ночлег «потеснее в несколько изб», и при них обязаны быть караул и разъезд; «пахарям при их плугах близко берега также ночевать поодиночке запрещено, и за всем этим поручено «строжайшее смотрение казачьим полковникам...» [4].

Весной 1788 года султанское командование решило активизировать боевые действия в Северном Причерноморье. 20 мая под Очаков прибыл турецкий флот — 92 вымпела, в том числе 14 линейных кораблей. Они доставили все необходимое очаковскому гарнизону.

Для начала турки решили атаковать с моря пристань Глубокую, форпост Херсона. Россия была готова к решающему столкновению на водах Днепровско-Бугского лимана, хотя соотношение в численности парусных кораблей для действий в открытом море складывалось не в ее пользу:

Севастопольская эскадра насчитывала всего 3 линейных корабля и 14 фрегатов. В Херсонской парусной эскадре было 2 линейных корабля и 6 фрегатов. Однако Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический сумел подготовить сюрприз султанскому флоту: в Лимане укрывалось 65 судов Днепровской гребной флотилии, которой командовал принц К-Г. Нассау-Зиген, состоявший на русской службе.

Получив сообщение о прибытии турецкого флота под Очаков, Г. А. Потемкин приказал Бугскому егерскому корпусу «следовать вниз по Бугу... и соображаться в своих действиях с войсками в Херсоне и на Глубокой находящимися». Егерские батальоны, полностью снаряженные, прибыли к пристани Глубокой и расположились там. Корпусу придали два Донских казачьих полка — Василия Орлова и Гавриила Бокова.

7 июня в 7 часов утра турецкая гребная флотилия, поддержанная несколькими мелкосидящими в воде парусными кораблями, пошла в атаку на русские суда, стоявшие в Лимане. Вся тяжесть сражения легла на гребную флотилию принца Нассау-Зигена, поскольку встречный ветер не позволил русским парусникам вступить в бой. Исход сражения в Лимане решила более искусная русская артиллерия: не выдержав меткого пушечного огня, турецкие суда бежали к Очакову; в воздух взлетели корабль и шебека (небольшое трехмачтовое парусно-гребное судно, имевшее на вооружении от 12 до 40 орудий).

Султанское командование не отказалось от мысли уничтожить новопостроенный флот России, стоявший в Лимане. 17 июня сражение в его водах повторилось. На сей раз в Лиман вошли многопушечные турецкие линейные корабли, но, оказавшись на мелководье, они с трудом маневрировали, часть из них села на мель, сделавшись в конце концов добычей маневренных гребных судов русских.

На следующий день в четыре часа утра в Лимане разгорелось новое морское сражение. Г. А. Потемкин успевает прислать подкрепление — 22 новые канонерские лодки. Турецкий флот в жестоком бою теряет два линейных корабля, одну шебеку и позорно отступает. Когда турецкие корабли стали выходить из Лимана, на Кинбурнской косе заговорили суворовские батареи, потопив семь судов.

Разгром султанского флота, искавшего спасение под защитой орудий Очаковской крепости, довершила русская гребная флотилия.. В новой схватке на водах Лимана было взорвано пять линейных кораблей и захвачен невредимым вражеский фрегат. А. В. Суворов доносил главнокомандующему привычно кратко: «Прежде Очаков не наш, разбит флот».

Разгромленный в ходе нескольких боев в Днепровско-Бугском лимане турецкий флот уже не мог угрожать Херсону с его кораблестроительными верфями. Генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин решил усилить осаду крепости Очаков, самой мощной из всех, что имелось у Блистательной Порты в Северном Причерноморье.

Под вражескую крепость начинают сходить главные силы русской армии. В соответствии с приказом главнокомандующего в поход выступают и два батальона бугских егерей. В биографии генерал-майора М. И. Голенищева-Кутузова открывается новая страница.

Осаждение Очакова основными силами Екатеринославской армии началось в первых числах июля 1788 года. К тому времени крепость держалась в осаде уже пять месяцев. Турки уверенно защищались, изредка делая дерзкие вылазки из-за крепостных стен. 1 июля положение очаковского гарнизона впервые осложнилось: русская гребная флотилия Нассау-Зигена уничтожила турецкие суда, стоявшие под крепостными стенами.

Осаду Очакова потемкинская армия повела по классической схеме: осаждавшие приступили к рытью траншей и возведению батарейных позиций, постепенно приближая их к крепости. Русские батареи бомбардировали Очаков, стремясь подавить его многочисленную артиллерию и пробить бреши в крепостных стенах. Осадные работы велись медленно, с большими трудами, каменистая почва поддавалась плохо. В земляных работах участвовали все войска, днем и ночью сменяя друг друга.

Генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин прибыл в осадный лагерь 16 июля. Познакомившись с ходом осады крепости, он поручил осаждение Очакова генерал-аншефу А. В. Суворову. Работы пошли быстрее. Обеспокоенные турки через десять дней днем предприняли сильную вылазку, напав на сторожевые пикеты бугских казаков на левом фланге.

Бой принял встречный характер и шел с переменным успехом. Сперва из крепости выехало 50 конных турок, за ними скрытно по ложине следовало до

500 пеших. Бугские казаки — 60 конных и до 100 пеших — под начальством полковника П. М. Скаржинского приняли рукопашный бой. Подоспевшие 93 стрелка Фанагорийского полка ружейным огнем помогли бугским казакам отбить нападение. Тогда из Очакова к месту схватки поспешили новые отряды осажденных, общим числом до 3 тысяч. Руководивший отражением вылазки Суворов ввел в бой новые батальоны. В конце концов туркам пришлось отступить в крепость.

Ожесточенный бой под крепостными стенами был кровопролитным: потери турок исчислялись от 300 до 500 человек, еще больше было раненых, осаждавшие потеряли 153 человека убитыми и 210 ранеными [5].

Генерал-аншеф А. В. Суворов, раненный в разгар схватки пулей в шею, вынужден был 2 августа для лечения «болезни раны» убыть в Кинбурн и под Очаков больше не вернулся.

Взявший на себя руководство осадой генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин продолжал методично сжимать полукольцо осадных батарей под Очаковым. Бомбардировки с моря и суши наносили большие разрушения в крепости, но ее гарнизон держался стойко. Он ожидал помощи, которая могла прийти с султанским флотом. Время от времени турки совершали вылазки, стараясь помешать осадным работам и уничтожить батареи русских.

Одна из таких вылазок была предпринята 18 августа. Князь Таврический сообщил о ней императрице Екатерине II: «По сделании двух батарей противу Очакова на левом фланге армии при заложении таковой же на правой стороне пред садами, в ближнем от города расстоянии, 18-го сего месяца турки учинили к последней сильную вылазку. Они атаковали прикрытие, из егерских батальонов составленное, и сражение между ними продолжалось под жестким с батарей огнем долее четырех часов. Неприятель... стоял отчаянно, но везде был сломлен и в бегство обращен, претерпев урону до пяти сот раненых и убитых. Егери поступали в сем случае с беспримерною неустрашимостью, и турки, не взирая на выгоду места, везде бежать принуждены...» [6].

Бой с рукопашными схватками шел с переменным успехом, втянув в себя с обеих сторон несколько тысяч человек. Успешному исходу его помогла русская гребная флотилия, подошедшая близко к берегу. С судов был открыт яростный пушечный огонь по флангу вышедших из крепости турецких войск.

Во время отражения этой вылазки осажденных Кутузов получил тяжелое ранение в голову. Об обстоятельствах этого ранения рассказал находившийся при русской армии принц Де-Линь, оказавшийся 18 августа рядом с М. И. Голенищевым-Кутузовым. Когда турки приблизились на 700 сажен к ретраншементу, где находились егерский генерал и Де-Линь, принц подозвал Кутузова к амбразуре, чтобы лучше обозреть атакующего неприятеля. В этот момент, как утверждает Де-Линь, ружейная пуля поразила генерала в щеку близ того самого места, в которое он был ранен в 1774 году. Кутузов схватился руками за голову и сказал принцу: «Что заставило тебя подозвать меня к этому месту в сию минуту?» «Доктора при ранении Кутузова не было. Он еще продолжал отдавать распоряжения после ранения, но от потери крови почувствовал слабость, и его вынесли с поля боя» [7].

«„Вчера опять прострелили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра он скончается“, — написал принц Де-Линь австрийскому императору Иосифу сразу после ранения одного из лучших потемкинских генералов» [8].

Повторное тяжелое — фактически смертельное ранение Михаила Илларионовича в голову продолжает и сейчас волновать исследователей его полководческой биографии. Существуют две версии о характере ранения М. И. Голенищева-Кутузова 18 августа 1788 года.

Суть первой состоит в следующем. В сборнике о жизни и военных подвигах М. И. Кутузова указывается, что в сражении под Очаковым в 1788 году «пуля вошла в щеку и прошла насквозь в затылок» [9]. То же повторяет А. В. Суворов: «... пуля ударила его в щеку и вылетела в затылок. Он упал. Все ожидали, что рана смертельна. Но Кутузов не только остался жив, но даже вскоре поступил в боевые ряды» [10]. Эту версию о ранении подтверждает в своих воспоминаниях внук полководца, отставной генерал-майор Павел Матвеевич Голенищев-Кутузов-Толстой, приводя сведения об участии его знаменитого деда в сражениях: «...в 1788 году противу турок при Очакове, где ранен пулею в щеку с вылетом в затылок» [11].

Совсем другой характер ранения описывает первый биограф полководца Ф. Синельников. «Пуля прошла навывлет из виска в висок позади обоих глаз. Сей опасный сквозной порыв нежнейших частей и самых важных по положению височных костей, глазных мышц, зрительных нервов, мимо которых на волосок чаятельно расстоянием прошла пуля и мимо самого мозга — после

излечения не оставил других последствий, как только что один глаз несколько искосило. Все думали, что он умрет, но Кутузов... жив и вылечился скоро» [12].

Спустя много лет специалисты Военно-медицинской академии и Военно-медицинского музея провели анализ ранений М. И. Кутузова и фактически подтвердили характер второго ранения, описанного Ф. Синельниковым. Учитывая тяжесть и характер ранения, они заключили, что оба ранения (первое и второе) были внемозговые, так как М. И. Кутузов в состоянии был еще почти 40 лет после огнестрельных ранений головы вести активную жизнь. Окончательный диагноз специалистов-медиков гласил: двукратное касательное открытое непроникающее черепно-мозговое ранение, без нарушения целостности твердой мозговой оболочки; коммоционно-контузионный синдром; повышенное внутричерепное давление [13].

Главный хирург Екатеринославской армии Массот (Массо), оказавший медицинскую помощь раненому генералу и, несомненно, лечивший его в полевом госпитале под Очаковым, так прокомментировал повторное тяжелое ранение Михаила Илларионовича: «Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам науки медицинской» [14].

Узнав из потемкинского донесения о ранении давно примеченного ею военачальника, императрица Екатерина II уже 31 августа в письме Г. А. Потемкину запрашивала о его здоровье: «Отпиши, каков Кутузов и как он ранен, и от меня прикажи наведываться». 18 сентября она снова передает наказ генерал-фельдмаршалу: «Пошли, пожалуй, от меня наведываться, какой генерал-майор Кутузов, я весьма жалею о его ранах». Позднее, 7 ноября императрица вновь спрашивается о нем у Потемкина: «...отпиши ко мне... каков генерал Кутузов» [15].

Осада Очаковской крепости затягивалась. В ноябре «верные казаки» — запорожцы взяли приступом с моря остров Березань, охранявший подступы к Очакову, пленив его гарнизон вместе с пашой. На артиллерийские обстрелы турецкие пушки отвечали огнем. С началом зимы сильные снегопады остановили активные боевые действия.

Русские солдаты и офицеры жили в землянках, шалашах и палатках. Начались массовые болезни, унесшие немало человеческих жизней. Лазареты были переполнены не столько ранеными сколько больными. Недоставало

хорошей питьевой воды. Еще хуже дело обстояло с топливом в безлесистой степи.

Генерал-фельдмаршал Потемкин не мог не видеть бедственного положения войск Екатеринославской армии, участвовавших в осаде Очакова. 1 декабря главнокомандующий подписал диспозицию штурма крепости. Она была составлена в соответствии с планом, разработанным генералом Иваном Ивановичем Меллером, находившимся «при Екатеринославской армии во управлении артиллериею и инженерною частию».

Согласно диспозиции штурм крепости должен вестись шестью колоннами, нападавшими с разных направлений. Для развития успеха выделялся сильный резерв. На военном совете 5 декабря были окончательно уточнены задачи штурмовых колонн.

Штурм Очаковской крепости начался на следующий день, 6 декабря, в семь часов утра. Турецкий гарнизон сопротивлялся отчаянно, но выдержать яростного натиска русских не смог. Крепость пала всего лишь через час с четвертью.

«Поздравляю Вас с крепостию, которую турки паче всего берегли, — писал Г. А. Потемкин-Таврический из поверженного Очакова императрице Екатерине II. — Дело столь славно и порядочно произошло, что едва на эскерции бывает лучше. Гарнизон до двенадцати тысяч отборных людей — не меньше положено семи тысяч. Но в погребах и землянках побито много. Урон наш умеренный, только много перебито офицеров, которые шли с жадным усердием и мужеством...» [16].

Считавшаяся неприступной Очаковская крепость далась победителям дорогой ценой. Потери русской армии составили более 2,5 тысячи убитыми и ранеными. Но еще большими оказались потери от болезней. Значительными были потери среди офицерских чинов — один генерал-майор, один бригадир и 147 офицеров.

Потери побежденных составили 9,5 тысячи убитыми и 4 тысячи пленными. В Очаковской крепости русская армия взяла огромные трофеи — 310 пушек, 180 знамен и личное оружие многотысячного гарнизона.

В приступе отличились егеря Бугского корпуса. Его батальоны совместно с батальоном Астраханского гренадерского полка и 300 рабочими того же полка составили при атаке Очакова 4-ю штурмовую колонну и с честью

выполнили поставленную перед ними задачу. Генерал-майор и кавалер М. И. Голенищев-Кутузов был награжден за взятие Очакова орденом Святой Анны, сразу высшей, — 1-й степени.

Тяжелое ранение не оказалось, как ожидали врачи и сослуживцы, смертельным. Более того, его излечение наступило значительно раньше, чем при Шумне в 1774 году. Прошло менее полгода, как М. И. Голенищев-Кутузов вновь вернулся в армейский строй.

От генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина в январе 1789 года следует предложение вступить в командование войсками «по Бугу и польской границе расположенными». Генерал, уже трижды орденосец, получил в подчинение немалые силы: свой Бугский егерский корпус, Екатеринолавский егерский корпус, Екатеринославский гренадерский полк, Александрийский и Херсонский легкоконные полки, Ольвиопольский и Воронежский гусарские полки.

Новое назначение утвердило положение Михаила Илларионовича как военачальника русской армии. Теперь в его командовании состояли два егерских корпуса из шести, входивших в состав Екатеринославской армии (Бугского, Таврического, Кубанского, Кавказского, Екатеринославского и Лифляндского). Помимо того, с 1788 года генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов являлся шефом корпуса бугских егерей.

Подчиненные Кутузову войска не участвовали непосредственно в боевых действиях. Им предписывалось расположиться на зимних квартирах и, отдохнув, «всевозможно стараться исправить недостатки, ... и притом недремлющим оком смотреть на спокойствие на границе, не упуская из виду и польских обстоятельств» [17]. Штаб кутузовской группировки войск расположился в Елисаветграде.

Вскоре в Елисаветград приехала Екатерина Ильинична с дочерьми, стремившаяся по возможности быть рядом с мужем или хотя бы неподалеку от него. Их совместное пребывание продолжалось совсем недолго, до мая месяца.

Отдохнувшие после очаковских невзгод войска выступают к Ольвиополю для охраны границы между Днестром и Бугом. Помимо этого в их обязанности входит совершение глубоких рейдов на неприятельскую территорию, конвоирование «транспортов пленных турок, из-за Днестра ведущихся». Казачьи полки постоянно «чинили поиск» в направлении крепости Бендеры.

Все же в военной кампании 1789 года кутузовским войскам пришлось не раз участвовать в боевых действиях. 19 июня отправленные к Бендерам партии от казачьих полков — донцов Исаева, бугцев Скаржинского и черноморцев Чепеги были атакованы в пятнадцати верстах от крепости крупным отрядом сипахов — тяжеловооруженных конных турок численностью до трех тысяч человек. Передовые отряды казаков пришлось подкрепить остальными силами полков. Завязался ожесточенный конный бой.

В рапорте М. И. Голенищева-Кутузова на имя главнокомандующего говорилось: «Сражение было упорное и продолжалось до пяти часов. Неприятель был совершенно разбит и прогнан до самой крепости с великим уроном. Победителям достались два знамени и до пятидесяти пленных» [18].

Более серьезной оказалась операция по разгрому в Каушанах 13 сентября войска трехбунчужного Сингли-паши. Для рейда через Днестр был сформирован «летучий корпус» под командованием П. С. Потемкина, родственника главнокомандующего. Бугский егерский корпус ввели в состав войск, участвовавших в походе на Каушаны. В этом деле генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов командовал передовой конницей «летучего корпуса».

Операция прошла успешно. «Летучий корпус» П. С. Потемкина разгромил стоявшие в Каушанах турецкие войска, а передовая конница под командованием М. И. Кутузова в решающий момент боя поддержала казаков и совместно с ними опрокинула и истребила атаковавших османов. Султанский паша попал в плен.

Несколько позднее войска под командованием генерал-майора М. И. Голенищева-Кутузова участвовали во взятии турецких крепостей Бендеры и Аккермана. Овладение последней произошло «без пролития крови». Кутузовские войска содействовали взятию штурмом также замка Хаджибей, располагавшегося на месте современной Одессы.

1789 год завершился блестящими победами, одержанными турецкой армией над русско-австрийскими войсками под командованием генерал-аншефа А. В. Суворова под Фокшанами и на реке Рымник. Казалось, мир близок и Стамбул пойдет на него, признав свое очередное поражение в войне против Российской империи. Начались переговоры, начатые с верховным визирем в начале 1790 года. Они закончились безрезультатно: турки надеялись на мощь своих придунайских крепостей и прежде всего на «орду-

колеси» (армейскую крепость) Измаил. Мобилизационные возможности Оттоманской Порты были еще велики, к тому же она по-прежнему обладала многочисленным военным флотом. В сентябре 1790 года боевые действия возобновились.

Еще задолго до их начала генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов получил приказание, оставив Бугский егерский корпус в готовности к выступлению, прибыть в крепость Аккерман и «принять там команду». Главнокомандующий поручает ему организацию активной разведки в области, прилегающей к Дунайскому устью.

Кутузов берется за привычное для него дело энергично, поставив армейскую разведку «на широкую ногу». «Разведывательные партии» направляются к Килии, Татар-Бурану, Соленым озерам и Измаилу. Казачьи разъезды ведут наблюдение от устья Днестровского лимана вдоль всего морского побережья. Анализируются сведения, поступившие от «разведывательных партий», постов пограничной стражи, от местных жителей и пленных.

Полнота и достоверность информации о противнике, передаваемой генерал-майором М. И. Голенищевым-Кутузовым, удивляла командование. Доклады отправлялись летучей почтой в два адреса: главнокомандующему Екатеринославской армии и командующему левым флангом армии генерал-аншефу И. И. Меллер-Закомельскому. Наиболее ценными были сведения о положении в крепостях Измаил и Килии, о составе и перемещениях турецкого флота, его готовности действовать в море, вражеской Дунайской речной флотилии.

Собранные разведывательные данные оказались весьма полезными высшему командованию русской армии, когда боевые действия возобновились. Г. А. Потемкин отдает приказ Меллер-Закомельскому овладеть дунайской крепостью Килия, а Кутузову с четырьмя батальонами бугских егерей и двумя батальонами Троицкого пехотного полка прикрыть осаду Килии со стороны Измаильской крепости. Ее гарнизон попытался несколько раз прийти на помощь осажденным, но всякий раз русские войска преграждали туркам путь. 18 октября Килия пала.

Теперь очередь настала за Измаилом, который считался главной твердыней Блистательной Порты на берегах Дуная. Не случайно А. В. Суворов

назвал Измаил крепостью без слабых мест. В Стамбуле верили, что именно о его бастионы споткнется русская армия, победно дошедшая до дунайского устья и готовая совершить переход на правобережье полноводной реки.

Измаил расположился на северном берегу Килийского рукава Дуная, напротив острова Чатал, на отлогом склоне. Широкая лощина делила город на две части, получившие название Старой и Новой (к северо-востоку) крепостей. По конфигурации Измаил имел начертание неправильного пятиугольника, примыкавшего к дунайскому берегу.

Крепость имела четверо ворот: Царьградские и Хотинские в западной части города (Старая крепость), Бендерские и Килийские в северо-восточной стороне (Новая крепость). Главный крепостной вал с семью бастионами имел протяженность до 6,5 километра, упираясь в Дунай. Высота вала составляла 6—8 метров, а ширина — 13 метров. Глубина рва доходила до 9 метров, местами он был заполнен водой по грудь человека. Сильнейшим бастионом являлась башня Табия, выложенная камнем. В местах, где крепостной вал подходил к речному берегу, возвышался палисад-частвокол из заостренных бревен. По самому берегу реки вала не было, но здесь находились батарейные позиции с земляными укреплениями. Внутри города имелось немало каменных строений, позволявших вести упорную оборону на улицах и площадях.

Измаильская крепость называлась турками «орду-колеси», то есть армейская крепость, рассчитанная на размещение в ней целой армии с артиллерией и припасами. На Измаил базировалась турецкая Дунайская военная флотилия.

В течение всего 1790 года в крепости под руководством искусного французского инженера-фортификатора де Дафит-Клове проводились широкие земляные работы, сделавшие Измаил еще более неприступным. Крепостные укрепления совершенствовались по лучшим образцам европейского фортификационного искусства. «Одеть» же в камень все крепостные стены турки не успели.

Измаильский гарнизон, по первоначальным сведениям, насчитывал 40 тысяч человек и 250 орудий, не считая экипажи и вооружение Дунайской флотилии. По другим данным — до 35 тысяч при 260 орудиях [19]. Обороной руководил опытный военачальник Айдозли-Мехмет-паша. Султан требовал от

измаильского гарнизона стоять насмерть, грозя в противном случае всеми небесными и земными карами.

После взятия крепости Килии генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин, чья штаб-квартира находилась в Яссах, направил осаждавшие ее войска к Измаилу. Под его стенами сосредоточилась значительная часть Екатеринославской армии, в том числе и отдельный корпус генерал-майора М. И. Голенищева-Кутузова.

Он отмечал в своем формулярном списке действия подчиненных ему войск, стоявших в шести верстах от Измаила: корпус «имел многократное дело с неприятельской конницей и разбил оную легкими войсками... ноября десятого числа с немалою потерю со стороны неприятеля».

Численность русских войск, осаждавших Измаил со всех сторон, к концу ноября не превышала 20 тысяч при 40 орудиях. Но их калибры были слишком малы для разрушения крепостной ограды. Попытки Н. В. Репнина и И. В. Гудовича захватить крепость, не увенчались успехом. Многотысячный турецкий гарнизон чувствовал себя уверенно в «орду-колеси».

Наступившая в южной степи необычно суровая зима принесла с собой болезни в русский лагерь. Военный совет войск, участвующих в осаждении, принимает решение снять осаду крепости и отвести полки на зимние квартиры. С таким решением своего генералитета не согласился главнокомандующий, который хотел, чтобы поверженная дунайская твердыня явилась победным аккордом в затянувшейся войне.

Князь Г. А. Потемкин-Таврический верил, что взятие неприступного Измаила может стать возможным под командованием не знавшего доселе поражений генерал-аншефа А. В. Суворова-Рымникского. Он пишет ему: «Измаил остается гнездом неприятеля, и хотя сообщение прервано через флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на вашу храбрость. Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым...» [22].

Главнокомандующий был не одинок в оценке военного дарования М. И. Голенищева-Кутузова. Граф Г. И. Чернышев в письме, отправленном из лагеря под осажденной крепостью генерал-майору С. Ф. Голицыну 29 ноября

1790 года, замечает: «Все того мнения, что как только Суворов прибудет, город возьмут нечаянным нападением, сразу приступом... Что странно, так это то, что корпус Кутузова заставляет их (турок. — *А. Ш.*) дрожать...» [23].

Генерал-аншеф А. В. Суворов поспешил к Измаилу. Еще в пути, наткнувшись на отходящие от крепости войска, он приказал им вернуться на прежние позиции. К крепости полководец прибыл в сопровождении всего одного казака, который вез узелок с его личными вещами. Конвой отстал в дороге. 2 декабря Суворов вступил в командование всеми войсками, стянутыми к Измаилу.

Проводя рекогносцировку крепости, А. В. Суворов приказал приступить к изготовлению штурмовых лестниц, плетению туров, вязанию фашинов для приступа. В степи был вырыт ров и насыпан вал, соразмерные с измаильскими. Батальоны по очереди обучались на них штурму крепостных укреплений. Генерал-аншеф лично показывал как бросать фашины, ставить лестницы, действовать штыком.

На военном совете Суворов заявил: «Мне велено — взять Измаил и дана воля: отступить или не отступить, следовательно, отступить не приказано». На все высказанные на совете трудности, связанные с дальнейшими действиями у стен Измаила, Александр Васильевич заявил: «Отступить предосудительно, спрашивать повеления нельзя, блокировать бесполезно — что же делать?» [24].

По традиции русской армии, при высказывании решения первое слово на военном совете имел самый младший по воинскому званию и служебному положению из присутствующих. Таким оказался бригадир Матвей Иванович Платов, будущий атаман Донского казачьего войска. Самый младший из бригадных командиров решительно сказал: «Штурмовать». Другие участники военного совета поддержали донского атамана. Затем начали обсуждение способов штурма. Особое мнение высказал командующий гребной Черноморской флотилии генерал-майор де Рибас. Он предложил главную роль в штурме отвести массивной бомбардировке крепости с речных судов. При обсуждении этого предложения Голенищев-Кутузов заявил Суворову: «Если Вы согласитесь с Рибасом, вся слава взятия Измаила будет принадлежать ему». Воздав должное проницательности Кутузова, Суворов, шутя, заметил: «Кутузова и Рибас не обманет».

А. В. Суворов-Рымникский, принявший решение штурмовать «орду-колеси», составил собственный план овладения Измаилом. С суши на приступ предстояло идти шести штурмовым колоннам, и еще три резервных высаживались с кораблей гребной флотилии внутрь крепости. Начало штурма было уточнено после прибытия под Измаил дополнительно затребованных подкреплений от князя Голицына из-под Галаца и Браилова и от генерал-поручика Дерфельдена.

Общее число войск у А. В. Суворова на день штурма Измаила, назначенного на 11 декабря, составило до 30 тысяч человек [24]. Турецкий гарнизон насчитывал 35 тысяч человек. Вражеская Дунайская военная флотилия к тому времени была уничтожена огнем русских батарей с острова Чатал и ее экипажи пополнили ряды защитников крепости. Войска начали выдвигаться к крепости ночью, готовые начать ее атаку после пуска сигнальной ракеты.

Во главе шестой колонны, которой предстояло атаковать бастионы Новой крепости в районе Килийских ворот, шел генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов. Ему по диспозиции достался один из самых хорошо защищенных участков крепостной стены.

Внезапного приступа не получилось. Накануне турки были предупреждены о штурме бежавшим запорожским казаком. Они заранее подготовились к защите, зарядив пушки и держа во рву Новой крепости приготовившиеся для контратаки войска. Турецкие стрелки густо расположились по валу, резервы стояли в готовности под внутренней оградой крепости. И осажденные, и штурмующие понимали, что ночной генеральный приступ решит судьбу «орду-колеси» и унесет с собой многие тысячи человеческих жизней.

Шестая колонна под пушечным и ружейным огнем повела отчаянный штурм одного из бастионов. Теряя с каждым шагом многих бойцов, колонна спустилась в крепостной ров. Одним за другим из строя выбывают офицеры, которые шли впереди штурмующих. Во рву был убит бригадир Иван Степанович Рибольер, командир Бугского егерского корпуса. Приставив лестницы, кутузовская колонна взошла на вал, в рукопашной схватке выбила турок с бастиона и, согласно диспозиции, двинулась вправо, очищая от неприятеля вал.

Однако отступившие с бастиона турки, получив значительное подкрепление, пошли в яростную контратаку. Благодаря своему численному превосходству, туркам удалось сбросить русских с вала в ров. Положение кутузовской колонны стало критическим. С одной стороны на нее напало превосходящее число турок, с другой — с вала в ров на русских летели камни, бревна, ружейные пули.

К исходу первого приступа в шестой колонне были перебиты или ранены почти все старшие начальники, офицеров в рядах сражающихся русских солдат остались единицы. Несмотря на все геройство штурмующих, генерал-майор М. И. Голенищев-Кутузов признал необходимым отступить от Новой крепости на дальность ружейного выстрела и о своем решении известил А. В. Суворова. В ответ генерал-аншеф передал: «Я донес уже в Петербург о покорении Измаила, а Кутузова назначаю измаильским комендантом» [25].

Командир шестой колонны призвал бывший в резерве Херсонский гренадерский полк, собрал воедино егерей и снова пошел на штурм бастиона у Килийских ворот. Атакующие, преодолев ров, снова взошли на вал и ударом в штыки опрокинули собравшихся против них турок. У тех уже не было ни сил, ни порыва повторить сильную контратаку.

Когда в руках русских оказался крепостной вал и бастионы, рукопашный бой разгорелся на улицах и площадях горящего города. Тысячи обезумевших лошадей, сорвавшихся с коновязей, табунами носились по улицам, сметая все на своем пути. Егеря и гренадеры кутузовской колонны дружными штыковыми ударами пробивались к центру города. Турки с яростью обреченных защищали каждый каменный дом, любое строение, где можно было укрепиться.

С 7 до 11 часов утра кровопролитный бой, не утихая ни на минуту, шел внутри крепости. Засевшие в домах турки сражались отчаянно. В одном из ханом — больших каменных домов — засело до двух тысяч янычар. Солдаты шестой колонны взяли этот дом штыковой атакой. В другом месте толпа янычар окружила партию вооруженных короткими пиками казаков, вырвавшихся вперед, грозя их истребить. Генерал-майор Кутузов вовремя пришел им помощь ударом гренадеров в штыки.

Упорное сопротивление измаильского гарнизона вызвало не меньший напор русских войск. Штурм Измаила вошел в мировую военную историю как самый кровопролитный, не имеющий себе равных. Из турецкого войска спасся

один единственный человек, сумевший вплавь добраться до противоположного берега. Он и принес султанскому командованию первым весть о падении крепости.

Турецкий гарнизон был или уничтожен, или сдался в плен. Среди пленных оказалось много тяжело раненых, вскоре умерших. Победа русским войскам досталась ценой больших жертв. Их потери составили 1815 убитых и 2400 раненых [26].

В письме, отправленном сразу после взятия измаильской крепости, М. И. Голенищев-Кутузов напишет: «...Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся... Кого в лагере не спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня обливается кровью, и залился слезами. Целый вечер был один, к тому же столько хлопот, что за ранеными присмотреть не могу; надобно в порядок привести город, в котором одних турецких тел больше 15 тысяч... Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось...» [27].

В победной реляции генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому Александр Васильевич Суворов так оценил действия генерал-майора М. И. Голенищева-Кутузова при штурме Измаила: «Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем. Но множество оно остановило на первый миг распространение по валу и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший... С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частью побит... Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, влез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов...» [28].

Полководец подытожил измаильскую характеристику М. И. Голенищеву-Кутузову следующими словами: «Он шел у меня на левом крыле, но был правую мою рукою».

Назначенный комендантом поверженного Измаила, М. И. Кутузов, вступив уже в эту должность, спросил, шутя, Суворова, что значит назначение его комендантом в то время, когда до взятия крепости было еще далеко? «Ничего! — отвечал Суворов. — Кутузов знает Суворова, а Суворов знает

Кутузова. Если бы не взяли Измаил, Суворов умер бы под его стенами, и Кутузов тоже» [29].

За отличие при штурме крепости Измаил Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов удостоился сразу двух наградений, какие он только мог ожидать и какие ему только могла пожаловать императрица Екатерина II. Высочайшим указом от 25 марта 1791 года он был пожалован в генерал-поручики и награжден орденом Святого Георгия III класса.

С большими трудами захваченную крепость, всю в пожарищах, удалось привести в порядок, захоронить своих погибших воинов и неприятельских. В одной из городских мечетей, переделанной в походную церковь, отслужили молебен в память солдат, казаков и офицеров, павших на поле брани. Через неделю после штурма Измаила войска под командованием генерал-аншефа А. В. Суворова ушли на зимние квартиры к Галацу.

Генерал-поручик М. И. Голенищев-Кутузов продолжал оставаться комендантом Измаильской крепости и одновременно командующим воинских частей по нижнему течению Дуная от его устья до впадения реки Прут. Из всех осадных войск у него в подчинении остались заметно поредевшие четыре батальона егерей Бугского корпуса, Херсонский гренадерский и Полоцкий мушкетерские полки, бомбардирская рота с двенадцатью полевыми орудиями и три донских полка в 2000 казаков. Коменданту поверженной вражеской крепости приходилось заниматься и налаживанием ухода за ранеными и больными.

Между тем султанское командование собирало остатки разбитых войск вблизи Бабадага и Мачина, подтягивало резервы из дальних областей. Турки явно хотели взять реванш за измаильское поражение и вернуть себе «орду-колеси». Крупные отряды турецкой конницы стали появляться на правом дунайском берегу, ведя разведку и поджигая во многих местах заросли сухого камыша.

Вскоре вступивший в командование Екатеринославской армией князь Н. В. Репнин (Г. А. Потемкин-Таврический, уехал в Санкт-Петербург и вскоре умер по дороге), приказал «произвести поиск» к Тульге. Из Измаильского гарнизона предписывалось взять с собой 3000 пехоты, 800 пеших и 500 конных казаков.

25 марта 1791 года кутузовский отряд, переправившись через Дунай на лодках и паромах, ускоренным маршем двинулся к Бабадагу. Небольшие турецкие отряды, попадавшие на пути, бежали прочь. Через три дня измаильский отряд соединился с поисковым отрядом князя Голицына и пошел на Мачинскую крепость. На пути к городу у деревни Лункавицы объединенным войскам пришлось, вытянувшись длинной колонной, проходить узкую теснину, защищаемую турками, (числом около 700 человек), которые открыли беглый ружейный огонь по подходившему русскому авангарду.

Исход боя решила атака казаков бригадира В. П. Орлова, выбивших турок с занимаемых позиций и обративших их в бегство. Донские казаки захватили четыре знамени и взяли в плен начальника вражеского отряда Кюрджи-Ибрагим-Дели-пашу. К разгромленному турецкому отряду подошло подкрепление в 1500 человек, но и им пришлось бежать в сторону Мачина, оставив на поле боя много убитых и семь отрядных знамен. Противника преследовали десять верст, русские остановились только тогда, когда подошли к Мачину на пушечный выстрел.

Атаку турецких позиций начали, построившись в семь каре. Выдвинутые вперед донские казаки бригадира Орлова стремительно атаковали вражескую конницу и она рассыпалась по полю боя, спасаясь бегством. Две тысячи янычар, наблюдавшие такую картину с мачинских укреплений, с приближением русских каре спешно покинули крепость. Сев на речные суда, янычары отплыли в Браилов.

В результате бегства неприятельского гарнизона, Мачин был взят без единого выстрела. Русские войска, вступив в крепость, нашли там 9 пушек, 11 знамен и немало различных припасов. Разрушив крепостные сооружения, отряды Кутузова и Репнина беспрепятственно возвратились на левый берег Дуная.

Разведка противоположного, вражеского берега конными пикетами, с лодок, лазутчиками велась непрерывно. В конце мая были получены сведения о движении больших сил турок к Бабадагу и намерениях султанских пашей — Ахмета, Османа и Журьы-оглу перейти в наступление. Генерал-поручику М. И. Голенищеву-Кутузову поручается возглавить большой сводный отряд и занять Бабадаг раньше противника. Операция требовала решительных и быстрых действий.

В ночь на 3 июня кутузовский отряд, переправившись через Дунай у Тульги, форсированным маршем двинулся к Бабадагу. Отряд состоял из Бугского егерского корпуса, Сибирского гренадерского полка, двух Приморских, Николаевского и Днепровского легкоконных полков и сотни конных казаков. Утром 4 июля впереди укрепленных высот Бабадага показался многотысячный неприятель, уверенно вышедший в чистое поле для боя.

Чтобы не дать турецким войскам выстроиться для атаки, М. И. Голенищев-Кутузов двинул вперед всю свою конницу. Смелыми и решительными действиями она опрокинула неприятеля. Русская пехота, не медля, двинулась на Бабадаг. Во вражеское укрепление егеря и мушкетеры ворвались вслед за отступающим противником. 15 тысяч турок, бросив укрепленные позиции и походный лагерь, бежали через лес к Бизарджину, преследуемые русской конницей.

В бою у Бабадага турки, так и не проявившие упорства, лишились до 1500 человек. Потери русских составили всего несколько человек. Победителям достался походный неприятельский лагерь, 8 медных пушек, 4 знамени, большие запасы пороха и хлеба.

Докладывая генерал-аншефу Н. В. Репнину о победе при Бабадаге, измаильский комендант сообщал: «Четвертого сего месяца... имел я удачу разбить знатный корпус неприятеля под командою Ахмет сераскера трехбунчужного... Неприятель ...щищался в пятнадцати тысячах турок и около осьми тысяч хану принадлежащих; урон его простирается до тысячи пятисот человек... В Бабадаге истреблены большие их магазейны, около тридцати четвертей и запас пороха. При сем деле наш урон весьма мал и состоит почти весь в казаках...» [30].

За «знатное дело» при Бабадаге генерал-поручик М. И. Голенищев-Кутузов был награжден первым орденом в истории Российского государства — орденом Святого Александра Невского. Представление о награждении императрице Екатерине II представил светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический.

Разбитые при Бабадаге турецкие войска оказались только авангардом огромной 80-тысячной армии верховного визиря, собранной у крепости Силистрия, стоявшей на Дунае. Другая султанская армия сосредоточивалась

на черноморском побережье у крепости Варна. Противник шел к Мачину отдельными корпусами и это облегчало задачу русских войск.

Главкомандующий армией генерал-аншеф Н. В. Репнин, оценив ситуацию, решил упредить верховного визиря и разгромить те его войска, которые первыми подошли к Мачину. М. И. Голенищев-Кутузов получает приказ с Бугским егерским корпусом и 500 донскими казаками выступить из Измаила к Галацу. Аналогичный приказ о выступлении получает и князь С. С. Голицын, имевший под ружьем до 40 тысяч человек при 66 орудиях.

Русские войска переправились через Дунай и, совершив 25-километровый марш, вышли к Мачину на рассвете 28 июня,. Здесь они перестроились для сражения в атакующий боевой порядок: правое крыло князя С. С. Голицына упиралось в Дунай, центром командовал генерал-поручик князь Г. С. Волконский, левой крыло составил корпус М. И. Голенищева-Кутузова, которому главнокомандующий отводил решающую роль в Мачинском сражении. Ему предстояло во время артиллерийской канонады обойти правый фланг турецких войск и ударить им в ближний тыл, отрезав пути отступления к Бабадагу и Силистрии.

Кутузовский корпус имел по численности сильный состав. Пехота состояла из четырех батальонов бугских егерей, двух батальонов Белорусского, четырех — Сибирского и двух — Киевского гренадерских полков. Корпусную кавалерию составили Ольвиопольский и Воронежский гусарский полки, семь полков донских казаков. Корпусу было придано 24 орудия полевой артиллерии.

Мачинское сражение началось с артиллерийской дуэли. Полевые орудия Голицына и Волконского стала бомбардировать турецкий лагерь. Одновременно кутузовские войска атаквали высоты на правом неприятельском фланге. Каждый шаг вверх давался с боем. Успех в этой схватке обеспечили первый и четвертый батальоны бугских егерей., которые по приказу генерал-поручика М. И. Голенищева-Кутузова, хорошо владевшего ситуацией, забрались на крутые скаты и, ударив в штыки по туркам, оттеснили неприятеля.

Войска, поднявшиеся вслед за егерями на мачинские высоты, построились для атаки в пять каре: три — в первой линии, два — во второй. Кавалерия встала на левом фланге второй линии. Быстро перестроив корпус в

атакующий боевой порядок, Кутузов продолжил наступление на главные позиции неприятеля. Султанский паша решил остановить фланговый удар русских. Огромная масса турецкой конницы бросилась во фронтальную атаку, но была встречена губительным огнем артиллерии и отбита картечными залпами.

Турки, имея преимущество в коннице, несколько раз возобновляли нападение, но все их массированные атаки отбивались с неизменным успехом. Длившееся три часа сражение закончилось поражением султанских войск. Окончательную победу русским принесло обходное движение кутузовского корпуса и его решительная атака с тыла. Османы бросили свой походный лагерь и обратились в бегство по Гирсовой дороге или рассеялись по окрестностям, не помышляя больше о сопротивлении.

Как показали пленные, с противной стороны участвовала почти вся султанская армия численностью более 80 тысяч человек. Трофеями русских стали 35 медных орудий, военное имущество двух походных лагерей. Потери турок составили не менее 4 тысяч человек. Войска генерал-аншефа Н. В. Репнина потеряли 141 человека убитыми и до 300 ранеными.

Выигранное сражение показало, с одной стороны, образцовый уровень руководства русскими войсками, их мужество и боевую выучку, высокий класс профессионализма артиллеристов. С другой стороны, заметный упадок к концу войны боевого духа турецкой армии, что не могло компенсировать ее численное превосходство.

Главнокомандующий русской армией князь Николай Васильевич Репнин доносил об одержанной победе императрице Екатерине II: «Расторопность и сообразительность генерала Кутузова превосходят всякую мою похвалу». «Я не в силах достойно выхвалять искусство, мужество и беспредельное усердие главных командиров атаки кн. Волконского, кн. Голицына и Кутузова» [31].

Все три генерал-поручиков были награждены орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 2-го класса. Это была боевая награда полководческого уровня.

В рескрипте императрицы Екатерины II о награждении М. И. Голенищева-Кутузова Георгиевским крестом говорилось: «Усердная Ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, коими Вы отличились в сражении при Мачине и разбитии войсками нашими под командою генерала князя Репнина

многочисленной турецкой армии, верховным визирем Юсуф-пашою предводимой, где Вы, начальствуя над войсками левого фланга, при стремительных и многочисленных неприятельских нападениях преодолели все трудные переходы, в движениях Ваших соблюли отличное искусство и порядок, а в поражении неприятеля мужество и храбрость, учиняют Вас достойным... ордена святого... Георгия... второго класса» [32].

Мачинская победа русского оружия и разгром турецкого флота Ф. Ф. Ушаковым у мыса Калиакра поставили последнюю точку в крушении военной силы Блистательной Порты. Главкомандующий князь Н. В. Репнин начал мирные переговоры, на которые принуждена была пойти побежденная Порта. Окружение султана, высшее военное командование уже не питало никаких надежд на дальнейшее сколько-нибудь благоприятное ведение войны.

31 июля 1791 года в городе Галаце воюющие стороны составили предварительные условия мирного договора. Стамбул попытался всячески затянуть ход переговорного процесса и лишь 29 декабря того же года в Яссах мир был окончательно заключен.

Турция подтверждала условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, отказывалась от каких-либо притязаний на Крым, признав присоединение Крыма, Кубани, Тамани с крепостью Анапа к Российской империи и уступив ей Новороссию с Очаковым. Тем самым Россия прочно утверждалась на Черном море.

По условиям Ясского мирного договора Россия возвращала Оттоманской империи многие завоеванные территории: Бессарабию с крепостями Бендеры, Аккерманом, Килией и Измаилом. Но перед тем, как возвратить Турции «орду-колеси», русские войска в течение двух месяцев полностью уничтожили измаильские укрепления, срыв их до основания.

Ясский мирный договор установил новую государственную границу между Россией и европейской частью Турции. Ее стала река Днестр.

«Вторая екатерининская война» дала Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову заслуженную славу и широкую популярность в рядах русской армии. Четыре года сражений и военных походов в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 годов принесли ему высокие боевые награды — Святой Анны 1-й степени, Святого Александра Невского, Святого Георгия 3-й и 2-й степеней, выдвинули в число наиболее талантливых военачальников

Екатерины II, блистательных последователей русского военного гения Александра Васильевича Суворова. Именно в этой войне Кутузов снискал себе впервые славу непобедимого. В обеих столицах — Санкт-Петербурге и Москве — теперь много говорили о нем.

Победы, одержанные русскими войсками под командованием М. И. Голенищева-Кутузова при Бабадаге и Мачине, участие в легендарном штурме Измаила проявили наиболее характерные черты его военного дарования: огромную силу воли, непоколебимость в осуществлении принятых решений, спокойствие в самой сложной обстановке, осмотрительность в сочетании с широкой инициативой, смелостью и решительностью в действиях. Тактическое искусство боевого генерала характеризовалось гибкостью и активностью.

Можно утверждать, что императрица Екатерина Великая, мудрая и воинственная правительница России, увидела в М. И. Голенищеве-Кутузове не только полководческие задатки. Самодержавная государыня редко ошибалась в людях, выдвигая их на высокие посты при дворе, в армии и управлении огромной державой.

Необычайное удивление в политических кругах России, да не только ее, вызвал указ Екатерины II Коллегии иностранных дел от 26 октября 1792 года о назначении генерал-поручика М. И. Голенищева-Кутузова чрезвычайным и полномочным послом в Турцию. Он менял генерал-поручика графа А. Н. Самойлова, деятельность которого вызывала нарекания в Санкт-Петербурге.

Будущий министр внутренних дел России граф В. П. Кочубей, видный дипломат своего времени, писал российскому послу в Лондоне графу С. Р. Воронцову о том, что «никто не ожидал подобного выбора», что хотя Кутузов умный и храбрый генерал, однако, «никогда его не видели использованным в делах политических».

М. И. Голенищев-Кутузов в то время находился в составе Украинской армии, стоящей в Польше, которой командовал генерал-аншеф граф М. В. Каховский. Русские и прусские войска в очередной раз наводили там «порядок». Личный рескрипт императрицы вызвал генерал-поручика в столицу,

где он имел несколько аудиенций у Екатерины II. Монархиня беседовала с ним на политические темы предстоящего посольства в Стамбуле, давая строгие наставления.

Первый биограф Ф. Синельников писал: «Из тонкости, которую заметила она в уме его, из зрелых рассуждений, которые он делал о предметах дипломатических, и из предосторожности, которую соблюдал он во всех своих разговорах и поступках; что Голенищев-Кутузов есть тот самый человек, в выборе коего она затруднялась, и который выполнит поручения ее во всей точности, и соответственно ее ожиданиям» [33].

По Ясскому мирному договору сторонам предстояло обменяться торжественными посольствами. Дипломатическая миссия М. И. Голенищева-Кутузова преследовала конкретные цели: выявление истинных намерений Турция в отношении России после поражения в войне, изучение внутривнутриполитического положения страны, проверка информации о военных приготовлениях. Императрицей Екатериной II Михаилу Илларионовичу была дана следующая секретная инструкция: «В определении Вас к торжественному в Константинополь посольству, сверх особливо благоволения к заслугам Вашим, имели мы и то уважение, что Вы по искусству Вашему в ремесле военном не упустите сделать все те наблюдения, кои в свое время для нас полезны и нужны быть могут, о положении мест, о дорогах, о населенных пунктах, укреплениях, расположении войск запасах военных и о всем к воинской части сухопутной и морской принадлежащем» [34].

На подготовку ушло более четырех месяцев. В состав миссии включили немало военных специалистов: офицеров квартирмейстерской службы, морского департамента, инженерного корпуса. С учетом охраны, музыкантов и обслуживающего персонала торжественное посольство России в Стамбуле насчитывало 650 человек. Из них должностных лиц — 68. М. И. Голенищев-Кутузов лично подбирал офицеров миссии из числа сослуживцев по Бугскому егерскому корпусу, из выпускников Артиллерийского и Инженерного корпусов, флотских командиров. Нижние чины охраны тоже подбирались из «своих» полков Екатеринославской армии.

О военных приготовлениях Турции руководитель посольства обязан был информировать, помимо столицы еще генерал-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникского, командовавшего в то время войсками Екатеринославской

губернии и Тавриды, и председателя Черноморского адмиралтейского правления вице-адмирала Н. С. Мордвинова.

Императрица Екатерина II озадачила российского посла не только заботами о сборе широкой информации о Турции.. Самодержавную правительницу не в меньшей мере тревожило появление на европейской карте республиканской Франции, которая своими идеями несла гибель соседним монархиям. Франция стремилась к военному союзу с Турцией. Генерал-поручику М. И. Голенищеву-Кутузову предстояло проитводействовать оформлению такого союза и проникновению французского флота в Черное море.

На посольства возлагались заботы об обеспечении благоприятных условий для российской торговли в Черном и Средиземном морях, беспрепятственного прохода торговых судов через проливы Босфор и Дарданеллы.

Голенищеву-Кутузову поручалось ознакомиться с положением христианских народов, подданных султана и прежде всего населения Молдавии и Валахии — Дунайских княжеств. Российскому послу предстояло защищать права христиан от притеснений мусульманских правителей.

В связи со вторым разделом Польши между Россией Австрией и Пруссией, российский посол обязан был не допустить вмешательства турецкого правительства в решение этого вопроса.

Перед отъездом в Стамбул М. И. Голенищеву-Кутузову были вручены соответствующие документы, в том числе рескрипт императрицы Екатерины II относительно предстоящей деятельности посла, секретная инструкция «по делам политическим», верительная грамота для вручения султану Селиму III, грамота к верховному визирю и письмо к нему же вице-канцлера И. А. Остермана. В распоряжение посла были переданы алмазные, золотые и серебряные вещи, парча и шелковые материи на подарки султану и его женам, верховному визирю и другим турецким чинам, а также немалая сумма денег на прочие чрезвычайные расходы и содержание посольства.

Размен торжественными посольствами между Российской и Османской империями состоялся 3 июня 1793 года у города Дубоссары, стоящего на берегах пограничной реки Днестр. Ровно в 11 часов по пушечному выстрелу посольства двинулись навстречу друг другу.

Султан Селим III назначил своим послом в Санкт-Петербург бегбербея румелийского (генерал-губернатора Румелии) Рассых Мустафу-пашу, исполнявшего в случае отсутствия в Стамбуле верховного визиря Юсуф-паши его обязанности.

Отправка послом в Стамбул совпала для М. И. Голенищева-Кутузова по времени с двумя монаршими милостями, делавшими его крупным российским помещиком. По приказу из столицы Екатеринославский губернатор генерал-майор В. В. Каховский выделил российскому послу землю «во вновь приобретенный от Порты Оттоманской области по левой стороне речки Телегула... и хутора Тарновского, числом девять тысяч десятиин... к поселению на той земле выводимых из заграничных мест людей, и к заведению домостроительства...» [35].

Несколько позже, по пути в Стамбул, посол узнал еще об одной милости императрицы. В день годовщины со дня подписания Ясского мирного договора она пожаловала ему в вечное и потомственное владение имение Горошки с 2000 душ мужского пола из бывших польских земель на Волыни и одновременно присвоила звание «правлящего должность генерал-губернатора казанского и вятского».

Одним из первых посольских сообщений в Санкт-Петербург стала информация о том, что господарь Молдавии князь Михаил Драко-Суцо ведет с Россией и Турцией двойную игру. Через него, в частности, польская оппозиция вела переписку с султанским правительством, надеясь на помощь Стамбула.

Во время своего почти полугодового пути в древний Царьград — Константинополь — с 1453 г. Стамбул — российский посол ознакомился с положением и в другом Дунайском княжестве — Валахии. Ее правитель Александр Мурузи явно тяготел к Турции, поскольку по условиям Ясского мирного договора русские были выведены с берегов Дуная.

Князь Мурузи старался быть весьма любезным и учтивым с русским генералом, чувствуя за собой большую вину перед Россией. Сразу после ухода русских войск он арестовал православного митрополита Молдавии и Валахии Гавриила Бануческо-Бадони, оставшегося выполнять свои обязанности по защите христиан. В 1793 году Гавриил, сосланный в Стамбул, будет освобожден русской дипломатией и получит назначение митрополитом Екатеринославским и Херсонеса Таврического.

В пригородах турецкой столицы М. И. Голенищев-Кутузов встретил поверенный России в делах в Константинополе (так называли в Европе Стамбул) А. С. Хвостов. Посол поручил ему согласовать весь церемониал своей встречи с султанскими властями. В глазах турок каждый знак внимания, оказываемый их властями послу, очень много значил и говорил о его важности и положении в дипломатическом корпусе страны. Хвостову пришлось обговаривать буквально каждую мелочь предстоящей процедуры встречи российского полномочного посла.

26 сентября (7 октября) 1793 года М. И. Голенищев-Кутузов торжественно въехал в столицу Оттоманской Порты. Уже своими первыми действиями султанские власти показали значимость торжественного посольства России и личности самого посла. Если послу князю Н. В. Репнину Блистательной Порты выделяла на содержание 400 пиастров, то Голенищев-Кутузов получил 600 пиастров.

На следующий день после приезда верховный визирь прислал российскому послу дорогие подарки на общую сумму в 10 тысяч пиастров: табакерку с алмазами, кофейную чашку, украшенную алмазами и яхонтами, 9 кусков парчи различного цвета. Богатые подарки сделал и сам султан.

Место жительства послу России отвели в Перу — районе нового города Константинополя на северном берегу бухты Золотой Рог, в специально построенном доме.

Последовала аудиенция у верховного визиря. М. И. Голенищев-Кутузов твердо заверил его в стремлении неукоснительно выполнять статьи Ясского мирного договора по укреплению дружбы и добрых, соседских отношений между двумя государствами.

1 (12) ноября состоялась аудиенция у султана Селима III. Российский посол готовился к ней тщательно. Перед визитом он отправил богатые подарки в сераль (дворец) султана. Михаил Илларионович писал, что Селим III «на аудиенции» делал мне учтивости, каких ни один посол не видал».

Действительно, прием у правителя Османской империи превзошел все ожидания. М. И. Голенищеву-Кутузову было сделано отступление от этикета, обязательного для всех послов: его ни разу не заставили ждать прибытия главного визиря; не требовали соблюдения унижительных церемоний и оставили их выполнение на усмотрение российского посла. Селим III запретил

своим приближенным спорить с послом, сказав, что полностью полагается на его воспитание.

На аудиенции у султана Михаил Илларионович не уронил чести великой державы и в то же сумел угодить восточному владыке, проявив такт и уважение к его личности. Речь М. И. Голенищева-Кутузова произвела большое впечатление на султана. Вручив ему грамоту императрицы Екатерины II, посол получил заверения Селима III в том, что турецкая сторона подтверждает все обязательства Ясского мира. Кутузову вновь вручили богатые подарки.

Русский посол сумел завоевать влияние самых влиятельных людей в султанском окружении: капудан-паши Кючюк-Хуссейна, главнокомандующим военно-морскими силами Турции и зятя Селима III, Челиби-Мустафы-эфенди, главы финансового ведомства и ответственного исполнителя реформ, проводимых в стране, и матери султана, которой, среди прочего, из Санкт-Петербурга был привезен в подарок драгоценный эгрет — украшение в виде пера на головной женский убор, специально изготовленный русскими ювелирами.

В Стамбуле М. И. Голенищев-Кутузов в своей деятельности встретил серьезное сопротивление со стороны дипломатов республиканской Франции, особенно посланника маркиза М. Л.-А. Декорша. Париж рассчитывал на военный союз с Турцией, подстрекая ее на конфронтацию с Российской империей. С другой стороны, Англия через свое посольство в Стамбуле настойчиво добивалась от турецкой стороны пересмотра торговых тарифов по отношению к России и лишения ее привилегий в морской торговле.

Еще по пути в Стамбул российский посол сумел собрать полезную информацию о состоянии турецких крепостей, их вооружении, наличии стратегических запасов, настроении местного населения. Очень много ценной разведывательной информации получил М. И. Голенищев-Кутузов от французского инженера Коуфера, находившегося на султанской службе и руководившего восстановлением и строительством крепостей в приграничье с Россией.

Коуфер, в частности, передал российскому послу важные чертежи турецких крепостей, данные о численности рабочих в крепости Бендеры, численности гарнизонов в Бессарабии, сведения о недостатках в артиллерийском вооружении османов (прежде всего орудий крупного калибра),

а также о планах восстановления укреплений Измаила. Вся эта информация, безусловно, сообщалась не безвозмездно. С помощью М. И. Кутузова французский фортификатор перешел на русскую службу.

Посол сумел понять суть и недостатки в военной реформе Селима III, которая вызывала ропот среди привилегированной касты янычар, постоянной турецкой пехоты, недовольных повышением требований к военной дисциплине. Михаил Илларионович внимательно интересовался ходом преобразований в султанской армии. Он подметил, что на турецкий язык переведены лучшие европейские сочинения по тактике и фортификации, а для обучения артиллерийскому и морскому делу приглашены французские офицеры.

Проанализировав ход военной реформы в Турции, вызванный прежде всего двумя сокрушительными поражениями в войнах против России, посол сумел сделать вывод. Что в ближайшие годы усиления вооруженных сил Селима III не предвидится. Хорошо зная ход восстановления крепостей Бендеры, Аккерман, создания новых крепостей в устье Дуная, М. И. Кутузов рассчитал, что эти фортификационные работы могут быть закончены не ранее осени 1795 года.

Российский посол сумел заручиться доверием драгомана (ответственного переводчика) Ханджерли, служившего у капудан-паши. Драгоман познакомил Михаила Илларионовича с содержанием французской ноты турецкому правительству. В ноте Париж предлагал Турции военный союз на условиях оказания помощи в восстановлении прежних турецких границ, содействия военным реформам. Султанский флот предлагалось усилить французской военной эскадрой.

Провокационная деятельность французского дипломата Декорша ввела в заблуждение генерального консула России в Дунайских княжествах И. И. Северина. Тот в конце 1793 года дал тревожное сообщение в Санкт-Петербург о том, что Турция через три месяца начинает войну против России.

Обеспокоенная императрица Екатерина II в январе 1794 года специальным рескриптом предписала генерал-аншефу Ю. В. Долгорукову принять все меры предосторожности по охране южной границы империи. Тот начал сосредоточивать 70-тысячную русскую армию по Днестру у границ с Турцией. Большая ее часть — около 54 тысяч человек и 180 орудий

расположились напротив крепости Бендеры. В расписании войск, которым предстояло наступать в Молдавию через город Сороки, числился «генерал-поручик Михайло Голенищев-Кутузов».

В состоянии готовности к войне на море приводился Черноморский флот. Ускоренно были спущены на воду 6 новых линейных кораблей, и общая их численность была доведена до 24 единиц. В Гаджибге (нынешней Одессе) под руководством вице-адмирала О. М. де Рибаса строилась новая гавань.

Новые приготовления России, проводившиеся к тому же ускоренными темпами, не могли не быть незамеченными Турцией. Назревал новый военный конфликт между двумя странами.

Член Государственного совета Турции, управляющий монетным двором Юсуф-ага обратился к российскому послу за разъяснениями. Объяснение М. И. Голенищева-Кутузова концентрации войск на юге низкими здесь ценами на продовольствие не рассеяли опасения турок. Немалые усилия пришлось приложить Михаилу Илларионовичу, чтобы предотвратить угрозу новой войны.

В январе 1794 года он написал И. И. Северину: «Мнится мне по всем примечаниям и обстоятельствам, что данное Вами известие о предстоящей войне слишком увеличено и решительно. Я здесь в столице мало похожего примечаю. Ограничивайтесь примечаниями о приходящих новых войсках в оба княжества и в Бессарабию, о строении крепостей и уведомите о том подробно пограничных начальников» [36].

Чтобы успокоить официальный Санкт-Петербург, М. И. Голенищев-Кутузов доносит вице-адмиралу Н. С. Мордвинову о том, что из 24 линейных кораблей султанского флота в настоящее время боеготовы лишь 14, а 10 еще только строятся.

Посол приводит в своих донесениях факты, которые свидетельствовали о том, что турецкие власти больше обеспокоены внутренним положением страны, чем внешним. О неготовности Блистательной Порты и войск свидетельствовало ее бедственное экономическое положение, что привело к непомерному увеличению налогов, жесткой финансовой политике правительства, введению государственной монополии на хлебную торговлю.

В Османской империи то тут, то там вспыхивали народные волнения и военные мятежи. Российский посол писал генерал-аншефу А. В. Суворову-Рымникскому, что в Турции «пуще всего внутренность расстроена, везде почти

непослушание, во многих местах мятежи... Все сии причины должны воздержать ее, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для нее пагубной крайности» [37].

Действительно, Стамбулу было не до войны с Россией. В Северной Африке поднял восстание арабский бей Абд-эль-Ваххаб, призвавший к завоеванию Мекки и добивавшийся признания себя халифом. Новый мятеж произошел в районе города Трапезунда (современного Трабзона), где за оружие взялось 15 тысяч местных жителей. Поднял восстание skutарский паша Махмуд в Северной Албании, разбивший 20-тысячное султанское войско. В Румелии произошел мятеж под предводительством Кючук-Мегмеда, в котором приняло участие 12 тысяч человек.

Анализируя ход и результаты реформ султана Селима III, состояние армии и флота наличие их резервов, фортификационные работы в дунайских крепостях и, наконец, внутреннее положение страны, М. И. Голенищев-Кутузов сделал верный вывод о том, что «...не может Порты пуститься на разрыв, не имея к войне довольных способов...» [38].

Время подтвердило правоту и точность всех его оценок, принеся будущему великому полководцу еще и славу блестящего дипломата.

Основу дипломатической деятельности М. И. Голенищева-Кутузова составляло неукоснительное соблюдение духа и буквы Ясского мирного договора, сохранение доброго согласия между Россией и Турцией. Однако ему приходилось постоянно сталкиваться с противоборством со стороны дипломатов республиканской Франции, а порой еще и Англии со Швецией.

Франция в то время оказалась в политической изоляции среди европейских монархий. Париж прилагал самые энергичные меры для раскола созданной Англией 1-й антифранцузской коалиции в союзе с Австрией и Пруссией. Императрица Екатерина II поддерживала коалицию.

Республиканская Франция видела в Турции, граничащей с Австрией, своего естественного союзника, мечтавшего о возврате утраченных территорий и реванша в отношении России. Выступавшая за изоляцию Франции Великобритания не желала усиления российских позиций на Балканах и в Средиземноморье, ведя двойную игру. Дипломаты Швеции, которая заключила с Россией оборонительный союз, одновременно вели тайные переговоры с Парижем о вооруженной поддержке и субсидиях.

Хотя правительство султана Селима III не поддерживало революционное правительство Франции и отказывало в аккредитации французскому посланнику Декоршу, двусторонние отношения между Турцией и Францией не прерывались. Декорш имел много сторонников среди правящих кругов Османской империи, умело разжигая антироссийские настроения.

М. И. Голенищев-Кутузов с блеском вышел из сложившейся ситуации, умело играя на противоречиях среди окружения султана. В борьбе против всевозрастающего влияния французской дипломатии он опирался на капудан-пашу и владетельного султана из Смирны (современного Измира) Мсак-бея, известного своими антиякобинскими взглядами, учителя Селима III.

Михаил Илларионович стал одним из главных участников расстройств планов Парижа о создании так называемого «пятерного союза», а именно: Франция, Турция, Швеция, Дания и Польша, который имел и антироссийскую направленность. Заключение между Великобританией и Россией союзного трактата вызвало смятение в правящих кругах Стамбула и Парижа.

М. И. Голенищев-Кутузов сумел предельно точно охарактеризовать внешнюю политику Блистательной Порты конца XVIII столетия. В письме графу Я. Е. Сиверсу, действительному тайному советнику, чрезвычайному и полномочному послу России в Польше сообщалось: «Всегда принимайте, господин посол, за верный градусник дел здешней страны дела самой Франции. Кажется, Османская империя предназначена только служить флюгером Франции» [39].

Большим успехом дипломатии М. И. Голенищева-Кутузова стало устранение из Стамбула французского посланника Декорша. Тот так и не был официально принят султанским правительством и был вынужден покинуть Турцию.

Другим успехом российского посла стала нейтрализация французского шпиона Анжели, в чине полковника три года состоявшего на русской службе и высланного из России за шпионаж. Анжели был хорошо знаком Кутузову по совместной службе в 1770 году в корпусе генерал-квартирмейстера Ф. В. Боура в 1-й армии генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Михаил Илларионович характеризовал Анжели как человека «хитрого и затейливого и малодушного», в котором «ум интригана соединяется с душой низкой и трусливой».

По дипломатическим каналам М. И. Голенищеву-Кутузову удалось узнать, что Анжели находится в сицилийском порту Рагузе и оттуда намеревается прибыть в Анапу. Об этом незамедлительно было сообщено генерал-аншефу А. В. Суворову-Рымникскому. Когда Анжели под именем купца де Омери прибыл в Турцию, за ним установили наблюдение. Вместо российского порта Анапы тому пришлось отправиться в турецкий Измаил.

Пресекал посол и шпионскую деятельность самой Турции против России. Так, в начале 1794 года он сообщил вице-адмиралу Н. С. Мордвинову о том, что «...Порта намерена вскоре отправить лазутчиков в Херсон известного уже Вашему превосходительству портного грека для узнавания, сколько у нас налицо и строящихся кораблей, много ли около Херсона по Днестру и в Крыму войск и кто начальники сухопутных войск и флота» [40].

Российский посол многое сделал и для защиты торговых интересов своей страны в Турции и Средиземноморье. Усиление позиций России в южных морях Европы, низкий тариф на ее товары, установленный договором с Турцией в 1783 году, явно раздражал Англию. Ее посол в Стамбуле «недоброхотный» Энсли настаивал на том, чтобы султанское правительство пересмотрело торговый тариф с Россией, по которому русские купцы платили в пределах Оттоманской империи пошлину всего в три процента.

После конфиденциального разговора с Энсли и получения именного рескрипта Екатерины II — не соглашаться на требование Турции, Михаил Илларионович подал официальную ноту протеста Оттоманской Порте, в которой обращалось внимание на статью 21 торгового договора. В ноте М. И. Кутузов подчеркивал, что тариф был установлен «по внесенному слову навсегда на срок вечный и неременный» и поэтому речь об изменении его идти не может. После такой ноты султанское правительство больше не поднимало вопрос об изменении торгового тарифа. Труды английского посла Энсли пошли впустую.

Михаилу Илларионовичу пришлось отстаивать безопасность российской торговли в Средиземном море. В ноябре 1793 года он сообщил императрице Екатерине II о том, что «Порта прислала 50 тысяч пиастров четырем фрегатам французским», находившимся в Смирне, для нападения на российские купеческие суда, торгующие в греческом Архипелаге.

Российский посол узнал и то, что экипажам фрегатов зачитали письмо французского посла в Стамбуле Декорша с приказанием о захвате в Архипелаге всех российских судов, «хотя бы то было и под пушками крепостей турецких, лишь бы предварительно о том условиться с турецким начальником того места».

В тот же день М. И. Голенищев-Кутузов подал ноту Турции, в которой указывалось на недопустимость нарушения положений торгового договора 1783 года и Ясского мирного трактата. С турецкой стороны опровержений не последовало.

Одновременно посол удачно использовал факт захвата французскими фрегатами венецианского судна, проданного Россией. При досмотре морского «купца», что тоже являлось нарушением законов международного мореплавания, командир одного из фрегатов обнаружил в судовых документах старый российский паспорт. Это стало предлогом для захвата судна Венецианской республики, как российского, и привода его в Смирну.

Такое разбойное нападение в греческом Архипелаге вызвало очередное недовольство стран антифранцузской коалиции. По предложению российского посла венецианское, неаполитанское, прусское дипломатические представительства совместно с русским учинили демарш министерству иностранных дел Турции.

Российское посольство в Стамбуле предупредило все торговые суда своей страны о возможности нападения на них со стороны военных кораблей под флагом Франции. Перед султанским правительством был поставлен вопрос о разрешении российской эскадре пройти в греческий Архипелаг (часть Турции), для обеспечения безопасности российской торговли.

Нота посла России и его предложение вызвали горячий спор в Государственном совете Турции. Одна часть его членов опасалась разрыва дружественных отношений с северным соседом. Меньшая часть Госсовета выступили против предложения М. И. Голенищева-Кутузова с заявлением, что «Порта согласится лучше на все что угодно, но не на разрешение ввести русскую эскадру в Архипелаг», что, по их словам, было равносильно допустить русских в свой гарем.

Турция вынуждена была принять необходимые охранные меры по обеспечению безопасности российской торговли в своих водах. Французским

кораблям запрещалось нападать на российские торговые суда в морях Османской империи.

Добившись такого немалого дипломатического успеха, Михаил Илларионович предпринял еще один шаг по защите отечественной морской торговли в Средиземноморье. Статья VII Ясского мирного договора обязывала Турцию в случае захвата корсарами ей подвластных земель русских судов содействовать их возвращению или возмещать из султанской казны убытки купцам.

Ссылаясь на эту статью, российский посол потребовал точного ее выполнения, в связи с захватом алжирскими корсарами — «барбаресками» принадлежавших России торговых судов «Святой Николай», «Святой Спиридон» и «Ла Мадонна». Алжирские пираты отказались выполнить указание Стамбула. Тогда от султанского правительства к ним прибыл официальный представитель, дабы удержать, по крайней мере, как сообщал М. И. Голенищев-Кутузов, от дальнейших пиратских нападений на торговые суда под флагом России.

Еще одним дипломатическим успехом Михаила Илларионовича стало решение Турции о запрещении французским кораблям базироваться в Тунисе. Оттуда пришлось уйти трем фрегатам и 70-пушечному линейному кораблю.

Заботясь о безопасности российского торгового судоходства, посол смог разрешить проблему больших потерь при торговле хлебом. Цена на хлеб в греческом Архипелаге на три рубля превышала цену на базарах Стамбула. Если в 1793 года русские купцы вывезли 186 000 четвертей пшеницы, то общий ущерб от невозможности вести торговлю южнее пролива Дарданеллы составил 559 800 рублей. Этого можно было избежать, но в Турции действовал запрет на перегрузку российских товаров на турецкие суда, которые не подвергались нападениям французских кораблей и алжирских корсаров. М. И. Кутузову удалось добиться решения султана Селима III об отмене подобного запрета.

В Санкт-Петербурге не скрывали удовлетворения деятельностью Кутузова-дипломата. Он сумел защитить российскую торговлю и обеспечить ее безопасность на просторах Средиземного моря.

Михаила Илларионовичу, пребывая в столице Блистательной Порты, приходилось много заниматься польскими делами. В отношениях Турции с

Россией Польша играла немаловажную роль. В случае войны она могла оттянуть на себя части войск русской армии. С мая 1792 года на польской территории стояла Украинская армия под командованием генерал-аншефа М. В. Каховского. Императрица Екатерина II активно вмешивалась в решение судьбы Польского государства.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III тоже направил в Польшу свои войска, «забыв» о своих обязательствах перед поляками. Австрия, имевшая во владении часть польских территорий, поддержала договор России и Пруссии, заключенный в январе 1793 года, о втором разделе Польши. В июне 1793 года польский сейм, собравшийся в городе Гродно, вынужден был санкционировать присоединение к России части украинских и литовских земель: воеводств Киевского, Волынского и части Виленского, с населением около 4 млн человек.

Решение польского сейма в Гродно разрушало военно-политические замыслы Турции в отношении Польши. Французские дипломаты, особенно Декорш, попытались наладить отношения польских оппозиционеров с султанским правительством. Более того, Декорш обещал ему в случае новой войны Турции с Россией «диверсию 100 тысяч поляков».

Дипломатическая деятельность М. И. Голенищева-Кутузова заметно охладила интерес Оттоманской империи к Польше, к ее второму разделу и рассеяла надежды на успехи польской оппозиции.

Однако в марте 1794 года в Польше вспыхнуло восстание под предводительством Тадеуша Костюшко, который в середине апреля отправил в Стамбул «Отчет нации». В Турции возродилось участие надежды на Польшу как военного союзника. Послу удалось узнать, что молдавскому господарю М. Драко-Суцо передано «от Порты повеление доставить сто двадцать тысяч червонных к мятежнику Костюшке» через львовских купцов.

Поражение польских повстанцев в том же 1794 году от русских войск вновь расстроило военно-политические замыслы султанского окружения. Т. Костюшко был взят в плен, посажен в Петропавловскую крепость и освобожден оттуда уже в 1796 году. Официального вмешательства Стамбула в политику России во время второго раздела Польши не произошло.

Деятельность генерал-поручика М. И. Голенищева-Кутузова на посту чрезвычайного и полномочного посла России в Оттоманской империи была высоко оценена императрицей Екатериной II. Результаты его деятельности

выглядели впечатляюще. Имя Кутузова-дипломата впервые получило широкое признание в политических и дипломатических кругах Санкт-Петербурга. Его успехи при дворе султана Селима III поражали воображение дипломатического корпуса, аккредитованного в Константинополе.

В своих воспоминаниях С. И. Маевский писал: «Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком: это был другой Моцарт или Россини, обвораживавший слух разговорным своим смычком. Но, при всем его творческом даре, он уподоблялся импровизатору; и тогда только был как будто вдохновен, когда попадал на мысль, или когда потрясаям был страстью, нуждою, или дипломатическою уверткой... Никто лучше его не умел одного заставить говорить, а другого — чувствовать и никто не тоньше его не был в ласкательстве и в проведении того, кого обмануть или обворозить принял он намерение...» [41].

5 декабря 1793 года М. И. Голенищев-Кутузов получил Указ Коллегии иностранных дел, в котором ему было предписано передать посольские архивы и дела камер-юнкеру В. П. Кочубею, назначенному посланником и полномочным министром в Константинополе, помочь ему в аккредитации при султанском дворе и возвратиться в Россию. В феврале 1794 года Михаил Илларионович на отпускной аудиенции у султана Селима III получил разрешение на обратный путь сухопутьем к русско-турецкой границе по Днестру, опять к Дубоссарам.

Совсем иных результатов в ранге полноправного посла Блистательной Порты в Санкт-Петербурге добился Рассых Мустафа-паша. Он по указанию своего министра иностранных дел (реис-эфенди) Решида-эфенди Мусчтафы своим поведением оскорблял «не только порядки благочиния, но и самодержавие благоустроенного государства». Протесты по поводу его поведения в России стали причиной ареста Рассых Мустафы-паши в Бендерах. Своей секретной миссии в российской столице он явно не выполнил.

Прибыв в столицу М. И. Голенищев-Кутузов подал ходатайство о награждении многих чинов российского посольства, отличившихся при выполнении дипломатической миссии. Это ходатайство было удовлетворено осенью 1794 года.

Результаты деятельности М. И. Голенищева-Кутузова в ранге посла России в Стамбуле были впечатляющи. За короткий срок своего посольства он

сумел упрочить позиции Российского государства в Черном и Средиземном морях и предотвратить реальную угрозу новой войны с Турцией, расстроить ее вмешательство в решение польского вопроса.

Более того, Кутузов — дипломат умело подготовил почву для скорого в будущем временного военного союза России и Турции. Это позволило впоследствии прославленному русскому флотоводцу Федору Федоровичу Ушакову успешно провести Средиземноморский поход русского флота во время войны с Францией 1798—1800 годов и завоевать Ионические острова. Эпопея Средиземноморского похода ушаковской эскадры пройдет во многом благодаря дипломатическим трудам «генерал-поручика и кавалера Михайлы Голенищева-Кутузова».

Видный отечественный историк академик Е. В. Тарле так отзывался о деятельности М. И. Кутузова на дипломатическом поприще: «Можно сказать что как государственный человек он принес России в области военной политики такую огромную пользу, которую не затмевает и не должна затмевать даже яркая слава полководца» [42].

Бывший посол России в Османской империи генерал-поручик М. И. Голенищев-Кутузов возвращался в Санкт-Петербург с естественным стремлением продолжить служение Отечеству в рядах русской армии. Однако судьба приготовила ему иное поле деятельности.

В мае 1794 года в столице скончался генерал-поручик и генерал-адъютант граф Ф. Е. Ангальт, президент Императорского вольного экономического общества, главный редактор Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса. Престижное военно-учебное заведение дало образование и путевку в жизнь прославленному русскому полководцу П. А. Румянцеву-Задунайскому, генерал-фельдмаршалам М. Н. Волконскому, А. А. Прозоровскому, М. Ф. Каненскому, М. В. Каховскому генеральным прокурорам России А. А. Вяземскому и А. А. Беклешеву, известному дипломату А. М. Обрескову, знаменитому трагику А. П. Сумарокову, блистательному генералу-артиллеристу П. И. Мелиссино, прекрасным военным педагогам и воспитателям М. И. Мордвинову и И. Л. Голенищеву-Кутузову, многим военачальникам.

Генерал-поручик Ф. Е. Ангальт за восемь лет своего пребывания на посту главного директора Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса лично много

сделал для его процветания и нравственного воспитания учеников. Характерным для сына наследного принца Ангальт-Дессау, вступившего на русскую службу в 1783 году, было его выступление перед кадетами выпущенными во флот: «Да будет первым побуждением и первым началом всех ваших поступков честность и доброе имя» [43].

В столице среди преемников Ф. Е. Ангальта на посту главного директора военно-учебного заведения называли многих известных в обществе людей. Чаще всего мелькала фамилия М. И. Голенищева-Кутузова, человека достаточно известного в столичном обществе при дворе императрицы.

Этому в немалой степени способствовали положения Устава кадетского корпуса, которые определяли строгие требования к личности главного директора. Во главе управления корпусом, говорилось в Уставе должен стоять «человек, в воинских трудах состарившийся и искусный как в этих делах, так и в правилах, к гражданскому житию принадлежащих, радетельный трудолюбивый кроткий, ласковый и обходительный, но в высших воинских упражнениях вид строгости имеющий» [44].

При назначении Михаила Илларионовича на новую должность исходили из того, что боевой, широко образованный генерал, тактичный и воспитанный имел к тому же хотя и небольшой, но весьма полезный опыт преподавательской деятельности в Соединенной Артиллерийской и Инженерной школе, которую он успешно закончил чуть более тридцати лет тому назад. Более достойных претендентов на должность главного директора кадетского корпуса не нашлось.

В именном указе Екатерины II от 15 сентября 1794 года говорилось: «Нашему генерал-поручику Михайле Голенищеву-Кутузову всемилостивейше повелеваем быть... главным директором Сухопутного кадетского корпуса под собственным нашим ведением». Через два дня Михаил Илларионович доложил государыне, что он вступил в командование кадетским корпусом.

Сухопутный Шляхетский кадетский корпус был создан в 1731 году, но его официальное открытие состоялось через два года. Созданный по инициативе одного из ближайших сподвижников Петра I Великого, графа П. И. Ягужинского, корпус стал закрытым военно-учебным заведением для дворянских детей от 13 до 18 лет. Корпус расположили на Васильевском острове во дворце светлейшего князя А. Д. Меншикова, умершего в сибирской ссылке.

В разное время Сухопутный Шляхетский корпус возглавляли замечательные люди своей эпохи — граф Б. Х. Миних, князь В. А. Репнин, князь Б. Г. Юсупов, И. И. Шувалов, И. И. Бецкой. Штат корпуса постепенно увеличился с 56 до 600 воспитанников, которые подразделялись на пять возрастов, обучавшихся по три года в каждой возрастной группе.

К первому возрасту причислялись кадеты от пяти до девяти лет, так как прием детей в корпус начинался в возрасте не старше шестого года. Ко второму возрасту относились воспитанники от девяти до двенадцати лет, к третьему — от двенадцати до пятнадцати, к четвертому — от пятнадцати до восемнадцати, и, наконец, к пятому, выпускному — от восемнадцати до двадцати одного года.

Всего кадеты обучались в корпусе на протяжении 15 лет. Принимались не только дети дворян, но и старших офицеров — штаб-офицеров. Преимущество при приеме предоставлялось детям из неимущих семей и тем, чьи отцы были ранены или убиты на войне. Родители будущих кадет давали подписи в том, что они добровольно отдают детей в учебное заведение сроком не менее пятнадцати лет.

Сухопутный Шляхетский кадетский корпус среди прочих военно-учебных заведений являлся основным поставщиком офицерских кадров в армию. Его выпускники служили на флоте и чиновниками в гражданских ведомствах. Императрица Екатерина II, посетившая кадетский корпус, назвала его «рассадником великих людей».

С первых дней своего появления в кадетском корпусе М. И. Голенищев-Кутузов привлек всеобщее внимание — корпусных офицеров-воспитателей, преподавателей, воспитанников. Этому в немалой степени способствовала та громкая слава, которая ходила за ним буквально по пятам после двух тяжелейших ранений в голову и подвига при легендарном штурме крепости Измаил.

Один из воспитанников Шляхетского корпуса генерал-майор артиллерии И. С. Жиркевич в своих воспоминаниях так описывал прибытие нового главного директора: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. Кутузова я и теперь очень помню и живо представляю в голубом плаще, три звезды — две на левой, одна на правой стороне, и шляпа на голове...» [45].

Новый главный директор сумел с первых же дней «прийтись ко двору» большому коллективу кадетов, их воспитателей и преподавателей. Да иного и быть не могло — доблестный генерал-поручик имел многолетний опыт командования полком и егерским корпусом. При первой же встрече с корпусными офицерами он предложил им высказать свои жалобы и предложения. Их оказалось немало, и не только личного характера. Михаил Илларионович постарался разрешить большинство из них.

М. И. Голенищев-Кутузов вновь показал себя заботливым начальником. Он подает представление на присвоение секретарю Совета корпуса Ивану Кремпину чина коллежского асессора. Затем следует прошение в Военную коллегию о награждении генерал-майора К. П. Ридигера, подполковника кадетского корпуса орденом Святого Георгия 4-го класса за 25 летнюю безупречную и усердную службу. Хлопочет главный директор и о назначении пенсии вдове умершего поручика П. Леонтьева, двадцать шесть лет безупречно прослужившего при корпусе.

Новый начальник проводит реорганизацию Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса, приблизив его структуру к армейской организации. Корпус был разделен на пять рот — четыре мушкетерские и одну гренадерскую. В ротах числилось 480 рядовых и 53 унтер-офицера. К ним добавлялось еще 84 воспитанника малолетнего отделения. Прием и выпуск из кадетского корпуса стали производить не через три года, а ежегодно. Окончательно новая организация корпуса вводилась с января 1797 года.

Кутузов решительно повернул учебный процесс от увлечения теоретическими курсами в сторону их практической направленности. Большое внимание стало уделяться обучению кадет отработке тактических приемов, ориентированию на местности, владению личным оружием, маршевой подготовке. Больше учебного времени было выделено на практические занятия по фортификации и артиллерийскому делу.

Главный директор стремился во всем подавать личный пример старшего воспитателя и педагога. Сильное впечатление на кадетов производили читаемые им лекции по военной истории. Он не только со знанием предмета излагал военные события недавнего прошлого, анализируя боевые действия русской армии, но и столь же интересно и поучительно говорил о сложном пути, пройденном военным искусством.

Михаил Илларионович старается как можно больше времени проводить среди своих воспитанников — в учебных классах, жилых помещениях — «каморах», на строевых смотрах и утренних подъемах, «вечерних зорях».

По воспоминаниями бывшего кадета И. С. Жиркевича, Кутузов «с кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров. Часто являлся между ними во время наших игр, в свободные наши часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь его ласки, на которые он не был скуп» [46].

М. И. Голенищев-Кутузов высоко ценил тех, кто преуспевал в учебе. Наряду с поощрением кадет, он разрабатывает целую систему мер, способствующих повышению успеваемости воспитанников. Такая работа велась им настойчиво и последовательно. У тех воспитанников, кому трудно даются науки, Михаил Илларионович лично принимает экзамены, проводя предварительные собеседования.

Для наказания нерадивых кадет, лодырей и бездельников главный директор издает приказ по корпусу, в котором объявляет: «Из господ кадет и гимназистов великое число явилось ленивых, которым на поправление успехов даю месяц сроку; ежели и затем окажутся таковые то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты наказаны; ныне же явившихся ленивыми не отпущать со двора...» [47].

Много труда отводится на повышение в воспитательном процессе роли корпусных офицеров, прямых наставников кадет. Ратным командирам вверяется в обязанность постоянный контроль за каждым воспитанником. Сообразно с армейскими правилами восстанавливается дисциплина в корпусе. Твердой рукой наводится должный порядок среди воспитанников, их начальников, казенных нижних чинов корпуса.

Вместе с тем Кутузов категорически запретил применение к кадетам каких-либо физических мер воздействия, обращая особое внимание на воспитательный метод убеждения с учетом возрастных особенностей кадет. «Когда наказания становятся частыми и чрезмерными, — говорил он, — худые поступки умножаются».

Новый главный директор сумел навести порядок в финансовом положении кадетского корпуса. Уже через месяц после своего назначения он «при сочтении казны» обнаружил, что учебное заведение должно «не малую

сумму». Об этом генерал-поручик М. И. Голенищев-Кутузов донес рапортом императрице Екатерине II. Однако государыня заверялась, что с финансовыми долгами корпус может справиться самостоятельно путем строжайшей экономии по всем расходным статьям.

Чтобы рассчитаться с казенными долгами корпуса главный директор принимает самые строгие меры по режиму экономии. Здесь его ближайшим помощником стал полковник Иван Андриевский, полицмейстер Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса. Он взял на себя все вопросы, связанные с ремонтом старых зданий, проведением «каменных, плотничных и протчих работ». Регулярно проводились ревизии приходных и расходных сумм.

В должности главного директора кадетского корпуса Михаил Илларионович пробыл до середины декабря 1797 года. В одном из своих приказов он отмечал, обращаясь к кадетам: «Добрая воля и успехи господ унтер-офицеров, капралов и господ кадетов оправдывает доброе мое о них мнение с самого начала принятия, да благословит бог течение их в сем благородном поприще. Надеюсь, что не погубят они в праздности драгоценного времени в классах, но приобретут знания, нужные благородному человеку во всяком состоянии...» [48].

Михаил Илларионович имел полное право гордиться многими своими воспитанниками. Среди них были: генералы от инфантерии граф К. Ф. Тол и А. И. Хватов, боевые генералы М. Е. Храповицкий, А. К. Ридигер, А. В. Богдановский, А. А. Писарев, Ф. В. Сазонов, Я. А. Потемкин, другие воспитанники. Многие из них стали активными участниками Отечественной войны 1812 года, георгиевскими кавалерами.

Прощаясь с воспитанниками Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса при их выпуске М. И. Голенищев-Кутузов говорил им: «...Я получал и чины, и ленты, и раны, но лучшею наградою почитаю то, когда обо мне говорят — он настоящий русский солдат. Господа! Где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, искренне желающего вам счастья, и который совершенно награжден за любовь к вам вашею Славою, вашею честью, вашею любовью к Отечеству» [49].

Пройдет пятнадцать лет и великий полководец России встретит многих своих воспитанников в рядах русской действующей армии, на полях сражений

с Великой армией Наполеона в Отечественной войне 1812 года. Некоторые даже станут ближайшими помощниками «спасителя Отечества».

Императрица Екатерина II решила вернуть генерал-поручика М. И. Голенищева-Кутузова с его богатым боевым опытом в ряды русской армии. 14 (25) февраля 1795 года высочайшим повелением он назначается командовать сухопутными войсками в Финляндии. Исполнение этой должности Михаил Илларионович вынужденно совмещал с директорством в Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе.

Подобное совмещение должностей, достаточно высоких, в екатерининское время практиковалось довольно широко. Поэтому местопребыванием военачальника частей, расквартированных недалеко от столицы Финляндии, так и остался Санкт-Петербург. Оттуда Голенищев-Кутузов выезжал на Карельский перешеек для инспектирования полков и крепостей, а затем вновь возвращался к исполнению обязанностей главного директора кадетского корпуса.

Государыня императрица не забывала благодарить по-монаршьи своих государственных мужей. В августе 1795 года Екатерина II пожаловала Михаилу Илларионовичу в потомственное владение земли польских поместий на Волыни, реквизируемые у помещиков-шляхтичей, участвовавших в восстании Тадеуша Костюшко. Эти земли были пожалованы генерал-поручику в дополнение к имению Горошки на Волыне.

В число новых кутузовских наследственных владений вошли фолварки-хутора, мелкие усадьбы, поместья с хозяйственными пристройками: Зубовщинское, Шершневское, Кропивное, Волянское, Челянщинское, Сколобовское, Краевщинское, Могилянское, Немеровское и местечко Райгородок. Общее число крепостных на землях исчислялось в 2667 человек мужского пола [50].

Одной из главных забот генерал-поручика Голенищева-Кутузова стало укрепление северных границ Российской империи. Он проводил проверки приграничных укреплений, проводил рекогносцировки местности на случай военных действий. Поскольку пограничная со Швецией территория оказалась плохо изучена.

Им организуется топографическая съемка — «сочиняется карта Финляндии». Эта подробная карта впоследствии очень пригодилась Михаилу

Илларионовичу, когда через три года, ему поручили вести переговоры о демаркации линии границы со Швецией.

6 (17) ноября 1796 года неожиданно скончалась императрица Екатерина II, высоко ценившая Голенищева-Кутузова, покровительствующая ему в служебной карьере и смерть, которой, естественно, повлекла за собой изменения в судьбе будущего великого полководца.

Вступивший на российский престол ее 42-летний сын Павел I оказался противником многих из нововведений императрицы во внешней и внутренней политике России. К тому же он отличался неуравновешенным, взбалмошным характером, подозрительностью к окружавшим его людям, унижая их мелочной опекой.

В короткое царствование Павла I внешнеполитический курс России претерпел заметные изменения. В 1797 году умер прусский король и на королевский престол вступил его сын Фридрих-Вильгельм III, продолжатель династии Гогенцоллеров. Новый король отличался нерешительностью и вскоре попал под влияние статс-министра графа Х.-А. Гаугвица, сторонника франко-прусского союза. Это делало Пруссию противником 2-й антифранцузской коалиции в лице Великобритании, Австрии и России.

Прусского короля стало привлекать предложение Франции участвовать в территориальном разделе Европы. Оценивая положение графа Гаугвица при королевском дворе, чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Берлине Никита Петрович Панин писал: «К несчастью, известно положительно, что в прусском кабинете нельзя найти твердой почвы, куда г. Гаугвиц будет занимать в нем первое место» [51].

Контакты прусского статс-министра с французским посланником в Берлине Кальяром зашли так далеко, что последний в одной из депеш своему правительству писал: «Г. Гаугвиц до такой степени предан французской нации, что только от Директории зависит заключить договор о союзе. Он ожидает единственно новых инструкций для составления статей» [52].

В Коллегии иностранных дел России забили тревогу. Задача стояла не только в ослаблении влияния Франции на внешнюю политику Пруссии, но и в привлечении короля Фридриха-Вильгельма III к новой антифранцузской коалиции. Н. П. Панину сделать это было не под силу, поскольку этикет прусского двора не допускал чинов иностранного дипломатического корпуса в

общество короля. Следовало искать новые каналы воздействия на монарха Пруссии.

Панин, как опытейший дипломат, обратился к вице-канцлеру князю А. Б. Куракину с предложением прислать в Берлин «доверенного агента без верительных грамот, без официального чина», но по чину и происхождению доступного в высшие круги королевского двора. Поводом для приезда такого агента он считал вручение королю Фридриху-Вильгельму III российского ордена Святого Андрея Первозванного, которым был награжден его покойный дед.

Этот агент, писал в Санкт-Петербург Панин, должен был стать «между королем и министрами; иметь возможность объяснять ему сущность дел, побудить его к работе, предупредить происки французов и разрушить их оковы».

События торопили с принятием такого решения. Приезд в Санкт-Петербург прусского генерал-адъютанта Ф.-К. фон Клейста с официальным уведомлением о восшествии на престол Фридриха-Вильгельма III требовал ответного визита вежливости. Требовалось найти достойную кандидатуру для выполнения ответственной официальной миссии.

Выбор пал на генерал-поручика М. И. Голенищева-Кутузова. За него говорило успешное выполнение дипломатической миссии в Стамбуле, широкая известность как прославленного генерала русской армии и должность, не связанная с российским дипломатическим корпусом. Вице-канцлер Куракин обратился к императору с предложением послать в Берлин Кутузова.

Павел I утвердил это назначение. Согласно инструкции, генералу предстояло по прибытии в Берлин добиться аудиенции у короля, на которой выразить поздравления российского двора и вручить Фридриху-Вильгельму III грамоту, при этом уклоняясь от обсуждения политических вопросов с королевскими министрами.

Вице-канцлер написал Панину о назначении «агентом» М. И. Голенищева-Кутузова. «Покуда я думаю, генералу Кутузову будет дан приказ со своей стороны начать дело и предварительные к нему подступы, — писал А. В. Куракин. — При его уме и способностях, Вам известных, должно надеяться, что он будет действовать с уверенностью и с прилежанием и с

искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу...» [53].

Получив рапорт, Михаил Илларионович выехал в Прусское королевство. При подъезде к Берлину его догнала эстафета с рескриптом Павла I в том, что он назначен инспектором Финляндской дивизии и шефом Рязанского мушкетерского полка. Императорский рескрипт отменял совмещение М. И. Кутузовым директорства в Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе с командованием сухопутными силами в Финляндии и подтверждал лишь второе назначение. Тем самым Кутузов отдалялся от Санкт-Петербурга.

Через одиннадцать дней после рескрипта император Павел I произвел М. И. Голенищева-Кутузова в генералы от инфантерии, то есть в полные генералы.

Прием в королевской столице Голенищева-Кутузова превзошел все ожидания. Известность Михаила Илларионовича «опередила его» и Фридрих-Вильгельм III отметил, что присылка к нему с поздравлениями такого боевого генерала есть лучшее доказательство дружбы российского двора. С первой же встречи с прусским монархом новоиспеченный генерал от инфантерии «имел честь ужинать с королевской фамилией». Хорошую службу сыграло и прекрасное знание немецкого языка.

Кутузов не стал ограничиваться только особым расположением короля к своей персоне. Он проводит несколько неофициальных встреч с влиятельными людьми из окружения прусского монарха: его генерал-адъютантом Кекрицем и генерал-фельдмаршалом И.-Г. Меллендорфом, с другими лицами прусского двора.

В результате Михаилу Илларионовичу удалось добиться официального подтверждения правительства Пруссии о том, что в самое короткое время королевство сообщит решение о своем участии в антифранцузской коалиции. Это уже был немалый дипломатический успех. Влияние Гаугвица на короля стало падать. «Старому воину» королевское общество становится все более доступным.

Двухмесячная дипломатическая миссия Голенищева-Кутузова подходила к концу. Теплые отношения, установившиеся между ним и Фридрихом-Вильгельмом III, приводили в удивление иностранных дипломатов. После болезни корью король первым принял графа Панина и сразу завел с ним

разговор о Кутузове. Затем аудиенцию получил английский посланник милорд Гоор. Уже одно это свидетельствовало об ослаблении позиций французской дипломатии.

По личному приглашению короля генерал Кутузов осматривал с ним замки в Потсдаме, получая при этом особые почести. После отпускной аудиенции министр иностранных дел Пруссии граф К.-В. Финк фон Финкенштейн от имени короля подарил Михаилу Илларионовичу табакерку с портретом Фридриха-Вильгельма III и столовый фарфоровый сервиз берлинского изготовления.

В начале марта Голенищев-Кутузов выехал из Берлина в Россию. После отчета о выполнении дипломатической миссии и кратковременного отдыха в кругу семьи он отправился из Санкт-Петербурга к новому месту службы, в Выборг.

В апреле 1798 года Кутузов доложил императору Павлу I о вступлении в командование Финляндской инспекцией и подшефным полком. Высочайшим указом Рязанский мушкетерский был переименован в мушкетерский генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова полк.

Основной задачей главы Финляндской инспекции стала подготовка войск на случай войны против Швеции. Очень внимательно отнесся Михаил Илларионович к полученному из столицы плану, разработанному с участием самого императора, в котором предусматривалась возможная боевая тактика четырех российских корпусов против шведской армии.

Кутузов, достаточно хорошо изучивший северный театр военных действий, быстро заметил просчеты и ошибки в этом плане. Хотя ему предписывалось сделать замечания и поправки только по операциям вверенного ему корпуса, Михаил Илларионович переработал весь план императора, составил летнее и зимнее расписание казачьих постов для усиления охраны границы — и выслал его на утверждение Павлу I. Самолюбие императора оказалось сильно задетым и он в раздражении приказал генералу от инфантерии «исполнять то, что прежде предписано». Монарх не мог не оценить военное дарование любимца своей матери, и это вызвало у него зависть и чувство недоброжелательства к Кутузову.

С воцарением Павла I русская армия скоро изменила свой внешний облик. Воспитанный в духе преклонения перед прусской военной

организацией, император считал себя верным поклонником короля-полководца Фридриха II Великого. Новая форма одежды стала походить на прусскую: мундиры больше напоминали фраки, они дополнялись узкими панталонами и штиблетами, длинными перчатками и высокими треугольными шляпами. Военнослужащие носили усы, косы, пукли. Боевая подготовка в армии все больше заменялась плац-парадами и каждодневной строевой муштрой. За малейшее нарушение формы одежды нижние чины наказывались шпицрутенами, а офицеры — выговорами.

Не избежал вспышек гнева императора, его наказаний, которые сменялись монаршими милостями и Голенищев-Кутузов. С одной стороны он жалуетя высокими наградами — орденами Иоанна Иерусалимского большого креста и Святого Андрея Первозванного. С другой — получает выговоры за назначаемые в полку слабые наказания подсудимым, за откомандирование, без личного разрешения императора офицера-квартирмейстера в столицу для полковых надобностей, за пропуск через границу курьера графа Прованского (короля Франции Людовика XVIII, во время эмиграции жившего в России с 1797 по 1801-й и с 1805 по 1807 год).

Отношение императора Павла I к Михаилу Илларионовичу было неравное, но не самое худшее по тем временам. Кутузов продолжал добросовестно исполнять служебные обязанности, укрепляя государственную границу со Швецией, одновременно заботясь о защите прав граждан сопредельных сторон.

М. И. Голенищеву-Кутузову вновь пришлось продемонстрировать свое искусство дипломата. Летом 1798 года он, по императорскому рескрипту, возглавил российскую сторону на переговорах с командующим шведскими войсками в Финляндии генерал-лейтенантом бароном М. Клингспором по вопросу демаркации спорной пограничной территории, не решенному еще со времен Абовского мирного договора 1743 года. Неясности со спорными территориями остались и после заключения Верельского мирного договора 1790 года, закончившего русско-шведскую войну 1788—1790 годов.

Переговоры затянулись прежде всего по той причине, что стороны руководствовались прежде всего военными соображениями. Они стремились так разграничить местность, чтобы ее положение и естественные препятствия обеспечивали надежное прикрытие подступов к своей территории и позволяли

контролировать проходы через границу. Особенно это касалось демаркации границы вдоль реки Кюмены.

Неясны положения Абовского и Верельского мирных договоров требовали компромиссных решений — на это Михаил Илларионович не раз указывал в ходе переговоров императору Павлу I. Но неуступчивость российского монарха привела к их прекращению. Он предписал Кутузову прекратить все переговоры. Затем последовало распоряжение Павла I о направлении в Финляндию дополнительных войск для устрашения Швеции и сосредоточение их напротив спорных территорий.

В Европе тем временем сгущались тучи, предвестники большой континентальной войны. Захват Наполеоном Бонапартом Мальты, его египетская экспедиция, упрочение французского влияния в Голландии и Швейцарии заставили вторую антифранцузскую коалицию активизироваться. В 1799 году Россия направляет в Голландию экспедиционный корпус для совместных операциях с англичанами против французов. Однако военные действия для союзников сложились неудачно. В битве при Бергене был взят в плен командующий русскими экспедиционными войсками генерал от инфантерии И. И. Герман. Император Павел I назначает на его место М. И. Голенищева-Кутузова.

Тот в конце сентября незамедлительно выезжает к войскам. В пути приходит известие, что главнокомандующий союзными войсками английский герцог Ф. Йорк заключил с неприятелем конвенцию о прекращении военных действий и выводе союзных войск с территории Голландии.

12 (23) ноября 1799 года в Гамбурге, откуда до голландской территории было рукой подать, Кутузов получил рескрипт императора Павла I, предписывающий ему возвратиться в Россию и принять все должности у (генерала от инфантерии Б. Р. де Ласси попавшего в опалу) — Литовского военного губернатора, инспектора инфантерий Литовской и Смоленской, шефа Поповского мушкетерского полка.

Оказавшись на западных рубежах Российской империи, М. И. Голенищев-Кутузов принял командование над стоявшими там войсками. Новое назначение было связано с проводимой Павлом I внешней политикой. Он направил в Италию войска под командованием генерал-фельдмаршала Суворова для войны против французов. В Средиземноморье вышла эскадра адмирала

Ушакова для завоевания Ионических островов и создания форпоста на острове Мальта.

Император Павел I в высочайшем рескрипте сообщал Суворову о том, что его итальянский поход будет поддержан тремя русскими армиями, расположенными вдоль российской границы. Эти армии составляли вторую линию русских войск, предназначенных для подкрепления действующих суворовских частей в случае начала большой европейской войны. Командующими армиями император назначил генерал от кавалерии, французского маркиза на российской службе, Ж.-Ф. де Бомона Дотишиана (де Отишана), генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова и генерала-фельдмаршала графа И. В. Гудовича.

В феврале 1800 года Михаил Илларионович вступил в должность шефа Псковского мушкетерского полка. (Этот полк впоследствии более ста лет с гордостью носил имя прославленного русского полководца, с честью оправдывал свое почетное наименование ратными делами).

Пограничные армии так и не двинулись в Европу. После окончания Итальянского похода А. В. Суворова, теперь уже генералиссимуса всех российских войск, М. И. Кутузов заботится об укомплектовании полков, возвращающихся из-за границы, принимает меры по укреплению границы с Пруссией, ведает всеми гражданскими делами в Вильно.

В мае 1800 года Россия вновь оказалась на грани большой войны, на сей раз с Великобританией. После разрыва с ней дипломатических отношений, Павел I начал подготовку к военным действиям с англичанами. На западной границе формируются две армии: в Литве — под командованием генерала от кавалерии П. А. Палена, на Волыни — под командованием генерала от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузова.

Чтобы проверить обученность и слаженность войск, в сентябре 1800 года в Гатчине проводятся большие маневры. Командуя войсками на гатчинских маневрах, Михаил Илларионович был высочайше отмечен в приказе по армии следующими словами: «...Весьма утешно для его Императорского Величества видеть достижения войска такого совершенства в каковом оно себя показало по всех частях под начальством таковых генералов, которых качества и таланты, действуя таковыми войсками к такой нации, какова российская, не

могут не утвердить и не обеспечить безопасности и целостности государства...» [54].

Всем нижним чинам участвовавшим в армейских маневрах, император Павел I пожаловал обычное вознаграждение — «по рублю, по чарке и по фунту говядины на человека».

В связи с созданием двух действующих армий на западной границе и подготовкой их к военным действиям М. И. Голенищеву-Кутузову подчинили Украинскую, Брестскую и Днестровскую инспекции, а П. А. Палему — Финляндскую, Санкт-Петербургскую, Лифляндскую, Литовскую и Смоленскую.

Отношения между Лондоном и Санкт-Петербургом продолжали ухудшаться. В сентябре 1800 года англичане принудили голодом сдаться французский гарнизон на Мальте. Император Павел I приступает к созданию против «владычицы морей» новой Лиги вооруженного нейтралитета, в которую намечалось вовлечь Швецию, Пруссию и Данию. Одновременно в Париж отправляется генерал от инфантерии барон Е. М. Спренгпортен. Официальная цель его миссии — переговоры о возвращении русских пленных, фактическая — восстановление дипломатических контактов с наполеоновской Францией.

М. И. Голенищев-Кутузов готовил свою армию для совместных действий с прусской. Согласно оборонительного договора, заключенного в июле 1800 г. в Петергофе между Россией и Пруссией, обе стороны в случае нападения на них обязывались выставить подготовленные войска. В тот период Кутузов занимался еще и распределением бывших военнопленных, прибывших из Франции.

В конце 1800 года Павлу I удалось убедить прусского короля Фридриха-Вильгельма III заключить совместную Конвенцию морского вооруженного нейтралитета, направленную против Англии. Санкт-Петербург задумывал присоединить к этому союзу Швецию. Для дальнейших секретных переговоров с российским императором в город на Неве намеревался инкогнито приехать король Швеции Густав IV Адольф.

Для встречи шведского монарха и сопровождения его от границы до Санкт-Петербурга император Павел I направил генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова, успешно действовавшего на дипломатическом

поприще. Тот справился с поручением, оставив о себе самое лучшее впечатление у короля Швеции.

Густав IV Адольф в сопровождении М. И. Кутузова прибыл в Санкт-Петербург. Итогом переговоров двух монархов стало подписание ими 4 декабря 1800 года Конвенции о вооруженном нейтралитете. Таким образом три государства выработали единую позицию в отношении к Англии и обеспечении благоприятных международных условий для свободной морской торговли.

За день до отъезда с королем Густавом IV Адольфом к русско-шведской границе Михаил Илларионович узнал о своем новом назначении. По приказу Павла I для подготовки к военным действиям против Англии формировались новые армии: в Брест-Литовске под командованием П. А. Палена; во Владимире на Волыни под командованием М. И. Голенищева-Кутузова; в Витебске под командованием московского военного губернатора И. П. Салтыкова 2-го.

Конфронтация России с Англией грозила превратиться в настоящую войну. В Балтийское море вошла британская эскадра под командованием вице-адмирала Горацио Нельсона. Она остановилась с Ревельской гавани и готовилась бомбардировать Кронштадт.

Только убийство императора Павла I, совершенное в результате заговора в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, предотвратило новую войну.

Глава третья

Полководческий почерк

С воцарением на престоле Александра I резко изменился внешнеполитический курс Российской империи. Исчезла опасность войны с Англией. В июне 1801 года была подписана англо-русская конвенция, подтвердившая мирные намерения двух государств. Новый государь отменил все военные приготовления Павла I.

Генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов получает новое назначение: он становится военным губернатором Санкт-Петербурга. Кроме того, за ним сохраняется прежняя должность инспектора Финляндской инспекции. Немного позже ему поручается также управление гражданскими делами Санкт-Петербургской и Выборгской губерний.

Исполнение гражданских и военных обязанностей требовало от 53-летнего Михаила Илларионовича большой энергии и немалого напряжения духовных и физических сил. Особенно много времени приходилось уделять столичным заботам. Губернатор разбирал жалобы населения и направлял по необходимости дела в судопроизводство; инспектировал финансово-хозяйственную деятельность петербургских больниц, военно-сиротского дома; разрабатывал Положение и штат городской Думы столицы и докладывал об этом в Сенате; содействовал работе петербургского Вольного экономического общества по вопросам земледелия и сельского хозяйства; руководил деятельностью полиции и исполнял множество других дел.

Кутузову приходилось заниматься вопросами строительства величественного Казанского собора и провиантских магазинов (складов) на Фонтанке. Он вел учет урожая в Выборгской губернии и отправлял ведомости о нем императору, оказывал содействие шведскому послу в оформлении провоза через границу закупленного в России хлеба, расследовал происшествия в приграничной зоне, связанные с нарушением торговли.

Уже с начала своего правления император Александр I не был расположен к знаменитому полководцу. (Суждений в связи с этим существует достаточно много, но единого мнения нет.) Однако в силу своего чина и признанных заслуг перед Отечеством, М. И. Голенищев-Кутузов занимал высокое положение в императорском окружении, и Александр был вынужден терпеть Кутузова до поры до времени. Поводом отдалить его от власти послужили недостатки в работе столичной полиции.

Петербургский полицмейстер Овсов не смог отыскать карету, сбившую на Исаакиевской площади англичанина, а также виновников нападения у Михайловского замка на Ушакова, человека близкого к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичу. Последнюю каплю в чашу терпения добавил гвардейский поручик Семеновского полка Шубин, наделавший долги и

инсценировавший попытку захвата мнимого заговорщика с целью получения вознаграждения.

Разгневанный делом Шубина, император срочно назначает оказавшегося в столице генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского главнокомандующим в Санкт-Петербурге, а генерал-адъютанта К. Ф. Комаровского — его помощником и одновременно начальником полиции. Последний сумел изобличить поручика Шубина, найти владельца кареты, сбившего англичанина, и беглых солдат, напавших на Ушакова. Одновременно Комаровский доложил Александру I о недостатках в деятельности столичной полиции: нехватке полицейских будочников, продолжающихся карточных играх, дуэлях среди офицеров и дворянской молодежи, запрещенных высочайшим указом, и многом другом.

В связи с этими событиями в августе 1802 года последовало высочайшее повеление о сдаче М. И. Голенищевым-Кутузовым должности военного губернатора. При этом дела передавались не главнокомандующему Каменскому, выехавшему в войска, а начальнику полиции Комаровскому.

Тяжело переживая такое нерасположение императора, Кутузов обратился к нему с прошением принять высочайшее решение о его дальнейшей судьбе. Прошение не осталось без ответа. Последовал монарший указ Правительствующему Сенату об увольнении М. И. Голенищева-Кутузова на год по болезни. Место инспектора Финляндской инспекции было отдано генерал-лейтенанту графу А. И. Толстому.

Три года Михаил Илларионович оставался не у дел, занимаясь своими хозяйственными вопросами. Все его попытки вернуться на военную службу терпели неудачи. Лишь в августе 1804 года его привлекли к участию в военных маневрах под столицей, где он командовал корпусом и удостоился монаршей благодарности. Кутузов с горечью пишет жене о том, что все его труды, опасности на военной службе и раны были напрасными.

Отставленный от службы Кутузов внимательно следил за европейскими событиями. Наполеон аннексировал одну за другой территории континента, создавая свою империю. В Лондоне забили тревогу.

В марте 1803 года Англия возобновила военные действия против Франции и выступила инициатором создания третьей антифранцузской коалиции. Англия действовала при этом испытанным методом — она предложила огромную сумму в 1 млн. 250 тысяч фунтов стерлингов тем

странам, которые выставят для войны против Франции 100-тысячное войско. России и Австрии была предложена трехмесячная субсидия, если они начнут военные действия.

Имперские завоевательные устремления Наполеона Бонапарта не могли не встретить противодействия ведущих держав Европы. 30 марта (11 апреля) 1805 года в российской столице был подписан союзный договор с Великобританией, ставившей целью обеспечение независимости Голландии и Швейцарии, очищение от французов Италии и государств Северной Германии.

Вскоре к антифранцузской коалиции присоединились Австрия, больше всего пострадавшая от Наполеона, Швеция и Неаполитанское королевство. Лишь Пруссия продолжала колебаться, опасаясь французской армии, особенно корпуса Бернадота, стоящего вблизи ее границ. Берлин сохранял нейтралитет, ожидая результатов военных действий.

Планы императора Александра I на ведение войны с Францией выглядели впечатляюще — боевые действия могли развернуться от Северного моря до Средиземного. Однако требовалось присоединить к антифранцузской коалиции Пруссию. К ее восточным границам выдвигается русская армия под командованием генерала от кавалерии И. И. Михельсона. Она состояла из двух группировок войск — 50-тысячной Волынской армии графа Ф. Ф. Буксгевдена, которая выдвигалась в Богемию, и 40-тысячной армии графа Л. Л. Беннигсена, вышедшей после марша у прусской границы.

Планировался и морской десант — в Штральзунд. 16-тысячному корпусу генерал-лейтенанта П. А. Толстого предстояло высадиться с кораблей Балтийского флота для действий в Померании в составе Северной армии под командованием короля Швеции Густава IV Адольфа. Русскому корпусу ставилась задача принять участие в освобождении Ганновера и северного побережья Германии, а затем Голландии.

Русским войскам предстояло действовать и в Италии, где главной силой была австрийская армия брата австрийского императора эрцгерцога Л.-И. Карла. В помощь ему совместно с англичанами выделялся 25-тысячный корпус генерала от инфантерии Б. П. Ласси, которому предстояло десантироваться в Неаполь с острова Корфу.

Войска Буксгевдена, Беннигсена, Толстого и Ласси не составляли основную силу русской армии и не действовали на главном направлении. Эта

роль по замыслу императора Александра I. отводилась Подольской армии под командованием генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова. Однако государь не дал самостоятельности в действиях опальному полководцу. При вступлении его войск на австрийскую территорию Михаил Илларионович поступал в прямое подчинение императору Австрии и «принцу крови австрийского дома».

Подольской армии предстояло во взаимодействии с союзной Дунайской армией численностью в 80 тысяч человек развернуть боевые операции в Баварии против войск, руководимых самим Наполеоном. Со стороны союзников концентрация столь малых сил в долине Дуная стала стратегическим просчетом — именно здесь развернулись решающие события 1805 года. Большая часть сил Австрии оказалась на второстепенных направлениях: 140-тысячная армия эрцгерцога Карла — в Италии, 50-тысячная армия эрцгерцога Иоанна — в Тироле.

Перед войной с Францией Россия имела сравнительно большую армию: около 280 тысяч полевых войск, 100 тысяч гарнизонных войск и 110 тысяч иррегулярной конницы — всего около 500 тысяч человек [1]. Однако выставить Россия могла не более 200 тысяч (к 115 тысячам обещалось выслать еще 65), так как в то время вновь нарастала угроза возникновения войны с Турцией и Россия была вынуждена держать резервы.

Русский и австрийский монархи рассчитывали в начинавшейся войне на огромную военную силу: 622 тысячи человек войск Австрии, России, Англии, Швеции, Пруссии, Дании, Неаполитанского королевства и многочисленных немецких государств. (Этим иллюзорным ожиданиям не суждено было сбыться.) Наполеон имел войска, включая те, что находились в северной и южной Италии, в Ганновере, общей численностью 439 545 человек [2].

Однако французская армия, детище буржуазной революции, выглядела явно внушительнее союзников, прежде всего австрийской армии. Противникам Наполеона еще только предстояло собрать воедино планируемые силы, а армия Франции уже была заблаговременно сосредоточена компактной группировкой в районе Булони, готовая в любой момент выступить в поход.

Наполеоновские маршалы своим полководческим искусством превосходили австрийских и прусских, нанеся им немало поражений. Современник тех событий писал: «Наполеон, заняв часть воинских правил у

Суворова, особенно его быстроту и внезапность в нападениях, искусно применил оное к великим движениям многочисленных армий» [3].

Многих стратегических просчетов в планировании войны с наполеоновской Францией можно было избежать, пригласи Александр I к участию в нем опытного М. И. Голенищева-Кутузова. Соображения полководца просто не были приняты во внимание. Ему вручили уже разработанный, прежде всего австрийским генералитетом, план войны и приказали выполнять его во всех деталях.

В инструкции, врученной командующему Подольской армией, строгойше приказывалось: «Действовать со всею ревностию и исполняя беспрекословно повеления главнокомандующего австрийскими войсками» [4]. Император Александр I неоднократно подчеркивал эту мысль, изначально лишая русского полководца инициативы и самостоятельности в действиях.

Подчинение Михаила Илларионовича 24-летнему эрцгерцогу К.-И. Фердинанду оказалось номинальным. Фактически его начальником и командующим союзной армией был фельдмаршал-лейтенант (генерал-лейтенант), генерал-квартирмейстер барон К. Макк. Его снабдили бланками с подписями императора Франца I, что делало Макка распорядителем двух армий.

При Венском дворе барон пользовался репутацией опытного военачальника. Ему даже не ставили в упрек поражение в 1798 году Итальянской армии, которой он командовал. Тогда Макк сдал французам Капую и много других городов, сам попал в плен к Наполеону и выплатил победителю 10 млн. франков контрибуции. Все свои неудачи австрийцы объяснили «низостью итальянцев».

Наполеон, отпуская барона из плена, назвал его «самым посредственным человеком, преисполненным самолюбия и самомнения». Князь К.-В.-Л.-Меттерних, ставший министром иностранных дел Австрии, в своих мемуарах так характеризовал его: «Макк обладал большими достоинствами и мог быть очень хорошим начальником штаба, но отнюдь не следовало назначать его начальником армии; задача управления армией была выше его способностей» [5].

Получив новое назначение, М. И. Голенищев-Кутузов прибыл в столицу, где в Военно-походной канцелярии получил расписание войск подчиненной

ему действующей армии. После непродолжительного отдыха в кругу семьи генерал от инфантерии выехал к войскам в Радзивилово, где они переходили русско-австрийскую границу.

Подольская армия насчитывала 49 357 человек без учета молодых, необученных рекрутов, 327 орудий [6] и более 16 тысяч лошадей. Русские войска двигались на запад шестью колоннами, удаленными друг от друга на расстояние одного перехода, растянувшись по дороге почти на 100 км. Колоннами командовали: первой — генерал-майор князь П. И. Багратион, второй — генерал-лейтенант А. А. Эссен 2-й, третьей — генерал-лейтенант Д. С. Дохтуров, четвертой — генерал-лейтенант В. Ф. Шепелев, пятой — генерал-лейтенант барон Л. Ф. Мальтиц и шестой — генерал-лейтенант барон И. К. Розен.

Подольской армии предстояло проделать путь в 900 км, пройти всю Галицию, Австрию и вступить в Баварию. Согласно утвержденному протоколу конференции о совместных военных действиях России и Австрии, кутузовская армия через два месяца пути должна была прибыть к реке Инн и там, соединившись с австрийской, двинуться через Баварию навстречу Наполеону. Тем самым предполагалось заставить баварского курфюрста присоединиться к войскам коалиции.

Союзное командование не приняло во внимание то, что император французов со своей главной армией, стоявшей в Булонском лесу, находился от Дунайской долины всего в 500 км. Австрийцы рассчитывали, что Наполеон основные силы сможет перебросить от берегов Ла-Манша к Дунаю за 64 дня. Поэтому самоуверенный генерал-квартирмейстер К. Макк не стал дожидаться русских и 28 августа (9 сентября) 1805 года перешел границу Баварии. Одновременно две другие армии австрийцев двинулись в Тироль и Италию.

Первая неудача Вены постигла незамедлительно. Связанный секретным договором с французами, курфюрст Баварии Максимилиан I Иосиф привел свой 18-тысячный корпус к Наполеону сразу же после получения известия о переходе австрийцами государственной границы. Австрийские войска заняли баварскую столицу Мюнхен, куда прибыл эрцгерцог Фердинанд, вступивший в командование армией.

Тем временем русская армия путь от Радзивилова до Решена примерно в 700 км, прошла за 28 дней, делая в сутки переход в 23—26 км. Если учесть

трудности движения, вызванные осенней ненастной погодой и отсутствием хороших дорог, то можно считать эту скорость довольно высокой.

По пути силы Подольской армии уменьшились на 9 тысяч человек и 24 орудия, составлявших 6-ю колонну. Ее переподчинили графу А. П. Тормасову, командовавшему резервным корпусом в районе Днестра. Осложнение отношений России с Турцией потребовало прикрыть южную границу государства. Правда, через 12 дней колонну вернули в армию М. И. Голенищева-Кутузова, но догнать ее она смогла лишь во время отступления русских войск к Браунау.

Когда австрийская Дунайская армия заняла баварскую крепость Ульм, пришло известие, что Наполеон двинул свои 200 тысяч человек при 340 орудиях от берегов Ла-Манша к Дунаю. Он писал министру иностранных дел Франции Талейрану: «...Чем больше я думаю над обстановкой в Европе, тем больше я убеждаюсь в необходимости предпринять решительные действия. И я готовлюсь к ним полным ходом. Я иду на Вену и не вернусь в Париж, пока не достигну своей цели».

Под Решен к Кутузову примчался курьер от российского посла в Вене графа А. К. Разумовского. Тот передал просьбу австрийского кабинета министров максимально ускорить движение Подольской армии в Баварию. Русские войска двинулись вперед форсированным маршем.

Один из участников этого похода вспоминал: «До Решена мы шли обыкновенным маршем, но с этого пункта ровно через месяц 13 (25) сентября нас двинули на перекладных ускоренными переходами до 60 верст в день. Порядок переменных фургонов распределен был с примерной точностью: на каждый фургон садилось по 12 человек с полным вооружением, и с такого же числа людей складывались туда ранцы и шинели. На десятиверстном расстоянии ожидала нас перемена; идущие усаживались на фургон, а ехавшие шли пешком, налегке, в одних сумках с ружьями».

Форсированный марш русской армии не спасал австрийцев. Наполеон вместо 64 дней (рассчитанных в Вене), проделал путь в 540 км всего за 18 дней! Его войска прошли весь марш в два перехода со средней скоростью около 30 км в сутки с учетом дней отдыха. При этом следует учесть хорошее состояние западноевропейских дорог.

Армия Наполеона, вступившая в Германию, составляла более 180 тысяч человек, не считая двигавшегося на соединение к ней из Бреста через всю Францию пехотного корпуса генерала Ожеро. Французы, сосредоточившись на берегу Рейна в 148 км от армии Макка, перешли реку и начали военные действия.

В ответ на письмо русского посла М. И. Голенищев-Кутузов сообщил, что «форсированный марш, которого добиваются от них «венский двор, может быть только вреден для нашей армии». Вырвавшись далеко вперед, пехота оставила позади артиллерию, кавалерию и обозы с боеприпасами. Для сохранности лошадей командующий приказал спешить два драгунских полка и временно составил из них два пехотных батальона численностью до 800 человек. Длительность перехода между остановками на отдых была увеличена с трех до четырех дней.

Михаил Илларионович, находясь во 2-й колонне, видел, как от грязи, сырости и острых камней солдатская обувь быстро приходила в негодность, а шинели во многих полках были в крайней степени изношенности. В армии увеличилось число больных, отправляемых в походные госпитали. Главнокомандующий обратился к императору Александру I с просьбой о пожаловании «всем шедшим форсированным маршем по 40 или 30 копеек на обувь для каждого человека». Эта просьба была удовлетворена — солдаты получили на обувь по 50 копеек.

Во время форсированного марша русский офицерский состав оказался не обеспеченным топографическими картами, в то время как у французов они имелись даже у нижних чинов. Пришлось затребовать их у русского посла в Вене, а у союзников просить сопровождающих офицеров, знающих местность.

Под Веной русского главнокомандующего приветствовал австрийский император Франц I, пожаловавший русским офицерам за скорость марша и соблюдаемый порядок в пути в виде столовых денег 60 тысяч серебряных гульденов.

М. И. Голенищев-Кутузов встретился с вице-канцлером Австрии графом Л. фон Кобенцлем, своим старым знакомым с времен Екатерины II, и членами Военного совета союзного государства. Он договорился с ними о снабжении армии продовольствием и фуражом, подводами, лошадьми, о доставке из австрийского артиллерийского ведомства 150 орудий и снарядов к ним, о

передаче для русских войск 2 823 тысяч патронов. Позже вместо них союзники выделили порох и свинец.

Требование от союзников такого числа артиллерии объяснялось тем, что с русской пехотой форсированным маршем двигалась всего одна рота конноартиллерийского батальона под командованием подполковника А. П. Ермолова. Остальные орудийные расчеты находились в отставшей колонне генерал-лейтенанта Эссена 2-го.

Для ускорения движения артиллерии Кутузов дал указание впрягать на каждое орудие по 10 лошадей из числа поставляемых дополнительно союзной стороной, и распорядился выделить им двойную порцию фуража.

Стремясь сохранить боеспособность войск во время форсированного марша, Михаил Илларионович обратился к союзникам с предложением: «Чтобы дать некоторое облегчение солдатам, которые разорвали в походе свою обувь, я подумал, не было ли бы возможно во всех тех местах, где мы будем иметь дневку, собрать сапожников, чтобы помочь солдату при починке его обуви... очень прошу любезно позаботиться о том, чтобы мясо, согласно обещанию, варилось с овощами, а не только в воде, как это делалось до сих пор» [8].

Главкомандующий Подольской армией обращался к подчиненным: «Я остаюсь спокойным, твердо надеюсь, что долг службы, будучи для всякого священным во всяком случае, и тем более при переходе войск через иностранные земли, во всякой точности будет всеми и каждым сохраняем» [9].

От Вены русская армия двинулась к городу Браунау, куда 1 (13) октября 1805 года вступила авангардная колонна генерал-майора князя П. И. Багратиона. Он занял аванпостами берег реки Инн. Подольская армия сумела достичь Браунау всего за 16 дней, пройдя путь в 519 км! При этом скорость ее передвижения, с учетом дней отдыха, составила 32,4 км в сутки и превысила скорость французской армии.

70-тысячная австрийская армия бездействовала, в то время как Наполеон форсировал Рейн. Эрцгерцог Фердинанд писал Кутузову: «Для соединения с вами нам не будет ничего трудного, ничего невозможного». Тем временем французская армия, идя параллельными дорогами, быстро подошла к верховьям Дуная. Только тогда К. Макк стал разворачивать свою армию лицом к неприятелю в районе Ульма, не опасаясь его перехода через Дунай.

Наполеон разделяет свою армию на две части. Первая прикрывает Мюнхен от русских войск, вторая бросается к Ульму. С главными силами австрийцев встретилась первоначально только одна французская дивизия, которая была разбита, но основным войскам Наполеона удалось окружить противника.

Узнав об этом, Макк решил укрыться в Ульме. Эрцгерцог Фердинанд, не согласный с таким решением, во главе 16-тысячного отряда кавалерии выдержал тяжелый бой с французами, но сумел вырваться только с 2260 конниками. Французы начали бомбардировку Ульма; и генерал-квартирмейстер Макк был вынужден капитулировать. Отрезанные от своих баз, без продовольствия, деморализованные австрийские войска в числе 30 тысяч человек 8 (20) октября вышли из крепости и сложили оружие.

В своем победном воззвании к своим солдатам торжествующий Наполеон извещал: «200 пушек, 90 знамен, все генералы — в нашей власти. Из этой армии осталось лишь 15 тысяч человек».

Кампания 1805 года началась для союзных России и Австрии большим поражением. Ульмская катастрофа ставила под удар и кутузовскую армию, соединяться которой было уже не с кем — вместо австрийской армии в пяти переходах от берегов Инна стояла французская, готовая для марш-броска. Резервов не имелось — только далеко на востоке, у Варшавы, двигались на соединение русские войска под командованием Ф. Ф. Буксгевдена.

Александр I писал М. И. Голенищеву-Кутузову: «Я тогда только останусь спокойным, когда узнаю, что вы решились принять на самого себя высокую ответственность защитить Вену» [11]. Теперь в письмах российского монарха уже нет и в помине прежних строжайших предписаний о беспрекословном выполнении указаний австрийского командования.

Император рекомендует Михаилу Илларионовичу самому избирать меры для сохранения армии и спасения общего дела. Более того, он пишет: «...Удостоверяясь из опыта в неспособности генерала Макка, вам не должно полагаться на его советы» [12].

В Браунау Кутузов ожидал подхода отставших войск. После тяжелого почти тысячекилометрового марша в рядах армии насчитывалось всего 32 тысячи человек (около 6 тысяч больных было оставлено в госпиталях), а с

остатками австрийских войск под командованием генералов М. Кинмейера и И. Ностица — чуть более 50 тысяч. Артиллерия находилась еще в пути.

Русская армия оказалась единственной реальной силой, способной защитить Вену. Армия Наполеона с присоединившимися к нему баварскими, баденскими и вюртембергскими войсками (без учета направленного в Тироль корпуса Ожеро) насчитывала более 200 тысяч человек. Неприятель имел четырехкратное превосходство в силах над кутузовскими войсками.

Главнокомандующий русской армии в письме императору Францу I ответил на полученные от гофкригсрата (государственного совета) Австрии предписания: «Я убежден в необходимости следовать присланному мне операционному плану, но, при всей моей доброй воле, предвижу великие затруднения. Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, я должен буду выдержать его нападение, а когда часть войск вступает в дело, случается надобность подкреплять их, от чего может завязаться большое сражение и последовать неудача» [13].

Тем временем у Наполеона появился новый противник. Император Александр I успешно завершил в Берлине переговоры с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Тот подписал союзный договор с Россией и Австрией и послал Бонапарту ультиматум. Пруссия обязывалась через месяц начать военные действия против Франции, если поставленные условия не будут выполнены.

Складывающаяся ситуация заставила Наполеона спешно двинуть свою армию на русскую, не дожидаясь возможного соединения с прусской. Французские войска выступили из Мюнхена в направлении к Браунау, часть сил — к Зальцбургу для обхода противника слева. Одновременно выставлялось прикрытие в Тироле от возможных действий австрийской армии эрцгерцога Иоанна.

Разгадав замысел противника Кутузов 13 (25) октября начал отступление к Ламбаху, прикрыв свой левый фланг. Мосты через реку Инн были уничтожены. На четвертый день марша авангардные войска вошли в Ламбах. Через два дня основные силы Подольской армии вступили в Вельс.

Здесь же в Вельсе состоялся военный совет, в котором принял участие император Франц I. Русский главнокомандующий изложил свой план дальнейших действий. Он предлагал, отступая по долине Дуная и используя

речные преграды Трауна и Энса, измотать силы Наполеона, затем перевести войска на дунайское левобережье, не связывая их действия с защитой Вены. Организовав на левом берегу Дуная прочную оборону, не допустить форсирования реки неприятелем, подтянуть за это время австрийские и русские войска и перейти к активным наступательным действиям.

Стратегический план М. И. Голенищева-Кутузова стал результатом глубокой и верной оценки сложившейся обстановки на театре военных действий. В замысле полководца отчетливо выражалось стремление применить против наполеоновской армии такую форму борьбы как контрнаступление. Свое блестящее выражение оно найдет в 1812 году, при изгнании Великой армии Наполеона из России.

Кутузовский стратегический план не вызвал особых возражений на военном совете и был принят. Осуществить же его в условиях коалиционной войны, при отсутствии общности интересов у союзников, при взаимном недоверии друг к другу, при отсутствии единого главнокомандующего союзными армиями было чрезвычайно трудно. Только мужество и упорство нижних чинов и офицеров русской армии, полководческий талант ее главнокомандующего позволили произвести этот сложный стратегический маневр.

Первое крупное столкновение противников произошло 19 (31) октября при Ламбахе. Четыре австрийских батальона были внезапно настигнуты кавалерией Мюрата и стали отступать. Помощь им пришла от князя П. И. Багратиона, который направил из Ламбаха к месту боя 6-й и 8-й егерские полки, эскадрон Павлоградского гусарского полка и артиллерийскую роту.

Натиск французской кавалерии сдерживался на протяжении почти пяти часов. Егеря дважды ходили в штыки. Конница Мюрата понесла немалый урон, а русский отряд «ружейною пальбою совершенно положил преграду неприятельскому стремлению». Сам главнокомандующий с гордостью сообщал об этом бое императору Александру I: «Я действиями наших людей весьма доволен...» Потери войск Багратиона составили 145 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и всего одно орудие.

После уничтожения мостов кутузовская армия расположилась вдоль правого берега реки Энс и стала строить полевые укрепления. Условия местности позволяли основательно измотать авангард наполеоновской

армии — конницу Мюрата. Однако М. И. Голенищеву-Кутузову вскоре пришлось отвести Подольскую армию от реки Энс и расположиться в местечке Мельк.

Причиной стала двойная игра союзников. Император Франц I приказал корпусу генерала Мерфельда отойти на защиту Вены. Тот полностью оголил левый фланг Подольской армии и нашел погибель для своих солдат в бою против настигшего его корпуса Даву. В плен попало 4 тысячи австрийцев, вся артиллерия и обоз. Мерфельд с двумя тысячами человек едва ушел в Венгрию.

Конница Мюрата настигла арьергард русской армии у Амштеттена. На помощь князю П. И. Багратиону по приказу главнокомандующего пришел генерал-майор М. А. Милорадович. Мюрат, усилившись пехотой, начал теснить русский арьергард. Тогда Милорадович пропустил отступающего Багратиона и, запретив своим войскам заряжать ружья, ударил по-суворовски в штыки. Произошла рукопашная схватка воинов Апшеронского и Смоленского полков с гренадерами дивизии генерала Удино.

Раненые русские солдаты после перевязки спешили вернуться в бой. По признанию французов, взятые в плен яростно кидались на своих конвойных. К концу дня французы отступили, Милорадович три версты преследовал их. Он, по словам М. И. Голенищева-Кутузова, имел «славу окончить сей день — довольно важный, совершенно в пользу нашу».

Вскоре русскому главнокомандующему в руки попали письма Наполеона и начальника главного штаба французской армии маршала Бертье к императору Францу I. Они свидетельствовали о том, что союзная Австрия за спиной России вела переговоры с общим противником о заключении сепаратного мира. Михаил Илларионович немедленно известил об этом своего государя, российского министра иностранных дел польского князя А. А. Чарторыжского и посла в Вене графа А. К. Разумовского.

Ведя тайные переговоры с венским двором, Наполеон продолжал действия против Подольской армии. На левый берег Дуная были переправлены четыре дивизии, которые составили новый корпус под командованием маршала Э.-А. Мортье. Ему ставилась задача прикрыть с севера театр военных действий от прусских войск и подходившей 6-й колонны

кутузовской армии, которой вместо барона Розена стал командовать генерал-майор Воропайский.

Однако здесь опытный полководец Наполеон допустил просчет, поскольку такая река, как полноводный и широкий Дунай, стала серьезной преградой для взаимодействия главных сил французов и корпуса Мортье. Русский полководец прекрасно воспользовался этой ошибкой.

Узнав о восстановлении неприятелем разрушенного моста через Дунай у Линца, Кутузов блестяще расстроил все задуманные Наполеоном тактические комбинации. Русская армия, прикрывшись от кавалерии Мюрата арьергардом Милорадовича, двинулась к Сент-Пельмену, а от него повернула на север и у Кремса перешла Дунай, уничтожив за собой мост через реку.

Теперь под ударом оказалась не Подольская армия, а корпус маршала Мортье. Наполеон попытался исправить свою ошибку, остановив наступление главных сил и начав переправлять на судах французской Дунайской флотилии корпуса Сульта и Бернадота. Однако судов было мало, и войска Мортье помощи не получили. Двигаясь по узкой дороге к Кремсу, они сильно растянулись в пути, сам начальник корпуса находился с передовой дивизией. Русский главнокомандующий сумел заслать к нему лазутчиков, которые уверили его в том, что русская армия спешно отступает в Моравию, и Мортье с одной авангардной дивизией, не дожидаясь подхода других, двинулся вперед, даже не выслал дозоры в окрестные горы.

Получив от разведки достаточно полные сведения о составе и движении наполеоновского корпуса, генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов принимает решение его разбить. Разделив свои войска на четыре колонны, он направил М. А. Милорадовича навстречу авангардной дивизии французов, чтобы атаковать ее с фронта. Колонне Д. С. Дохтурова ставилась задача пройти 7 км по горам и к 7 часам утра выйти неприятелю в тыл. Колонне генерал-майора Ф. Б. Штрика предстояло нанести фланговый удар. Отряд П. И. Багратиона охранял тылы русских войск. Резерв сил Милорадовича составил отряд Эссена 2-го. Вдоль берега Дуная были поставлены батареи, чтобы воспрепятствовать подходу вражеской речной флотилии.

Замысел Кутузова удался. Сражение началось около 9 часов утра. Бой между авангардом корпуса Мортье и войсками Милорадовича сразу же принял ожесточенный характер. Когда наполеоновский маршал ввел в дело всю свою

головную пехотную дивизию, русские стали отступать, заманивая неприятеля под фланговый удар колонны Штрика.

В это время колонна Дохтурова все еще совершала обходной маневр в горах. Ее вел австрийский генерал-квартирмейстер Шмидт, расчет которого оказался неверным. Узкие горные тропы и начавшийся дождь замедлили марш. Дохтуров решил, оставив артиллерию и кавалерию, идти с одной пехотой. В назначенный пункт колонна вышла не к 7 часам утра, а лишь в 17 часов.

Ослабленный русский отряд вышел в тыл авангардной дивизии Мортье, но сам был атакован с тыла другой подошедшей французской дивизией. Завязался жаркий бой, в котором противники не раз кидались друг на друга в штыковые атаки. Как говорил наполеоновский генерал Дюпон, «твердость русских равнялась мужеству французов».

После двухчасового боя пехота Дохтурова, не имея ни артиллерийской поддержки, ни помощи кавалерии оказалась не в силах противостоять атакам свежей французской дивизии и в 9 часов вечера вынуждена была очистить путь остаткам авангарда корпуса Мортье. Его войска всю ночь отходили к Дунаю и на лодках переправлялись на другой берег реки. Через два дня на левобережье не осталось ни одного француза.

Сам Наполеон назвал дело у Кремса 30 октября (11 ноября) 1805 года со всей справедливостью «побоищем». Французы потеряли около 5 тысяч человек, в том числе около 1,5 тысяч пленными, пять орудий, штандарт и знамя. Потери русских составили около 2 тысяч человек.

Среди отличившихся в сражении у Кремса оказался Московский мушкетерский полк. Генерал Д. С. Дохтуров доносил главнокомандующему: «Все три батальона Московского мушкетерского полка, составлявшие первую линию, грудью шли вперед, исполняя во всей точности мои приказания и без всякой расстройки заходили по отделениям, строили колонну, опять выстраивались и пальбу по отбою с невероятной скоростью прекращали» [14].

Поражение наполеоновских войск под Кремсом имело огромное значение, прежде всего моральное. Впервые французский император встретился с достойным противником, от которого потерпел поражение. Однако Кремская победа русского оружия имела и стратегическое значение. Она разрушила планы Наполеона на уничтожение Подольской армии до подхода к ней

подкреплений, позволила союзникам произвести перегруппировку сил для новых сражений и главное — рассчитывать на вступление в войну Пруссии.

Австрийский император Франц I, отмечая заслуги Михаила Илларионовича в победе под Кремсом, писал ему: «Не умею лучше выразить армии мою искреннюю благодарность и удовольствие, как жалуя вам, как ее начальнику, военный орден Терезии большого креста в знак всегдашней памяти обо мне и счастливой этой победы» [15]. До М. И. Голенищева-Кутузова этой высшей боевой награды Австрии были удостоены лишь двое русских: цесаревич Константин Павлович и генералиссимус А. В. Суворов-Рымнинский.

Казалось, что переправа через Дунай и победа под Кремсом дали полководцу России возможность полностью реализовать свои стратегические замыслы. Подольская армия получала свободу движения к Ольмюцу (Оломоуцу) на соединение с подходившими для подкрепления войсками Буксгевдена. Казалось, что теперь Германская армия Наполеона надолго застрянет за Дунаем. Мост у Кремса был разрушен.

Единственный Таборский мост у Вены охранялся крупными силами австрийских войск под командованием генерал-майора Ф. Ауэрсперга, которые прикрывали город. Стремясь изменить ситуацию в свою пользу, Наполеон послал на неприятельскую столицу корпуса Мюрата и Ланна. События двух ближайших дней после Кремской победы решительно осложнили всю обстановку. На рассвете 1 (3) ноября драгунская бригада Себастиани заняла Вену без сопротивления австрийцев.

Произошло это так. Мюрат и Ланн вступили в переговоры с князем Ауэрспергом, уверяя его в том, что между Наполеоном и Францем I заключено перемирие. Они шаг за шагом продвигались по Таборскому мосту, пока не очутились на противоположном берегу. Вслед за ними, на глазах изумленных австрийцев, французские гренадеры без единого выстрела перешли мост и захватили батареи пушек. Ауэрспергу ничего не оставалось, как сдать неприятелю без сопротивления Вену и отступить от нее.

Над Подольской армией вновь нависла угроза окружения. Наполеон двинул через Вену корпуса Ланна и Сульта, кавалерию Мюрата и гренадерскую дивизию Удино с целью перерезать пути отхода русской армии.

Войскам Бернадота и Мортье приказывается восстановить мост через Дунай и ударить по русским с тыла.

Такой поворот событий потребовал от М. И. Голенищева-Кутузова принятия новых полководческих решений. Подольская армия вынуждена была уходить с дунайских берегов, чтобы «избежать неравного сражения с значительно превосходящими силами противника». Лазутчики, посланные к Кремсу, донесли, что ненастная погода не позволит французам быстро восстановить мост через реку.

Тогда, не теряя времени, кутузовские войска форсированным маршем двинулись на Брюнн. Вперед против быстро приближающейся кавалерии Мюрата на Цнаймскую дорогу выдвигается 6-тысячный отряд князя Багратиона. Он расположил свои основные силы у Шанграбина, поставив впереди себя кавалерийский заслон из 8 эскадронов австрийцев под командованием графа Ностица и двух казачьих полков.

Багратионовский отряд состоял из Киевского гренадерского, Подольского и Азовского мушкетерских, 6-го егерского, по одному батальону из Новгородского и Нарвского мушкетерских полков, Павлоградского и Гессен-Гамбургского гусарских, Черниговского драгунского и двух Донских казачьих полков, роты батарейной артиллерии. Главнокомандующий доносил императору Александру I: «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти, пожертвованием оно, армию» [16].

Мюрат, накинувшийся на австрийскую кавалерию, сумел обмануть графа Ностица, объявив ему о том, что между их императорами достигнуто перемирие. Ностиц поверил и увел большую часть австрийцев, создав тем самым угрозу окружения всего отряда Багратиона.

Главнокомандующий французской кавалерией решил перехитрить и Кутузова, чтобы путем переговоров задержать движение Подольской армии до подхода своих главных сил. Однако переиграть проницательного Михаила Илларионовича Мюрату не удалось. Русский главнокомандующий, в свою очередь, сразу же выслал для переговоров генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винценгероде, который подписал с французами предварительный текст перемирия. По условиям этого документа Подольская армия и французская кавалерия должны были оставаться на своих местах до окончательной

ратификации соглашения. Мюрат считал, что одним росчерком пера он вывел Россию из войны.

Генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов задержал ратификацию на 20 часов, «не думая нимало оной принять». Подольская армия продолжала свой марш под прикрытием войск Багратиона, сумев при полном бездействии одураченного Мюрата пройти путь в 26 км.

Более искушенный в дипломатических делах Наполеон был взбешен, когда получил для ратификации текст перемирия. В гневе он написал Мюрату: «Не могу подыскать выражений, чтобы выразить вам свое неудовольствие. Вы начальствуете только моим авангардом и не имеете права заключать перемирия без моего приказанья. Немедленно уничтожьте перемирие и атакуйте противника» [17].

4 (16) ноября Мюрат, обескураженный выговором императора, разорвал перемирие и двинул всю массу войск на 6-тысячный отряд Багратиона. Французы превосходили русских в шесть раз! Во главе атакующих стояли прославленные наполеоновские маршалы — Мюрат, Ланн, Султ, Удино. Неравный бой под Шанграбеном продолжался шесть часов.

Багратион расположил свои войска за деревней Шанграбен: в центре позиции поставил три пехотных полка, на флангах кавалерию, два батальона пехоты оставил в резерве. Селение занял егерский полк. В бою русские отказались от линейного, устаревшего построения, действия колоннами и в рассыпном строю.

Русские успешно отбили первые две неприятельские атаки. Затем их артиллерия метким огнем подожгла Шанграбен, занятый французами, и тем пришлось выйти из деревни. После этого вражеские колонны попытались окружить отряд Багратиона. С наступлением сумерек бой продолжался с еще большим ожесточением. Русская пехота стала отходить, отбиваясь от наседавших французов ружейными залпами и штыковыми атаками. Отход прикрывали два пехотных батальона под командованием майора Экономова, бойцы которого показали чудеса героизма.

Бой при Шанграбене длился до 11 часов вечера. Наполеон, убедившись в бесполезности его продолжения, приказал прекратить преследование русских. Через два дня отряд генерал-майора П. И. Багратиона присоединился к главным силам Подольской армии.

Потери арьергардного отряда составили убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2408 человек. 8 орудий с перебитыми осями и колесами стали французскими трофеями. Русские захватили в бою вражеское знамя и привели с собой пленных.

Главкомандующий Подольской армией представил князя П. И. Багратиона и М. А. Милорадовича к званию генерал-лейтенанта, что и было утверждено государем. Багратион получил от императора Александра I Военный орден Святого Георгия II класса, а австрийский император наградил его командорским орденом Марии-Терезии. До этого случая он еще не вручался ни одному русскому военачальнику.

За Шанграбенское сражение были отмечены наградами также и полки. Павлоградский гусарский и Черниговский драгунский удостоились Георгиевских штандартов, Киевский гренадерский и донские казацьи Сусонова 3-го и Ханженкова 1-го — Георгиевских знамен, а 6-ой егерский — серебряных труб.

Теперь уже Наполеон не мог помешать М. И. Голенищеву-Кутузову соединиться с подходившими с востока подкреплениями. 7 (19) ноября его армия в Вишау соединилась с первой колонной графа Ф. Ф. Буксгевдена. Через два дня русский арьергард выдержал последнее столкновение с французами в ходе марш-маневра кутузовской армии от Браунау к Ольмюцу.

Бой при местечке Рауссенице продолжался десять часов. Участие в нем на ограниченном пространстве значительного числа кавалеристов позволило сторонам избежать больших потерь. Вахмистр Евдокимов и рядовой Чумаков из Санкт-Петербургского драгунского полка захватили вражеский штандарт.

На следующий день Подольская армия в Ольмюце соединилась с главными силами Ф. Ф. Буксгевдена. Туда же через три дня подошли гвардейские полки цесаревича Константина Павловича. На подходе были войска Эссена 1-го.

Марш-маневр Подольской армии под командованием М. И. Голенищева-Кутузова вошел в мировую военную историю. За 29 дней русские войска, выдерживая натиск превосходящей по силам наполеоновской Германской армии, прошли путь от Браунау до Ольмюца длиной в 417 км и избежали поражения благодаря кутузовскому полководческому таланту.

За время своего отступления русская армия имела шесть крупных столкновений с неприятелем, всегда имевшим заметное превосходство в

численности войск: у Ламбаха, Амштеттена, Мелька, Кремса, Шанграбена и Раусница. Общие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести не превысили 6 тысяч человек.

Сам Михаил Илларионович оценил содеянное по-военному строго и без пышных фраз. В одном из писем он сообщал: «От Брауна, где начат был преследованием всеми силами французскими, дошел до Вишау и соединился уже с частью корпуса генерала графа Буксгевдена. На пути имел несколько сражений, которые все к чести войск российских. Вся сила неприятеля и теперь еще противу меня: гаупт-квартира Бонапартева от меня в трех милях» [18].

Современники оценили полководческое искусство М. И. Голенищева-Кутузова, разрушившего планы своего именитого и прославленного противника несколько иначе. Граф Ф.Ф. Буксгевден писал ему: «Такая славная ретирада навсегда останется достопамятна и можно утвердительно сказать, что другой генерал, находящийся на вашем месте и не имеющий опытности вашей и храбрости, не устоял бы против таких усиленных нападений» [19].

Один из самых знаменитых российских полководцев первой половины XIX века А. П. Ермолов скажет: «Сия ретирада по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий нынешнего времени» [20].

К концу 1805 года ситуация на европейском театре военных действий сильно изменилась. Ульмская капитуляция австрийской Дунайской армии и отход Подольской армии самым серьезным образом повлияли на ход боевых действий в Тироле и Италии. Армия эрцгерцога Иоанна под ударами французских корпусов Даву и Ожеро была вынуждена отступить на соединение с войсками эрцгерцога Карла. Тот терпел в Италии неудачи в действиях против корпусов Массены и Сен-Сира. Тирольская и Итальянская армии австрийцев отступали на восток, теснимые французами, к Виндишгрецу, где было обусловлено их соединение и дальнейшее движение на соединение с Подольской армией.

Неудачными оказались действия на юге Италии и русских войск. Корпус Б. П. Ласси, высадившийся в районе Неаполя, был вынужден покинуть морем итальянские земли. Это позволило Сен-Сиру оказать помощь Массене.

Изменилась и сама стратегическая ситуация в русско-австрийско-французской войне 1805 года. Действия союзных армий против сил Наполеона на Дунае, в Тироле и в Италии приобрели чисто оборонительный характер.

Марш-маневр Подольской армии от Браунау до Ольмюца, когда она смогла сохранить почти все свои силы, ее соединение с первыми подкреплениями и сам фактор времени стали играть в пользу союзников. В Ольмюце соединенные войска под общим командованием генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова стали насчитывать до 87 тысяч человек, из них 15 тысяч австрийцев.

Численность союзных войск наращивалась. В нескольких переходах от Ольмюца двигался корпус И. Н. Эссена 1-го, насчитывавший 13 тысяч человек. В первой половине декабря ожидался подход русских войск под командованием барона Л. Л. Беннигсена численностью в 27 тысяч человек. В 270 км находились австрийские армии эрцгерцогов Иоанна и Карла, насчитывавшие более 80 тысяч человек. Дождавшись подхода всех этих сил, даже без вступления в войну Пруссии можно было рассчитывать на 205 тысяч союзных войск.

Близился месячный срок ультиматума прусского короля Фридриха-Вильгельма III императору Наполеону. В случае его невыполнения французской стороной в войну вступала 170-тысячная армия Пруссии, которая движением на запад нарушить многие неприятельские коммуникации, растянутые по дуге на 370 км.

Соотношение сил складывалось теперь явно не в пользу наполеоновской Германской армии: в начале войны она насчитывала 200 тысяч человек, а сейчас к Брюнну, откуда до союзных войск можно было дойти за три перехода, император мог сосредоточить всего 50 тысяч войск. В случае необходимости Наполеон мог притянуть по две дивизии из корпусов Бернадота и Даву общей численностью в 23 тысячи человек. Это мало уравнивало силы противоборствующих сторон. Остальные французские войска стояли на защите тыловых баз и растянутых коммуникаций.

Отсутствие продовольствия в Ольмюцком лагере заставило союзников принять план их ближайших действий. Михаил Илларионович понимал, что полного превосходства в силах можно достичь, лишь оттягивая как можно дальше генеральное сражение. В случае же наступления Наполеона следовало отступить навстречу идущим резервам. Опыт подсказывал русскому главнокомандующему воздержаться от преждевременных наступательных действий.

На военном совете М. И. Голенищев-Кутузов высказался за дальнейшее отступление к Рудным горам, в Моравию до прибытия всех подкреплений и вступления в войну Пруссии. Хотя это и затягивало военные действия, но в итоге могло дать тройной перевес сил союзников и ослабить неприятеля выделением новых войск для охраны все более растягивающихся коммуникаций.

Главнокомандующий, отстаивая свой план, смотрел гораздо дальше. В случае исполнения им задуманного, к боевым действиям могли подключиться войска, пока находящиеся на значительном расстоянии: Северная армия под командованием шведского короля Густава IV Адольфа и войска Б. П. Ласси, эвакуированные из-под Неаполя.

Михаил Илларионович, отстаивая свой стратегический план на ведение войны с Наполеоном, не исключал даже возможности отвести союзные войска к Карпатам. Участник войны 1805 года И. Бутовский писал, что в Ольмюце «в военном совете почти все изъявили желание обратиться на неприятеля. Кутузов был противного мнения: он объявил, что затрагивать Наполеона еще рано, и предложил — отступить. Его спросили, где же предполагает он дать ему отпор? Кутузов отвечал: «Где соединюсь с Беннигсеном и пруссаками; чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее отдалится от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов» [21].

Историк Е. В. Тарле справедливо отмечал, по достоинству оценив кутузовский план: «Другими словами, лучше с известным промедлением победить, чем безотлагательно быть поколоченным» [22].

Однако, план, предложенный М. И. Голенищевым-Кутузовым, не был принят. Против мнения опытного полководца выступили прежде всего австрийские военачальники, поддержанные императорами Александром I и Францем I. Недооценивая силы противника, его боевой опыт и преувеличивая собственные возможности, они говорили о неизбежности поражения Наполеона на Моравских полях, необходимости немедленного перехода в наступление.

Российский император, в силу своей молодости и будучи еще не знаком с войной, всецело положился на мнение австрийского генералитета, уже успевшего «прославить» себя неудачными действиями против Наполеона. Посланник союзного Сардинского королевства в Санкт-Петербурге граф Ж. де

Местр сообщал своему монарху: «...Александр I не захотел взять инициативу в свои руки и в чем-либо противодействовать австрийцам, чтобы не ослабить союз. Те же завладели ходом войны и стали во всем поступать по своему произволу: они командовали, сколько и куда направить русских солдат, удержали за собой право составлять планы войны и сражений; эти планы переводились на русский язык и рассылались в русские войска лишь за несколько часов до того, как надо было приводить их в исполнение» [23].

Выразителем мнения австрийского командования стал генерал-квартирмейстер Вейротер, человек с безграничным самомнением и достаточно бездарный. Именно к нему прислушивался император Александр I и его ближайшее окружение, жаждущее отличиться в большой войне. Мудрые советы русских генералов Голенищева-Кутузова, Дохтурова, Милорадовича, Ланжерона и других во внимание не принимались.

С прибытием в действующую армию государя Михаил Илларионович уже не мог как прежде исполнять обязанности главнокомандующего, его фактически отстранили от руководства армией, забыв совсем еще недавние заслуги в войне 1805 года.

Двусмысленное положение генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова в русской действующей армии перед Аустерлицкой трагедией хорошо высказал историк А. И. Михайловский-Данилевский: «Нося звание Главнокомандующего, но видя себя без власти предводителя, он покорился обстоятельствам, объявлял по армии даваемые ему приказания и оставался простым зрителем событий» [24].

На военном совете было принято решение, отстаиваемое австрийцами, о наступлении союзных армий на наполеоновскую до подхода подкреплений. 15 (27) ноября 1805 года Соединенная армия во главе с двумя императорами выступила к Аустерлицу.

В такой ситуации Наполеон как полководец и дипломат оказался на высоте. Прекрасно понимая, что каждый упущенный день только усугубляет его положение, он решил обмануть противника и ускорить развязку событий.

Своему авангарду французский император приказывает не ввязываться в серьезное столкновение и отходить, заманивая противника к Брюнну. К Александру I направляется генерал-адъютант Р. Савари, бывший глава тайной

полиции, с предложением о прекращении на сутки боевых действий и о личной встрече двух императоров между позициями авангардов воюющих сторон.

Российский император этого предложения не принял, направив вместо себя своего наперсника князя П. П. Долгорукова. Встреча проходила в первой линии французских войск. Разговор продолжался около часа. Генерал-адъютант Александра I вел себя высокомерно и непочтительно по отношению к Наполеону; ни разу не назвав его «Императорским Высочеством». На слова императора о том, что другого выхода, как драться, видимо нет, Долгоруков ничего не ответил, сел на лошадь и уехал.

Великий дипломат Наполеон Бонапарт мастерски разыграл сцену нерешительности, готовности к уступкам и полностью добился желаемого результата. Князь Долгоруков, вернувшись в штаб-квартиру союзных войск, самонадеянно говорил: «Наш успех несомненный, стоит только идти вперед, и неприятели отступят, как отступили они от Вишау» [25].

После переговоров посланца Александра I с Наполеоном, союзным командованием принимается решение продолжить наступление. Это было именно то, что желал французский император. Разумные возражения Кутузова стали выглядеть чуть ли не как трусость.

18 (29) ноября Соединенная армия возобновила движение к Аустерлицу, которому суждено было стать самой громкой победой в полководческой биографии Наполеона. На следующий день русская и австрийская армии уже занимали позиции на месте будущего сражения. Войска, выполняя диспозицию австрийского генерал-квартирмейстера Вейротера, на виду неприятеля произвели перестроение, поменяв фланги. Главные силы пехоты оказались на левом фланге, предназначенном для обхода французской армии.

Наблюдавшему за движением русско-австрийских войск великому французскому полководцу не составило большого труда разгадать замысел высшего командования союзников. К тому же он внимательно изучил поле предстоящей генеральной битвы, имел донесения своих лазутчиков.

Пока союзные армии двигались к Аустерлицу, Наполеон заметно усилился: он сумел притянуть к главным силам пять пехотных дивизий из корпусов Бернадота и Даву, три драгунские дивизии из кавалерии Мюрата. Теперь численность его войск доходила до 74 тысяч человек (60 тысяч пехоты

и 14 тысяч конницы) при 250 орудиях. Союзники же продолжали считать французскую армию по численности меньшей.

Перед битвой наполеоновская армия заняла позицию по фронту 10,5 км и в глубину до 6 км. Доводя до своих маршалов и генералов план предстоящего сражения, Наполеон пояснил главную свою идею так: «Позиции, нами занимаемые, неодолимы; в то время, как они (русские и австрийцы. — *А. Ш.*) будут обходить меня справа, они мне подставят фланг» [26]. Он выделил на фланги только треть наличных сил, примерно по 12,5 тысяч человек на каждый из них. В центре, на главном направлении удара, было сосредоточено почти 50 тысяч человек. Они расположились вдоль ручья Гольдбах и были предназначены для действия против союзных войск на Праценских высотах.

Наполеоновский план сражения был чрезвычайно прост: мощным сокрушительным ударом по центру разобщить войска союзников на две изолированные друг от друга части, выйти им в тыл и уничтожить их порознь. Для концентрированного удара по противнику на Праценских высотах на 4-километровом участке Наполеон сосредоточил две трети всех своих войск.

Автором плана сражения союзников стал Вейротер, военный теоретик «ученый доктринер», считавший, что французская армия в силу своей численности в 40 тысяч человек и расположения за ручьем может вести только оборонительные действия. Это было совершенно несвойственно Наполеону, в чем союзники имели возможность не раз убедиться за последние десять лет.

По принятой диспозиции на три левофланговые русские колонны (генерал-лейтенантов Дохтурова, графа Ланжерона и Пршибышевского) с австрийской кавалерией под общим командованием генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена возлагалась задача нанести главный удар по правому флангу французов (что и предвидел Наполеон) с последующим поворотом на север.

Четвертая колонна под командованием австрийского генерал-лейтенанта Коловрата должна была наступать через Праценские высоты. При этой колонне находился главнокомандующий Подольской армии генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов.

Пятая колонна, состоявшая из австрийской конницы генерал-лейтенанта князя Лихтенштейна и авангардного отряда генерал-лейтенанта князя Багратиона располагались на правом фланге и должны были сковывать

неприятеля, обеспечивая обходной маневр главных сил. Резерв союзных войск составила русская гвардия под командованием цесаревича Константина Павловича.

Накануне сражения Соединенная армия насчитывала 84580 человек (67700 — пехота и 16880 — кавалерия) при 330 орудиях. Союзные войска занимали участок по фронту более 12 км и в глубину до 6,5 км.

Среди историков существует довольно много мнений о поведении главнокомандующего Подольской армией в день Аустерлицкого сражения, обернувшегося трагедией для союзных войск, прежде всего русских. Большинство из них, ссылаясь на воспоминания участников военного совета, отмечают пассивность Кутузова. В тот поздний вечер, когда в его штаб-квартире в Крженовице австриец Вейротер по-немецки зачитывал дислокацию предстоящей генеральной баталии, полководец свое несогласие выражал тем, что демонстрировал полное равнодушие и спал.

Ряд исследователей, среди них П. А. Жилин, С. Б. Окунь, А. З. Манфред, Л. Г. Бескровный, утверждали, что главнокомандующий предлагал «не бросаться в сражение очертя голову» и «избегать сложных маневров», «тщетно предостерегал» и даже «требовал» отказаться от атаки позиций наполеоновской армии.

Михаил Илларионович понимал, что составленная Вейротером диспозиция не соответствует местности и не учитывает реальную дислокацию неприятельской армии. Но зная отношение своего самодержавного монарха и его окружения к «решительному» австрийскому генерал-квартирмейстеру и то, что любые возражения против него не будут приняты, предпочитал хранить молчание.

Именно такая безмолвная безучастность бесправного главнокомандующего подверглась осуждению многих историков. По мнению германского историка Ф.-В. Рюстова, генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов был «виноват не как полководец, а как гражданин земли Русской», так как у него не хватило «гражданского мужества высказать всю правду юному императору». Рюстов упрекал русского главнокомандующего за то, что он позволил «вырвать из своих рук главное начальство над армиею».

К такой же оценке поведения Кутузова на военном совете, где решалось, быть или не быть сражению при Аустерлице, присоединился и Г. А. Леер.

Историк считает, что у главы Подольской армии не хватило твердости и мужества в отстаивании собственного мнения перед неопытным самодержцем. Писал он, «Чем и объясняется, — охлаждение государя к Кутузову, продолжавшееся до 1812 года».

Академик Е. В. Тарле причину такого поведения главнокомандующего на военном совете видит в присутствии императора Александра I, которому принадлежала вся полнота военной власти. Поэтому М. И. Голенищев-Кутузов не мог «противопоставить роковому легкомыслию, обуявшему царя, категоричную оппозицию».

Подобные мысли подтверждает не кто иной, как сам победитель в Аустерлицком сражении. Наполеон говорил: «...Если министр или государь находится при армии..., если они принимают на себя командование, то сами становятся главнокомандующими. Главнокомандующий же становится тогда подчиненным дивизионным генералом, не больше» [27].

Историки Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев дают следующее обоснование поведению Михаила Илларионовича на военном совете: «Если вникнуть в положение Кутузова, то следует признать, что он не мог противопоставить свое мнение императору по нескольким причинам: во-первых, еще на военном совете в Ольмюце его предложения о дальнейшем ведении кампании были отвергнуты государем и его окружением, а это означало, что всю ответственность за последующие события и их последствия брал на себя Александр; во-вторых, Кутузов понял, что политические соображения императора по сохранению союза с австрийским монархом пересилили опасения военных последствий предстоящего сражения и сделали его послушным орудием австрийской бездарности; в-третьих, необходимо учесть, что Кутузов почти три года находился в отставке, испытывая немилость императора, затруднительное положение, и только благодаря хлопотам знакомых сумел вновь вернуться к военному поприщу. Все это удерживало Кутузова от новых возражений» [28].

В ходе военного совета произошел такой эпизод. Когда Вейротер закончил чтение составленной им диспозиции, русский генерал Ланжерон спросил его: «Что мы будем делать, если Наполеон нас предупредит и атакует у Працена?» Австриец ответил, что этого не произойдет, поскольку у Наполеона всего 40 тысяч человек и что автор диспозиции хорошо знает

местность по прошлогодним маневрам между Брюнном и Аустерлицем. На что его помощник полковник граф Л. Ф. Фон Бубна заметил собравшимся: «Не наделяйте только опять таких ошибок, как на прошлогодних маневрах».

В три часа ночи М. И. Голенищев-Кутузов отпустил всех генералов и поручил майору К. Ф. Толю перевести диспозицию на русский язык и разослать ее в войска. Когда рано утром князь П. И. Багратион прочитал диспозицию, он сказал находившимся при нем австрийским офицерам генерального штаба, что это сражение будет проиграно.

Главкомандующий за несколько часов до начала сражения попытался еще раз предотвратить роковую ошибку. Он обратился к обергофмаршалу Н. А. Толстому: «Вы должны отговорить императора, потому что мы проиграем битву наверное». Приближенный к Александру граф ответил: «Мое дело — соусы и жаркое; а ваше дело — война, занимайтесь же ею» [29].

20 ноября (2 декабря) 1805 года в 7 часов утра началось Аустерлицкое сражение. Германский историк Д. Г. Бюлов назвал его «странным событием», поскольку «союзники атаковали армию, которой они не видели; предполагали ее на позиции (за ручьем Гольдбах. — *А. Ш.*), которой она не занимала, и рассчитывали на то, что она (наполеоновская армия. — *А. Ш.*) останется настолько же неподвижной, как пограничные столбы» [30].

После небольших схваток левофланговые колонны под общим командованием генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксгевдена овладели селением Тельнице и Сокольницким замком. В это же время начала наступление и 4-я колонна, состоявшая из двух русских пехотных бригад генерал-майоров Г. М. Берга и С. Я. Репнинского, 15-ти с половиной батальонов и двух эскадронов австрийских войск, состоявших в основном из необстрелянных рекрутов. Колонна, которой предстояло наступать на Праценские позиции в самом центре баталии, по диспозиции Вейротера оказалась самой слабой.

После того как австрийская кавалерия генерала Лихтенштейна очистила проход, 4-я колонна оставалась без движения, хотя по диспозиции должна была пойти вперед. Русский главнокомандующий словно предчувствовал направление главного удара Наполеона. Ф.-В. Рюстов отмечал, что осторожным по природе Кутузовым, правильно оценившим значение

Праценской позиции на высотах, «руководил счастливый инстинкт». Г. А. Леер уточнил, что Кутузов основывался на «ясно сознаваемом им верном расчете».

В девятом часу на Праценские высоты в сопровождении личного конвоя прибыли российский и австрийский императоры. Увидев, что ружья солдат 4-й колонны все еще находятся в козлах, Александр I подъехал к главнокомандующему. По словам дежурного генерала Соединенной армии князя П. М. Волконского, стоявшего рядом с Михаилом Илларионовичем, между государем и генералом от инфантерии произошел следующий разговор:

— Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?

— Я поджидаю, — отвечал Кутузов, — чтобы все войска колонны собиравались.

— Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки, — сказал император.

— Государь, — был ответ Кутузова, — потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажите [31].

Когда 4-я колонна сошла с Праценских высот, Наполеон понял, что настал его звездный час. Теперь он сам перешел в наступление, бросив против малочисленной 4-й колонны корпуса Сульта, Бернадота и кавалерию Мюрата. На направлении главного удара французский император добился более полуторного превосходства в силах (27,2 тысячи французов против 16,75 тысяч у союзников), что и решило исход всего сражения в его пользу.

В жестоком бою были ранены бригадные командиры Репнинский и Берг, попавший в плен. Полки и батальоны пришли в расстройство и отступили, управление над ними было потеряно. Пытаясь спасти положение, главнокомандующий остановил отрезанные от 2-й колонны Фанагорийский и Рижский полки, приказав генерал-майору С. М. Каменскому 1-му вытеснить французов с Праценских высот. Однако упорство и мужество этих полков не победило численно превосходящего неприятеля.

Сам главнокомандующий в ходе сражения получил ранение пулей в щеку. Узнав об этом, император Александр I послал к нему своего лейб-медика Я. В. Виллие. Отказавшись от помощи, Михаил Илларионович попросил царского врача передать его благодарность за заботу и, указав рукой на наступающих французов, сказал: «Смертельная рана вот где!»

Русский полководец, поняв основной замысел Наполеона, еще до отступления 4-й колонны успел послать приказание Буксгевдену отступить. Но тот его вовремя не выполнил, что привело к самым печальным результатам. Сломив сопротивление 4-й колонны, французы вышли во фланг и тыл левофланговой группировки союзных войск, обрушив на нее новые удары.

В 11 часов император Александр I, видя неудачные атаки и крайнее расстройство войск, приказал отступить к Аустерлицу. Но было уже поздно. В сражение пошли войска из второй линии наполеоновской армии. Соединенная армия русских и австрийцев оказалась расчлененной на три части. И только мужество и стойкость русских полков таких, как лейб-гвардии конный, и командование таких военачальников, как Дохтуров, не позволили Наполеону до конца осуществить свой план полного разгрома австро-русских войск. В шестом часу вечера наступающая темнота остановила Аустерлицкую битву.

Разгром Соединенной армии был полный. Потери союзников убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести (утонувшими) исчислялись в 26992 человека и 155 орудий. В том числе русских — 21 тысяча и 130 орудий; австрийцев — 5992 человека и 25 орудий. Потери наполеоновской армии составили 8566 человек: 1290 — убитыми, 6943 — ранеными, 333 человека пленными [32].

Аустерлицкое сражение вошло в историю как «битва трех императоров». В нем полководческий гений одного монарха победил самонадеянность и военную неопытность двух других. Наполеон Бонапарт в своих мемуарах писал, что имел до тридцати подобных сражений, «но ни в одном из них победа не была столь решительной, и ни в одном исход не подвергался столь незначительным колебаниям». Вместе с тем, по мнению французского императора «под Аустерлицем русские показали более мужества, нежели в других битвах с ним, более даже, нежели под Бородином».

Еще шло Аустерлицкое сражение, а в самом Аустерлице, в замке князя Кауница, проходило совещание Венского кабинета министров, решавшего вопрос: куда отступить в случае неудачи. Поскольку в Венгрии не подготовили необходимых запасов для Соединенной армии, было принято решение начать с Наполеоном переговоры о мире. После поражения союзников император Франц I объявил российскому монарху о решении Венского кабинета и направил к победителю князя Лихтенштейна.

Император Александр I во время отступления Соединенной армии сполна испил чашу унижения. Его свита растерялась, и самодержавного монарха сопровождали всего четыре человека. По дороге он почувствовал себя плохо и остановился в крестьянской избе в селе Уржице. Лейб-медик Я. В. Виллие пришел в главную квартиру императора Франца I, расположенную в доме местного священника, и попросил у австрийского обергофмаршала немного вина для облегчения страданий Александра I. Но тот отказал, ответив, что у него «едва достаточно вина императору Францу». В этом ответе выразилось подлинное неуважение австрийцев к союзному монарху.

22 ноября (4 декабря) М. И. Голенищев-Кутузов заключил на сутки перемирие с французской армией, чтобы дать австрийцам возможность начать мирные переговоры. Через два дня Франц I дал обещание Наполеону в том, что в месячный срок русские войска покинут территорию Австрии. А еще через два дня император Александр I покинул армию и выехал в Санкт-Петербург.

14 (26) декабря 1805 года в Пресбурге (ныне город Братислава, столица Республики Словакии) габсбургская Австрия подписала с наполеоновской Францией унижительный мир. Австрия потеряла свои владения в Германии, Тироль, Венецию и уплачивала 100 млн. франков контрибуции.

По условиям перемирия русская армия уходила на родину. Ее выводил из Австрии главнокомандующий генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов. Во время движения русских войск недавние союзники — австрийцы — перестали заботиться о их продовольственном снабжении. Среди солдат и офицеров росло недовольство, усиливались антиавстрийские настроения. Михаилу Илларионовичу пришлось делать специальный приказ по армии, запрещавший вести подобные разговоры.

В это время Наполеон одержал еще одну победу: прусский королевский посол граф Х. А. Гаугвиц, не имея никаких на то полномочий, подписал в Вене акт о союзе Пруссии с Францией.

В середине января 1806 года полки русской армии в районе города Броды пересекли австро-российскую границу. Они уносили с собой горечь Аустерлицкого поражения.

24 февраля (8 марта) 1806 года император Александр I издал именную грамоту. Генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов за искусную ретираду от Браунау до Ольмюца и малые потери, понесенные при этом

русской армией награждается орденом Святого равноапостольного князя Владимира «большого креста первой степени». Высочайший указ заканчивался словами: «Удостоверены Мы, впрочем, что Вы, получив таковое доказательство Нашей признательности, потщитесь и впредь продолжением ревностной службы Вашей вяще удостоится Монаршего Нашего благоволения» [33].

Немногим ранее младшая дочь Михаила Илларионовича была пожалована во фрейлины, став придворной дамой за боевые заслуги отца.

Высокая награда не изменила отношения молодого императора к полководцу. Царский двор всю вину за поражение под Аустерлицем и неудачу в военной кампании 1805 года переложил на главнокомандующего Подольской армией.

Автор трехтомного труда о жизни императора Александра I историк Н. И. Шильдер писал, что «Аустерлицкое сражение окончательно лишило его (М. И. Голенищева-Кутузова. — *А. Ш.*) расположения к нему государя. В последовавших за 1805 годом ближайших войнах он долго оставался безучастным зрителем», а при императорском дворе в то довольно продолжительное время «о Кутузове и слышать не хотели» [34].

И Михаил Илларионович, и всероссийский самодержец долгие годы носили горечь поражения под Аустерлицем. Император Александр I скажет: «Забудем это несчастное Аустерлицкое сражение. Мы все, я первый, сделали там много ошибок» [35]. Однако из отечественной истории высочайшим пожеланием эту страницу не вырвешь.

Когда в 1812 году русская армия начнет изгнание Великой армии Наполеона из пределов Российского государства, М. И. Голенищев-Кутузов, увидев отбитое у французов знамя с надписью «За победу под Аустерлицем», заметит окружавшим его офицерам: «Вы молоды, переживете меня и будете слышать рассказы о наших войнах. После всего, что совершается теперь, перед нашими глазами, одной выигранной мною победой, или одной понесенной мною неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении» [36].

После неудачного окончания военной кампании 1805 года русские войска, покинувшие Европу, были расквартированы вдоль западной границы России. Киевский военный губернатор М. И. Голенищев-Кутузов, оказавшийся в «почетной ссылке», получил в непосредственное подчинение 5, 6 и 7-ю дивизии, расквартированные в Брест-Литовске, Дубно и Мозыре.

Александр I, который мечтал войти в историю как император-полководец, долго сохранял неприязненное отношение к опальному генералу от инфантерии, пребывавшему вдали от столицы. Однако полководческий авторитет Михаила Илларионовича, несмотря на неудачный исход Аустерлицкого сражения, был высок и в стране, и в армии.

Когда в 1806 году началась новая война против наполеоновской Франции, император не захотел поставить во главе русской действующей армии Кутузова, равного которому по военному дарованию, боевому опыту и заслугам в России тогда не было. Киевский военный губернатор получил лишь приказ о подготовке подчиненных ему дивизий к выступлению в поход. Высочайшее указание было выполнено со всей тщательностью и со знанием дела.

Полководца, пусть даже временно находящегося в опале, не могла не волновать судьба Отечества и его армии. Кутузов внимательно следит за ходом боевых операций, анализируя действия командования противоборствующих сторон. Особенно его интересует полководческое искусство Наполеона — Михаил Илларионович словно чувствует, что главные баталии с ним еще впереди.

Получив известие о победе русских войск на полях Восточной Пруссии под Прейсиш-Эйлау он пишет жене: «Мы получили известие о победе над Бонапартием. Дай бог! Я нынче себя узнал, что независтлив» [37].

Умудренному военным опытом М. И. Голенищеву-Кутузову не составило большого труда увидеть ошибку, допущенную Беннигсеном: тот поторопился после сражения отвести русские войска к Кенигсбергу, не дождавшись отхода французской армии. Наполеон умело воспользовался этим и взял реванш за Прейсиш-Эйлау в сражении при Фридланде, оттеснив русские войска за Неман.

Столь же внимательно киевский губернатор следил за событиями на юге, где быстро назревал военный конфликт с Турцией. Русско-турецкие войны 1768—1774 и 1787—1791 годов не разрешили острых противоречий между

Оттоманской Портой и Россией. Отказ Стамбула от агрессивной политики по отношению к своему северному соседу оказался всего-навсего дипломатическим шагом.

Правящие круги Турции внимательно следили за военными и политическими событиями, которые бурно разворачивались в Европе в начале XIX столетия. Стамбул лишь ждал удобного случая, чтобы, нарушив условия подписанных с Россией договоров, вернуть себе Северное Причерноморье, Крым, кавказское побережье Черного моря. Блистательная Порта в новом противостоянии с Россией искала себе сильного союзника.

Она нашла его в лице наполеоновской Франции. Антироссийская политика правящих кругов Турции находила самую активную поддержку у французской дипломатии. Наполеон последовательно подталкивал Стамбул на войну с Россией, стремясь отвлечь ее внимание от событий в Центральной Европе. Французский император уверял султана Селима III в том, что его армией России нанесены сильные удары под Аустерлицем и Фридландом, что она теперь не сможет противостоять военной мощи Турции.

Наполеон заверял султана, что если он захочет вернуть утраченные по Кучук-Кайнарджийскому и Ясскому мирным договорам территории, то Турция в таком случае получит поддержку Франции. Генерал Себастиани, назначенный в 1806 году французским посланником в Стамбуле, обещал туркам прямую военную помощь. Для этого предназначался 25-тысячный корпус любимца Наполеона генерала Мармона, находившийся в Долмации. В Турцию прибывали многочисленные французские инструкторы и советники, фортификаторы, специализирующиеся на строительстве крепостей.

Войны России с Турцией играли большую роль в исторических судьбах славянских, христианских народов Балкан. Они, не имея возможности собственными силами освободиться от османского гнета, всегда с надеждой смотрели на православную Россию. Классики научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс, анализируя вопрос о положении национальных меньшинств в Турецкой империи, писали: «...серб, болгарин, боснийский „райя“, крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке» [38].

В начале XIX века на территории Османской империи возобновились гонения на христиан. Бесчинства янычар вызвали в 1804 году восстание против турецкого ига под предводительством Кара-Георгия (Черного Георгия), охватившее всю Сербию. Сербское восстание, продолжившееся до 1814 года, находило самый широкий отклик в России и вызвало стремление императора Александра I освободить балканских христиан из-под гнета турок-османов, защитить славянские народы на Балканах.

Подобные шаги со стороны Российского государства, безусловно, ослабили бы Оттоманскую Порту, способствуя прежде всего росту национально-освободительного движения среди южных славян, в Греции. В Стамбуле этого опасались больше всего.

Повод для очередной русско-турецкой войны дала Турция. Она, по настоянию Парижа, закрыла проливы для российских кораблей. Одновременно Стамбул, вопреки Ясскому мирному договору, сменил господарей в Молдавии и Валахии, являвшихся сторонниками России.

В ответ на такие враждебные действия по отношению к России Александр I повелел главнокомандующему Молдавской армией генералу от кавалерии Ивану Ивановичу Михельсону войти в придунайские княжества. Русские войска, собранные на левобережье Днестра, перешли 11 ноября 1806 года реку сразу в трех местах — у Жванца, Могилева-Подольского и Дубоссар.

Военные действия начались для русской армии успешно. Без боя сдались крепости Хатин и Бендеры, затем, так же без сопротивления, были заняты Аккерман, Килия и Галац. 13 декабря генерал-лейтенант М. А. Милорадович овладел Бухарестом и спас город и его жителей от неминуемой гибели, так как турки уже начали резню населения. Русские войска вышли на берег Дуная. Только гарнизоны крепостей Измаил и Руцук отвергли предложение о сдаче.

18 декабря, в день официального объявления войны Турцией России сербские повстанцы Кара-Георгия освободили Белград.

Дунайские княжества Валахия и Молдавия были заняты русской армией без объявления войны. На исходе декабря 1806 года русские войска расположились на зимние квартиры.

Император Александр I заключил военный союз с Кара-Георгием, основателем сербской королевской династии Карагеоргиевичей. Теперь

Россия открыто поддерживала сербов в их освободительной борьбе против Турции.

В 1807 году в события на Балканах вмешалась Франция. По Тильзитскому мирному договору, заключенному с Наполеоном, Россия обязывалась вывести свои войска из Молдавии и Валахии. Военные действия между ней и Османской империей в августе прекратились, и стороны начали мирные переговоры при посредничестве Парижа.

В ходе переговоров Россия потребовала уступить ей Дунайские княжества и объявить Сербию независимым государством. Против этих требований выступили Англия и Австрия.

В марте 1808 года боевые действия возобновились. Император Александр I главнокомандующим Молдавской армией, вместо скончавшегося И. И. Михельсона, назначает генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. Русские войска снова занимают Молдавию и Валахию и выходят на дунайские берега.

События складывались так, что судьба вновь уготовила киевскому губернатору возвращение на военное поприще. К возобновлению боевых действий «генерал от инфантерии и разных орденов кавалер Михайло Ларионович Голенищев-Кутузов» уже почти год как числился в рядах Молдавской армии.

В марте 1808 года государь предписал ему подготовить к пополнению Молдавской армии 8-ю и 22-ю дивизии, самому же, сдав дела киевского военного губернатора, также отправиться в действующую армию в распоряжение генерал-фельдмаршала А. А. Прозоровского. Такой императорский указ Михаил Илларионович выполнил с большим желанием.

Назначение Кутузова в Молдавскую армию было воспринято не только офицерским составом, но и нижними чинами с радостью. Это было знаком уважения личности опального полководца, признания его прошлых боевых заслуг. Генерал-фельдмаршал князь Прозоровский писал: «...К командованию в здешнем краю никто никого лучше избрать не можно, как генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова. Он знает все здешние места, народы и обычаи здешние, тако-же места задунайские и всю политику турецкую, следовательно он всех и способнее. Я могу с полным удовлетворением свидетельствовать, что он должность генерала и часть воинскую хорошо

разумет... Я по части войсковой совершенно им доволен, и он мне в самом деле помощник. Впрочем, заключительно скажу, что я признаю его в искусстве военном одним из лутчих генералов государя императора» [39].

В апреле генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов вступает в командование Главного корпуса Молдавской армии. В нем оказалась почти половина армейской пехоты и кавалерии: 8-я и 22-я дивизии генерал-лейтенантов П. К. Эссена 3-го и З. Д. Олсуфьева 3-го, 15 пехотных батальонов, батальон Полтавской милиции, 25 кавалерийских эскадронов, 2 казачьих полка, 2 батарейные, 1 конно-артиллерийская и 1 понтонная роты.

Поскольку в военных действиях наступило временное затишье, корпусной командир развил энергичную деятельность по материальному обеспечению войск, их укомплектованию, обустройству походного лагеря. Дивизии пополняются ратниками Рязанской и Тульской милиции, проводится инспектирование воинских частей. Затем полки отправляются к месту сбора войск — городу Вырлату.

В базовом лагере на берегу реки Серет при деревне Калиени, на месте, выбранном для него бывшим кутузовским воспитанником по Сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу подполковником К. Ф. Толем, войска продолжают обучение. Ведется усиленная огневая подготовка, артиллерийские роты проводят «практические учения».

Личный опыт полководца, приобретенный в «екатерининских» русско-турецких войнах, анализ способов ведения боя и построения боевых порядков турецких войск позволили Кутузову четко сформулировать, как нужно действовать против них русским войскам. Эти знания он стремился передать своим подчиненным генералам и офицерам, командирам-единомышленникам. Они обучались действовать не против европейской, а против азиатской армии.

В лагере при деревне Калиени Михаил Илларионович обобщил весь свой опыт борьбы с османами в предписании о боевом порядке построения русских войск в предстоящих сражениях с турецкой армией: «Турки другого маневра не имеют, как только тот, чтобы многочисленно своею конницею окружить неприятельское войско, почему отпор их первого нападения зависит от стойкости, хладнокровной решительности и твердости: в приеме их жаркого нападения два или три патрона в таковом войска расположении достаточны, чтобы обратить турков в бегство...; естли он по нещастию успеет расстроить

войско и обратить его в бегство, то последствия сего неисчислимы... По многочисленной у турков конницы и по привычке их окружать, надобно кавалерию нашу удалять сколько можно от атаки неприятеля, прикрывая ее батальон кареями, дабы турки везде находили отпор; выпускать же конницу свою только тогда, когда ей удобно атаковать турков... Всегда к кавалерии придавать несколько пехоты. Всего нужнее в коннице наблюдать строй, а отнюдь не рассыпаться, а атаковать турков рассыпанными по полю и заводить с ними перестрелки было бы намерение весьма бесполезное по преимуществу их над нами в стычках; но полезнее несравненно кавалерии... когда турки вознамериваются атаковать нашу конницу... и тогда, когда будут достраиваться последние, ударив в сабли со всею возможною прыткостью, заранее можно быть уверенным в победе...» [40].

Корпусной командир учитывает послемаршевое состояние полков, укомплектование их необученными рекрутами, заботится об укреплении воинской дисциплины и уставного порядка, сплочении воинских коллективов.

Весьма показательным в этом отношении является предписание Кутузова генерал-лейтенанту З. Д. Олсуфьеву в связи с проведенным смотром полков 22-й дивизии: «...Обратить прошу Ваше превосходительство, особое внимание на то, чтобы субординация и дисциплина, яко душа службы, сохранены были в войсках в полной их силе, и употребите всю строгость закона к восстановлению оных в Вятском мушкетерском полку. Буде же в противном случае (чего однако же и не ожидаю), что все рачение ваше окажется недостаточным и прекращению зла сего, то, дабы не дать оному укорениться, не щадя никакого лица и не теряя времени, войдите ко мне с представлением вашим для обращения виновных к их обязанностям или для поступления по законам» [41].

Военные действия против Турции возобновились весной 1809 года. Согласно принятому плану, генерал-фельдмаршал А. А. Прозоровский начал активные действия на широком фронте против дунайских крепостей: Браилова, Журжи, Измаила и Тульчи. После овладения ими планировалось перенести боевые действия за Дунай, в Северную Болгарию.

Главному корпусу Молдавской армии поручалось овладение сильной турецкой крепостью Браилов. Кутузовские войска, совершив ночной марш-

бросок, под покровом темноты подошли к Браилову и расположились от него в 4—5 километрах. Началась усиленная подготовка к штурму.

Корпусной командир лично провел рекогносцировку неприятельских позиций. Крепость была хорошо защищена: тройная линия обороны состояла из каменного замка и двух линий полевых укреплений (ретраншаментов). Передовой ретраншамент опоясывал всю крепость и ее предместья и примыкал с обеих сторон к Дунаю. Два рва глубиной около двух сажень и два вала с установленными на них батареями усиливали турецкую оборону тем, что подступы к ним были заминированы. По данным разведки, браиловский гарнизон достигал 12 тысяч человек.

Суммировав всю информацию о противнике, Кутузов пришел к выводу, что сил и средств у него для штурма недостаточно. Об этом он доложил главнокомандующему. Прозоровский не изменил своего решения и приказал, вопреки мнению генерала от инфантерии, взять крепость штурмом. Прибыв к Браилову, он взял на себя командование войсками, а Голенищеву-Кутузову поручил совместно с инженер-генерал-майором И. М. Гартингом составить диспозицию для штурма браиловского ретраншамента.

Выполняя приказание главнокомандующего, Михаил Илларионович сделал все от него зависящее для подготовки к штурму. В войсках готовят штурмовые лестницы, туры и фашины. Браилов со стороны реки блокируется судами Дунайской флотилии. Доставляются 36 осадных орудий — пушек, единорогов и мортир, ведутся интенсивные земляные работы — рытье траншей, ведущих к крепостному валу.

Начинается систематическая бомбардировка Браилова из осадных и батарейных орудий. Эффективность трехдневного артиллерийского обстрела крепости наводит Прозоровского на мысль провести преждевременный штурм Браилова. К тому же он имел ложные сведения о малочисленности неприятельского гарнизона.

На военном совете Кутузов вновь не согласился с главнокомандующим, утверждая, что крепость еще сильна, ее батареи не подавлены, что выделенных для штурма 8 тысяч солдат явно недостаточно. Однако генерал-фельдмаршал князь Прозоровский все же назначил штурм в ночь на 20 апреля.

Михаил Илларионович составил диспозицию на штурм с учетом опыта взятия суворовскими войсками крепости Измаил. Идущие на приступ войска делились на три штурмовые колонны под командованием генерал-майоров С. Я. Репнинского 2-го, Н. З. Хитрово, зятя Михаила Илларионовича, и князя В. В. Вяземского.

Каждая штурмовая колонна состояла из трех гренадерских и трех егерских батальонов в первой линии, а также трех батальонов пехоты в резерве. Впереди шли 60 охотников (добровольцев), 40 рабочих со штурмовыми лестницами и 30 пионеров (саперов) для разминирования проходов. За резервной пехотой следовало шесть драгунских эскадронов при 12 орудиях конной роты. Поскольку предстоял ночной штурм, в колонны были выделены «инженерные и квартирмейстерской части офицеры».

В начале штурма Кутузов решил предпринять военную хитрость: основную атаку сделать первой, а вторую — ложной, демонстративной. Именно на нее должен был прийти главный удар контратакующих турок. Артиллерии предписывалось сосредоточить свой огонь по турецким укреплениям в тех местах, где пойдут штурмовые колонны.

19 апреля, в 23.00 по сигналу третьей ракеты русские войска пошли на штурм Браилова. В журнале военных действий Главного корпуса было записано: «Войска наши с обыкновенною им храбростию несколько раз овладевали ретраншаментом, но, будучи везде встречены ужасным неприятельским огнем, должны были отступить» [42].

Преждевременный штурм крепости окончился неудачно. Отношения между главнокомандующим и командиром Главного корпуса Молдавской армии обострились до предела.

Историк П. А. Жилин писал: «В основе разногласий лежали различные взгляды на способы ведения войны. Кутузов считал необходимым начать энергичные наступательные действия, не распыляя сил на осаду крепостей. Большинство генералов и офицеров было на его стороне. Прозоровский же придерживался другого мнения. Он полагал, что победы можно достигнуть, лишь овладев всеми крепостями.

Используя неудачный штурм Браилова как предлог, князь Прозоровский добился удаления Кутузова из армии. Кутузов вновь был назначен Литовским

военным губернатором и отправился в Вильно, в очередную «почетную ссылку» [43].

Свой перевод в Вильно Михаил Илларионович считал делом «интригана» Прозоровского. Он знал и другое — подавляющее большинство командиров Молдавской армии сожалело о его уходе. В середине июня 1809 года генерал от инфантерии отбыл к новому месту службы.

В августе в возрасте 77 лет, генерал-фельдмаршал Прозоровский скончался. Вместо него в должность главнокомандующего Молдавской армией вступил князь П. И. Багратион. Под его командованием русские войска полностью очистили от турок северный берег Дуная, овладели Браиловым, осадили Измаил и Силистрию. Багратион начал наступление к Шумле. Однако недостаток продовольствия, фуража и боеприпасов не позволил ему добиться решительных успехов. Русской армии пришлось, сняв осаду турецких крепостей, отойти на зимние квартиры в Молдавию и Валахию.

Следующим главнокомандующим Молдавской армией император Александр I назначил 33-летнего генерала от инфантерии графа Николая Михайловича Каменского 2-го, обещавшего стать большим полководцем. Он уже успел отличиться в только что закончившейся войне России со Швецией. Под его командованием Молдавская армия в 1810 году добилась значительных успехов.

80-тысячная русская армия Н. М. Каменского, форсировав Дунай, быстро овладела крепостями Силистрией, Туртукаем и Базарджиком. Попытка вслед за этим с ходу овладеть крепостями Шумла и Руцук успеха не имела. Сильная Шумла сумела отразить штурм. Но русская армия наносит туркам тяжелое поражение под стенами Руцука, и крепость сдается. Вскоре пала крепость Никополь. Весь север Болгарии оказался очищенным от турецких войск. На следующий год русский полководец планировал поход за Балканы.

Однако этим смелым планам не суждено было сбыться. Для ведения широких операций не хватало войск. Наличные силы были рассредоточены по всему дунайскому правобережью, и главнокомандующий не имел возможности собрать в единый фронт значительную часть Молдавской армии.

Как и прежние, военная кампания 1810 года не принесла, окончательной победы. Русская армия вновь отошла к Дунаю и расположилась на зимних квартирах в Молдавии и Валахии. Историк А. Н. Петров отмечал: «Встречи с

неприятелем были как бы случайными, и мы переходили от одной крепости к другой, теряя под каждой целый год кампаний, и последующий год начинали все сначала. Таким образом, первую половину каждого года мы повторяли старые ошибки, а вторую употребляли на их исправление» [44].

В войну на дунайских берегах вмешались события, назревавшие на западных границах России: ожидалась новая война с наполеоновской Францией. Готовясь к неизбежному столкновению с ней, император Александр I приказал генералу от инфантерии Каменскому отправить из Молдавской армии в Россию пять дивизий, а оставшимся четырем дивизиям ограничиться обороной вдоль Дуная, склонив при этом турок к заключению выгодного для России мира. Такой мир мог сорвать планы Наполеона использовать Турцию как военного союзника и высвободить части войск для переброски их на западную границу.

К весне 1811 года Н. М. Каменский, давно страдавший лихорадкой, настолько ослаб, что вынужден был в приказе по армии с 7 марта объявить о передаче своих полномочий дежурному генералу И. В. Сабанееву. В такой ситуации настоятельно встал вопрос о назначении нового главнокомандующего Молдавской армией. (Каменского Александром I планировал по его выздоровлении поставить во главе 2-й Западной армии.)

Было совершенно очевидно, что только генерал от инфантерии Кутузов обладал необходимыми знаниями и опытом для ведения войны с Турцией: он прекрасно знал театр военных действий, участвовал во взятии таких крепостей, как Очаков, Измаил, в сражении у Бабадага, изучил султанскую армию еще в свою бытность российским послом в Стамбуле.

Император Александр I был вынужден назначить новым, пятым по счету, главнокомандующим Молдавской армией опального полководца. В рескрипте монарха от 7 марта говорилось: «По случаю болезни генерала от инфантерии графа Каменского 2-го, увольняя его до излечения, назначаем вас Главнокомандующим Молдавской армии. Нам весьма приятно возложением сего звания открыть вам новый путь к отличиям и славе...» [45].

Получив императорское предписание, Кутузов в письме к военному министру Барклаю-де-Толли недвусмысленно дал понять, что принятое государем решение несколько запоздало. «В летах менее престарелых, —

сообщал он, — был бы я более полезным; случаи дали мне познания той земли и неприятеля» [46].

1 апреля 1811 года генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов вступил в командование Молдавской армией штаб-квартира которой находилась в Бухаресте. К тому времени в армии оставались четыре дивизии: 8-я дивизия Эссена 3-го, 10-я — генерал-майора И. Н. Инзова, 16-я — генерал-лейтенанта барона А. П. Засса, стоявшие в Малой Валахии и Сербии, 22-я — генерал-лейтенанта графа Э. Ф. Сен-При.

В Молдавскую армию входили также 6-я и 7-я кавалерийские дивизии, распределенные полками по пехотным дивизиям, и Особый отряд генерал-майора С. А. Тучкова 2-го, занимавший небольшими гарнизонами дунайские крепости Браилов, Килию, Измаил и Галац.

Всего Молдавская армия состояла из 70 батальонов пехоты, 80 эскадронов кавалерии, трех рот батарейной артиллерии, семи рот конной артиллерии, пяти рот осадной артиллерии, четырех рот пионеров, четырех понтонных рот, 14 казачьих полков, четырех батальонов пандур, 300 человек хорватов [47].

Общая численность войск Молдавской армии, когда ее возглавил М. И. Голенищев-Кутузов, составляла 44 632 человека [48].

Все эти войска были разбросаны по Дунаю от его устья до Видина на территории протяжением более 100 км. Распыленность сил усугублялась еще и тем, что часть русских войск была связана обороной захваченных у турок крепостей Никополь, Руцук и Силистрия, расположенных на южном берегу Дуная. В такой ситуации неприятель мог форсировать реку во многих, неприкрытых войсками, местах. Совершенно очевидно было, что при сложившейся ситуации невозможно было успешно вести ни оборонительные, ни тем более наступательные операции.

Михаил Илларионович писал Барклаю-де-Толли: «Оборонительная наша линия, четырьмя дивизиями защищаемая, начинается, можно сказать, от Белграда и продолжается до Днестра, занимая по изгибам Дуная около тысячи верст. Тщетно было бы помышлять, чтобы огромное такое пространство возможно было занять везде довольною силою, и таковое раздробление войск и без того умеренных, без сильных подвижных корпусов к подкреплению, отворило бы путь первому неприятельскому корпусу несколько сильному» [49].

Новый главнокомандующий хорошо помнил тактику великого русского полководца П. А. Румянцева. Тот, чтобы удержать турок за Дунаем, считал необходимым тревожить их на противоположном берегу. Поэтому Кутузов предлагал не ограничиваться обороной Дунайской линии, а наступать на неприятеля от Рущукской крепости.

Одновременно Михаил Илларионович осуждал тактику борьбы вокруг крепостей. Он говорил: «В войне, как и в дипломатических переговорах со всякою державою, а с Турцией особенно, не должно никогда забывать двух главных союзников — терпение и время; надо было пустить их осаждать Рущук, а не солдат» [50].

Начало военной кампании 1811 года осложнялось еще и тем, что Турция, подталкиваемая Францией, решила активизировать со своей стороны вооруженную борьбу с Россией. Численность ее действующей армии была доведена до 80 тысяч человек. Основные силы турецких войск сосредоточивались против центра Молдавской армии, располагаясь в сильных крепостях Шумла и Видин. Султан вместо неспособного, 80-летнего верховного визиря Юсуфа-паши новым главнокомандующим назначил более энергичного Ахмет-пашу.

Султанская армия готовилась к большому наступлению. План ее командования сводился к тому, чтобы, наступая по двум направлениям из Шумлы через Разград к Рущуку (60-тысячная армия Ахмет-паши) и из Софии на Видин (20-тысячная армия Исмаил-бея), выйти к Дунаю для дальнейшего наступления на Бухарест и занятия Валахии и Молдавии.

Чтобы одержать победу в войне с Турцией, необходимо было применить иные приемы борьбы, отличные от тех, которые уже применялись в первые пять лет противоборства. План продолжения войны, составленный М. И. Голенищевым-Кутузовым, состоял в следующем.

«Против турков не должно действовать как против европейских войск, всею массою сил совокупно... Против турков безопасно можно с... сильными корпусами вдаваться в отважные предприятия, не имея между собою никакого сообщения... Всякое неожиданное или новое действие приводит их всегда в такое смятение что не можно предположить, в какие вдадутся они ошибки и сколь велик будет наш успех. Сверх того... успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала» [51].

Новый главнокомандующий исходил из того, что победить Турцию путем овладения ее территорией или крепостями нельзя. Необходимо было разгромить вражескую армию. Это была главная задача, на решении которой полководец сосредоточил все свое внимание.

Поскольку слабость вверенной ему армии Кутузов видел в ее раздробленности, он принял решение оставить Никополь и Силистрию, взорвав их крепостные сооружения, а находившиеся там гарнизоны присоединить к Главному корпусу Молдавской армии генерал-лейтенанта А. Ф. Ланжерона, собранному у Рущука, и туда же перебросить из Малой Валахии отряд генерал-майора Инзова. В общей сложности главнокомандующий намеревался собрать у Рущука 35 батальонов пехоты.

Большое значение М. И. Голенищев-Кутузов придавал разведке неприятельских планов. По различным, взаимно подтвердившимся, сведениям удалось установить, что в середине июля армия верховного визиря уже превышала 60 тысяч человек. К нему из различных провинций Османской империи стекались войска Вели-паши, Мухтар-паши, Бошняк-аги, Асан-Яура, Чапан-оглу и других султанских военачальников. В окрестностях Софии накапливалась 20-тысячная армия Исмаил-бея.

Теперь предстояло выяснить направление главного удара турецкой армии. Для решения такой чрезвычайно сложной задачи военно-агентурного характера Михаил Илларионович проявляет исключительную изобретательность, тонкий расчет, незаурядный дипломатический талант, последовательность и настойчивость. Он решает воспользоваться тайными контактами с видинским Мулла-пашою, которые возникли еще при Н. М. Каменском 2-м, предоставившим паше выгодные права на торговлю хлопком с Австрией, которыми тот очень дорожил.

Мулла-паша оказался очень «благодарным» человеком. Сперва он продал русским 400 торговых судов, стоявших в Видине и на которых армия Исмаил-бея собиралась форсировать Дунай, всего за полцены, за 25 тысяч червонцев. Суда видинской флотилии были куплены и отправлены «к устью Жио под протекцию строящейся там батареи».

Затем, в начале июля, Мулла-паша сообщил план ближайших военных действий, намеченный верховным визирем Ахмет-пашой. Тот, к огромному

удовлетворению русского главнокомандующего, наконец, решился направить главные силы султанской армии к Руцуку с тем, чтобы овладеть этой крепостью и двинуться дальше через Дунай в Валахию и Молдавию через Бухарест.

Проводя перегруппировку своих сил, Кутузов успел еще и выиграть на это время у неприятеля. Он завязал «дружественную» переписку с верховным визирем, хорошо ему знакомым еще со времен пребывания в Стамбуле. Ахмет-паша выразил желание начать мирные переговоры и, получив на то согласие главнокомандующего Молдавской армией, наделенного императором на то широкими правами, отправил к нему своего уполномоченного Гамид-эфенди.

Около двух месяцев длились мирные переговоры, которые русской стороной умышленно затягивались по причине «получения» инструкций из далекого Санкт-Петербурга. В конце концов верховный визирь понял, что он ловко одурачен, и его противник умело затягивает переговоры с единственной целью — выиграть необходимое ему время.

Проведя такую дипломатическую игру и получив достоверные сведения от видинского Муллы-паши, русский полководец понял, что для Молдавской армии настало время решительных действий.

Узнав о выступлении армии верховного визиря из крепости Шумлы, М. И. Голенищев-Кутузов с Главным корпусом Ланжерона, стоявшим до этого «в скрытном тесном лагере», быстро двинулся к Журже и, перейдя 19 июня Дунай, расположил его у Руцука «спиной к сей реке на Туртукайской дороге».

Не встречая по пути сопротивления русских войск, 60-тысячная армия Ахмет-паши при 78 орудиях, большая часть которой состояла из отборной турецкой конницы, приблизилась к Руцуку на 8 км. Турки стали окапываться, устраивая укрепленный походный лагерь между деревнями Писанцы и Кадыклой.

Русский главнокомандующий имел под рукой 15-тысячное войско со 114 орудиями. Неприятель имел четырехкратное превосходство в силах! Решиться на полевое сражение при таком крайне невыгодном соотношении сил мог только полководец, обладавший великим даром военного предвидения, а также исключительным мужеством, твердой уверенностью в высоких морально-боевых качествах своих войск.

Видя свое превосходство, Ахмет-паша действовал уверенно. М. И. Голенищев-Кутузов докладывал военному министру: «Назавтра неприятель в числе 5-ти тыс. кавалерии сделал рекогносцировку на всю линию аванпостов наших, впереди Рущука находившихся... Воспользовался он туманным утром и прежде, нежели успели аванпосты наши обозреться, как всюду уже были атакованы не соразмерными силами. Сие быстрое движение неприятеля заставило... генерал-лейтенанта Войнова подкрепить их 10-ю эскадронами Чугуевских улан и 5-ю эскадронами Ольвиопольских гусар. Тогда открылся бой по всей линии кавалерии нашей, которая вместе с казаками не составляла более полуторы тысячи человек. В сем бою, несмотря на чрезвычайное неравенство, кавалерия наша не уступила ни шагу...» [52].

В итоге кавалерийского боя турецкой коннице пришлось отступить в свой укрепленный лагерь. Русские войска выдвинулись вперед и расположились на открытой местности в четырех верстах от Руцукской крепости по разградской дороге.

Новая позиция русских войск, по словам самого главнокомандующего, была не совсем выгодна для предстоящего сражения. Правый фланг ее прикрывался довольно обрывистыми берегами реки Лом и кустарниками, затруднявшими действия пехоты и делавшими почти невозможными атаки конницы. Кутузов не ожидал с этой стороны усиленных атак неприятеля.

Зато к левому флангу прилегала равнина, по которой верховный визирь мог направить свою многочисленную конницу в обход фланга русской позиции и ударить по ней с тыла. К тому же ее отдаляла от Руцукской крепости сплошная масса садов и виноградников. Фронт позиции русских войск «был совершенно открыт и выгоден» для активных действий в ходе битвы.

Предвидя возможные усиленные атаки султанской армии, Михаил Илларионович принял необходимые меры для их срыва. В крепости Руцук под командованием генерал-майора Резвого оставляется для ее защиты лишь семь батальонов пехоты (около 4 тысяч человек) и часть судов Дунайской флотилии, имевших артиллерию на борту. Остальные войска располагаются на поле брани, с учетом местности, в три боевые линии. Главнокомандующий, вместо принятого в то время линейного расположения войск, построил глубоко эшелонированную оборону.

В первую линию полководец поставил пять пехотных каре с артиллерией впереди и в интервалах между ними. Во второй линии стояло еще четыре пехотных каре, прикрывая с артиллерией интервалы первой боевой линии. Третью, заднюю линию, составила кавалерия, сведенная под единое командование генерал-лейтенанта А. Л. Воинова. Позади наиболее опасного левого фланга предусмотрительный М. И. Голенищев-Кутузов поставил три батальона пехоты, эскадрон драгун и полсотни казаков. Этот сводный отряд должен был подкрепить в критическую минуту сражения каре левого фланга.

Командование пятью правофланговыми каре было поручено генерал-лейтенанту П. К. Эссену. Левым флангом (четыре каре) командовал генерал-лейтенант А. Ф. Ланжерон. Всего в боевых порядках стояло 25 батальонов пехоты, 39 эскадронов кавалерии и три казачьих полка, всего до 15 000 человек при 114 орудиях против 60 000 визирской армии [53].

22 июня в 7 часов утра началось ожесточенное Руцукское сражение. Турецкая артиллерия произвела обстрел русской позиции. Затем многотысячная неприятельская конница плотными массами начала одновременно атаку центра и флангов русских войск. Позади выдвигалась турецкая пехота и часть вражеских орудийных расчетов.

Пушечным картечным огнем из первой линии этот натиск турецкой конницы был остановлен и она, разделившись на две части, отхлынула к флангам. При этом ее значительные силы обошли правый фланг русской позиции по глубоким оврагам. Возникла угроза разрыва между пехотными каре и кавалерией, стоявшей в третьей боевой линии.

В бой с прорвавшейся вражеской конницей вступили Архангелогородский и Шлиссельбургский полки. Для поддержки правого фланга главнокомандующий выслал крайнее каре второй линии из 37-го егерского полка и Лифляндский драгунский полк с донскими казаками полка подполковника Мельникова 5-го. Егеря под командой майора Горбачева, хорошо обученные прицельной стрельбе, рассыпались и залегли в садах. Их меткий огонь буквально косил турецкую конницу.

По свидетельству барона Валентини, составившего описание этой войны (его книга вышла в 1830 году в Берлине), во время Руцукского сражения замысел верховного визиря состоял в том, чтобы обрушиться на левый фланг русских, «но он тщательно скрывал свой план, стремительно атаковав вначале

правый фланг и центр, против которых он выдвинул тяжелую батарею и стрелял из митральез, в то время когда спаги с дикими возгласами бросились на правый фланг русских» [54].

Конные турки, пользуясь глубокими оврагами, подошли к расположению русских егерей и, разделясь на две части, ударили стрелкам в тыл и с фланга. Двум егерским батальонам грозила опасность быть отрезанными от своих войск. Драгуны-лифляндцы и донские казаки вовремя понеслись в атаку и отбили от садов вражескую конницу.

Генерал-лейтенант А. Ф. Ланжерон докладывал главнокомандующему о действиях подчиненных ему в Руцукском сражении войск: «От семи часов утра до девяти я пять раз жестоко был атакован неприятельской кавалерией, но неустрашимостью и храбростью вверенных мне войск и искусной артиллерией они всегда были опрокинуты» [55].

Верховный визирь, решив, что демонстративной атакой русского правого фланга и центра он отвлек внимание и резервы противника в противоположную сторону, начал осуществлять свой план сражения. В девять часов утра 10-тысячная масса отборной анатолийской конницы под командой Бошняка-аги и Мухтар-паши с «неимоверной храбростью» понеслась в атаку на крайние каре левого фланга русских, составленные из Олонецкого и Белостоцкого пехотных полков.

Турецкая конница, встреченная сильным артиллерийским и ружейным огнем, тем не менее прорвалась между интервалами первой и второй боевых линий. Под ударами оказались еще и каре, составленные из Выборгского и 29-го егерского полков. Свой удар спаги-анатолийцы обрушили на русскую кавалерию, стоявшую в третьей линии.

В стремительной атаке турки смяли боевой порядок Белорусского и Кинбурнского драгунского полков, прорвали их строй и понеслись к Руцук. Другая масса вражеской конницы поскакала к берегу Дуная, намереваясь ворваться в крепость с другой стороны. Но Руцукский гарнизон предпринял смелую контратаку и отбросил турецкую конницу в сады.

Тем временем генерал-лейтенант А. Л. Войнов, командовавший 6-й кавалерийской дивизией, сумел восстановить боевой порядок в третьей линии. Он повернул кругом Санкт-Петербургский драгунский и Чугуевский уланский полки и решительно контратаковал неприятеля, отбросив вражескую конницу

прочь. Той пришлось отступить к высоте, находившейся против левого фланга кутузовских войск. Султанские военачальники стали приводить свои конные тысячи в порядок для новой атаки.

Генерал-лейтенант Эссен 3-й, командовавший во время Руцукского сражения правым флангом русской армии, так описывает удар анатолийской конницы: «Левый фланг русской армии, 5 раз атакованной противником, не уступил ни клочка земли, хотя русская кавалерия, находившаяся на левом фланге и была опрокинута и понесла потери от турецкой конницы, превосходившей нашу численность в 6 раз, однако вторая линия русской пехоты остановила ее и отбросила назад» [56].

Чтобы предотвратить новую атаку турецких спагов, главнокомандующий выдвинул из второй линии каре 7-го егерского полка под командой генерал-майора Гартинга, которое, подойдя к высоте перед левым флангом, открыло сильный прицельный огонь по турецкой коннице. Егерей поддержала артиллерия. Пули, ядра и картечь заставили анатолийцев отступить к позиции армии верховного визиря.

Было два часа пополудни, когда верховный визирь Ахмет-паша, видя поражение отборной анатолийской конницы, ударной силы своей армии, решил прекратить сражение. Его войска оставили занимаемые позиции и отступили в укрепленный походный лагерь, ожидая там нападения противника.

Тогда Кутузов двинул вперед весь свой боевой порядок, все три боевые линии. Турецкие войска преследовались, неся от «стрелков и пушечных выстрелов» большие потери. Атакующие русские каре дошли до брошенных вражеских лагерных укреплений и остановились. Только кавалерия продолжала преследовать войска Ахмет-паши еще 10 верст. После этого главнокомандующий, несмотря на просьбы генералов позволить им наступать дальше, приказал прекратить преследование. Войска возвратились в Руцук.

Ожесточенное Руцукское сражение, продолжавшееся около 12 часов, кончилось полным поражением турецкой армии, несмотря на то, что верховный визирь обладал четырехкратным превосходством в численности войск, а в коннице — подавляющим.

Потери турок, по данным пленных и «выходцев» — бежавших из султанской армии бывших запорожцев, достигали 4 тысяч убитыми и ранеными. Урон победителей не превышал 500 человек. В качестве трофеев

было взято 13 знамен и много других военных знаков — санджаков и байраков. Верховному визирю удалось спасти свою артиллерию, прикрыв ее при отступлении всей массой турецкой конницы.

В приказе по Молдавской армии, отданном по случаю победы в полевом сражении под Руцуком, генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов, объявляя благодарность войскам писал, что русские воины «твердостью своею не уступили нигде ничем неприятелю и те части войск, которые «он» во время самого жаркого сражения близко видеть мог, во всех тех видел дух русских и победу уже написанную на их лицах. 22-е число июня (4 июля) пребудет навсегда памятником того, что возможно малому числу, оживленному послушанием и геройством противу бесчисленных толп, прогнать неприятеля» [57].

Сражение под Руцуком было первым крупным полевым сражением за пять лет войны. Русский полководец в высшей степени продуманно и предусмотрительно подготовил к нему свои войска и несмотря на огромное неравенство в силах, сумел добиться блестящей победы. Твердость пехотных каре, огневое искусство артиллеристов, меткость огня егерей, чьи ружья стреляли всего на 200 шагов, и храбрость конников обеспечили полную победу русского оружия.

За победу, одержанную над султанской армией, Михаил Илларионович был награжден миниатюрным портретом императора Александра I, носившимся среди орденов. Высоких наград удостоились и другие главные действующие лица Руцукской виктории. Граф Ланжерон был произведен в полные генералы — в чин генерала от инфантерии. Генерал-лейтенант Эссен получил орден Святого Александра Невского.

В императорском рескрипте М. И. Голенищеву-Кутузову по поводу его награждения говорилось: «Одержанная вами над верховным визирем победа в 22-й день июня покрыла Вас новою славою. Большое превосходство сил неприятельских Вас не остановило... пятнадцать тысяч храбрых разбили шестидесятитысячные турецкие толпы... В память сего знаменитого подвига и в знак благодарности Отечества я возлагаю на вас портрет мой...» [58].

На следующий день после Руцукского сражения Михаил Илларионович сообщал жене в письме: «22-го, то-есть вчерась, Бог всемогущий даровал мне победу. Я выиграл баталию над визирем, который был, конечно в шестидесяти

тысячах... Слава Богу здоров, но усталость такая, что едва могу держать перо. Я весьма доволен генералами и любовью солдат. Дрались на всех пунктах пять часов и везде хорошо...» [59].

Полководец не ошибался в своем высоком авторитете среди офицерского корпуса русской армии, в любви к нему простых солдат. В этом отношении М. И. Голенищев-Кутузов был схож с генералиссимусом А. В. Суворовым-Рымникским, за которым войска бесстрашно шли «в огонь и воду».

Личная храбрость полководца поражала очевидцев. Один из участников той русско-турецкой войны К. Я. Булгаков так пишет о том, как держал себя главнокомандующий в день Рущукского сражения: «Старик наш лихой: вообрази себе, мы стояли более получаса против двух пушек, которые в нас стреляли ядрами, узнав его (то есть М. И. Голенищева-Кутузова. — А. Ш.). Ядра падали около нас в нескольких шагах, а он говорит: «Это любезность моего старого друга визиря; что же, хорошо, я отсюда не удалюсь, пока она не будет исчерпана» [60].

Армия великого визиря Ахмет-паши — главная действующая сила Блистательной Порты в войне против России — хотя и понесла большие потери в деле под Рущуком, но не была разгромлена. Полководец султана, проиграв сражение в поле, отступил в свой базовый лагерь между селениями Писанцы и Кадыклой. Он надеялся здесь отомстить русским за свою крупную военную неудачу, ожидая, что, увлеченные победой, они атакуют побежденных в их укрепленном лагере.

Ближайшие помощники русского главнокомандующего настаивали на продолжении наступления на юг. Однако Кутузов не стал подвергать слишком большому риску свою армию при наступлении на противника, обладавшего четырехкратным превосходством в силах и засевшего в укрепленном лагере.

«Если пойдем за турками, — отвечал М. И. Голенищев-Кутузов своим генералам, окрыленным сдержанной победой, — то, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать! Надобно будет возвратиться, как и в прошлом году, и визирь объявил бы себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмет-бея, и он опять придет к нам» [61].

Главнокомандующий Молдавской армией не принадлежал к числу увлекающихся полководцев. Он холодно взвешивал сложившуюся ситуацию и рассчитывал, что сам может привлечь к себе неприятеля, дезориентировав его

своими последующими действиями. После рущукской победы Кутузов предпринял такие шаги, что многие в те дни обвиняли его в нерешительности и даже трусости.

Русский полководец сумел просчитать дальнейший ход войны. Рущук оставался единственной крепостью, которую русские удерживали на правом берегу Дуная. Оборона ее была невыгодна ни в стратегическом, ни в тактическом отношении. Она сковывала значительную часть действующих войск, ослабляя и без того малые для большой войны силы Молдавской армии. Получалось так, как писал главнокомандующий в одном из писем, «как будто бы «он» был здесь только для Рущука».

27 июня М. И. Голенищев-Кутузов принимает решение, ставшее полной неожиданностью не только для верховного визиря Ахмет-паши, но и для русского генералитета: оставить крепость Рущук, выведя из нее «жителей, артиллерию, снаряды, подорвав некоторые места цитадели», и перейти на левый берег Дуная. И это после только что блестяще одержанной победы над главной турецкой армией!

Такое известие поразило и турецкую армию, (продолжавшую спешно укреплять свой лагерь, днем и ночью ведя земляные работы), и ее командование. Русские бросают Рущукскую крепость, за обладание которой было пролито столько крови и уходят назад, на левый берег Дуная? Теперь у Ахмет-паши и султанских военачальников уже не было сомнений в том, что Рущукское сражение закончилось их победой над «неверными».

Не только в Стамбуле, но и в далеком от Балкан Париже отступление русской армии за Дунай вызвало ликование. Верховный визирь за Рущук был щедро награжден султаном. Ахмет-паша известил его о решительной победе, не замедлив вступить во главе своей армии в опустевшую Рущукскую крепость.

Находившийся в Париже российский дипломат А. И. Чернышев сообщал, что Наполеон был очень обрадован, узнав об отступлении кутузовской армии за Дунай. На одном из приемов во дворце Тюильри, он, подойдя к Чернышеву, ехидно спросил: «У вас, кажется, была резня с турками под Рущуком?»

Объясняя военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли причины принятия такого ответственного решения, как оставление Рущука и перевод войск на левый берег Дуная, М. И. Голенищев-Кутузов писал: «С начала кампании я

видел, сколь много положение наше затрудняется Руцукским ретраншаментом и как связывает руки сей пост, коего без сильного гарнизона оставить не можно...; к сохранению сего поста иных мер и иного положения по нынешней силе неприятеля избрать не можно, как то в котором я находился перед... баталией и несколько дней после, то-есть стоять перед Руцуком и закрывать его всеми кое-где собранными силами. Все сии причины столь важны, что я по совершенному убеждению принял мысль, что тот час после одержанной над визирем победы, оставить Руцук; сие только и можно было произвести после выигранной баталии, в противном же случае казалось бы то действие принужденным, и ежели бы вместо выигранного сражения была хоть малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Руцук... И так, несмотря на частный вред, который оставление Руцука следует сделать мне лично, а предпочитая всегда малому сему уважению пользу государя моего, упразднив Руцук... 27 числа пришел я совсем на левый берег Дуная...» [62].

Перейдя Дунай, главнокомандующий Молдавской армии предпринял ряд мер по ее укреплению. К дунайским берегам возвращаются 9-я и 15-я дивизии. Усиливается оборона малой Валахии, на которую нацеливалась армия Исмаил-бея. Здесь на реку Ольту выдвигается отряд Эссена. Главный корпус генерала от инфантерии Ланжерона располагается на удобном пересечении дорог против Журжи. В крепости хранился разобранный Руцукский мост, который мог быть в любое время восстановлен для переправы войск через Дунай.

В Северной Болгарии широкое содействие русским войскам оказывало местное славянское, христианское население. Большое число жителей дунайского Правобережья покидало родные селения и города, переселяясь в российские пределы. Вместе с русской армией около 20 тысяч болгарских семей перешло через Дунай.

В ходе войны у М. И. Голенищева-Кутузова утвердилась идея создания болгарского земского войска из добровольцев. Сообщая о его организации, сообщал в письме российскому военному министру: «Из числа переселившихся болгар из-за Дуная в Турно многие изъявили желание вооружиться и действовать с нами... Нужным почитаю для защиты левого берега Дуная около Турно вооружить таковых желающих болгар; а примеру их,

надеюсь я, последуют и другие болгары по левому берегу Дуная... Зная качества сего народа, твердого и к опасностям и лишениям приобвыкшего, ожидаю от них лучшей пользы» [63].

Главнокомандующий русской армией через лазутчиков внимательно наблюдал за всем что происходило на противоположном берегу Дуная. Войска великого визиря продолжали стоять у Рущука, усилившись до 70 тысяч человек. 20-тысячная армия Исмаил-бея была уже на пути из Софии к Видину. В полках Молдавской армии шла боевая подготовка, пополнялись запасы пороха, боезарядов для артиллерии, продовольствия, фуража для лошадей.

С подходом войск Исмаил-бея к Видину на правобережье Дуная оказались сосредоточенными две сильные неприятельские группировки, готовые форсировать реку и прорваться в глубь Валахии, нацеливаясь на ее столицу Бухарест. Из Стамбула шли грозные требования султана разбить армию «неверных», но верховный визирь Ахмет-паша медлил.

Вскоре в районе Видина сложилась напряженная обстановка. Исмаил-бей начал переправу через Дунай у Калафата. Султанский полководец, успев переправить только 10 тысяч человек, двинулся с ними против малочисленного отряда генерал-лейтенанта А. П. Засса. Русские войска обороняясь на заранее оборудованной позиции, более 8 часов отражали упорные атаки турок. Те были вынуждены прекратить наступательные действия, потеряв в упорном бою свыше тысячи человек убитыми и ранеными.

Попытка группировки Исмаил-бея прорваться в Малую Валахию, разбив при этом правофланговые войска русской армии, не удалась. Так рухнул план великого визиря соединиться в Журже с силами, идущими из Видина.

Наконец, в штаб-квартиру Молдавской армии поступили сведения о том, что турецким войскам приказано собирать к Рущуку все лодки и другие средства для переправы через реку. Это означало, что великий визирь Ахмет-паша собирается перейти на левый берег Дуная и довершить свою «победу» над русской армией.

В ночь с 27 на 28 августа султанский полководец начал форсирование Дуная по всем правилам военного искусства, проведя несколько должных атак в различных местах на берегу, а особым отрядом «демонстрировал» переправу в двух километрах ниже Рущука. Тем самым Ахмет-паша добивался отвлечения сил русских от главного места форсирования реки турками.

Главные силы турецкой армии переправлялись на плотках и лодках у Слободзеи, верстах в четырех выше Руцука, пользуясь темнотой и спавшей в Дунае водой. После переправы османская пехота стала спешно укреплять окопами захваченный плацдарм.

Находившиеся у Слободзеи передовые отряды русских войск провели три атаки против турок, успевших после переправы закрепиться на берегу. Главнокомандующий, прибывший на место боя, приказал своим войскам отойти на прибрежные высоты, занять выгодные позиции над низменностью, где сосредоточивалась турецкая армия.

По мнению Кутузова, великий визирь Ахмет-паша сам шел в ловушку. Главнокомандующий писал генерал-лейтенанту Зассу: «Я оставляю ему переправиться на сию сторону, хотя и в большом числе, и в полевом сражении, конечно, разобью его» [64].

В течение трех суток великий визирь переправил на северный берег Дуная большую часть своих сил — около 40 тысяч человек, преимущественно пехоту. Турки возвели ретраншемент и перед ним устроили три редута. На южном дунайском берегу, в армейском лагере у Руцука, Ахмет-паша оставил более 25 тысячи, состоявших в основном из конницы.

Русский полководец энергично начал приводить в действие свой план ликвидации армии верховного визиря. Он принимает смелое решение: надежно блокировать турецкие войска на захваченном ими плацдарме, скрытно переправить часть своих сил через Дунай и сначала разгромить неприятельские войска в лагере под Руцуком, а затем уничтожить окруженные на левобережье главные силы Ахмет-паши.

По требованию главнокомандующего, к Слободзее подходят необходимые ему войска. Уже на следующий день после турецкой переправы прибыло 10 пехотных батальонов. 1 сентября пришла 9-я пехотная дивизия генерал-майора С. А. Ермолова. Вслед за нею прибыли 15-я дивизия генерал-лейтенанта Е. И. Маркова (Моркова) и корпус П. К. Эссена.

Всего генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов сосредоточил у Слободзеи около 25 тысяч человек (40 кавалерийских эскадронов, 37 пехотных батальонов, 10 казачьих полков) и 151 орудие.

Став, по собственному определению, «достаточно сильным», главнокомандующий Молдавской армией приступил к осуществлению

задуманного им плана действий. Ожидая наступления турецкой армии, он устроил впереди своего фронта 9 редутов, построенных полукольцом и примыкавших к Дунаю выше и ниже неприятельских полевых укреплений.

В центре организованной блокады полководец поставил сильный по составу корпус Эссена. Редуты правого фланга прикрывались отрядом генерал-майора М. Л. Булатова, а левого фланга — отрядом генерал-майора И. М. Гартинга, начальника инженеров Молдавской армии, стоявшего у дунайского берега ниже Слободзеи. В редутах расположились сильные пехотные гарнизоны с артиллерией.

За войсками Эссена, за центром русской позиции, был поставлен в резерв «сильный корпус Маркова, который двинется, куда нужно будет». Он состоял из 5 тысяч человек пехоты, 2,5 тысяч кавалерии и 38 орудий.

«Необходимо нужно было, — писал М. И. Голенищев-Кутузов военному министру, — запереть неприятеля таким образом, чтобы: 1) стеснить ему способы прокормления конницы, и 2) чтобы толпы их не могли никак объехать наш правый фланг и наделать каких-либо шалостей позади нас: тогда бы должно было отделять отряды и гоняться за неприятелем» [65].

В течение сентября турецкая армия предприняла несколько попыток расширить свой лагерь на северном берегу Дуная: 3, 5, 10, 22 и 23 сентября произошли сильные бои. Однако все попытки верховного визиря Ахмет-паши «прорваться из сей его позиции во внутрь земли были предупреждены и опровергнуты» русскими войсками.

Свой замысел полного разгрома главной турецкой армии Кутузов держал в строжайшей тайне. Никто в штабе Молдавской армии не знал о дальнейших действиях главнокомандующего. Его переписка с императором Александром I и военным министром М. Б. Барклаем-де-Толли свидетельствует, что эти два высших военных должностных лица до поры до времени также не посвящались даже в детали планируемой операции.

Только 20 сентября, в письме военному министру, Михаил Илларионович конкретно изложил свой план: «...намерен я в верстах осьмнадцати выше моего лагеря переправить генерала Маркова по ту сторону с корпусом тысяч до семи, которому идти прямо на лагерь неприятельский, на правом берегу находящийся; ежели сей слаб, то наш корпус сгонит его в Рушук и тогда займет наш корпус высокий берег дунайский, позади неприятельского ретраншамент

лежащий так, что... станет в лагерь, неприятельский, прямо на здешней стороне лежащей, своими пушками, и тогда, смотря по тому, какое сие произойдет действие над неприятелем, на нашей стороне находящимся, можно будет действовать... К переправе сей все так приготовлено, что корпус наш в состоянии будет переправиться ночью через восемь или десять часов...» [66].

Тем временем Исмаил-бей предпринял еще одну попытку прорваться в Малую Валахию и прийти на помощь блокированной армии верховного визиря. В бою части турецкой конницы удалось просочиться сквозь строй пехотных каре, но она была почти вся уничтожена. Турки, оставив на поле боя более 800 убитых, отошли назад к своим укреплениям.

Подготовку к переброске через Дунай корпуса Маркова удалось сохранить в тайне от неприятеля. Верховный визирь был далек от мысли, что русская армия, отступившая в поиске «спасения» на левый берег Дуная, вновь форсирует реку для нападения на Руцукский лагерь. Чтобы приготовления к переправе не были замечены турками, место форсирования М. И. Голенищев-Кутузов определил в 18 верстах выше русского блокадного лагеря, куда турецкие конные разъезды правого берега Дуная никогда не доезжали.

Чтобы обеспечить безопасность переправы марковского корпуса, главнокомандующий решил уничтожить турецкую речную флотилию, стоявшую у крепости Лом-Паланка. Ахмет-паши намеревался использовать ее для переброски новых войск к Руцуку. Задачу выполнил отряд подполковника Энгельгарда, состоявший из 4 батальонов пехоты, артиллерии и судов Дунайской флотилии. Захватив расположенный рядом с Лом-Паланкой остров и установив там орудия, русские истребили базировавшуюся у крепости турецкую речную флотилию.

Это позволило часть судов Дунайской флотилии привлечь к переправе войск через реку. Еще раньше, по указанию Кутузова, на реке Ольте пионерами были изготовлены девять больших, много средних и малых паромов, которые в назначенный день спустили вниз по Дунаю к месту переправы.

29 сентября генерал Голенищев-Кутузов отдал боевой приказ начальнику 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Евгению Ивановичу Маркову о выступлении. В приказе указывалось: «Назначаю Вас в важную экспедицию за

Дунай в поиск на неприятеля, под командою верховного визиря состоящего. Уделяя вам до семи тысяч войска из главного корпуса, делаю все то, что могу только уделить, не ослабевая совершенно моей позиции. Все распоряжения, нужные к сей экспедиции, попечением Вашим готовы, и суда перевозные завтрашнего числа находиться будут на назначенном месте... Поручаю Вашему превосходительству важнейшую экспедицию, успех которой... может иметь влияние на блистательное окончание нынешней кампании» [67].

В тот же день корпус Маркова в ночь выступил из главного лагеря у Слободзеи. Он состоял из четырех пехотных, пяти егерских полков, десяти эскадронов легкой гусарской кавалерии и двух казачьих полков при 38 орудиях. Чтобы турецкие лазутчики не заподозрили неладное, палатки в местах расположения уходивших не снимались, а ночью там зажигались костры.

Совершив 25-километровый ночной марш, корпус на рассвете подошел к селению Петрушаны. Высланные к речному берегу конные разъезды сообщили, что суда, ожидавшиеся из Лом-Паланки, еще не прибыли. Войскам пришлось скрытно простоять весь день. Но и на следующий день суда Дунайской военной флотилии не прибыли к месту переправы.

Тогда генерал-лейтенант Е. И. Марков, желая сохранить неожиданность нападения на неприятельский лагерь у Рущука, начал 1 октября переправу пехоты и артиллерии на паромах. Конница переправлялась через Дунай вплавь. Первыми на противоположный берег вступили 25 донских казаков, составлявших передовой дозор. За ними через водную преграду шириной более километра переправился 14-й егерский полк. Стрелки заняли ближайшие высоты, взяв под защиту место высадки русских войск.

Пока переправлялись остальные полки и кавалерия с казаками, Марков выслал по правому берегу Дуная казачьи разъезды для поиска тропинок, ведущих к турецкому армейскому лагерю. Между тем к переправе подошли суда из Лом-Паланки под командованием лейтенанта Акимова: семь баркасов и три транспортных судна. Им пришлось прорываться мимо вражеских батарей. Перевозка войск пошла быстрее.

К вечеру 1 октября весь марковский корпус скрытно переправился на правый дунайский берег. Для охраны занятого плацдарма были сооружены два редута, в которых разместился отряд в 600 человек при четырех орудиях.

С рассветом 2 октября корпусной командир, построив пехоту в пять каре и поставив вперед кавалерию, двинулся вдоль берега к турецкому лагерю. Не доходя до него шесть верст, русский авангард, состоящий из казаков, был встречен турецкой конницей до трех тысяч всадников. Казаки ввязались в неравный бой, были потеснены и вынужденно отошли за пехотные каре.

Вражеские кавалеристы, преследовавшие казаков, неожиданно увидели перед собой пять русских пехотных каре с артиллерией в первой линии. Турецкую конницу в упор встретил пушечный залп картечью. Несшиеся во весь мах конники в страшной панике повернули назад. Гусары и казаки гнали их до самого лагеря.

Русская кавалерия, за которой поспевали пехотные каре, вслед убежавших конных турок, ворвалась во вражеский армейский лагерь, больше напоминавший обширный табор с тысячами палаток, шатров, шалашей, землянок и повозок. Появление в турецком стане русских войск вызвала среди турок невероятную панику. Сопротивление оказали лишь небольшие разрозненные группы османов. Султанские войска, бросая все, толпами устремились искать спасение в Рушук и по дороге на Шумлу.

М. И. Голенищев-Кутузов писал в донесении военному министру: «Все войска наши на левом берегу Дуная были свидетелями ужаса, который распространился по всему турецкому лагерю при нечаянном приближении пяти кареев генерала Маркова и легкой нашей конницы. Тем, что неприятель атакован был врасплох, разрешается загадка, что с нашей стороны убитых и раненых только 49 человек...» [68].

В два часа дня войска генерал-лейтенанта Е. И. Маркова полностью овладели огромным неприятельским лагерем, продолжая преследовать бегущих турок вплоть до Рушука. Неприятель потерял 1500 человек убитыми и 300 пленными. Было захвачено 8 пушек, 22 знамени, булава командующего янычарской пехоты и весь огромный обоз с армейскими запасами пороха, свинца и продовольствия. «Так кончился достопамятный день сей, — писал Михаил Илларионович, — который в турецких летописях называется несчастным днем».

В тот же день егеря Маркова захватили турецкие суда, стоявшие у правого берега Дуная. Они служили туркам для снабжения и связи с лагерем армии верховного визиря на противоположном речном берегу.

Затем, чтобы усилить блокадное кольцо со стороны Дуная, на близлежащий остров Голь был высажен ночной десант в 140 человек. После короткого боя с турками остров оказался в руках атакующих. Он лежал прямо против неприятельского лагеря.

Выполняя кутузовский замысел, генерал-лейтенант Марков без промедления стал устанавливать на руцукском берегу брошенные турками три батареи. Подошли суда Дунайской военной флотилии, вооруженные орудиями крупного калибра. Теперь огромный лагерь султанской армии находился под постоянным пушечным обстрелом с двух речных берегов и судов русской флотилии. Началась бомбардировка вражеского стана.

За успешное проведенную операцию по захвату турецкого руцукского лагеря командир обходного отряда Е. И. Марков, по представлению М. И. Голенищева-Кутузова, был награжден высокой боевой наградой, сразу орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й степени.

Почти 40-тысячная армия верховного визиря Ахмет-паши оказалась теперь надежно блокированной со всех сторон. Самостоятельно вырваться из окружения она уже не могла.

Чтобы усилить огневое давление на неприятельский лагерь, русский главнокомандующий приказал установить на острове Гол две батареи по два орудия каждая. Одновременно с этим отряду Дунайской военной флотилии приказывается подойти к визирскому лагерю «ближе, нежели на ружейный выстрел». 8 судов, вооруженных орудиями больших калибров, стали ниже Руцука, 6 — выше.

Длившаяся днем и ночью непрерывная бомбардировка турецкого лагеря через несколько суток дала ожидаемый результат. Она не только нанесла неприятелю «величайший вред», но и заставила замолчать вражеские батареи, устроенные на ретраншаменте лагерной обороны.

Накануне, в ночь на 3 октября, верховный визирь Ахмет-паша, «воспользовавшись сильным дождем и бурною погодою» и тем, что блокадное кольцо вокруг его армии со стороны Дуная еще не замкнулось, сумел бежать на небольшой лодке. Командование брошенными войсками султанский полководец передал 26-летнему Чапан-Оглы.

Получив такое известие, Кутузов остался спокоен и был даже доволен: «Если бы визирь не ушел, то некому было бы известить Султана о положении,

в какое мы поставили его армию» [69]. Кроме того, именно с Ахмет-пашой Михаилу Илларионовичу предстояло вести переговоры о мире. Зная турецкий обычай, запрещавший верховному визирю, попавшему в окружение или плен, вести с противником переговоры, русский главнокомандующий правильно рассчитал, что спасение Ахмет-паши скорее приблизит дело мира, чем его пленение.

С каждым днем положение визирской армии на левом берегу Дуная становилось все более катастрофическим. Отрезанные от своих с суши и воды, бомбардируемые со всех четырех сторон, турки несли ужасные потери и переносили невероятные лишения. Орудия на их позициях были сбиты еще в первые дни, боеприпасы расстреляны. Подвозить их было неоткуда.

Быстро кончились запасы провианта. Хлеба не было, стали есть мясо лошадей, не успевших пасть от голода. Люди питались лошадиным мясом без соли. В пищу пошла трава и коренья. Наступили холода, а с ними болезни. На топливо сначала пошли палаточные колья, затем палатки. Турецкие солдаты стали укрываться в вырытых ямах.

Сотни турецких солдат ежедневно умирали от голода, болезней, гибли от артиллерийских обстрелов. Раненые не получали помощи. Более двух третей отборной султанской армии нашли себе погибель на небольшом клочке валахской земли на левом берегу Дуная. К моменту перемирия в живых осталось не более 12 тысяч человек.

Чтобы сделать противную сторону более сговорчивой и поторопить ее к мирным переговорам, главнокомандующий Дунайской армией преподнес туркам несколько «сюрпризов» на правобережье. Сперва отряд донского казачьего полковника Грекова 8-го вновь овладел Туртукаем. Затем был проведен «поиск» под крепость Силистрию, которую с трех сторон взяли штурмом. В районе Видина у Груи на противоположный берег высадилась экспедиция под начальством генерал-майора Воронцова.

Разгром окруженной турецкой армии на дунайском Левобережье вызвал широкий международный отклик. Армия состояла из лучших войск, какими только располагала тогда сильная в военном отношении Турция. В окружении, как сказано в одном из описаний этой войны, «погиб цвет отборного турецкого воинства. Впоследствии Порты никогда не могла выставить в поле армии, подобно той, какую в 1811 году предводительствовал Ахмет-бей» [70].

Хотя события на Дунае и вызвали «крайний ужас турецких министров», и султан, и его верховный визирь не спешили пойти на мирные переговоры. Новый султан Махмуд II находился под влиянием французского посла в Стамбуле Латур-Мобура, обещавшего скорое вторжение Великой наполеоновской армии в Россию.

М. И. Голенищев-Кутузов решил во имя человеколюбия «подтолкнуть» начало мирного урегулирования военного конфликта. Он направил Ахмет-паше письмо, в котором обратил его внимание на то, что во всякое время может заставить визирскую армию сдаться. Во избежание дальнейшего бесполезного кровопролития русский главнокомандующий «решительно потребовал» от вражеского полководца заключить бессрочное перемирие и отдать ему остатки турецкой армии «в сохранение», иначе вся она перемрет от голода до последнего человека.

Передача целой армии «в сохранение» стала той оригинальной формой сдачи в плен окруженной турецкой армии, которую мог придумать только военный и дипломатический дар Кутузова. Фактически армия великого визиря была уже давно пленена и обезоружена, лишившись артиллерии и истратив боеприпасы. Она еще сохраняла видимость «турецкой армии».

Давая такую формулировку капитуляции неприятельской армии, утратившей до конца свою боеспособность, М. И. Голенищев-Кутузов позаботился о роли верховного визиря в предстоящих переговорах. Только сохранение видимости «турецкой армии» позволяло Ахмет-паше возможность и право вести переговоры о мире с главнокомандующим Молдавской армии.

23 ноября верховный визирь Ахмет-паша подписал соглашение из 7 пунктов о передаче его армии «на сохранение» России. Одновременно устанавливалось бессрочное перемирие. Для турецкой стороны это стало актом роковой необходимости.

По условиям заключенного между двумя полководцами соглашения турецкая армия полностью разоружалась. Пушки и личное оружие турок брались не как военные трофеи, а «на сохранение». Будучи собраны, они находились в одном месте под общим караулом «до окончательного совершения мира».

Более двух тысяч раненых и больных, нуждавшихся во врачебной помощи, из турецкого лагеря переводились на правый берег Дуная. Их

передавали султанским властям на излечение. Остальная часть обезоруженной турецкой армии размещалась на квартирах в близлежащих от Журжи селениях и находилась там на своем собственном содержании, то есть расплачивалась за все из собственного кармана. В соглашении указывалось: «Вышеупомянутые войска... не должны рассматриваться как военнопленные; они должны считаться „муссатирами“ (гостями. — *А. Ш.*) до тех пор, пока мир окончательно не будет установлен» [71].

«Несмелые планы» генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова в военной кампании 1811 года восторжествовали. Огромная визирская армия, лучшие военные силы Блистательной Порты, перестали существовать как военное формирование.

В официальном Санкт-Петербурге не могли не оценить значимость свершившегося в столь затянувшейся войне. Высочайший указ гласил, что за «знаменитые заслуги и в особенности отличные подвиги и благоразумные воинские усмотрения, оказанные в течение настоящей против турок кампании Главнокомандующим Молдавскою армиею генералом от инфантерии Голенищевым-Кутузовым, пожаловано ему и потомству его графское Российской империи достоинство» [72].

Отдавая должное полководческому дарованию М. И. Голенищева-Кутузова, его первый биограф Ф. Синельников, говоря о деятельности полководца в 1811 году, писал: «В сем походе, который навеки останется школою для всех тактиков, Кутузов показал себя во всем блеске чудесного своего величия... Какая глубокая проницательность, какая редкая способность соображать случаи, какое чудесное искусство потребны были для того, чтобы с 30 тыс. человек прикрывать все завоеванные области и крепости, выманить турков из гор, уничтожить хитрые распоряжения мужественного визиря, с 20 тысячами разбить его на открытом поле под Руцуком, завести его в расставленные сети на левом берегу Дуная при Слободзее, запереть его, истребить все его средства за Дунаем, овладеть Силистриею и Туртукаем, совершенно отрезать его армию и в то же время прикрывать Малую Валахию, наконец... принудить (турецкую армию. — *А. Ш.*) со всеми начальниками, со всею артиллериею к сдаче на волю победителя. Сей великий план начертан и исполнен Кутузовым» [73].

Мирные переговоры сторон затянулись. Они длились целых шесть месяцев, проходя в Журже и Бухаресте. Султанское правительство цеплялось за каждую возможность, чтобы затянуть переговоры. Для официального Стамбула не было секретов, что на западных границах России уже шло сосредоточение войск Великой армии Наполеона, и то, что он готов был оплатить военное союзничество Турции российскими территориями. Имел такую информацию и главнокомандующий русской действующей армии.

В ходе мирных переговоров, которые вели М. И. Голенищев-Кутузов и Ахмет-паша, рассматривались многие вопросы: о новой границе между Турцией и Россией по реке Серет и в Азии — Закавказье, автономном управлении Сербией в составе Османской империи, денежной компенсации военных расходов страны-победительницы и другие.

Император Александр I, озабоченный затяжкой мирных переговоров, поручил Кутузову объявить турецким уполномоченным, что поскольку султан не утвердил предварительных условий, принятых верховным визирем (о новой границей по реке Серет), то и он в свою очередь отменяет решение М. И. Голенищева-Кутузова о принятии турецких войск «в присмотр».

Главнокомандующему Молдавской армией предписывалось: 1) считать турецкую армию военнопленной, 2) не подписывать мир иначе как на согласованных с верховным визирем условиях, 3) в случае окончательного отклонения выработанного соглашения возобновить военные действия.

К тому времени, когда мирный переговорный процесс благодаря стараниям французского посла застопорился, русский главнокомандующий уже имел достоверную информацию о нарушении Ахмет-пашой условий перемирия: верховный визирь стал скрытно подтягивать в Руцукскую крепость, которая оставалась в руках турок, войска.

Получив императорский рескрипт, М. И. Голенищев-Кутузов 31 декабря (12 января 1812 года) официально объявил Ахмет-паше о том, что российская сторона прерывает переговоры, что его разоружается принятая «на содержание» турецкая армия и в качестве военнопленной частями направляется в крепость Журжу и в селения Слободзея, Малка, ПарAPAN и что в дальнейшем она будет отконвоирована в Россию, а военные действия возобновлены.

Это принудило турецкую сторону просить продолжения переговоров в Бухаресте. Но поскольку с началом 1812 года для Оттоманской Порты стала складываться самая благоприятная ситуация, турки вновь стали их тянуть. Главнокомандующий Молдавской армией, ведя переписку с российскими послами в Париже и Вене, получал информацию о том, что предпринимает Наполеон для подготовки скорой войны с Россией. Не менее достоверные сведения о том из уст французского посла в Стамбуле Латур-Мобура получали несговорчивый султан и верховный визирь Ахмет-паша.

Поэтому М. И. Голенищев-Кутузов стремился всеми силами успешно завершить мирный переговорный процесс, не начиная новых военных действий. Возобновление войны было выгодно теперь только Франции. Однако, вынужденный действовать в соответствии с указаниями монарха, главнокомандующий Молдавской армией в начале 1812 года проводит несколько тревожащих неприятеля демонстраций, «не делая генеральных движений».

Воспользовавшись скованным Дунаем льдом, в феврале часть русской армии переходит на противоположный берег и проводит ряд успешных боевых действий. Четыре таких «поиска» русских на вражеской территории, которые турецкие войска не сумели отбить, вновь забили тревогу в Стамбуле.

Вскоре император Александр I уведомил Михаил Иллариновича о том, что стал готовить три дивизии для высадки десанта в Константинополе под командованием генерал-лейтенанта Дюка де-Ришелье, герцога, французского эмигранта, перешедшего на русскую службу, бывшего в то время генерал-губернатором Новороссийского края. Российский монарх настаивал на силовом решении спорных вопросов мирных переговоров.

Только выдвижение крупных сил наполеоновской армии к Одере заставило Александра I отказаться от применения военной силы против Стамбула. Нарастающая угроза России с запада вынудила императора сообщить М. И. Голенищеву-Кутузову о том, что тот может сделать «необходимую уступку в статье о границе в Азии» и «в самой крайности» вести речь о границе по реке Прут в Молдавии.

Император Александр I писал полководцу: «Величайшую услугу вы окажете России поспешным заключением мира с Портою... Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все

побочные занятия, и с тем прониканием, коим вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу» [74].

Михаил Илларионович повел тонкую дипломатическую игру: он доводит до сведения реис-эфенди (министра иностранных дел) Галиб Мехмед Сеида, что Наполеон за военное союзничество Австрии с Францией пообещал Вене часть турецких территорий в Сербии и Болгарии, что враждебно настроенная к России Швеция не будет союзником французского императора и другую доверительную информацию.

В конце марта 1812 года Австрия заключила союз с Францией. По 9-й статье этого договора Вена должна была привлечь к этому союзу и Турцию. Для этой цели австрийский посол в Стамбуле Штюмер гарантировал Османской империи неприкосновенность ее территорий.

Почти сразу же французский поверенный Латур-Мобур передал султану Махмуду II письмо Наполеона, предлагавшему властелину Блистательной Порты военный союз в обмен на возвращение ей всех завоеванных Россией турецких земель за последние 60 лет, то есть начиная с середины прошлого, XVIII века. При этом Франция и Австрия заявляли, что в случае заключения Турцией мира с Россией они «такового трактата не признают».

Русскому главнокомандующему в столь напряженной дипломатической схватке удалось блестяще изобличить двуличную игру Наполеона. Кутузов довел до сведения реис-эфенди содержание письма Наполеона к императору Александру I, а затем содержание и другого подобного письма, как и цель приезда в Санкт-Петербург наполеоновского генерал-адъютанта графа Нарбонна-Лара. Париж предлагал России составить военный союз и признавал за ней Молдавию и Валахию. Дунайские же княжества составляли немалую часть европейских владений Турции.

В это время император Александр I, опасаясь вторжения в Россию полчищ Наполеона, приписал вину за медлительность переговоров с Турцией М. И. Голенищеву-Кутузову. Государь решил заменить его адмиралом П. В. Чичаговым, назначенным на место главнокомандующего Молдавской армией.

Чичагов уезжал на берега Дуная, имея на руках два императорских рескрипта. В обоих из них Александр I отзывал Михаила Илларионовича в столицу. Но если в первом монаршем повелении ему просто приказывалось

сдать армию новому главнокомандующему и заняться деятельностью в Государственном совете, то во втором — предназначенном для вручения в случае заключения М. И. Голенищевым-Кутузовым мира, император благосклонно приглашал его в Санкт-Петербург для «награждения за все знаменитые заслуги».

Адмирал П. В. Чичагов опоздал с прибытием на место всего на один день. 5 (17) мая 1812 года предварительные условия мира с Турцией были подписаны. Граница между двумя государствами была установлена по реке Прут до ее впадения в Дунай, далее по левому берегу Дуная до впадения его в Черное море. Граница в Азии — в Закавказье — оставалась такой же, как до начала войны. Сербам обеспечивалась безопасность, представлялись те же права, что и жителям греческого Архипелага. Гарантировалось самоуправление Сербии.

Российская и турецкая стороны по взаимной договоренности вели переговоры о заключении мирного договора тайно от французских и австрийских дипломатических представителей, делая им «ложные уведомления». Поэтому его подписание между Россией и Турцией стало полной неожиданностью как для Вены, так и для Парижа. До этого договор о мире с Россией заключила Швеция.

Бухарестский мирный договор между Россией и Турцией от 16 (28) мая 1812 года явился подлинным триумфом военно-дипломатической деятельности М. И. Голенищева-Кутузова. За 27 дней до нападения французской армии на Россию (оставшуюся без союзников и оказавшуюся в самой неблагоприятной политической ситуации), великий русский полководец сумел разрушить стратегические замыслы Наполеона: Россия не только обезопасила свой южный фланг, но и стала придунайской державой, а Франция лишилась союзника, на участие которого в войне с Россией делалась большая ставка.

Бухарестский мирный договор позволил привлечь к военным действиям против наполеоновской Великой армии 50-тысячную Молдавскую (Дунайскую) армию. Это было то самое количество войск, которое должны были выставить против России на стороне французской армии Пруссия и Австрия, бывшие союзники императора Александра I. Академик Е. В. Тарле писал: «Таким

образом, Кутузов-дипломат нанес Наполеону в 1812 году тяжкий удар еще раньше, чем Кутузов-военачальник».

Известие о ратификации Бухарестского мирного договора турецким султаном российский император получил в Смоленске, направляясь в Москву. В эти дни русская армия под натиском превосходящих сил неприятеля отступала на восток от государственной границы. Через двадцать дней, 29 июля (10 августа) 1812 года, за усердную службу и ревностный труд, способствовавшие окончанию войны с Турцией и «заключению полезного мира», Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был возведен вместе со своим потомством «в княжеское Всероссийской империи достоинство» с присвоением ему титула Светлости.

Писатель граф Ф.-П. Сегюр, бывший французский генерал в своих мемуарах так описал впечатление, произведенное этим неожиданным ударом по стратегическим замыслам Наполеона и его дипломатии: «Кто из нас во французской армии не вспоминает о своем удивлении, когда посреди русских полей стало известно о роковом договоре турок и шведов с Александром... Тогда мы не думали иного, кроме как о гибельных последствиях этого мира между нашими возможными друзьями, ставшими нашими врагами» [75].

Глава четвертая

Спаситель Отечества

Едва успела закончиться продолжавшаяся шесть долгих лет очередная русско-турецкая война, как Россия подверглась нашествию Великой армии Наполеона Бонапарта. Защита Отечества от вторжения французской армии и союзных ей войск стала одной из самых героических страниц в российской истории. Война 1812 года была для русского народа освободительной — Отечественной.

Тильзитский мирный договор 1807 года между двумя державами быстро утратил свою силу. Политические и экономические противоречия двух стран

неотвратно приближали новое военное столкновение России и Франции. К этим противоречиям добавились еще и личные неприязненные отношения двух императоров.

Наполеон считал, что на пути к мировому господству самым серьезным для него препятствием оставалась Россия, без победы над которой нельзя было поставить на колени Англию, защищенную от континента морем. Французский император понимал, что только новые победы могут поддержать его могущество.

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой в романе «Война и мир» писал: «В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которое, так же как ярлыки, меньше всего имеют связи с самим событием. Каждое действие их, кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определенно предвечно» [1].

Непрекращающиеся войны, уносившие тысячи жизней французов, делали империю Наполеона все более сильной. Росла ее военная экономика, развивалась промышленность. В государственную казну регулярно поступали огромные суммы контрибуций. Французский банк стал самым устойчивым в Европе. Доходы государственного бюджета намного превышали расходы, что способствовало накоплению большой денежной массы.

Положение России после неудачной для нее антинаполеоновской войны 1805—1807 годов оказалось тяжелым. Континентальная блокада Наполеона душила не только английскую, но и русскую военную торговлю, поскольку основным покупателем российских товаров являлась Англия. Туда вывозилось: льна — 91%, пеньки — 73%, сала — 73%, железа — 71% отечественного экспорта. Ежегодно из почти тысячи иностранных кораблей, выходивших из столичного и Кронштадских портов больше половины было британскими: более 88,5% торгового оборота России шло через Балтийское море.

Уже через год после Тильзитского мира внешнеторговый оборот России упал со 100 млн. до 83 млн. рублей. Курс ассигнационного рубля снизился с 67 копеек серебром в 1807 году до 25 копеек серебром в 1810 году и до 17 копеек — в начале 1812 года. Это привело к расстройству финансовой системы России, бюджетный дефицит которой в 1809 году по сравнению с 1801 годом вырос в 13 раз и составил 157, 5 млн. рублей [2].

Обострились внешнеполитические противоречия между Парижем и Санкт-Петербургом не только из-за открыто враждебной позиции Франции в русско-турецкой войне 1806—1812 годов. Наполеон отказался ратифицировать конвенцию, гарантировавшую невостановление Польского королевства. Из части земель Речи Посполитой было создано Варшавское герцогство. Французский император, чтобы привлечь на свою сторону многочисленную патриотически настроенную польскую шляхту, обещал Польше государственную независимость в границах 1772 года.

Стали обостряться и личные взаимоотношения двух государей. В январе 1811 года Наполеон отобрал владения у дяди Александра I герцога Гольштейн-Эйтенского. На протесты российского самодержца император французов ответил, что Россия может потерять «не только польские области, но и Крым». В августе того же года Бонапарт на официальном приеме в Париже заявил российскому послу А. Б. Куракину: «Весь континент будет против вас!»

Еще до этого случая, в 1804 году, Александр I посылал ноту Наполеону в связи с расстрелом в Венском замке последнего представителя дома Конде герцога Энгиенского, похищенного разбойным образом отрядом французских драгун из Бадена. В ответ на ноту российский самодержец получил оскорбительный ответ с намеками на его причастность к убийству отца, императора Павла I. Этого оскорбления Александр I никогда не мог простить Наполеону.

В свою очередь самолюбие французского императора было уязвлено отказом в январе 1810 года русского царя в руке его сестры, четырнадцатилетней великой княжны Анны Павловны. Это было сделано из-за того, что самовольный венценосец, дворянин-корсиканец, не отличался знатностью рода, а также по политическим соображениям. Александр I ответил Наполеону через его доверенного посланца А. Коленкура, что в связи с несовершеннолетием его сестры брак возможен только через два года. Это было равносильно официальному отказу.

Наполеон, предварительно извещенный об ответе российского двора, не желая подвергаться унижительному отказу, еще до возвращения А. Коленкура сделал предложение австрийскому двору, в котором просил руки эрцгерцогини Марии-Луизы. В феврале 1810 года от имени императора Наполеона в Вене в

брачной церемонии участвовал начальник его главного штаба маршал Бертье. В следующем месяце в Париже состоялась свадьба Наполеона и Марии-Луизы.

С осени 1811 года Франция стала открыто готовиться к войне с Россией. Наполеон еще в декабре 1810 года призвал под ружье 80 тысяч человек. Заключается военный союз против России с Пруссией и Австрией. Первая обязуется выставить для похода на восток 40 тысяч человек, вторая — 20 тысяч войск. Французская армия выдвигается к реке Одере. Войска Варшавского герцогства привлекаются на сторону Наполеона. Германские государства проводят мобилизацию своих армий.

С учетом вооруженных сил всех вассальных и зависимых государств императору-полководцу Наполеону удалось подготовить для похода против России 642-тысячную армию при 1372 орудиях, получившую название Великой. Организационно она состояла из гвардии, 12 пехотных и 4 кавалерийских корпусов, осадных артиллерийских и инженерных полков, фурштата (армейского тыла) и маршевых (запасных) полков. Из них в войне 1812 года на территории России участвовало 608 тысяч человек [3].

Наполеон готовился к войне самым тщательным образом. Была создана надежная коммуникационная линия с подготовленными базами и подвижными магазинами (складами) продовольствия и фуража. Самая крупная база с годовым запасом провианта на 500-тысячную армию — крепость Данциг — создавалась в течение двух лет, став объектом постоянной заботы французского императора. Огромные запасы продовольствия были сосредоточены в крепости Торн, в Варшаве, Модлине, Грауденце.

Планировалось создание промежуточных баз снабжения войск и на российской территории. Для этой цели французское командование создало 17 фурштатских батальонов, насчитывавших 5—6 тысяч повозок, 18—20 тысяч лошадей и 8—10 тысяч погонщиков. Они могли везти 20-дневный запас продовольствия для всей армии. Перед началом вторжения Наполеон отдал распоряжение, чтобы войска были обеспечены четырехдневным запасом хлеба и двадцатидневным запасом муки. В дальнейшем Великая армия должна была снабжаться путем насильственных реквизиций у местного населения.

Наполеон не скрывал своих планов на русскую кампанию: за два месяца дойти до Смоленска и заставить императора Александра I запросить мира, в противном случае грозя дойти до самого центра России. Не скрывал он и политических целей новой кампании. В Вильковишнах, в традиционном воззвании к армии, Наполеон сказал, что рок увлекает за собой Россию и что «вторая польская война прославит французское оружие» и принесет мир, который пресечет «пятидесятилетнее гордое и неуместное влияние России на дела Европы» [4].

В Санкт-Петербурге о намерениях Бонапарта и мобилизации его сил знали по обильной информации, приходившей из Парижа и европейских стран. Россия стремилась не отстать от Франции в военных приготовлениях, чтобы суметь отразить вражеское вторжение на свою территорию. В феврале 1810 года на посту военного министра генерала от артиллерии А. А. Аракчеева, временщика императора Александра I, сменил более компетентный и опытный генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

За два предвоенных года военные расходы государства составили 205,7 млн. рублей, что превысило аналогичные расходы за 1807—1809 годы в 1,3 раза. К началу войны численность русских армий была доведена до 480 тысяч человек с 1600 орудиями.

В полосе предполагаемого вторжения главных сил Наполеона Россией у западных границ были развернуты две действующие армии. Во главе 1-й Западной армии стоял М. Б. Барклай-де-Толли, совмещавший должность главнокомандующего с постом военного министра. Армия состояла из шести пехотных и трех кавалерийских корпусов общей численностью 127 тысяч человек.

Южнее 1-й армии стояла 2-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона в составе двух пехотных и одного кавалерийского корпусов численностью 39 тысяч человек. Еще южнее на Волыни находилась 3-я обсервационная (наблюдательная) армия генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова численностью 45—48 тысяч человек. Вместе эти армии насчитывали чуть более 210 тысяч человек и 906 орудий.

Император Александр I был настроен решительно. Беседуя в мае 1812 года с прибывшим в Санкт-Петербург генерал-адъютантом Наполеона графом

Л. Нарбонном, он заявил, что «он не обнажит шпаги первым, но зато последним вложит ее в ножны».

Войну 1812 года начала Франция. 10 июня ее посол в Санкт-Петербурге А.-Ж.-Б. Лористон, генерал-адъютант Наполеона, вручил на имя управляющего министерством иностранных дел России князя А. И. Салтыкова (министр Н. П. Румянцев был болен) ноту. Из нее следовало, что с этого времени император Наполеон «считает себя в состоянии войны с Россией». Через три дня нота была доставлена в Вильно, где находился российский государь.

А днем раньше, в ночь на 12 июня Великая армия Наполеона в составе гвардии, 10 пехотных и 4 кавалерийских корпусов первоначальной численностью около 450 тысяч человек начала переправу через пограничную реку Неман. Два пехотных корпуса — Виктора и Ожеро — оставались для охраны коммуникаций и приняли участие в войне позже.

Так Наполеон Бонапарт начал свою самую кровопролитную и неудачную войну. Во французскую историю она вошла как русская война 1812 года, в российскую — как Отечественная война 1812 года.

Объявляя о начале войны, Всероссийский император Александр I призвал все слои общества к защите веры, отечества и свободы и решительно заявил: «Я не положу оружия доколе не единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем» [5].

Наполеон верно рассчитал направление основного удара в начальный период войны. Его силы на главном направлении превосходили силы русской армии почти в три раза. Севернее Полесья у французского полководца было 412 тысяч человек, у русских 166 тысяч, или в 2,5 раза меньше. Причем на виленском направлении французы имели 300 тысяч человек, а русские — только 127 тысяч вместе с иррегулярной казачьей конницей.

Начало военных действий для России сложилось неудачно. Уступающие противнику в силе три русские действующие армии были разобщены между собой по фронту, растянувшись на 500 км. Штаб-квартира М. Б. Баркляя-де-Толли находилась в Вильно, П. И. Багратиона — в Волковыске, А. П. Тормасова — в Луцке.

Свой негативный отпечаток на начальный период войны наложил и бездарный план ведения Россией военных действий, составленный прусским генералом на русской службе Фулем (Пфулем). Он был ярким сторонником

давно устаревшей прусской стратегии позиционной войны. Июньские дни убедительно показали, что сосредоточение 1-й Западной армии в Дрисском лагере грозило ей полной изоляцией от армии П. И. Багратиона.

Превосходство Великой армии в силах, а также неудачное стратегическое развертывание своих армий и отсутствие у них единого руководства вынуждали русское командование искать выход из создавшегося положения. Выход видели в скорейшем соединении двух Западных армий. Но это можно было осуществить только путем отхода войск Баркляя-де-Толли и Багратиона по сходящимся направлениям. Иного неприятель просто не позволил бы.

Французская армия напрягала все усилия, чтобы не дать русским войскам соединиться. Император Александр I, решивший было взять на себя высшее командование на театре военных действий, не имел полководческого дарования, внял уговорам приближенных и оставил армию. Багратион, откровенно не ладящий с Барклаем-де-Толли, к тому времени оказался в критическом положении. Корпус Даву, брошенный Наполеоном наперерез 2-й Западной армии, занял Минск и грозил окончательно лишить его возможности соединиться с 1-й Западной армией.

Однако Багратион, прошедший прекрасную школу полководческой выучки у Суворова, нашел выход из создавшегося положения. Искусно маневрируя среди белорусских лесов, он быстро пошел через Бобруйск на Могилев, но вновь корпус Даву преградил ему путь. Тогда 2-я Западная армия повернула на юг, и у Нового Быхова ей удалось перейти Днепр.

Как ни стремился Наполеон разбить русские армии порознь, добиться этого ему не удалось. Пройдя за 38 дней отступления более 600 км, 22 июля 1-я и 2-я Западные армии соединились в районе Смоленска. Это было первой неудачей французского полководца в войне 1812 года.

Русским армиям удалось сохранить свою боеспособность: в боях под Вилькомиром, Островно, Миром, Романово, Салтановкой число убитых не превышало 10 тысяч человек, раненых и отставших было около 25 тысяч человек. При соединении под Смоленском численность русских войск составила 120 тысяч человек.

Наполеоновская армия за весь путь от Немана до Днепра так и не смогла дать 1-й и 2-й Западным армиям ни одного решительного сражения. Интересны подсчеты военного теоретика и историка А. Жомини, служившего в

1805—1813 годах во французской армии, затем перешедшего на русскую службу, автора многочисленных работ о полководческом искусстве Наполеона. По его данным, боевые потери Великой армии за 38 дней наступления не превышали 6—7 тысяч человек, а ее численность на главном направлении уменьшилась до 230 тысяч человек. Небоевые потери наполеоновских войск составили около 100 тысяч человек. Превосходство Великой армии из двойного превратилось в полуторное!

Вместе с русскими войсками отступала часть жителей городов и сел. По пути уничтожались запасы продовольствия. Установившаяся сильная жара, быстрое преследование русских привели к тому, что обозы с провиантом отстали. В войсках, утомленных преследованием и испытывавших недостаток продовольствия, начались болезни. Резко увеличилось дезертирство и мародерство. От засухи и недостатка фуража начался падеж лошадей. Все это стало полной неожиданностью для императора Наполеона, привыкшего к тому, что французская армия кормилась за счет населения оккупированной территории. В России же все было иначе, чем в Германии или Италии, Австрии или Испании.

По данным французского историка А. Тьера, даже гвардия, не принимавшая участия в боях, уменьшилась на четверть. Количество войск в 1-м пехотном корпусе Даву сократилось на 20 тысяч человек, а в 4-м пехотном корпусе Е. Богарне и 6-м пехотном корпусе Сен-Сира — наполовину. Девять тысяч лошадей пало в кавалерии Мюрата. 115 тысяч войск Наполеон вынужден был оставить по пути для защиты коммуникаций [6].

4 августа русские войска дали неприятелю сражение за Смоленск, длившееся два дня. Но оно, к великому сожалению Наполеона, не переросло в генеральную битву. С подходом основных сил французской армии защитники города-крепости продолжили отступление. С ними ушли почти все жители Смоленска. Здесь Наполеон с возмущением узнал о ратификации Турцией мирного договора с Россией.

Это обстоятельство заставило императора-полководца продолжить преследование русских войск и ускорить развязку событий. Командование 1-й и 2-й Западных армий к тому времени изменило свои взгляды на дальнейший характер ведения войны борьбы. Теперь оно считало возможным дать неприятелю генеральное сражение. Первоначально хотели остановиться у

Вязьмы, но более выгодной оказалась та позиция, которую нашли у Царева-Займище. Соединенная русская армия двинулась туда...

Находившийся в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов недолго оставался с началом Отечественной войны 1812 года без дел. После того как 10-й французский пехотный корпус Макдонольда занял Митаву и перешел реку Западную Двину, под угрозой скорого удара оказалась Рига, откуда шел прямой путь к российской столице через Псков и Нарву. В Санкт-Петербурге этим серьезно обеспокоились. 12 июня состоялось экстренное заседание кабинета министров, на которое пригласили Кутузова. Председатель кабинета Н. И. Салтыков поручил ему возглавить Нарвский корпус для защиты столицы со стороны Пскова и Нарвы. Находившийся в Москве Александр I издал соответствующий рескрипт, утвердивший генерала от инфантерии в этой должности.

Численность войск Нарвского корпуса определялась в 8—10 тысяч человек: три полка пехоты — Воронежский и два Морских, Митавский драгунский полк, пять рот артиллерии, несколько пехотных батальонов из Финляндии и резервных кавалерийских эскадронов.

16 июня дворянское собрание московской губернии, на котором присутствовал сам император, большинством голосов избрало М. И. Голенищева-Кутузова на должность начальника Московского ополчения. На следующий день такое же решение приняло дворянство Санкт-Петербургской губернии, приняло единодушно.

Уже тогда император Александр I ощутил тот «глас народа», волю которого, несмотря на личное нерасположение к почитаемому в армии, обществе и простом народе полководцу, он будет вскоре вынужден выполнить. Когда депутация уездных предводителей дворянства столичной губернии явилась в дом Кутузовых, Михаил Илларионович растроганно сказал: «Милостивые государи! Честь, которую вы мне делаете, красит всю мою доселе службу и мои седины». А получив сообщение о решении московского дворянства, он воскликнул: «Вот лучшая награда для меня, в моей жизни!»

Ополчения формировались на основе императорских манифестов, призывающих к их созданию для подкрепления действующей армии и защиты Отечества. В секретной инструкции Сената губернаторам указывалось, чтобы

дворянство не препятствовало, а содействовало этому, так как тем самым оно защищает свои личные права, свою собственность и владения.

Был создан особый комитет по ополчению в составе временщика председателя Департамента военных дел Государственного совета А. А. Аракчеева, министра полиции А. Д. Балашова и государственного секретаря А. С. Шишкова. Формирование ополчения проходило быстро и с большим патриотическим подъемом. Наибольшее число ратников дали Москва и Московская губерния. Каждые 10 человек из 100 крепостных ушли в ополчение. Многие крестьяне, дворовые люди, ремесленники, интеллигенты становились ополченцами добровольно. Одними из первых в ратники записались поэты В. А. Жуковский и П. А. Вяземский.

Начальнику ополчения столичной губернии приходило много писем от отставных офицеров и генералов, чиновников, бывших сослуживцев с просьбой о зачислении в ратники. Так, генерал-майор Карпов писал: «Имею счастье служить под начальством Вашего сиятельства в прежде бывшую турецкую войну, в Бугском егерском корпусе, был во многих сражениях и в штурме Измаила, за Дунаем три раза на поражении неприятеля и при Мачине при разбитии визиря, везде с Вами были победителями. После того находился я в Италии против французов во всех сражениях и весьма тяжело был ранен в ногу с раздроблением верхней кости пулею, которая там оставалась, и я не мог ходить, а затем отставлен был от службы генерал-майором с ношением мундира, но без пансиона. 10 лет 6 месяцев имел я терпение от пули, искал везде освободиться, но никто не мог вынуть; напоследок здесь, в Санкт-Петербурге, Яков Васильевич Вилле решил освободить меня, и по совету его через операцию пуля вынута, раны залечены, кости срослись, и я имею владение ноги и совершенную свободу, в чем и дано мне от него свидетельство, которое при сем представляю. Имея усерднейшее желание служить Отечеству под предводительством Вашего сиятельства в военном ополчении, всепокорнейше прошу меня в оное причислить» [7]. Генерал-майор Карпов был зачислен в ополчение, командовал дружиной, а затем бригадой.

Высокий личный авторитет, опытность и неутомимость Кутузова в самые короткие сроки позволили сформировать Петербургское ополчение. Оно состояло из дружин, объединивших ратников одного уезда. Дружина состояла из 4 сотен, сотня — из 200 человек. Всего было сформировано 2 конных полка

и 25 пеших дружин. Устройством ополчения ведали два комитета: Устроительный и Экономический.

Ополченцы одевались в крестьянскую одежду: рубаха с косым воротом, длинный серый кафтан, суконные шаровары, сапоги и фуражка с крестом. Офицеры носили обычные армейские мундиры. Михаил Илларионович добился получения из арсенала 10 тысяч ружей и 24 трехфунтовых пушек, размещения дружин ополчения в казармах лейб-гвардии Измайловского полка, выделения из учебных гренадерских батальонов 80 человек старослужащих солдат и барабанщиков для организации и обучения ополченцев.

М. И. Голенищев-Кутузов лично разработал «Положение о составе и устройении С.-Петербургской военной силы», занимался подбором командного состава, обучением ополченцев военному делу и обеспечением их всем необходимым. Адъютантом генерала от инфантерии стал 22-летний титулярный советник канцелярии министра финансов А. И. Михайловский-Данилевский, в будущем один из крупнейших отечественных военных историков.

«Глядя на него (М. И. Голенищева-Кутузова. — *А. Ш.*), когда он с важностью заседал в Казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования бородатых воинов, — писал А. И. Михайловский-Данилевский, — можно было подумать, что он никогда не стоял на высоких ступенях почестей и славы, не бывал послом Екатерины и Павла, не предводительствовал армиями» [8].

Полководец в свои 65 лет сумел всего за четыре недели создать Санкт-Петербургское ополчение из 12 985 ратников. Конными полками и пешими дружинами командовали лично отобранные им люди: генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский, сенатор Бибииков, генерал-майоры Бегичев, Ададуров, Кошелев, Карпов, князя Мышецкий и Великопольский, действительные камергеры Мордвинов и Жеребцов, статские советники Бестужев, Николаев и бригадир Скворцов.

Участвовал Кутузов и в создании Новгородского ополчения. В сентябре столичные и новгородские ополченцы прибыли в действующую армию. Они отличились в сражениях под Полоцком, Витебском, Чашниками, при Смольне, на Березине, закончив свой боевой путь участием во взятии крепости Данциг.

Санкт-Петербургское ополчение торжественно возвратилось домой через два года после начала Отечественной войны 1812 года — 12 июня 1814-го.

Формируя столичное ополчение, полководец одновременно продолжал руководить Нарвским корпусом. В конце июля ему были подчинены, кроме Новгородского ополчения, все сухопутные и морские войска в Санкт-Петербурге, Финляндии, морской крепости Кронштадт. Из Старой Руссы и Пскова к столице притягиваются восемь резервных эскадронов и пять рот артиллерии. 200 матросов-артиллеристов отправляются в Нарву для укомплектования штатов крепости. Для действий на реке Нарве и озере Пейбусе образовывается военная флотилия...

Между тем обстановка на театре военных действий становилась все более напряженной. Положение генерала от инфантерии М. Б. Барклая-де-Толли после оставления Смоленска окончательно пошатнулось. В нем стали видеть причину всех неудач в начавшейся большой войне. Против него роптали в армии и обществе. Стратегия военного министра понималась в те дни немногими.

После Смоленска П. И. Багратион, пользовавшийся в армии громкой славой ученика генералиссимуса А. В. Суворова, позволял себе открыто осуждать командование военного министра. Если старшие офицеры обвиняли Барклая-де-Толли в нерешительности, младшие — в трусости, то солдаты — в том, что он подкуплен Бонапартом и изменяет России. Сведения о таких настроениях в армии доходили до Александра I от разных лиц.

Наконец, императору пришло письмо от московского военного губернатора и главнокомандующего Федора Васильевича Ростопчина. Граф сообщал: «...Москва желает, государь, чтобы войсками начальствовал Кутузов и двигал наши силы, иначе не будет великого единства...» [9].

Все эти обстоятельства заставили Александра I поручить специально созданному Особому комитету рассмотреть вопрос о назначении нового главнокомандующего всеми действующими русскими армиями и сделать свои предложения. В состав комитета вошли его глава генерал-фельдмаршал Н. И. Салтыков, председатель Государственного совета и Совета министров, генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов, главнокомандующий в Санкт-Петербурге, тайные советники князь П. В. Лопухин и граф В. П. Кочубей, министр полиции А. Д. Балашов.

Комитет заседал вечером 5 августа, в день оставления Смоленска, в доме Н. И. Салтыкова. Заседание началось с заслушивания А. А. Аракчеева о положении дел в армии и длилось три с половиной часа. При обсуждении кандидатуры на пост главнокомандующего назывались имена Д. С. Дохтурова, А. П. Тормасова, Л. Л. Беннигсена, П. И. Багратиона, хотя для собравшихся было очевидным, что лучшей кандидатуры, чем М. И. Голенищев-Кутузов, не найти. Но все прекрасно знали и о нерасположении к нему государя — после Аустерлицкой катастрофы об опальном полководце при дворе не хотели и слышать.

Итогом заседания комитета стало единогласно принятое постановление, в котором было записано: «...Рассуждая, что назначение общего главнокомандующего, приняли должно быть основано, во-первых, на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве, посему единогласно убеждаются предложить к сему избранию генерала от инфантерии князя Кутузова» [10]

Комитет рекомендовал М. И. Барклаю-де-Толли либо остаться на посту военного министра и возвратиться в Санкт-Петербург, либо остаться на посту командующего 1-й Западной армией и поступить под начальство М. И. Голенищева-Кутузова. На следующий день управляющему департаментами Военного министерства князю А. И. Горчакову 1-му (с августа 1812 г. — военный министр) было поручено доложить императору решение чрезвычайного комитета.

Горчакову пришлось выдержать жаркий продолжительный разговор с Александром. Выйдя из императорского кабинета, он произнес: «...Я осмелился наконец сказать его величеству, что вся Россия желает назначения Кутузова, что в отечественную войну приличнее быть настоящему Русскому главнокомандующим» [11].

Не сразу царь согласился с предложением Особого комитета, им же созданного. Три дня он размышлял и только после этого решился 8 августа подписать указ Сенату о назначении генерала от инфантерии князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова главнокомандующим всеми армиями. Эта весть была встречена всеобщим ликованием.

С именем самого прославленного, после Суворова, полководца России связывалось спасение Отечества от наполеоновского нашествия. Голенищев-

Кутузов являлся «единственным вождем, который, благодаря своим „свойствам русского человека“, любви и уважению в армии, доверию всего населения государства, мог восстановить связь между народом, армией и Государем», которая из-за постоянного отступления нашей армии значительно ослабла», — отмечалось на заседании Императорского Русского Военно-Исторического Общества в 1812 году [12].

Сам император Александр I объяснял свое решение о назначении нового главнокомандующего следующим образом. В письме сестре Екатерине Павловне он сообщал: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я в начале противился этому назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это, к тому же Барклай делал одну глупость за другой под Смоленском, мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос» [13].

После высочайшего указа о назначении нового главнокомандующего в штаб-квартиры 1-й, 2-й, 3-й Западных и Молдавской (Дунайской) армий помчались курьеры с этим известием. Император принял М. И. Голенищева-Кутузова в своей резиденции на Каменном острове. Аудиенция была непродолжительной.

Первым делом полководца, вновь оказавшегося во главе русской армии, было приказание генералу от инфантерии М. А. Милорадовичу во главе сформированных из молодых рекрутов войск выдвинуться к Дорогобужу. Кутузов рассчитывал пополнить действующую армию свежими, подготовленными резервами. По сведениям Военного министерства, последний рекрутский набор должен был составить основу всех резервов, в том числе второлинейной армии М. А. Милорадовича численностью 120 тысяч человек.

Перед отъездом в армию Михаил Илларионович провел два вечера в обществе любимого дяди Логина Ивановича и его супруги. Хозяева в те дни не принимали гостей. Исключение составил Ф. П. Толстой знаменитый русский

медальер, скульптор, живописец и график. Он сделал восковой барельеф полководца. Прощаясь в передней с хозяевами, Кутузов сказал: «Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона».

В день отъезда, 11 августа, полководец приехал на молебен в Казанский собор. Народ, сопровождавший карету, называл его «спасителем России». Весь молебен в соборе он прослушал, стоя на коленях. Протоиерей Иоанн поднес ему образ Казанской Божьей Матери, который светлейший князь возложил на себя. При выходе главнокомандующий обратился к духовенству: «Молитесь обо мне, меня посылают на великое дело». После этих слов, сев в карету, он направился в армию.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову шел 66-й год. В тяжелый период для Отечества он принял главное командование отступающей армией, надежда русских на изменение хода войны была только на его полководческий гений.

С дороги главнокомандующий отправил предписание А. П. Тормасову, чтобы его 3-я Западная армия начала боевые действия на правом фланге французской Великой армии и тем самым замедлила ее наступление.

Михаил Илларионович прибыл в расположение русской армии, когда та находилась у Царево-Займище. Он отменил решение военного министра Барклая-де-Толли дать здесь генеральное сражение. Позиция русской армии была невыгодной: в тылу находилась речка с болотистыми берегами, которая исключала возможность маневра войсками и использование резерва. В случае неудачи русские войска могли быть прижаты к болоту, блокированы и уничтожены.

В Царево-Займище полководца ожидало расстраивающее его планы известие: генерал от инфантерии Милорадович сообщал о том, что к Можайску им приведено немногим более 15 тысяч наспех обученных рекрутов. Военное же министерство дало данные главнокомандующему о готовности 55 батальонов пехоты, 26 эскадронов кавалерии и 14 артиллерийских рот, сосредоточенных в районе Калуги в Особом отряде (корпусе) генерала Милорадовича.

Кутузову теперь оставалось надеяться только на 11 полков Московского ополчения, которые вел к нему на соединение граф И. И. Марков. Поскольку ополченцы были плохо вооружены, главнокомандующий предписал

московскому военному губернатору Ф. В. Ростопчину выдать из городского арсенала 11 845 исправных ружей и 2 тысячи мушкетов и карабинов, а также организовать починку остальных 18 тысяч ружей. Щедрый на обещания Ростопчин писал М. И. Голенищеву-Кутузову о 80-тысячной войске «сверх ополчения вооружающихся добровольно» с помощью московского дворянства. Вместо списочных 25 822 ратников Московского ополчения, в действующую армию было направлено всего 15 тысяч человек.

Главкомандующий мог надеяться еще и на резервные казачьи полки князя Д. И. Лобанова-Ростовского, которые формировались на Украине, и на шесть резервных полков генерала А. А. Клеймихеля, которые готовились под Новгородом и Тверью. Однако и эти войска оказались не готовыми. Император Александр I совершенно недвусмысленно дал понять полководцу, чтобы он на эти резервы не рассчитывал.

Наполеон узнал чрезвычайно важную весть о том, что в русскую армию прибыл новый главнокомандующий, через два дня от плененного в стычке казака. Эта новость доставила ему нескрываемое удовлетворение — он без устали говорил окружающим, что «Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление». Наполеон утверждал, что деморализованной и ослабленной русской армии не удастся остановить победоносный поход Великой армии на Москву.

Наконец у Наполеона, великого полководца-стратега, по его словам, появилась надежда на победоносное завершение военной кампании одним решающим ударом. «Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, и через две недели император Александр окажется без столицы и без армии», — говорил самодовольно он. Генеральное сражение, на которое Наполеон так безуспешно надеялся от самой границы, но добиться, несмотря на все усилия, не мог, теперь становилось близкой реальностью. Французский император главную ставку в своей доселе победоносной стратегии всегда делал на генеральную баталию.

М. И. Голенищев-Кутузов, ставший во главе отступающей русской армии, действительно решительно настроился на генеральную битву с неприятелем, вошедшую в историю как Бородинское сражение. Для французской истории оно известно как сражение под Москвой. Необходимость проведения такой

битвы русский полководец считал стратегически целесообразным, рассчитывая сорвать наполеоновский план «Русской войны» 1812 года.

Существует целый ряд мнений о решении Кутузова дать Бородинское сражение. Многие зарубежные исследователи войн Наполеона полагают, что русского главнокомандующего заставило провести генеральную баталию владение французским полководцем стратегической инициативой и что, якобы, русская армия находилась в безвыходном положении.

Такой видный военный теоретик и историк, как Клаузевиц, считал, что причиной Бородинского сражения являлась необходимость удовлетворить общественное мнение, и что М. И. Голенищев-Кутузов пошел на это сражение вопреки своему пониманию стратегии русской армии в этой войне. Он писал: «Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к тому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло» [14].

По мнению русского военного историка генерала Н. П. Михневича, М. И. Голенищев-Кутузов решился на генеральное сражение лишь с целью приобрести моральное право оставить Москву. «Бородинское сражение... — писал он, — было, как известно, очистительной жертвой за оставление Москвы. Отдать московские святыни без боя было дело невозможное. Кутузов это понимал и, несмотря на то, что он был сторонником стратегии изнурения противника посредством постоянного уклонения от боя и отступления вглубь страны, все-таки решил дать оборонительное сражение на позиции у с. Бородина...» [15].

Советский же военный историк генерал-лейтенант П. А. Жилин заключал, что Бородинская битва входила в стратегические планы главнокомандующего русской армией: «1) это сражение планировалось Кутузовым заранее и предпринято по его собственной инициативе; 2) основная цель состояла не только в том, чтобы обескровить противника, вывести из строя его лучшие силы и приостановить дальнейшее наступление, но и не допустить Наполеона к Москве» [16].

Еще за неделю до дня Бородина М. И. Голенищев-Кутузов писал главнокомандующему 3-й Западной армии генералу Торماسову: «...ожидать буду я неприятеля на генеральное сражение». О своем решении дать битву он

сообщал и командующему Дунайской армией адмиралу Чичагову, императору, в Военное министерство, Ростопчину и Милорадовичу. Главкомандующий доносил Александру I: «Москву защищать должно».

Перед сражением удалось численно подкрепить армию: М. А. Милорадович привел на ее пополнение свыше 15 тысяч человек, в том числе тысячу кавалеристов. Новобранцев сразу же распределили по полкам, а офицеров, унтер-офицеров и барабанщиков отправили назад в Калугу для обучения новых рекрутов. Теперь общая численность 1-й и 2-й Западных армий составляла 111 323 человек. По ведомости, поданной в Гжатске, численность его войск на московском направлении составляла 126 498 человек.

Затем подоспели московские ополченцы, но вместо ожидаемых 15 тысяч ратников И. И. Марков привел в Бородино 7 тысяч человек. К ним присоединилось 3 тысячи ополченцев из Смоленска под командованием генерал-лейтенанта Н. П. Лебедева. Не все ополченцы прошли обучение военному делу и в большинстве своем не имели ружей, будучи вооружены пиками и топорами.

Несмотря на предписание главкомандующего Ростопчину, московские ополченцы так и не получили ружья из московского арсенала. При оставлении Москвы французам достались 156 орудий, 141 зарядный ящик, 74 974 ружья, 7041 карабин и штуцер, 386 пар пистолетов и 55292 единицы холодного оружия.

Готовясь к сражению с Великой армией, Кутузов позаботился о поисках наиболее удобной позиции на пути от Царева-Займища до Можайска, старинного центра русского православия. Для этого вперед были посланы офицеры штабной службы. По приезде в село Горки главкомандующий утром 22 августа сразу же поехал осматривать позицию и лично отдавал распоряжения по возведению полевых укреплений.

Избранная позиция защищала основные пути, ведущие к Москве — Старую и Новую Смоленские дороги. Ее фланги не могли быть обойдены, так как они хорошо прикрывались: справа рекой Москвой, а слева — полосой лесов. Позиция возвышалась над окружающей местностью и давала хороший обзор и возможность обстрела артиллерией. Реки и овраги, находившиеся с фронта, мешали французской армии свободно маневрировать на поле битвы.

Равнинная местность, за исключением ряда мест, допускала ведение пехотных атак в батальонных колоннах и использование крупных кавалерийских соединений. Южное крыло позиции, прикрытое лесами, стесняло действие наступающих вражеских войск, особенно конницы.

Бородинская позиция позволяла русской армии диктовать противнику условия предстоящего генерального сражения. Он мог применить только фронтальный удар и лишился возможности использовать свое численное превосходство для обхода флангов русских. Глубокий же обход приводил к чрезмерной растяжке войск и распылению сил. Как показал ход битвы, Наполеон, искушенный в военном деле полководец, на это не пошел.

23 августа М. И. Голенищев-Кутузов доносил императору Александру I из Бородина: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции; тогда имею я большую надежду к победе» [17].

Главнокомандующий в донесении сообщал государю, что крепкая оборона на Бородинской позиции может принудить неприятеля к обходу ее. В таком случае предполагался отход к Можайску.

История сохранила до нас диспозицию русских и французских войск на Бородинском поле, временный ход сражения, силы участвовавших в нем противоборствующих армий. Однако исследователи до сих пор не могут проникнуть в истинные замыслы великих полководцев накануне генеральной баталии, являвшейся целью наполеоновской стратегии, но не кутузовской. У двух великих воителей мировой истории был разный полководческий почерк.

Бородинское сражение имело свой пролог: бой 24 августа на крайнем левом фланге русской позиции за Шевардинский редут у одноименной деревни. Здесь держали оборону войска 27-й пехотной дивизии генерал-майора Д. П. Неверовского, 5-й егерский полк из 26-й дивизии и во второй линии — 4-й кавалерийский корпус. Всего 8 тысяч пехоты, 4 тысячи конницы при 36 орудиях. По данным же генерал-лейтенанта князя А. И. Горганова 2-го, командовавшего в тот день левым флангом 2-й Западной армии, число русских войск, начавших этот бой, доходило до 11 тысяч.

У недостроенного пятиугольного Шевардинского редута на 12 орудий около полудня разгорелись жаркие и кровопролитные схватки. Бой начали русские егеря. Подошедшие к Шевардино три пехотные дивизии корпуса Даву и кавалерийские корпуса Нансути и Монбрена (убитого в сражении при Бородино) попытались с ходу овладеть редутом. Всего на Шевардинское полевое укрепление двигалось около 30 тысяч пехоты, 10 тысяч кавалерии и обрушился огонь 186 орудий. Французский историк Шамбре считает, что против русских войск, защищавших Шевардинский редут, приняли участие в боевых действиях более 35 тысяч человек. В любом случае Наполеон имел в начале боя примерно трехкратное превосходство в силах и подавляющее — в артиллерии.

Попытка французов вытеснить русских егерей с их позиции привела к упорному огневому бою, который стал переходить в яростные рукопашные схватки. В дело при Шевардино втягивались все новые и новые войска. Пользуясь численным превосходством, французы после упорнейшего четырехчасового боя к 20.00 вечера все же заняли Шевардинский редут, но удержать его в своих руках не смогли. Он трижды в тот день переходил из рук в руки.

Подошедшая 2-я гренадерская дивизия, полки 2-й кирасирской дивизии, ведомые самим командующим 1-й Западной армией генералом от инфантерии П. И. Багратионом, вновь опрокинули французов и вернули разрушенный пушечным огнем редут. В нем было захвачено 8 орудий, из которых 3 были совершенно разбиты, и их пришлось оставить на месте. В ходе этой уже ночной атаки русских войск большие потери понесли французские 57-й, 61-й и 111-й линейные полки.

Разрушенный в ходе боя Шевардинский редут уже не представлял серьезного препятствия на пути наступления неприятельской армии, и оборонять его не имело смысла. Главнокомандующий приказал П. И. Багратиону отойти к Семеновским флешам. В 23.00 русские войска оставили Шевардинский редут и увезли с собой артиллерийские орудия. Три разбитые пушки достались французам.

Французские потери в бою за Шевардинский редут составили 4—5 тысяч человек, русские — 5,3 тысячи человек. Русских пленных почти не было. Когда на следующий день Наполеон делал смотр 61-му линейному полку, наиболее

пострадавшему в бою, император спросил полкового командира, куда он девал один из своих батальонов. «Сир, он в редуте», — ответил тот.

Шевардинский бой, с одной стороны, дал французам лучшую возможность развернуть свои войска, спокойно обзреть позиции русских на левом фланге, достаточно верно оценить их силы и намерения. С другой стороны, русским — лишнее время для устройства полевых укреплений, более точного определение силы противника, направление его главного удара.

Весь день 25 августа противоборствующие армии не предпринимали никаких боевых действий. Они усиленно готовились к предстоящему генеральному сражению: вели разведку, перегруппировывали войска, устраивали артиллерийские позиции, подтягивали тылы, людям давался отдых.

Бой за Шевардинский редут позволил М. И. Голенищеву-Кутузову понять, что главный удар Наполеон будет наносить по левому флангу и центру русской позиции. Главнокомандующий направил на левый фланг 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го из состава 1-й Западной армии, стоявшей на правом крыле. Корпусу приказывалось скрытно расположиться за Утицким лесом. В район Утицы были переброшены Московское ополчение и часть казачьих полков.

В день Шевардинского боя Михаил Илларионович вновь проявил мужество и бесстрашие: как только прозвучали первые орудийные выстрелы из Шевардино, главнокомандующий направился в расположение 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова, чтобы выяснить намерения французского командования. Одетый в сюртук, в фуражке и с казачьей нагайкой через плечо, светлейший князь сидел на складной деревянной скамейке, молча наблюдая за происходящим, и своим видом вселял уверенность в сердца воинов. С невозмутимым спокойствием принимал он донесения, разговаривал с подъезжавшими офицерами, а когда усилилась пальба у Шевардинского редута, отрывисто бросил реплику: «Не горячись, приятель!»

Офицер 12-й легкой артиллерийской бригады Н. Е. Митаревский, наблюдавший в это время полководца, писал: «Из престарелого вождя как будто исходила какая-то сила, воодушевлявшая смотревших на него. Полагаю, что это обстоятельство отчасти входило в число причин, почему армия наша, меньшая числом, потерявшая уверенность в успехе при беспрестанном

отступлении, могла со славою выдержать битву с непобедимым до того времени неприятелем» [18].

В день перед битвой М. И. Голенищев-Кутузов разослал в войска новую диспозицию. По замыслу полководца создавался глубокий, устойчивый против давления неприятеля, боевой порядок: правое крыло, центр, левое крыло и армейские резервы.

Правым крылом, на участке от села Малое до деревни Горки, командовал генерал Милорадович. Он стоял во главе войск, состоявших из 2-го и 4-го пехотных корпусов и 2-го кавалерийского корпусов. Резерв русских сил здесь состоял из 1-го кавалерийского корпуса генерала Ф. П. Уварова, расположенного за открытым флангом позиции. Девять донских казачьих полков войскового атамана М. И. Платова находились также в резерве и стояли на опушке Масловского леса. Всего под начальством Милорадовича имелось более 30 тысяч войск.

Правофланговые войска должны были надежно прикрывать кратчайший путь на Москву на Новой Смоленской дороге. Кроме того, они являлись тем резервом, который главнокомандующий мог использовать для маневра на поле битвы с целью усиления левого крыла и центра, а также для нанесения сильных контрударов.

Центр русской позиции бы хорошо укреплен люнетом на высоте Курганской с 18-орудийной батареей, именуемой впоследствии «батареей Раевского» в честь генерала Н. Н. Раевского, войска которого сражались у этой высоты. Центральной группировкой войск, располагавшихся от деревни Горки до батареи Раевского и состоявших из двух корпусов — 6-го пехотного и 3-го кавалерийского, командовал Дохтуров. Войска центра прикрывали Новую Смоленскую дорогу и подступы к Курганской высоте со стороны села Бородино.

Войсками правого крыла и центра командовал генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли. Главный резерв 1-й Западной армии составили 5-й гвардейский корпус, 1-я сводногренадерская и 1-я кирасирская дивизии и главный артиллерийский резерв А. Х. Эйлера из 306 орудийных расчетов.

Левым крылом русской позиции, на направлении главного удара Великой армии, командовал генерал от инфантерии П. И. Багратион. Здесь, на участке между Курганной высотой и Шевардино, были расположены 7-й пехотный

корпус Н. Н. Раевского и 8-й пехотный корпус М. М. Бороздина с 27-й пехотной дивизией Д. Н. Неверовского под общим начальством Горчакова 2-го. Позади 7-го корпуса стоял 4-й кавалерийский корпус. За открытым левым флангом был поставлен особый резерв 2-й Западной армии в составе 2-й кирасирской дивизии, сводной гренадерской дивизии генерала М. С. Воронцова и армейской резервной артиллерии.

На Старой Смоленской дороге находился отдельный Утицкий отряд в составе 3-го пехотного корпуса Тучкова 1-го и стоявших позади него Московского и Смоленского ополчений. Для наблюдения за крайним левым крылом стоял казачий отряд А. А. Карпова из восьми полков.

Боевую охрану расположения русских войск составили развернутые цепи из легкой егерской пехоты, отлично показавшей себя в Бородинском сражении. Центр позиции прикрывался тремя передовыми отрядами, которые находились у села Бородино, на правом берегу реки Колоча и против батареи на Курганской высоте.

Общий резерв обеих Западных армий численностью до 40 тысяч человек был расположен за центром русской позиции в районе Князькова, близ Новой Смоленской дороги. Здесь расположились 3-й и 5-й пехотные корпуса, 1-я кирасирская дивизия, резервная артиллерия, ополченцы.

В диспозиции М. И. Голенищева-Кутузова на сражение указывалось, что «резервы должны быть оберегаемы сколь можно далее. Ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден». Наличие сильных резервов позволяло сделать оборону активной, вести длительную борьбу на поле битвы, истощать атакующего неприятеля. В свою очередь и командующие 1-й и 2-й Западными армиями потребовали от подчиненных им военачальников без особой надобности не вводить в дело свои резервы.

Наполеон возлагал на генеральную баталию большие надежды, надеясь уничтожить на Бородинском поле русскую армию, которая наконец-то перестала уходить от него. Это позволило бы не только занять древнюю русскую столицу Москву, но и подписать на условиях французской стороны долгожданный мир, победно завершивши кампанию 1812 года.

На рассвете 25 августа французский император в сопровождении своих прославленных маршалов проехал вдоль линии русских аванпостов. В течение дня он тщательно изучал поле битвы и расположение русских войск. В своих

выводах Наполеон пришел к следующему: с потерей Шевардинского редута левый фланг противника оказывался сильно ослабленным, правый фланг его войск, расположенных за труднопроходимой для конницы реки Колочей позади деревни Бородино, защищен был более надежно.

Проведенная рекогносцировка заставила Наполеона отказаться от совершения обходного маневра. Маршал Даву просил разрешения с его пятью пехотными дивизиями выйти к 8 часам утра через леса к Утице, ударить во фланг русским и отбросить их к северу, смешав тем самым боевой порядок русской армии. Наполеон отклонил такое предложение, опасаясь, что полководец императора Александра I откажется от генерального сражения и отступит еще дальше к Москве.

В целом Наполеон Бонапарт считал позицию Великой армии на Бородинском поле удобной и выгодной. Силы русских не превышали французской армии, свои позиции укрепить в инженерном отношении они были не в состоянии. Что же касается боевых качеств, то император после Аустерлицкой победы не сомневался в превосходстве своих войск, победно прошагавших пол-Европы.

Наполеон перед битвой не спал и до половины шестого утра вместе с начальником штаба маршалом А. Бертье работал над планом предстоящего сражения. Он остался верен своим тактическим принципам, которых придерживался еще с похода в Италию в 1794 году, сконцентрировав свои войска на правом фланге для основного удара, а центр посчитал за второе по значимости направление.

Глава Великой армии спланировал нанести решающий удар в направлении деревни Семеновская и Курганской высоты с тем, чтобы прорвав здесь оборону русских, дезорганизовать управление их войсками, а затем и уничтожить армию противника. С целью отвлечения его резервов предусматривалось нанесение отвлекающих фланговых ударов.

Ранним утром 26 августа французской армии было зачитано воззвание Наполеона. В нем говорилось: «Воины! Вот сражение, которого вы так желали. Победа в руках ваших: она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под Смоленском, и

позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в этот день и скажет о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы! Наполеон» [19].

В отличие от великого полководца Наполеона, главнокомандующий русской армии не считал, что эта война может закончиться одним, пусть даже генеральным сражением. Кутузов, зная патриотический настрой своего народа, бескомпромиссную позицию императора Александра I, был уверен, что вторжение французской Великой армии в пределы огромной России будет для нее губительным.

М. И. Голенищев-Кутузов иначе решал и тактические задачи сражения. Умудренный опытом многих войн, полководец всегда стремился обмануть любого неприятеля, показать ему свою мнимую слабость, а затем неожиданным фланговым ударом окружить врага и принуждать его к капитуляции. Об этом свидетельствовали его действия в кампании 1805 года против французов, успешное руководство русской армией в 1811 году под Рущуком и Слободзеей.

И при Бородине русский главнокомандующий также заготовил неприятелю «сюрприз». Точно определив направление главного удара наполеоновской армии, он перевел из общего резерва 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го для фланговой атаки в случае попытки обхода французами русской позиции по Старой Смоленской дороге. Для этого корпус Тучкова был скрытно расположен позади Утицкого кургана в верхней части Семеновского оврага.

Однако в кутузовские планы вмешалось непредвиденное. Исполнявший обязанности начальника главного штаба генерал Л. Л. Беннигсен, не зная замыслов главнокомандующего, приказал корпусу Тучкова 1-го выйти на общую линию обороны с егерскими полками генерал-майора князя И. Л. Шаховского. Тем самым был разрушен план М. И. Голенищева-Кутузова. 3-й пехотный корпус был обнаружен французами в самом начале сражения и подвергся губительному артиллерийскому огню. При этом Беннигсен не доложил главнокомандующему о том, что приказал изменить расположение 3-го корпуса.

Так как генерал-лейтенант Тучков 1-й погиб в Бородинском сражении, то многие напрасно винили его в самовольном изменении позиции корпуса. Только в 1813 году удалось установить истинного виновника неудачных

действий 3-го пехотного корпуса, понесшего большие потери, во многом испортившего план Кутузова на сражение. К тому же генерал Беннигсен был хорошо известен как открытый кутузовский недоброжелатель, всю войну интриговавший против него.

Последнее обстоятельство дало основание ряду исследователей Отечественной войны 1812 года обвинить бывшего барона из Ганновера, впоследствии графа Л. Л. Беннигсена, в умышленном срыве замыслов русского главнокомандующего.

Чтобы поднять моральный дух русского воинства, вечером перед днем Бородинского сражения в кутузовской армии был отслужен молебен. Михаил Илларионович иконой Смоленской Божьей Матери благословил свои войска на праведный и решительный бой. Эта особо почитаемая в народе икона из церкви над Днепровскими воротами была вывезена 1-й артиллерийской ротой капитана Глухова после оставления Смоленска русскими войсками. Через три месяца она возвратилась в освобожденный город-крепость.

Соотношение сил сразившихся сторон в день 26 августа 1812 года было следующим: 120,8 тысяч русских войск при 640 орудиях и 130 тысяч французских войск при 578 орудиях [20].

При примерно равном соотношении сил русская армия — по качественному, профессиональному составу — заметно уступала французской. В ней насчитывалось 10 тысяч плохо вооруженных ратников Московского и Смоленского ополчений, совсем не обученных военному делу. Поэтому их привлекали для инженерных работ и выноса раненых с поля боя. 7 тысяч иррегулярных (казачьих) войск, вооруженных в основном пиками, предназначались для ведения разведки или преследования, но не для боя с регулярной, особенно тяжелой — кирасирской — кавалерией, хорошо вооруженной и дисциплинированной.

В результате реальная численность русских войск, способных противостоять французам в сражении, составляла 103,8 тысячи человек. Сюда входили наскоро обученные и еще ни разу не бывавшие в бою рекруты генерала Милорадовича. По регулярной кавалерии Наполеон превосходил противника в 1,6 раза. Лишь в артиллерии, особенно в батарейных орудиях, у русских было преимущество.

Исходя из такого соотношения сил, общего анализа численного и качественного состава противоборствующих на Бородинском поле армий, большинство историков не сомневаются в превосходстве сил Наполеона в день 26 августа 1812 года.

К рассвету этого дня французские войска уже стояли на исходных позициях. На направлении главного удара — против Семеновских (Багратионовских) флешей — Наполеон сосредоточил основную массу своих войск: корпуса Даву, Нея, Жюно, кавалерию Мюрата. Здесь же были сосредоточены и резервы Великой армии, или, говоря языком цифр, 70% пехотных и 80% кавалерийских дивизий. По левую сторону реки Колочи, для атак на центр русской позиции, в направлении Курганной высоты стояли 4-й пехотный корпус вице-короля Е. Богарне, усиленный двумя пехотными дивизиями корпуса Даву, и 3-й кавалерийский корпус.

На фланги Наполеон выделил незначительные силы: для удара вдоль Старой Смоленской дороги на Утицу отряжался польский корпус Понятовского, для удара на Бородино направлялась часть сил 4-го пехотного корпуса. Действия наполеоновских войск на флангах носили частный, отвлекающий характер, с намерением сковать инициативу русского командования.

Перед рассветом Кутузов, никого не предупредив в своей штаб-квартире, сел на лошадь и поехал на батарею перед деревней Горки. С возвышенности он долго обзирал местность и неприятеля, пока не удостоверился в том, что никаких заметных для глаза изменений в дислокации французских войск нет. Вскоре на наблюдательный пункт прибыли обеспокоенные отсутствием Михаила Илларионовича адъютанты и штабные офицеры.

В 6 часов утра первые залпы более 100 французских орудий возвестили о начале битвы. Русские батареи в ответ начали обстрел позиций наполеоновских войск. Завязалась артиллерийская дуэль сторон.

Одновременно с началом артиллерийской подготовки, направленной прежде всего против войск 2-й Западной армии, французы начали отвлекающую атаку на своем левом фланге в направлении на Бородино. В атаку пошел 106-й линейный полк из 13-й дивизии барона Дельзона. Оттеснив цепь русских егерей, французы перешли речку Войну, овладели Бородино и двинулись к деревне Горки. М. И. Голенищев-Кутузов направил в контратаку три егерских полка, и французский пехотный полк был почти полностью

истреблен, а мост через Колочу уничтожен. В руках неприятеля осталось пылающее Бородино.

Больше до самого конца сражения на этом направлении французские войска не возобновляли своих атак, хотя здесь стояли значительные силы русской армии. Дело ограничилось перестрелкой французских пехотинцев с егерями, которые, рассыпавшись цепью, держали оборону.

Попытка сковать силы правого крыла русской армии Наполеону не удалась: Кутузов своевременно разгадал этот тактический маневр и в ходе сражения перебросил вначале 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута к Утице, а затем и 4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа А. И. Остермана-Толстого к Курганной батарее.

Главные усилия Наполеон направил на овладение Семеновскими (Багратионовскими) флешами и Утицким курганом, куда в обход двинулся польский корпус Понятовского. Ожесточенные бои за овладение флешами продолжалось более шести часов, в течение которых французы провели восемь массированных атак, поддерживаемых всей мощью наполеоновской артиллерии. В атаки ходили дивизии корпусов Даву, Мюрата, Нея, Жюно.

Русский полководец по мере возможностей внимательно наблюдал за ходом генерального сражения. Находясь на наблюдательном пункте у Горок, он стремился в первую очередь держать под контролем основную коммуникационную линию. Михаил Илларионович рассчитывал на разумную самостоятельность и инициативу в действиях командующих 1-й и 2-й Западных армий, военачальников более низшего звена. Перед сражением он предписывал: «Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому представляю им делать соображения действий на поражение неприятеля» [21]. То есть Кутузов заранее дал генералам от инфантерии Барклаю-де-Толли и Багратиону свободу в разгар сражения действовать по своему усмотрению.

Войска П. И. Багратиона с большим трудом отбивали вражеские массированные атаки. Наполеон продолжал методично усиливать натиск на Семеновские флешы. Багратион, скоро израсходовав все свои резервы, привлек к отражению атак французов стоявшую поблизости 3-ю пехотную дивизию графа П. П. Коновницына. В такой ситуации ему также пришлось

обратиться с просьбой о подкреплении к главнокомандующему. Кутузов снял стоявший без действия правифланговый 2-й пехотный корпус К. Ф. Багговута, бросив его в самое пекло Бородинского сражения.

Схватки на позиции 2-й Западной армии делались все ожесточеннее и кровопролитнее. В ответ на вторую просьбу Багратиона о подкреплении М. И. Голенищев-Кутузов направил в его распоряжение часть сил общего армейского резерва, предназначавшегося на самый крайний случай сражения. Это были три гвардейских полка — Измайловский, Литовский и Финляндский, 8 сводно-гренадерских батальонов, три полка 1-й кирасирской дивизии, гвардейскую артиллерию — две батарейные роты и одну конную батарею (роту).

Для прибытия этих резервных войск к Семеновскому требовалось 1,5-2 часа. В это время пехотные дивизии корпусов Даву и Нея уже готовились к новой атаке. В 8 часов утра атакующие французы в ходе ожесточенного боя захватили флеши. При этом генерал-майор граф М. С. Воронцов был тяжело ранен штыком, а от его 2-й сводно-гренадерской дивизии осталось всего около 300 человек.

Последовавшая контратака русской пехоты, поддержанная кавалерией, вынудила ликующих французов очистить флеши. При этом маршал Мюрат, командующий наполеоновской кавалерией, едва не попал в плен к русским кирасирам, окружившим его. Мюрат успел соскочить с лошади и укрылся в каре виртембергского батальона, занимавшего самую левую флешь.

Наполеон приказал вернуть Семеновские флеши. Около 10 часов пехота корпуса Нея вновь завладела полевыми укреплениями русских. Но прибывшая к месту боя 2-я пехотная дивизия Коновницына и четыре полка 3-го кавалерийского корпуса в рукопашной схватке вернули утраченные позиции.

Отбитый от флешей Нея запросил у императора поддержки. Двинув вперед дивизию молодой гвардии, Наполеон заколебавшись, затем вернул ее. На помощь Нею он направил образцовую 2-ю дивизию 1-го пехотного корпуса графа Л. Фриана. С ее подходом французы у Семеновских флешей получили полуторное превосходство в силах.

Артиллерийский огонь в месте направления главного удара наполеоновской армии превратился в сплошной грохот. Тяжелое ранение получает неустрашимый П. И. Багратион. Осколок ядра разбил ему берцовую

кость. Рана оказалась смертельной. Ранение получает начальник штаба 2-й Западной армии Э. М. Сен-При. На левом фланге русской позиции сложилось критическое положение. Командование войсками временно принял генерал Коновницын.

Узнав о тяжелом ранении Багратиона, Кутузов направил командовать левым флангом принца Евгения Виртембергского, племянника вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Тот отдал приказ об отступлении.

Узнав об этом, главнокомандующий не смог сдержать негодования: на левый фланг немедленно был послан Д. С. Дохтуров, а в адрес Виртембергского послышались ругательства. Однако когда принц возвратился в главную штаб-квартиру, Кутузов сразу смягчился и в самых учтивых выражениях попросил его находиться рядом, чтобы пользоваться советами Его Высочества. Для выяснения ситуации на левый фланг посылается Карл Федорович Толь, генерал-квартирмейстер Главной армии.

В 10.30 минут Толь прибыл к Семеновским флешам. В это время в контратаку пошли Ревельский и Муромский пехотные полки, ведомые генерал-майором А. А. Тучковым 4-м, получившим вскоре смертельный удар вражеским ядром. Неослабевающие атаки французской пехоты и кавалерии привели к тому, что к 12 часам Семеновские флешы были окончательно потеряны русскими войсками.

Оставление русскими Семеновских флешей ускорило одно обстоятельство. В 10.00 корпус Понятовского при помощи войск Жюно оттеснил 3-й пехотный корпус Тучкова 1-го, и Утицкий курган, господствовавший над округой, перешел в руки французов. Те разместили на высоте 40 орудий, которые повели фланговый обстрел русских войск южнее деревни Семеновской.

Эти два тактических успеха Наполеона на правом фланге его войск привели к тому, что днем центром событий в Бородинском сражении стала Курганная высота — батарея Раевского. Евгений Богарне двинул свои полки на высоту и скоро ее склоны покрылись телами убитых противников. Батарея несколько раз переходила из рук в руки.

Наполеон двинул на эту позицию русских более 35 тысяч войск и около 300 орудий. Это привело к тому, что значительная часть подкреплений, посылаемая М. И. Голенищевым-Кутузовым на левый фланг, поневоле

втягивалась в схватки у Курганной батареи. Такое случилось, например, со 2-м пехотным корпусом Багговута, большей частью оказавшего помощь Милорадовичу, принявшему командование центром вместо Дохтурова.

Русский полководец на протяжении всего сражения, если не считать случай с принцем Виртембергским, оставался спокойным и невозмутимым. Эти качества главнокомандующего имели порой видимость бездействия, однако управление им войсками не прерывалось ни на минуту. По разным направлениям от командного пункта Кутузова и обратно скакали с приказами и донесениями адъютанты и порученцы.

Писатель и поэт Ф. Н. Глинка, волонтер (доброволец) при русской армии, так нарисовал Михаила Илларионовича в славный день Бородина: «Теперь перенесемся мысленно на противоположную высоту, соседственную с курганом Горецким. Его легко отыскать у корпуса Дохтурова. Там также есть человек замечательный. Он все на той же маленькой лошадке: все в той же, как уже описали, одежде. Он окружен множеством офицеров, которых беспрестанно рассылает с приказаниями. Одни скачут от него, другие к нему. Он спокоен, совершенно спокоен, видит одним глазом, а глядит в оба, хозяйственно распоряжается битвою; иногда весело потирает рука об руку (это его привычка) и по временам разговаривает с окружающими, но чаще молчит и наблюдает. Это Кутузов» [22].

Полководец действительно мог быть спокоен: его армия, его солдаты, офицеры и генералы дрались на родной земле с редким воодушевлением, мужественно и бесстрашно. Военачальники смело брали на себя инициативу в частных действиях, заслуживая похвалу своего главнокомандующего.

Среди них, например, был будущий прославленный полководец России в войнах на Кавказе А. П. Ермолов, артиллерии генерал-майор, начальник штаба 1-й Западной армии. Посланный Кутузовым на левый фланг для помощи там в организации артиллерийского огня и снабжения батарей снарядами, он по пути оказался рядом с батареей Раевского. Увидев, что французы овладели ею, Ермолов привел в порядок расстроенные войска, организовал сильную контратаку, и русские возвратили утраченные позиции.

Вместе с ним на штурм Курганной высоты, оказавшейся в руках врага, вел пехотинцев граф А. И. Кутайсов, начальник артиллерии двух Западных армий. Он погиб во время контратаки батареи Раевского. С горечью оценивая его

смерть, М. И. Голенищев-Кутузов говорил впоследствии, что Бородинское сражение могло иметь лучший успех, если бы в живых остался граф Кутайсов, талантливый артиллерийский командир.

Русскому полководцу удалось уловить тот час в сражении, когда Наполеон вознамерился нанести решающий удар по расстроенным русским войскам в центре их позиции, у батареи Раевского. Он приказал 1-му кавалерийскому корпусу Ф. П. Уварова и казакам М. И. Платова совершить рейд на левый неприятельский фланг, чтобы заставить французского императора оттянуть часть своих главных сил.

Еще в 9 часов утра Платов разведал брод и переправился через реку Колочу. Поблизости французов не оказалось, и он возвратился назад, доложив об этом главнокомандующему. Тот сел на лошадь и быстро выехал на пригорок, откуда стал смотреть на действия неприятеля. Кругом сыпались вражеские ядра, но Михаил Илларионович не обращал внимания на уговоры покинуть опасное место. Тогда штабные офицеры насильно увели с пригорка его лошадь, «но светлая мысль уже созрела в уме Кутузова».

В рейде принимали участие небольшие силы русской кавалерии, всего 4,5 тысячи человек с 12 конными орудиями, в том числе 2 тысячи казаков. Пехотные полки дивизии Дельзона и легкая кавалерия Орнано были смяты превосходящими силами атакующих русских конников и вынуждены были отступить. Однако развить дальше ожидаемый успех Уварову и Платову не удалось, слишком малы оказались их силы.

Рейд вынудил неприятельское командование поменять планы. Вице-король Евгений Богарне остановил атаку своей гвардии и направил ее на левый фланг. Сообщив Наполеону о нападении русской кавалерии, он галопом поскакал к отступающим войскам. Но атака русской кавалерии заставила его искать укрытия в каре 84-го линейного полка. Атакующие захватили два орудия и принудили итальянские батареи прекратить огонь.

Только с подходом спешившей на левый фланг итальянской гвардии вице-короля там улеглась паника. Соотношение сил увеличилось еще более в пользу французов. Сильный ружейный огонь гвардейских полков заставил русскую кавалерию отступить на исходные позиции, бросив захваченные трофеи.

Сообщение вице-короля о появлении у него на фланге сильной русской кавалерии очень встревожило Наполеона, предположившего, что полководец противной стороны наносит ему фланговый удар с севера. Французский император без промедлений направляет одну дивизию молодой гвардии от реки Каменки к Колоче, а вислинский легион — к Каменке. Сам же Наполеон в сопровождении личного конвоя поскакал через Колочу, но у Новой Смоленской дороги, удостоверившись в отступлении русской кавалерии, возвратился в Шевардино, на свой командный пункт.

Рейд русской кавалерии приостановил на целых два часа атаки на батарею Раевского. За это время войска, державшие оборону у Курганной высоты, привели себя в порядок. Наполеон возобновил штурм батарейных позиций, только укрепив свой левый фланг и убедившись, что действия конницы противника уже не представляют опасности для французской армии.

Атаки на батарею Раевского возобновились с еще большей силой. Наполеон бросил вперед корпуса Богарне, Груши, Коленкура, Латур-Мобура. Французы обрушили на русские войска, защищавшие Курганную высоту, огонь из более чем 120 орудий. 7-й пехотный корпус генерала Н. Н. Раевского нес огромные потери. Вследствие положения неприятельских батарей, охватывающих русские позиции, огонь был особенно губителен.

Участники сражения свидетельствуют, что вражеские гранаты и ядра сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетом, крушили все на своем пути. Русская артиллерия обстреливала атакующие французские войска.

Используя массированные атаки батарейной позиции русских кавалерией Мюрата, атаковавшей с фронта и обоих флангов, ценой величайшего напряжения и больших потерь, Наполеону удалось овладеть Курганной высотой. Но к этому времени силы французов, чтобы развить свой тактический успех, были истощены, атакующий пыл иссяк.

К вечеру русские войска отошли на 2 км от Семеновских флешей, батареи Раевского и Утицкого кургана, но общая линия обороны не была разорвана, управление войсками — не нарушено. Стороны ожидали, что Наполеон бросит в сражение свои резервы, еще не вступившие в дело, — дивизии старой и молодой гвардии. Это просили от него маршалы. Полководец ответил, что за 800 лье от Парижа он не может жертвовать своим последним резервом. Ожидаемой русскими атаки французской гвардии не последовало.

Русская армия была преисполнена решимости сражаться до конца. Вот почему у М. И. Голенищева-Кутузова вызвала резкое недовольство оценка итогов сражения адъютантом Баркляя-де-Толли полковником Л. Вольцогеном, вюртембергским офицером на русской службе, заявившим в присутствии всей свиты офицеров главнокомандующего, что «русские войска расстроены, позиции их заняты французами, а значит, и битва проиграна».

Михаил Илларионович выслушал посланца военного министра и с возмущением ответил: «Что касается до сражения, то ход его мне известен самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах; завтра погоним его из священной земли русской» [23].

Вечером полководец отправил Баркляю-де-Толли и Дохтурову приказ: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем» [24]. Кутузовский приказ, по воспоминаниям А. П. Ермолова, был встречен с большим воодушевлением.

Богатейший боевой опыт подсказывал Михаилу Илларионовичу, что победа на стороне того, кто в переломный момент сражения найдет в себе силы выстоять до конца. Здесь он не ошибался. К вечеру Наполеон понял, что разбить кутузовскую армию ему не удалось, а значит, этим генеральным сражением русская кампания для него не закончена.

Генерал-интендант наполеоновской армии граф Матье Дюма вспоминал слова императора: «Успех дня обеспечен..., но я должен заботиться об успехе всей кампании, и вот почему мне следовало сберечь мои резервы» [25].

Наступившая темнота вернула Великую армию Франции и Главную армию России на исходные позиции. Наполеон отдал распоряжение об отводе своих расстроенных и обескровленных войск в прежнее положение. Французы оставили захваченные ценой больших потерь батарею Раевского, деревню Семеновское, Утицкий курган и деревню Утица. Их, после отхода неприятеля, тотчас заняли русские войска. Вот почему в рапорте императору Александру I генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов имел право писать о том, что русские войска не уступили противнику ни пяди земли.

Отход наполеоновских войск подтверждают не только отечественные источники. Так, участник Бородинского сражения французский офицер

Вентурини свидетельствует, что «русский левый фланг был отодвинут в кустарник, но с наступлением ночи каждая сторона заняла опять те места, с которых поутру начали битву» [26]. Известный английский писатель Вальтер Скотт в книге «Жизнь Наполеона Бонапарта» пишет: «...Французы после сражения отступили на прежние места свои, оставив русским во владение окровавленное поле битвы...Кавалерия их тревожила французский лагерь даже в самую ту ночь, которая наступила после сражения» [27].

В донесении главнокомандующего русской армией говорилось: «Сражение было общее и продолжалось до самой ночи. Потеря с обеих сторон велика: урон неприятельский, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить». Войска русские «сражались с невероятною храбростию. Батареи переходили из рук в руки и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами» [28].

Пока сражавшиеся войска приводили себя в порядок, в 22.00 М. И. Голенищев-Кутузов, желая знать истинное состояние Главной армии, приказал К. Ф. Толю собрать необходимые сведения, а сам возвратился в главную штаб-квартиру в деревню Татариново.

Потери русских войск в Бородинском сражении поразили не только главнокомандующего. Еще ни разу в истории Российской императорской армии она не несла такой урон. Как свидетельствует Толь, полководец, молча ознакомившись с рапортами из войсковых соединений о потерях в людях и лошадях, «рассудил, что армия не могла уже далее оставаться в обширной позиции, прежде занимаемой...» [29]. Поэтому им было принято решение об отступлении. В исторической литературе нет до сих пор единого мнения о численности потерь русской армии, равно как и французской, в Бородинском сражении. Причина кроется в отсутствии полной документальной базы и желании каждой из сторон преуменьшить собственные и преувеличить чужие потери. Такое положение приводило к самым разным, порой противоречивым цифрам боевых потерь. Но в любом случае потери были огромны.

Крупные исследователи Отечественной войны 1812 года, приводят такие данные о потерях русских войск: Л. Г. Бескровный — 38,5 тысяч человек, М. И. Богданович, П. А. Жилин, П. А. Ниве в документальном сборнике

«Фельдмаршал Кутузов» — 44 тысячи, Д. П. Бутурлин — 50 тысяч, А. И. Михайловский-Данилевский — 58 тысяч человек.

Потери наполеоновской армии определяются следующими цифрами: Ж. Д. Ларрей — 22 тысячи человек, Н. А. Троицкий — 28 тысяч, А. Тьер — 30 тысяч, М. И. Богданович — 35 тысяч, П. А. Жилин — 50 тысяч, Л. Г. Бескровный — 58 тысяч человек. В любом случае потери французской армии были велики — она атаковала весь день русскую, которая имела полевые укрепления, и в итоге Наполеону не удалось разгромить кутузовскую армию. В ее рядах не было панического бегства, это привело бы к ее преследованию. Пленных русских почти не оказалось.

Поэтому цифры потерь русских не могли существенно отличаться от численности потерь французов. В любом случае потери сражавшихся на Бородинском поле русской Главной армии и Великой армии Наполеона нуждаются в уточнении.

Наиболее достоверными цифрами потерь русской армии следует считать те, которые были определены по строевым рапортам численности войск до и после сражения. Первый такой подсчет был произведен еще в середине XIX века сотрудниками Военно-ученого архива. Тогда потери определялись в 46 тысяч человек. Последние исследования по тем же документам сотрудников Российского государственного военно-исторического архива уточнили эту цифру в 42 тысячи человек [30].

Бородинская баталия дорого обошлась Наполеону. Его армия потеряла убитыми и ранеными примерно 40% своего состава. Огромные потери понесла ударная сила Великой армии — кавалерия Мюрата — около 16 тысяч человек, или 57% своего состава. Начальствующего состава выбыло 263 человека.

Бородинское сражение вошло в историю еще и как битва генералов. Английский представитель при Главной армии лорд Р.-Т. Вильсон, больше занимавшийся интригами против М. И. Голенищева-Кутузова, чем официальной дипломатической деятельностью, писал в Лондон: «Можайскую баталию называют баталией генералов». Действительно, на Бородинском поле было убито, ранено и контужено 49 французских генералов и маршалов и 29 русских генералов.

Генеральное сражение 26 августа 1812 года имело огромное значение для воюющих сторон. Результаты этой грандиозной битвы оцениваются

историками и по сей день по-разному. Единая точка зрения на это событие пока еще не достигнута и вряд ли может быть достигнута в будущем.

Сложность состоит еще и в том, что генеральное сражение Отечественной войны 1812 года не решило ее судьбы. И французский император-полководец, и русский главнокомандующий оценили результаты по-своему. Наполеон Бонапарт, делавший в своей военной стратегии ставку именно на такую битву, решился сообщить о победе Великой армии только на следующий день. Но для этого ему требовалось лично убедиться в том, что армия противника покинула занимаемые позиции на поле у Бородина и вновь отступает, на сей раз к Можайску. Но и генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов доложил императору Александру I о победе русского оружия.

Если говорить беспристрастно, то о безусловной и полной победе одной из сторон речь вести нельзя. Хотя обе сражавшиеся армии понесли огромные потери и пришли во временное расстройство, они сохранили свою боеспособность, это и показал дальнейший ход войны.

День грандиозной баталии показал, что в тактическом плане успех был на стороне Наполеона. Но в стратегическом — он проиграл русскому полководцу. Французскому императору не удалось добиться в генеральном сражении своей главной цели — одним ударом решить исход войны 1812 года, поставить Россию перед фактом полного разгрома ее военной силы и заставить официальный Санкт-Петербург подписать выгодный для Парижа мир.

Не достигнув желаемой стратегической цели Наполеон терял в ближайшем будущем многое: его коммуникационная линия, пути сообщений неумолимо удлинялись, отвлекая немалые войска для их защиты, Великая армия все дальше удалялась от своих резервов, которые находились по ту сторону границы. Русская же армия, наоборот, приближалась к тем губерниям и городам, где шла усиленная подготовка армейских резервов. В результате воинствующий император лишался своего главного козыря в начатом им походе в Россию — осязаемого превосходства его Великой армии над противником на главном, московском направлении. Численное превосходство французской армии постоянно уменьшалось, и в такой ситуации инициатива в войне постепенно и неуклонно переходила в руки военного вождя Российской империи.

День Бородина стал началом кризиса наполеоновской стратегии генерального сражения применительно к России. Российская армия не была малочисленной и наемной, как у большинства европейских государств, разгромленных Францией. Именно против таких сил Наполеон добивался убедительных побед одним решающим ударом. Он уверовал в собственную стратегию, стремясь в любой войне разгромить армию противника одним мощным ударом и после этого диктовать ему условия мира. С Россией у него этого не вышло.

После Бородинского сражения великий завоеватель XIX столетия вынужден был признать, что из пятидесяти данных им сражений в битве под Москвой (так во французской истории называется генеральная баталия Русской войны 1812 года) его войска проявили наибольшую доблесть и добились наименьшего успеха. Русские, по словам Наполеона, стяжали право быть непобедимыми. Эти слова будут с горечью сказаны Бонапартом уже на принадлежавшем Британии острове Святой Елены, где он находился в почетной ссылке как побежденный и отрекшийся император.

В моральном плане русская армия выиграла в день Бородина несравненно больше, чем французская. Боевой дух русского воинства поднялся, его не утратили огромные потери, окрепла уверенность в собственных силах и вера в полную победу над врагом, вторгшимся в пределы Отечества. Лев Николаевич Толстой считал Бородинское сражение нравственной победой русских.

Об этом говорится во многих воспоминаниях участников Бородинского сражения — как французов и их союзников, так и русских. Свидетели великой битвы на полях России, будучи в большинстве случаев в небольших воинских званиях, не могли достаточно профессионально оценить военное искусство сторон, но моральную сторону происшедшего описывали предельно точно. Характерны, например, мемуары полкового командира герцога Фецензака, писавшего, что после сражения он не нашел прежней веселости в солдатах. Даже офицеры ходили «словно опущенные в воду», лишь по долгу чести исполняя служебные обязанности. «Это уныние, — писал герцог, — естественное после поражения, было странно после победы, открывшей нам ворота Москвы» [31].

Донесение князя Голенищева-Кутузова о Бородинском сражении пришло в Санкт-Петербург 30 августа, в день святого Александра Невского. Оно застало императора Александра I, его семью и ближайшее окружение в Александро-Невской лавре за обедней. Сразу же было совершено благодарственное молебствование, и радостная весть быстро облетела всю столицу.

Награды полководцу не заставили себя ждать. Самодержец произвел Михаила Илларионовича в генерал-фельдмаршалы и пожаловал ему 100 тысяч рублей, а жене, Екатерине Ильиничне — придворный чин статс-дамы.

После потерь, понесенных русской армией на Бородинском поле, Кутузов рассчитывал восполнить их максимально возможно за счет ресурсов Москвы. Только после этого, а также при условии нахождения у Москвы выгодной позиции для русских войск он считал, что может дать Наполеону еще одно большое сражение.

Главнокомандующий русской армией отправляет военному губернатору графу Ф. В. Ростопчину ряд писем. В одном из них сообщается: «После кровопролитнейшего сражения, вчерашнего числа происходившего, в котором войска наши потерпели естественно важную потерю, сообразную их мужеству, намерение мое, хотя баталия совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву противу, конечно, уже несколько пораженных сил его. Помощи, которые требую я, различные, и потому отправляю я полковника Кудашева оные Вашему сиятельству представить лично и просить, чтобы все то, что может дать Москва в рассуждении войск, прибавки артиллерии, снарядов, лошадей и прочего, имеемого ожидать от верных сынов отечества, все бы то было приобщено к армии, ожидающей сразиться с неприятелем» [32].

М. И. Голенищев-Кутузов рассчитывал получить из Москвы немало обученных ополченцев, а также боеприпасы и, наконец, подводы для перевозки раненых. В Можайске подвод из Москвы не оказалось ни одной. Это было прямым нарушением графом Ростопчиным распоряжения главнокомандующего. Недостаток подвод вынудил Кутузова оставить часть раненых в Можайске.

Полководец попытался притянуть к Главной армии резервные войска, которые проходили ускоренную подготовку. Генерал князь Д. И. Лобанов-Ростовский формировал 12 пехотных полков в Костроме, Владимире, Рязани, Тамбове, Ярославле и Воронеже. Генерал-лейтенант А. А. Шлеймихель занимался формированием резервных полков, которые не имели территориальных названий, а только номера. Однако император Александр I прислал высочайший рескрипт, запрещающий использование этих резервов. По замыслу Военного министерства они должны были стать основой 180-тысячного нового войска, создаваемого из рекрутов последнего набора. Александр I предлагал Голенищеву-Кутузову использовать для пополнения рядов Главной армии «московскую силу» — Московское ополчение, которое, по представлению государя, исчислялось в 80 тысяч человек. Главнокомандующий же нашел в Вяземах только 2737 ратников «московской силы».

В дни отступления русской армии от Бородино к Москве Кутузов до последнего надеялся на обещанную поддержку военного губернатора, главнокомандующего в Москве, командующего 1-м округом ополчения графа Ф. В. Ростопчина. Вместо 80 тысяч человек в кутузовскую действующую армию поступило в разное время всего 24267 человек.

Русская армия отошла от Бородинских позиций и двинулась через Можайск к Москве настолько организованно, что это вызвало удивление даже у французского командования. Маршал Даву говорил Наполеону: «Должен согласиться, это отступление русских исполняется в удивительном порядке. Одна местность, а не Мюрат определяет их отступление. Их позиции избираются так хорошо, так кстати, и каждая из них защищается соответственно их силе и времени, которое генерал их желает выиграть, что, по справедливости, движение их, кажется, идет сообразно с планом, давно принятым и искусно начертанным» [33].

Французская армия следовала за русской. Наполеон пытался с помощью польского корпуса Понятовского и кавалерии Мюрата, сократившейся после Бородинского сражения вдвое, отрезать хотя бы арьергард кутузовской армии, но все было тщетно.

Здравый ум и предусмотрительность подсказывали Михаилу Илларионовичу, что для достижения превосходства над вражеской армией в

сложившейся ситуации необходимо использовать фактор времени. К тому же, посланные вперед офицеры не смогли найти место, удобное для новой генеральной баталии. Противник же продолжал сохранять прежнее превосходство в силах.

Чтобы усилить Главную русскую армию и подготовить ее к контрнаступлению требовалось время и для этого необходимо было пожертвовать Москвой. Сама мысль об этом в умах многих современников выглядела кощунственной. На такое полководческое решение мог пойти только Кутузов, который действительно был «облечен народным доверием» и поэтому мог принять на себя всю ответственность за сдачу Москвы перед народом, армией и государем.

Толстой, раскрывая мучительные раздумия полководца накануне сдачи французам древней русской столицы, писал: «Один страшный вопрос занимал его, и на вопрос этот ни от кого не слышал ответа. Вопрос состоял для него теперь только в том: “Неужели это я допустил до Москвы Наполеона, и когда же я сделал? Когда это решилось?.. Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказание...” Он был убежден, что он один в этих трудных условиях мог держаться во главе армии, что он один во всем мире был в состоянии без ужаса знать своим противником непобедимого Наполеона; и он ужасался мысли о том приказании, которое он должен был отдать».

1 (13 сентября) в подмосковной деревушке Фили состоялся военный совет. К 6 часам вечера в небольшой крестьянский дом, где остановился главнокомандующий, прибыли генералы М. Б. Барклай-де-Толли, Д. С. Дохтуров, Ф. П. Уваров, А. П. Ермолов, П. П. Коновницын, А. И. Остерман-Толстой, Л. Л. Беннигсен и Н. Н. Раевский, полковники К. Ф. Толь и П. С. Кайсаров. Обсуждался только один вопрос: сражаться под стенами Москвы или оставить ее противнику без боя?

Мнения участников военного совета разделились. Тогда Михаил Илларионович встал и произнес свою знаменитую речь: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностию поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которыя идут к нам на подкрепление. Самим отступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю... Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех

пор остается надежда счастливо завершить войну, но по уничтожении армии и Москва и Россия потеряны. Приказываю отступить» [34].

На рассвете 2 (14) сентября войска начали движение по московским улицам, уходя по Рязанской дороге в направлении к Бронницам. К вечеру основные силы Главной армии находились уже в 15 километрах к востоку от города, расположившись на ночлег у села Панки. Вместе с армией Москву покинула большая часть ее жителей.

Самостоятельное решение полководца об оставлении Москвы вызвало возмущение правящих кругов России и официального Санкт-Петербурга. Состоялось специальное заседание Кабинета министров, которое высказало следующее мнение: «Комитет полагает предписать главнокомандующему армиями, дабы, во-первых, доставил сюда он протокол того совета, в коем положено было оставить Москву неприятелю без всякой защиты, и, во-вторых, чтобы на будущее время всегда присылал он полные о всех мерах и действиях своих сведениях» [35].

Не скрывал своего раздражения и Александр I. Теперь его заботила еще и судьба Санкт-Петербурга. Император писал Михаилу Илларионовичу: «На вашей ответственности останется, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург для угрожения сей столицы, в которой не могло остаться много войска, ибо с вверенною вам армиею, действуя с решимостию, вы имеете все средства отвратить сие новое несчастье, вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы» [36].

Великая армия Наполеона 2 сентября вступила в Москву, овладеть которой являлось его заветной целью. Здесь французский император мечтал заставить российского монарха подписать мир. Со взятием Москвы его ждали все в наполеоновской армии — от солдата до маршала.

Но все в России было для Наполеона иначе, чем в покоренных им европейских странах. К Дорогомиловской заставе, где остановился Наполеон со своим походным штабом, московские купцы во главе с градоначальником так и не вынесли ключей от города. К тому же Москва оказалась почти пустой.

В первый же день, еще до вечерних сумерек, в ней начались пожары, возникая повсюду. Вскоре широко распространившееся пламя, подобно огненному морю, уже бушевало над огромным древним городом. Москва

горела целую неделю: почти полностью выгорели улицы от Дорогомиловской заставы к Рязанской дороге, Пречистенка, Арбат, центральные городские кварталы, Таганка и вся яузская часть столицы.

В захваченной французами Москве сгорело более 70% зданий: из зарегистрированных в городе 9527 строений, каменных и деревянных, огонь испепелил 6496. Москва после ухода из нее наполеоновской армии представляла собой сплошное пепелище. (Так было в ее истории и после освобождения русской столицы от польских интервентов вторым земским ополчением князя Дмитрия Пожарского и нижегородского купца Кузьмы (Козьмы) Минина в 1612 году).

Поджигали дома не только пьянствующие и мародерствующие наполеоновские солдаты-грабители. Главный виновник пожара московский военный губернатор и главнокомандующий граф Ростопчин заранее вынашивал эту мысль и неоднократно сообщал о ней в письмах к генералу Багратиону. Квартальный надзиратель Прокопий Вороненко в своих показаниях в 1836 году свидетельствовал об отданном ему лично приказе Ростопчина поджигать Москву. По распоряжению последнего из Москвы были вывезены все средства пожаротушения.

Французы, попав в горящий опустевший город стремились обогатиться и пытались спасти продовольствие, которого в Москве имелись немалые запасы. Началось повальное пьянство и мародерство, приостановить которое командование оказалось не в состоянии.

Резко упала воинская дисциплина даже в гвардии. По воспоминаниям многих участников тех событий, императорские гвардейцы, бывшие в привилегированном положении, награбив провизии, вина, вещей, устроили торговлю для всей французской армии, которая в насмешку стала называть их «московскими жидами» и «московскими купцами».

В пустующих барских и купеческих домах, магазинах, погребах, кладовых забирались ценные вещи, одежда, картины, продукты питания. Осквернению захватчиков подверглись и столичные церкви. Тяжелые обозы с награбленным добром французы пытались вывезти из России, но лишь немногим удалось это сделать. Основная часть обозов была брошена ими во время отступления или отбита преследовавшими их казаками войскового атамана Войска Донского Матвея Ивановича Платова.

Пока Москва горела и подвергалась грабительскому опустошению, русская армия совершала свой знаменитый, вошедший в мировую военную историю фланговый марш-маневр, получивший название Тарутинского. Всегда скрывавший свои полководческие планы, чтобы не делать их достоянием неприятеля, Кутузов исполнял их в обстановке наипростейшей секретности. О предстоящих действиях не знали даже близко стоявшие к нему генералы и офицеры штаба главнокомандующего.

Все же документы свидетельствуют о том, что генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов принял решение о проведении флангового марш-маневра заранее. Так, он объявил Калужскую губернию на военном положении и предписал генерал-лейтенанту В. Ф. Шепелеву, начальнику Калужского ополчения, обеспечить ее оборону. В Калуге находилась главная база снабжения русской армии, а совсем рядом — Тульский оружейный завод и Брянский литейный двор, выпускавший орудия.

В стратегическом плане выигрывалось многое: главная действующая армия сохраняла связь с фланговыми группировками Чичагова, Торماسова, Витгенштейна и Штейнгеля. Тарутинский маневр обеспечивал кутузовской армии надежный тыл и отнимал такую возможность у наполеоновской.

Марш-маневр Главной армии составлял лишь первую фазу стратегического плана генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова. Вышедшая из Москвы русская армия, пройдя 15 километров по Рязанской дороге, затем переправилась через Москву-реку у Боровского перевоза и неожиданно была повернута главнокомандующим на запад. Войска форсированным маршем перешли на Тульскую дорогу и сосредоточились близ Подольска. Через три дня кутузовская армия уже находилась на Калужской дороге и остановилась лагерем у Красной Пахры. После пятидневного пребывания там войска, совершив еще два перехода по Калужской дороге и перейдя реку Нару, остановились в Тарутино в ночь на 21 сентября, где стал создаваться укрепленный полевой лагерь.

Генерал-фельдмаршал делал все, чтобы Наполеон как можно дольше оставался в неведении относительно дальнейших его действий. Армия большую часть марша совершала в ночное время, выступая в поход в 2 или 3 часа ночи. Двигаясь двумя колоннами по проселочным дорогам, войска

соблюдали строжайшую дисциплину. Люди из полков никуда не отлучались. Генералы непременно находились при подчиненных им войсках.

Чтобы скрыть истинный маршрут движения Главной армии и дезориентировать неприятеля, М. И. Голенищев-Кутузов приказал командовавшему арьергардом генералу Милорадовичу выделить казачьи полки для боевого охранения, а полку донских казаков И. Е. Ефремова на виду французов совершить «фальшивое движение» по Рязанской дороге. Полковник лейб-гвардии казачьего полка блестяще справился с такой задачей.

Авангард Великой армии под командованием маршала Франции Мюрата вяло вел преследование отступающей русской армии. Передовыми кавалерийскими полками командовал генерал-О. Себастиани. Поскольку лошади были ослаблены бескормицей, французы не могли организовать должной разведки. У Боровского перевоза они увидели казаков Ефремова, которые, словно испугавшись врага, начали отступать на юго-восток по Рязанской дороге. Только 8 сентября у Бронниц Себастиани обнаружил обман.

Наполеон был сильно раздражен и растерян: огромная русская армия куда-то исчезла. Для ее поисков император выделяет на помощь Мюрату 5-й польский корпус Понятовского, направив его к Подольску, и сводный корпус Бессьера — к Туле.

Целых двенадцать дней полководец Наполеон Бонапарт не имел сведений о том, где находится и куда движется русская армия! Лишь 14 сентября французам удалось ее обнаружить в Красной Пахре.

Тарутинский фланговый марш-маневр оказал огромное влияние на весь дальнейший ход войны. Его стратегическое значение неоспоримо. Сам Наполеон, критически осмысливая сложившуюся ситуацию, вынужден был признать: «...Хитрая лиса — Кутузов — меня сильно подвел своим фланговым маршем».

Удачно реализовав в ходе Тарутинского флангового марш-маневра свой стратегический план ведения войны и изменив операционную линию Главной армии, Михаил Илларионович перешел к новой тактике боевых действий. Он назвал ее «малой войной». Начинает разворачиваться широкая партизанская борьба сродни той, которая велась против польских и шведских интервентов в годину Смуты в начале XVII века.

Великий русский полководец сразу понял справедливый освободительный характер Отечественной войны 1812 года, превратившейся вскоре в борьбу всех слоев российского общества против французских завоевателей. Кутузов как командующий Главной действующей русской армией дал полную свободу выражения самых различных форм народной борьбы, активно использовал партизанское движение в боевых действиях против наполеоновских войск, придав ему более организованный характер.

«Малая война», или партизанское движение, с началом осени развивалось по двум направлениям. С одной стороны, за оружие бралось население тех уездов и губерний, прежде всего крестьянство, которое подвергалось притеснениям и ограблению со стороны неприятеля, кормившегося за счет завоеванных территорий. С другой стороны, русский главнокомандующий стал создавать из казаков и легкой кавалерии армейские, так называемые летучие отряды для действий во вражеском тылу.

Первый такой отряд был создан во время стоянки Главной армии в Красной Пахре из пяти конных полков: трех казачьих, гусарского и драгунского. Это был самый крупный армейский партизанский отряд в Отечественной войне. Им командовал генерал-лейтенант Иван Семенович Дорохов. 10 сентября он совершил нападение на неприятельский транспорт, двигавшийся по Можайской дороге.

Летучий отряд Дорохова только за одну неделю партизанских действий в тылу наполеоновской армии разгромил до четырех кавалерийских полков неприятеля, захватил большие обозы, взял в плен более 1500 вражеских солдат и офицеров. А всего партизанскими отрядами еще до Тарутино было взято в плен более 5 тысяч французских солдат и офицеров.

Мысль о ведении «малой войны» генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов отчетливо выразил еще во время совершения Тарутинского маневра. Он писал: «Поелику ныне осенне время наступает, чрез то движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну» [37].

Главная цель партизанской войны заключалась в том, чтобы всеми способами ослабить армию Наполеона, препятствуя снабжению ее продовольствием, фуражом и боеприпасами, пополнению резервами, и тем

самым вынудить ее оставить Москву. Для ведения «малой войны» привлекалась только небольшая часть легкой конницы. В это время основные войска кутузовской армии восстанавливали свои силы после Бородинского сражения: пополнялись новыми рекрутами, вооружением, провиантом, лошадьми, вещевым имуществом.

В 1-й Западной армии партизанские действия велись почти 2-х тысячным конным отрядом Ф. Ф. Винценгероде, который во время отступления наполеоновских войск взял в плен под Витебском около 800 французов. Во 2-й Западной армии перед Бородино стал действовать во вражеском тылу армейский летучий отряд подполковника Дениса Васильевича Давыдова, будущего генерала-поэта. Его отряд состоял из 50 гусар Ахтырского полка и 80 казаков.

Армейские партизанские отряды занимались прежде всего разведкой и выполняли охранительные функции при Главной армии. Они брали под контроль вражеские коммуникации, вели наблюдение за передвижением неприятельских войск. Главнокомандующий лично ставил задачи командирам летучих отрядов, которые регулярно доставляли ему ценную разведывательную информацию.

Тактика действий армейских партизанских отрядов выработалась довольно быстро. Это были кавалерийские налеты и поиск неприятеля. Подвижные конные отряды действовали внезапно, дерзко и решительно. После скоротечного боя партизанская конница быстро исчезала, чтобы уже в ближайшие дни появиться в другом месте.

Русскому полководцу скоро удалось блокировать летучими отрядами армейской кавалерии все дороги из Москвы: к северу от нее действовали партизанские группы отряда барона Винценгероде, на основных коммуникациях Великой армии из Москвы на запад — партизанские отряды Д. В. Давыдова и И. С. Дорохова, подполковника князя И. М. Вадбольского и капитана А. С. Фигнера, на Боровской дороге — гвардии капитана А. Н. Сеславина и гвардейского поручика М. А. Фонвизина, к югу от Москвы — полковника князя Н. Д. Кудашева и полковника И. Е. Ефремова... Кутузов не раз ставил перед командирами летучих отрядов и такую задачу, как тесное взаимодействие с крестьянскими отрядами в ходе боевых операций, при этом народным партизанами помогали трофейным оружием, обучали их тактике

военных действий. Генерал-фельдмаршал предписывал командирам армейских партизанских отрядов: «Мужиков ободрять подвигами, которые они оказали в других местах...»

Партизаны порой завязывали серьезные бои с частями наполеоновской армии, оказавшимися по случаю в стороне от своих главных сил. Так, в Бронницком уезде партизанский отряд села Константиново совместно с донскими казаками И. Е. Ефремова напали на неприятеля, уничтожили 30 человек и около 670 пленных доставили в штаб-квартиру Главной русской армии.

В Отечественной войне 1812 года, среди других предводителей народных партизан, прославился Герасим Курин, крестьянин села Павлово Богородского уезда Московской губернии. Он руководил самым крупным народным партизанским отрядом в 5 тысяч человек пеших и 500 конных партизан. Его боевые заслуги в войне были отмечены почетной георгиевской наградой — Знаком отличия Военного ордена.

Имея обширную разведывательную информацию, М. И. Голенищев-Кутузов руководил многими партизанскими операциями. Так, узнав, что в Можайске находятся 3 тысячи русских пленных, которые конвоировались из Москвы в Смоленск всего 300 французами, он приказывает летучему отряду И. Н. Вадбольского освободить их, совершив налет на город. В другом случае главнокомандующий приказывает И. С. Дорохову совершить нападение на Верею и уничтожить там укрепления, возводимые французами.

Партизанское движение на оккупированной неприятелем территории и во время пребывания русской армии в Тарутино приняло поистине грандиозные размеры. Командование стало поручать партизанам не только истребление фуражиров, мародеров и мелких воинских партий, но и нанесение более чувствительных ударов по подходившим резервам и небольшим вражеским гарнизонам.

В журнале военных действий кутузовской штаб-квартиры это сформулировано следующим образом: «Занимаемый ныне армиею укрепленный лагерь на берегу Нары при Тарутине позволяет отделить от оной значущие партии, которым предписано иметь в виду не токмо истребление неприятельских мародеров и фуражиров и обеспокоивание неприятеля, но которая силою своею должны быть в состоянии наносить ему чувствительный

вред, который ему в настоящее время будет тем ощутительнее, что он претерпевает сильнейший недостаток в фураже и в провианте...»[38]. А вот, что писал, например, один из иноземцев, испытавших на себе народный гнев россиян в 1812 году, врач 84-го пехотного полка 4-го пехотного корпуса французской армии Де ла Флиз: «Ошибки Наполеона в эту кампанию были различные и неисправимые. Он вступил войной в страну, не имея понятия ни о нравах, ни о характере русских» [39].

Местные партизанские отряды, по замыслу русского полководца, составляли после армейских летучих отрядов второе блокирующее кольцо вокруг наполеоновской армии в захваченной ею Москве. Наиболее активно действовали народные мстители в подмосковных уездах: Богородском, Волоколамском, Звенигородском, Рузском, Верейском, Серпуховском и Бронницком. В состав сил второго блокирующего кольца входили и губернские ополчения — тверское, калужское, тульское, рязанское, владимирское, ярославское.

Главным результатом «малой войны» стало то, что Великая армия Наполеона потеряла убитыми и пленными от действий партизанских отрядов более 30 тысяч человек. Для противоборства русского командующего с великим французским полководцем это значило очень многое: если учесть, что наполеоновская армия вошла в Москву, насчитывая в своих рядах 100 тысяч человек, а вышла, насчитывая чуть более 102 тысяч человек, то следует признать то, что несмотря на все многочисленные подкрепления, отправленные из Смоленска, они почти не увеличили Великую армию. «Малая война» фактически лишила неприятеля его резервных войск.

Англичанин Тэрконель, находившийся в России при кутузовском штабе, сообщал: «Пленных приводят в таком множестве, что получаемые неприятелем подкрепления едва ли могут заменить столь значущие ежедневные потери» [40]. Сам Михаил Илларионович не раз указывал, что не проходит и дня без того, чтобы «мы не взяли триста человек в плен».

Армейские и народные партизанские отряды как бы отгородили Главную русскую армию от французской, сидевшей в Москве. Наполеон начал довольно скоро ощущать свое затруднительное положение. Дальнейшее пребывание его армии в Москве только деморализовывало ее и разлагало. Российский

император мира не просил. Наполеон сделал попытку обратиться к русскому главнокомандующему с предложением начать мирные переговоры.

Для этой цели выбор пал на генерал-адъютанта Ж.-А.-Б.-Л. Лористона. Французский император в приказном тоне объяснил цель его дипломатической миссии: «Мне нужен мир; лишь бы честь была спасена, немедленно отправляйтесь в русский лагерь» [41].

Визиту наполеоновского посланца предшествовало письмо начальника главного штаба французской армии маршала Бертье. Для встречи дивизионного генерала маркиза Лористона Михаил Илларионович оделся в полный мундир и шляпу. В русском лагере было приказано развести множество огней, чтобы ввести неприятельского военачальника в заблуждение о действительной численности войск у Тарутино.

Встреча состоялась в 23.00. Разговор велся наедине и Лористон уехал в Москву крайне недовольный состоявшейся беседой с русским главнокомандующим. Кутузов отказался начать мирные переговоры об окончании этой войны и пропустить полномочного французского посланника в Санкт-Петербург. Генерал-фельдмаршал заверил Лористона, что сам сообщит об их разговоре Александру I. Теперь Наполеону Бонапарту оставалось одно: бесславно покинуть Москву.

Свое пребывание в Тарутинском лагере М. И. Голенищев-Кутузов посвятил главному — увеличению численности Главной действующей армии и повышению ее боеспособности. В Тарутино армия пришла в следующем составе: 2379 офицеров и 83 260 солдат, в том числе пехоты — 63 238 человек, кавалерии — 10 212, артиллерии — 8680, саперов — 1130 человек [42]. Здесь она пополнилась новыми рекрутами и ополченцами. На 6 октября 1812 года численность основного ядра русской армии — регулярных войск достигла 88 386 человек с 622 орудиями. При этом пехота составила 77,16%, кавалерия — 11,55% и артиллерия — 11,29% [43].

Основу пополнения составляли рекруты последнего военного набора, 83-го по счету. Слабо обученные рекруты отправлялись в места формирования резервных полков для дальнейшего обучения. В число регулярных войск, стоявших в Тарутинском лагере, не входили, по приказу главнокомандующего, полки рекрутов, дислоцированные в Курске, Туле, Рязани, Владимире и Калуге,

«дабы оберечь людей по наступившему холодному времени и на весну иметь хороших солдат».

Из Донской области в Главную армию прибыло 26 казачьих полков по 500 человек каждый. Атаман М. И. Платов, посланный на Дон формировать ополчение, обратился к донскому казачеству добровольно вступать в действующую армию. Современник свидетельствует: «Весь Тихий Дон изволновался, все от старого до малого летят на ратное поле защищать Россию». Конные полки казачьего ополчения, делая стремительные переходы до 60 верст в сутки, быстро преодолели дальний путь от берегов Дона до реки Нары.

Перед Тарутинским сражением у М. И. Голенищева-Кутузова уже имелось 37 казачьих полков. Весьма значительными оказались пополнения уральских казаков. В сентябре 1812 года оренбургскому военному губернатору было предписано отправить в Муром, где формировался армейский кавалерийский резерв, 31 полк иррегулярной конницы, в том числе 19 башкирских, по 5 уральских и оренбургских казачьих, 2 мещеряжских.

Восстанавливать кавалерию приходилось в более сложных условиях, чем пехоту. Главнокомандующий, в частности, хлопотал о создании формирований конных ополченцев. В Тульской губернии генерал-майору князю А. П. Щербатову удалось создать конную бригаду казаков из двух полков. Кабинет министров, по кутузовскому ходатайству ассигнует на покупку лошадей для кавалерийского резерва 548 тысяч рублей. В итоге в армии теперь насчитывалось более 66 тысяч лошадей.

Писатель А. С. Грибоедов в статье «О кавалерийских резервах» свидетельствовал: «Кто приведет себе на память, что прежде всего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприняли свое начало... тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время» [44].

Был создан и сильный артиллерийский резерв, который, помимо Нижнего Новгорода, формировался еще и в столице, Костроме и Тамбове. Увеличивается производство оружейных боеприпасов на Людиновском, Дугневском и Сукремлевском литейных заводах. Инспектору артиллерии

генерал-лейтенанту П. И. Меллер-Закомельскому предписывается увеличить производство пороха на Шосткинском заводе.

Готовясь к изгнанию неприятеля из пределов Отечества, Кутузов предвидел большой размах боевых действий и увеличение потребностей Главной армии в инженерном обеспечении, прежде всего — строительстве и ремонте дорог, мостов, устройстве речных переправ, оборудовании полевых позиций, инженерной разведке путей движения. Создается отдельная конно-саперная команда из 600 человек, пять пионерных (саперных) рот, каждой из которой придается для проведения работ по 500 ратников ополчения.

Производится реорганизация инженерных войск Главной армии, возглавлявшейся генерал-майором Ивашевым. Теперь они состоят из двух бригад военного отделения корпуса инженеров путей сообщения, пяти пионерных и двух пантонных рот.

Наступали холода, предвестники суровой зимы. В действующую армию из ближайших губерний стало поступать зимнее обмундирование для войск: 100 тысяч полушубков, 100 тысяч пар сапог, тысячи пар лаптей. На списочный состав Главной армии в 120 тысяч человек заготавливался провиант, в том числе восьмидневный запас сухарей. Удалось создать из 12-ти подвижных армейских магазинов (складов) для обеспечения наступающих войск продовольствием и фуражом. Их обеспечивали около 5 тысяч погонщиков и 11 тысяч лошадей.

Участник Отечественной войны 1812 года и ее историограф генерал А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Пребывание в Тарутино было для Кутузова одною из блистательных эпох его достославной жизни. Со времен Пожарского никто не стоял так высоко в виду России... В Тарутино в неизмеримо краткое время Кутузов привел в самое стройное положение армию, утомленную тысячеверстным отступлением и кровавыми сражениями, вручил народу оружие, осадил Наполеона в Москве и... извлекал все выгоды из нового рода войны» [45].

Неудача миссии Лористона заставила Наполеона поторопиться с принятием ответа на вопрос: что предпринять ему после овладения Москвой? Остаться в ней он далее не мог — армия теряла боеспособность, добывать провиант приходилось все труднее. Растянутые коммуникации оказались под ударами партизанских отрядов. Наступление зимой на далекий Санкт-

Петербург выгод не давало. Уйти из Москвы к Смоленску по прежнему пути — это значит признать провал всей Русской кампании 1812 года.

Император-полководец принял в такой непростой для него ситуации, пожалуй, единственно верное решение: идти к Смоленску южным путем через Калугу, через нетронутые войной области. При этом сохранялась видимость наступления на позиции русской армии.

Крушение планов покорения России подрывало политический престиж наполеоновской Франции. Но уход из Москвы давал шанс спасти армию. Французский генерал граф де Сегюр в своих мемуарах донес до нас слова Наполеона, сказанные по уходу из древней русской столицы: «Какие ужасные, разрушительные войны последуют за моим первым отступлением» [46].

Сообщение о том, что неприятельская армия, вышедшая из Москвы, движется по Можайской дороге, пришло в кутузовскую штаб-квартиру 2 октября. Весть была получена из партизанского отряда И. С. Дорохова. После уточнения разведывательных данных стало ясно, что французы оставляют Москву.

До этого русская армия, стоявшая в Тарутинском лагере, не имела соприкосновения с главными силами неприятеля. Против ее авангарда стоял французский 26-тысячный авангард под командованием Мюрата. Генерал-фельдмаршал Голенищев-Кутузов, чтобы ускорить события, решил первым напасть на него и разбить.

На рассвете 6 октября казачьи полки Орлова-Денисова нанесли первый внезапный удар по неприятелю. Завязалось сражение у деревни Чернишни, получившее название Тарутинского. Французов опрокинули и вынудили отступить до села Воронова. От дальнейшего преследования главнокомандующий отказался: он еще не знал, куда намерен двигаться Наполеон. Поэтому Кутузов решил не удаляться от тарутинской позиции. Русские войска отошли назад.

Войска короля Неаполитанского понесли в сражении чувствительный урон: его потери убитыми и ранеными составили 2,5 тысячи человек, в том числе 2 генерала, в плен попало 2 тысячи человек (среди них один генерал). Русскими трофеями стало 36 пушек, 40 зарядных ящиков и весь обоз, в том числе личный Мюрата. Он впервые за всю свою карьеру получил ранение: «Баловня победы» в кавалерийской схватке достала казачья пика. У

победителей выбыло из строя убитыми, ранеными и контужеными 1204 человека.

В Санкт-Петербург с донесением о победе был отправлен полковник А. Ф. Мишо, в свое время отвозивший в столицу донесение об оставлении Москвы. Император Александр I наградил М. И. Голенищева-Кутузова золотой шпагой, украшенной лавровыми венками и алмазами. Она будет вручена ему в Вильно.

Известие о поражении Мюрата стало прямым вызовом русского полководца Наполеону. 7 октября главные силы Великой армии выступили из Москвы в направлении Тарутино по старой Калужской дороге, а затем французский полководец изменил маршрут движения войск, перейдя на новую Калужскую дорогу. Он решил обойти русскую армию и через Малоярославец выйти к Калуге, чтобы пополнить запасы продовольствия в южных российских губерниях.

Наполеон сделал попытку еще раз обмануть своего противника, послав ему от имени маршала Бертье письмо, написанное якобы в Москве. Но уловка не удалась: Михаил Илларионович имел от армейских летучих отрядов самую обстоятельную информацию о движении французской армии.

10 октября к вечеру генералу Д. С. Дохтурову от начальника партизанской партии капитана Сеславина, лично видевшего Наполеона с его свитой и гвардией в селе Фоминском, стало известно о движении всей Великой армии к Малоярославцу. От Тарутина неприятель прикрывался корпусом Нея.

Захваченный Сеславиным в плен французский гвардейский унтер-офицер дал следующие показания: «Четыре уже дня, как мы оставили Москву. Тяжелая артиллерия и кавалерия, утратившая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием польских войск Понятовского. Завтра главная квартира императора будет в Боровске. Далее войска направляются на Малоярославец» [47].

Русский главнокомандующий, получив такое известие, без промедлений приказал войскам Дохтурова и атаману Платову со всеми казачьими полками и ротой конной артиллерии предупредить неприятеля у Малоярославца. Главная армия форсированным маршем выступила в том же направлении.

Стремление французов прорваться в Калугу, чтобы там найти спасение, и твердое решение русских ни в коем случае не допустить этого, определили тот

упорный характер битвы, которая развернулась в небольшом городе Малоярославце, расположенном в 120 км к югу от Москвы на крутом правом берегу реки Лужа. Река, образуя вблизи города дугу, прикрывает Малоярославец с севера. Здесь дуги был единственный мост, служивший своего рода воротами в город со стороны Боровска.

В авангарде почти 100-тысячной наполеоновской армии шел пехотный корпус Богарне. Пройдя Боровск, три дивизии корпуса остановились на южных подступах к Малоярославцу, а четвертая вечером 11 октября 1812 года подошла к городу. В пять часов утра следующего дня войска генерала Дохтурова, подойдя к Малоярославцу, начали бой за город. Основные силы кутузовской армии расположились южнее его на новой Калужской дороге.

В город вошло всего два батальона французов. Дохтуров приказал генералу Дорохову силами трех егерских полков выбить вражескую пехоту из Малоярославца и закрепиться в нем. На рассвете передовой 33-й егерский полк очистил городские улицы, французы отступили к мосту на реке Лужа. Прибывший со своим штабом к Малоярославцу Богарне ввел в дело всю дивизию генерал Дельзона. В ответ Дохтуров усилил свой авангард еще двумя полками егерей — 6-м и 19-м.

Завязалось сражение при Малоярославце. Русские батареи открыли огонь по переправе. Командир французской дивизии генерал Дельзон был убит. Принявший командование бригадный генерал Гильемино, используя численное превосходство, ворвался в город и занял его. Вскоре в Малоярославец вошла и дивизия Брусье, чтобы атаковать позиции русских, которые находились всего в полукилометре за городом.

Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов правильно оценил значение Малоярославца в наполеоновских планах. Он подкрепляет войска Дохтурова 7-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. При поддержке сильного артиллерийского огня Софийский и Либавский пехотные полки завязали ожесточенные уличные бои. В городских кварталах начались пожары.

Богарне, стремясь утвердиться в Малоярославце, вводит в сражение свою третью дивизию. В полдень к городу подошел корпус маршала Даву и императорская гвардия. Сражение приобретает все более широкий и ожесточенный характер.

Русский полководец с командного пункта на возвышенности наблюдал за ходом сражения. Он был «под неприятельскими ядрами, — пишет А. И. Михайловский-Данилевский, — вокруг него свистели даже пули. Тщетно упрашивали его удалиться из-под выстрелов. Он не внимал просьбам окружавших его, желая удостовериться собственными глазами в намерениях Наполеона, ибо дело шло об обороте всего похода, а потому ни в одном из сражений Отечественной войны князь Кутузов не оставался так долго под выстрелами неприятельскими, как в Малоярославце» [48].

Горевший город несколько раз переходил из рук в руки. К вечеру главные силы русской армии подошли к Малоярославцу и надежно прикрыли дорогу на Калугу. В бой вступили 8-й пехотный корпус и 3-я пехотная дивизия. Нарастивали свои силы и французы. К 23 часам ночной мрак остановил сражение.

Русский главнокомандующий приказал войскам оставить горящий город. Отступили от Малоярославца и французы. Потери первых превысили 6 тысяч человек, вторых — были около 5 тысяч. Теперь Кутузов стал ожидать обходного маневра неприятеля.

Наполеон всю ночь совещался со своими прославленными маршалами: продолжать на следующий день сражение или нет? На рассвете он прибыл в Малоярославец, чтобы еще раз осмотреть поле битвы. По дороге император французов чуть не попал в руки казакам атамана Платова, переправившимся ночью через реку Лужу. Конвой и гвардейская кавалерия, вступившая в бой, спасли Наполеона.

Вечером он отдал приказ своей армии отступить по Смоленской дороге. Наполеон уже не надеялся обойти позиции русских войск у Малоярославца. Посланный для совершения обходного маневра польский корпус Понятовского был встречен у Медыни и Полотняных Заводов сперва двумя полками донских казаков, а затем перед наполеоновцами появилась 26-я пехотная дивизия и Нежинский драгунский полк. Одновременно Кутузов двинул к Полотняным Заводам Главную армию. Именно эта предусмотрительность полководца разрушила последние надежды Наполеона обойти русскую армию.

Французская армия, еще грозная и сильная, начала отступление из пределов России. Сражение под Малоярославцем стало поворотным

событием в Отечественной войне 1812 года. Теперь стратегическая инициатива полностью перешла в руки русского полководца.

Вскоре разведка донесла точно: французы отступают через Боровск, Гжатск на Смоленск. В дополнение к уже действующим армейским партизанским отрядам формируется из донских и полтавских казаков и двух полков пехоты целый летучий корпус генерал-майора графа А. П. Ожеровского. Из войск Платова для действий на вражеских коммуникациях под Гжатском, куда двинулись неприятельские обозы, отряжается генерал граф В. В. Орлов-Денисов с шестью казачьими полками.

Армейский авангард суворовского ученика Милорадовича, который в 1825 году погибнет на Сенатской площади от пули декабриста, начал преследование неприятеля по пятам. Севернее Смоленской дороги, опережая французскую армию, двинулись на запад казачий корпус атамана Платова и отряд Э. Ф. Сен-При. Южнее Смоленской дороги — полки отряда Орлова-Денисова.

В связи с переходом русской армии в контрнаступление, ее главнокомандующий в приказе по армии писал: «...Наполеон, не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения, решимость всех сословий грудью стоять за любезное отечество, постигнув, наконец, всю суетность дерзкой мысли: одним занятием Москвы поколебать Россию, предпринял поспешное отступление вспять. Теперь мы преследуем силы его, когда в то же время другие наши армии снова заняли край Литовской и будут содействовать нам к конечному истреблению врага, дерзнувшего угрожать России. В бегстве своем оставляет он обозы, взрывает ящики со снарядами и покидает сокровища, из храмов божиих похищенные. Уже Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побег, голод и беспорядки всякого рода... Воины! Потщимся выполнить сие, и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах» [49].

15 октября французские войска, отступившие от Малоярославца, вышел на Смоленскую дорогу. Здесь к ним присоединились корпус Понятовского, находившийся в окрестностях Вереи, и корпус Мортье, подошедший из Москвы. Утром 17 октября гвардия вместе с Наполеоном прошла Бородино.

Поле великой битвы еще сохранило следы ожесточенной борьбы: не были убраны останки погибших, всюду валялось брошенное оружие или его обломки, стояли сожженные деревни.

Великая армия таяла на глазах Наполеона. Армейские летучие отряды и местные партизаны нападали на французов, двигавшихся по проселочным дорогам, уничтожали фуражиров и мародеров, захватывали вражеские обозы. Ежедневно французы теряли до 300 и более человек одними пленными.

Отступление по разграбленной еще летом местности, по Смоленской дороге, дало о себе знать уже в самом начале отхода наполеоновской армии от Малоярославца. Отсутствие продовольствия и фуража привели к голоду и большому падежу лошадей, из-за чего французы не могли вести разведку и тянуть артиллерийские орудия с зарядными ящиками. Вражеские войска, лишённые маневренности и дозорной службы, теперь каждодневно подвергаются ударам партизанских отрядов.

Организуя контрнаступление, Кутузов требовал от войск главного: не давать наполеоновской армии ни дня отдыха, не позволять ей изменять путь бегства из России. Отдавая распоряжения начальнику штаба генерал-лейтенанту А. П. Ермолову, главнокомандующий указывал: «Армии нужна скорость!»

Один из кутузовских приказов тех дней гласил: «После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его. Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы. Вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается... Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа» [50].

Наполеон, уводя армию к Смоленску, торопился, боясь быть отрезанным от него или втянутым в большое сражение. В Смоленске находились крупные запасы продовольствия и фуража. Там Великая армия могла бы восстановить силы и укрепиться свежими войсками. Однако Кутузов разгадал и этот ход французского полководца, пока еще обладавшего в России 100-тысячной боеспособной армией. Ее, по замыслу русского главнокомандующего

следовало обессилить активными боевыми действиями еще до подхода к Смоленску.

Первый удар французский арьергард получил уже на второй день после сражения при Малоярославце. У Колоцкого монастыря казаки М. И. Платова на рассвете неожиданно атаковали походную вражескую колонну, истребив более двух батальонов пехоты, отбив 20 орудий, большой обоз и захватив два знамени.

Первое крупное сражение после Малоярославца произошло под Вязьмой 22 октября. Оно закончилось поражением французов несмотря на то, что главные силы русской армии не успели принять участия в этом деле, хотя за вторую половину суток проделали форсированным маршем 40 км.

С французской стороны в сражении приняли участие 1-й пехотный корпус маршала Даву и пришедшие к нему на выручку корпуса Богарне и Понятовского. С русской стороны — авангард Главной армии под командованием Милорадовича в составе двух пехотных корпусов — 2-го и 4-го, двух кавалерийских — 2-го и 4-го, пяти казачьих полков. В деле под Вязьмой участвовали и казаки Платова с 26-й пехотной дивизией.

Вяземское сражение началось с того, что русская кавалерия внезапно обрушилась на отходившую колонну французов, смяла ее и заняла дорогу. Начался бой с передовыми полками корпуса Даву, стремившихся очистить путь к Вязьме. С каждым часом в сражение втягивалось все больше войск. Стремясь защитить армейские обозы, находившиеся в Вязьме, маршалы Богарне и Понятовский организовали оборону города. Сюда же отошел разбитый корпус Даву.

Около 2 часов дня русские войска атаковали неприятеля на ближних подступах к Вязьме. Отбросив его назад, они пошли на штурм города. В 4 часа дня в него одновременно ворвались войска Милорадовича, донские казаки, партизанские отряды Фигнера и Сеславина. Особенно отличился при взятии Вязьмы Перновский пехотный, будущий гренадерский, полк генерал-майора П. Н. Чоглокова.

Сражение за Вязьму длилось почти десять часов. В нем приняло участие около 37 тысяч французских и 25 тысяч русских войск. В число последних вошли успевшие подойти от Главной армии 40 эскадронов кирасир с конной артиллерией под командованием генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова. По

донесению М. И. Голенищева-Кутузова потери неприятеля составили более 6 тысяч человек убитыми и ранеными, свыше 2 тысяч человек попало в плен. Потери победителей составили 1845 человек.

Поражение под Вязьмой посеяло панику в рядах Великой армии Наполеона, подорвало дисциплину и ускорило моральное разложение вражеских войск. При этом самый образцовый и многочисленный 1-й пехотный корпус маршала Даву, соперничавший даже с гвардией, «сделался самым дезорганизованным». Наполеон отступал теперь к Дорогобужу.

Полководец Голенищев-Кутузов начал осуществление третьего этапа своего стратегического плана — окружение французской армии в районе переправы через Березину. К этой операции он привлекал, помимо Главной армии, войска Витгенштейна и Чичагова.

Генералу от кавалерии П. Х. Витгенштейну, командиру 1-го отдельного корпуса, приказывалось теснить 2-й пехотный корпус маршала Удино и 6-й пехотный корпус Сен-Сира к югу для выхода на коммуникации Наполеона. Адмиралу П. В. Чичагову, который командовал теперь 3-й Западной армией, куда влились войска Дунайской армии, приказывалось частью сил блокировать действия 7-го французского пехотного корпуса генерала Ренье и 12-го корпуса наполеоновской армии австрийского генерал-фельдмаршала Шварценберга, двигаться навстречу Главной армии.

Отступление Великой армии совершалось при хорошей погоде. Лишь 21 сентября выпал первый снег, а морозы до 12 градусов ударили тогда, когда французы подходили к Смоленску.

После Вязьмы наполеоновские войска понесли большие потери при Дорогобуже и на Духовской дороге. Начальник главного штаба французской армии маршал Бертье пытался применить «египетский» походный порядок, чтобы как-то нейтрализовать казачьи нападения. Однако эти предосторожности не помогли. Атаман Платов по дороге от Дорогобужа к Духовщине разбил корпус вице-короля Евгения Богарне, взяв в плен более 2,5 тысяч человек с 62 пушками.

Возле Дорогобужа Кутузов провел удачный маневр, перерезав дорогу на Ельню—Красный—Оршу. Теперь русским войскам предстояло форсировать Днепр только один раз, у последнего города. Наполеону же предстояло

переправляться через одну реку три раза — при Соловьевке, Смоленске и у Орши.

Тем временем вокруг наполеоновской армии стало образовываться полукольцо окружения. Выполняя стратегические задачи М. И. Голенищева-Кутузова, войска Витгенштейна, разбив неприятеля, заняли Полоцк. К Минску двигался Чичагов, оставив против Шварценберга и Ренье у Брест-Литовска, войска генерал-лейтенанта Ф. В. Остен-Сакена.

В Смоленск французский император прибыл в тот день, когда на пути следования его разбитой армии выпал первый снег. Целую неделю к городу подходили измученные, наполовину разбитые корпуса. В рядах Великой армии осталось не более 50 тысяч человек, боеспособных полков и батальонов оставалось все меньше и меньше. В корпусах Жюно и Понятовского под ружьем находилось по 700—800 солдат. В кавалерии Мюрата числилось не более 5 тысяч человек — это были остатки всех четырех резервных кавалерийских корпусов.

В Смоленске Наполеон не получил того, к чему стремился. Запасов провианта для его армии здесь нашлось всего на несколько дней при самых ограниченных нормах. 6-го пехотного корпуса маршала Виктора в городе не оказалось. Свежая дивизия, прибывшая из Франции, была разбита партизанами, а ее двухтысячный авангард вместе с бригадным генералом Ожеро сдался в плен.

Воспользовавшись остановкой наполеоновской армии в Смоленске, фельдмаршал Кутузов дал Главной русской армии сутки отдыха в Ельне. Летучим армейским отрядам снова подтверждается их главная задача — отрезать вражеские войска по пути отступления и уничтожать их как боевые единицы.

При получении известия о выходе из Смоленска первого эшелона уходящих на запад войск Наполеона, русский главнокомандующий приказал авангарду М. А. Милорадовича преградить путь отступающим французам, перерезав дорогу Смоленск-Красный.

Параллельное движение форсированным маршем очень изнуряло две противоборствующие армии. Французская армия, страдая от голода и падежа лошадей, бросала отставших людей, орудия, обозы, старалась оторваться от преследования, используя удобный смоленский тракт. Русская армия, хотя и

не испытывала большой нужды в продовольствии и фураже, тем не менее была вынуждена тащить за собой артиллерию и обозы по плохо проходимым проселочным дорогам.

Через сеть постов казачьих отрядов между ельницкой, рославльской и мстиславской дорогами Кутузов полностью контролировал передвижение вражеской армии. Перед сражением у Красного полководец впервые определил район, где намечал завершить окружение Великой армии Наполеона и нанести ей полное поражение. 2 (14) ноября 1812 года он сообщал генералу Витгенштейну: «...Главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиной и Двиной, и для того содействие ваше в сем случае необходимо...» К тому времени 3-я Западная армия адмирала Чичагова находилась еще далеко и на привлечение ее к операции рассчитывать не приходилось.

При выходе наполеоновских войск из Смоленска Наполеон допустил серьезную ошибку: чтобы дать войскам в связи с наступившими холодами располагаться на отдых в населенных пунктах, он расчленил армию на эшелоны, изолированные в пути друг от друга. Русские не замедлили воспользоваться этим. Войска Милорадовича и Остермана-Толстого делали все возможное, чтобы затруднить отступление французов и дать возможность Главной армии опередить неприятеля.

Вблизи Красного стали возникать разрозненные бои. С прибытием 4 ноября в Красное Наполеона с гвардией и основных сил его армии, сократившейся вдвое, ожесточенные бои переросли в настоящее сражение. Французский полководец лично руководил боевыми действиями, но баталию проиграл.

Сражение под Красным было последней битвой, когда контрнаступающая русская армия, ведомая генерал-фельдмаршалом М. И. Голенищевым-Кутузовым, встретила организованное сопротивление наполеоновских войск. Корпус Богарне был разбит отрядом Милорадовича. Такая же участь постигла корпуса Даву и Нея. А. П. Ермолов писал, что «бегущего в расстройстве неприятеля авангард генерала атаковал на большой от Смоленска дороге, при селе Ржавка. Сопротивление было самое слабое, все бежит в ужасе и страхе» [51].

Наполеон не стал дожидаться окончания сражения, усакав со свитой через лес к Дубровно. Битва закончилась убедительной победой кутузовской армии. Только с 3 по 7 ноября русским войскам сдались в плен 422 штаб- и обер-офицера и 21 170 нижних чинов, а трофеями победителей стали 213 орудий — почти вся неприятельская артиллерия.

Всего от Смоленска до Красного французская армия потеряла более 6 тысяч убитыми и 26 тысяч пленными, лишившись почти всей артиллерии и кавалерии. От пехотного корпуса маршала Нея осталось всего 300 человек, которые спаслись благодаря чистой случайности.

Поражение Наполеона было крупнейшим за весь Русский поход. По французским источникам после событий под Красным, что на Смоленщине, боевой состав наполеоновской армии исчислялся в 23 тысячи штыков, 2 тысячи кавалерии и 30—40 орудий, на корпуса и дивизии Великой армии еще сохраняли свою нумерацию

За победу русской армии под Смоленском император Александр I указом от 6 декабря 1812 года пожаловал князю Голенищеву-Кутузову титул «Смоленского».

После сражения под Красным в войсках Наполеона еще сохранялось боеспособное ядро. Но к своему ужасу великий завоеватель с отчаянием видел, что его армия, или, вернее, ее остатки, все больше превращается в дезорганизованную толпу из вестфальцев, саксонцев, голландцев, итальянцев, испанцев, поляков, португальцев, не исключая в ней и французов. Они уже никому не подчинялись и думали лишь о том, как добыть себе хоть какую-нибудь пищу и не погибнуть от холода. Эти несчастные люди уже не видели в Наполеоне прежнего непобедимого кумира.

Русский полководец понимал, что до окончательного разгрома Великой армии оставались считанные дни. Задумываясь над положением Наполеона, Михаил Илларионович писал: «Сегодня я много думал о Бонапарте, то станет очевидным, что он никогда не ушел или никогда не думал о том, чтобы покорить судьбу... Бонапарте неузнаваем. Порою испытываешь соблазн поверить в то, что он уже больше не гениален» [52].

Главкомандующий доносил в Санкт-Петербург императору о том, что «неприятельская армия лишена способов отдалиться от него». М. И. Голенищев-Кутузов все больше опасался, что французская армия может

сманеврировать на юго-запад и соединиться со свежим, почти не потрепанным в боях 12-м пехотным корпусом генерала от кавалерии австрийца К. Ф. Шварценберга. Адмирал Чичагов во главе 3-й Западной армии действовал против него крайне нерешительно.

Теперь все усилия русского полководца были сосредоточены на том, чтобы окружить остатки наполеоновской армии, не дать ей переправиться через Березину и заставить врага капитулировать. Однако для завершающего удара требовалась согласованность в действиях с армией Чичагова и корпусом Витгенштейна. Первый разбил польскую дивизию Я. Г. Домбровского и занял Борисов. Второй оттеснил войска Виктора Сен-Сира из Черей. Таким образом войска Наполеона оказались зажатыми в треугольнике Черей-Лошницы-Толочин.

Еще 6 ноября главнокомандующий приказал адмиралу Чичагову: «Поспешите к общему содействию, и тогда гибель Наполеона неизбежна, весьма необходимо открыть скорее сношение между Вашей и Главною армиями через Копысь, Староселье, Цезержин, Шепелевичи, Гродянку, Минск... Содействие всех наших сил может нанести неизбежную гибель Наполеону». На следующий день генерал-фельдмаршал указал Витгенштейну на необходимость взаимодействия с ближайшими войсками Главной армии: «Действия Ваши на правый фланг неприятеля удобны и подкрепляемы будут генералом Платовым и генерал-адъютантом Кутузовым (Кутузов П. В., командир отдельного отряда, генерал-майор. — А. Ш.), коим даны нужные на то наставления» [53].

К вечеру 10 ноября французская армия у Березины оказалась окруженной со всех сторон. Однако здесь Наполеон сумел тактически переиграть своих противников, прежде всего адмирала Чичагова, командовавшего 30-тысячной армией, состоявшей из свежих войск, не измученных марш-бросками по зимним дорогам.

Чичагов, стремясь соединиться с войсками генерала Витгенштейна, утром следующего дня направил по дороге к Лошницам 3-тысячный авангардный отряд под командой генерала П. П. Палена, который двигался, не ведя разведки. Неожиданно на русских напал французский авангард маршала Удино, который выступил из Лошниц по приказанию Наполеона с задачей во что бы то ни стало завладеть переправами через Березину у Борисова.

Произошел встречный бой, и французы заставили отряд Палена отступить к Борису.

Хотя корпус Удино в то время насчитывал всего 15,5 тысячи человек, адмирал Чичагов ошибочно посчитал, что перед ним оказались главные силы французской армии. Их внезапное появление из Лошниц и успешная стремительная атака принудили Чичагова отвести свои войска на правый берег Березины. Мост у Борисова был уничтожен, но другой — через речку Гайна (притоке Березины), оказался не уничтоженным, чем и воспользовались впоследствии французы.

Генерал Витгенштейн не согласился подчиниться Чичагову, и Березинская операция велась без взаимодействия двух основных группировок русских войск, вставших перед наполеоновскими войсками на пути их бегства из России. Французский полководец удачно распорядился полученным от противника шансом.

Наполеон обманул Чичагова строительством ложной переправы через Березину у Ухолод. 3-я Западная армия, простояв три дня напротив Борисова, захваченного войсками маршала Удино, 13 ноября двинулась на юг к Зашкевичам, что в 25 км от Борисова, к месту ложной переправы французов. У Студенки остался лишь наблюдательный отряд генерала Корнилова, состоявший из двух батальонов пехоты и трех казачьих полков.

Ошибка П. В. Чичагова облегчила положение французской армии. Неприятельские саперы, работавшие в ледяной воде, построили два моста через Березину, и остатки Великой армии начали переправу. Однако осуществить полностью перевод своих войск на противоположный берег реки Наполеон не успел. Авангард кутузовской армии и армейский партизанский отряд А. Е. Сеславина вышли к месту действительной переправы неприятеля через Березину и завязали сражение. Затем подошли и другие русские войска.

Во время сражения при Березине Витгенштейна, хотя и слышал выстрелы на месте действительной переправы Наполеона, но не пошел туда. Его корпус завязал с прикрывавшим переправу малочисленным французским корпусом Виктора бой, который продолжался до позднего вечера. Лишь ночью войскам Виктора удалось переправиться через Березину. Витгенштейн имел в Березинской операции только частный успех, заставив капитулировать французскую пехотную дивизию генерала Партуно.

Во время переправы наполеоновских войск через Березину Главная армия во главе с Кутузовым находилась на марше. Получив сообщение адмирала Чичагова о событиях у Студенки, полководец был немало удивлен, считая, что неприятель у Березины блокирован со всех сторон. Главная армия продолжала двигаться левее 3-й Западной армии, пройдя за пять дней без суточного отдыха более 120 км от Копыся до деревни Уша, где 18 ноября переправилась через Березину.

М. И. Голенищев-Кутузов так объяснял причины, которые позволили остаткам наполеоновской армии выйти из окружения: «Сия армия, можно сказать, 12, 13 и 14 числа ноября находилась окруженная со всех сторон. Река Березина, представляющая натуральную преграду, господствуема была армиею адмирала Чичагова, ибо достаточно было занять пост при Зембине и Борисове (пространство 16 верст), чтобы воспрепятствовать всякий переход неприятелю. Армия Витгенштейна от Лепеля склонилась к Борисову и препятствовала неприятелю выйти с сей стороны. Главный авангард армии корпус Платова и партизаны мои теснили неприятеля с тыла, когда Главная армия шла в направлении между Борисовым и м. Березиным с тем, чтобы воспрепятствовать неприятелю, если бы он восхотел идти на Игумен. Из сего положений наших армий в отношении к неприятельской должно было полагать неминуемую гибель неприятельскую; не занятый пост при Зембине и пустой марш армии Чичагова к Зашкевичам подали неприятелю удобность перейти при Студенке».

Потери наполеоновской армии при Березине были огромны. Во время березинской операции только пленными французы потеряли 23 932 человека. Потери русских войск составили 4008 человек.

Точную численность французской армии при Березине и цифру потерь, понесенных ею там, установить довольно трудно. В различных источниках она колеблется: численность боеспособной армии — от 23 до 40 тысяч, деморализованной и зачастую безоружной толпы разбитых войск, следовавшей за главными силами французов — от 33 до 50 тысяч, потери — от 20 до 35 тысяч [55].

Спустя три дня после переправы численность войск у Наполеона, способных сражаться, сократилась до 9 тысяч человек. Как военная сила Великая армия императора перестала существовать. Начавшиеся после

сражения при Березине сильные морозы помогли русским войскам, продолжавшим преследование, истребить остатки неприятеля.

Наполеон, поняв всю бессмысленность дальнейшего сопротивления, решил уехать во Францию, чтобы там сформировать новую армию. Поручив командование оставшимися войсками маршалу Мюрату, Наполеон вечером 5 декабря 1812 года тайно, под именем герцога Виченцкого, выехал из Сморгони в Париж, бросив армию. Его сопровождали только самые доверенные лица: Коленкур, Дюрок, Лобо, польский офицер Вонсович и императорский мамелюк — телохранитель Рустам, по национальности армянин, родившийся в Грузии.

28 ноября русские войска вступили в Вильно. Через пять дней казаки атамана Платова заняли Ковно. Жалкие остатки главных сил Великой армии в количестве тысячи человек с девятью орудиями перешли у Ковно пограничную реку Неман. За ними в Восточную Пруссию тянулась 20-тысячная толпа деморализованных наполеоновских войск, не представлявших из себя боеспособную силу.

Прибывший в Вильно генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов, светлейший князь Смоленский, с полным правом мог оповестить народ, армию и императора Александра I: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля».

За шесть месяцев Отечественной войны 1812 года из 608-тысячной Великой армии Наполеона, вторгнувшейся в Россию, ее пределы смогли покинуть всего около 70 тысяч человек, фактически только фланговые корпуса Макдональда, Шварценберга и Ренье, не участвовавшие в походе на Москву.

Великий русский полководец, подводя итоги Русского похода Наполеона, писал императору Александру I: «Неприятель, преследуемый и беспрестанно поражаемый на пространстве 100 верст, едва ли с десятой частью оставил землю русскую, потеряв более 800 пушек, около 150 000 пленных, более 40 генералов, много знамен и штандартов» [56].

За изгнание неприятеля из России 12 декабря 1812 года в Вильно император Александр I наградил главнокомандующего Главной действующей армией князя М. И. Голенищева-Кутузова высшей российской полководческой наградой — орденом Святого Георгия 1-го класса. Он был первым из четырех

человек в 148-летней истории существования российского императорского Военного ордена, заслужившим все четыре его степени.

Через девять дней армии был зачитан приказ генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова об окончании Отечественной войны 1812 года. В приказе полководец благодарил свои победоносные войска за спасение России и объявлял о предстоящем заграничном походе русской армии за освобождение Европы от наполеоновской оккупации.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов своим полководческим подвигом вошел в российскую историю как Спаситель Отечества.

Выражая общие чувства народа и армии, великий русский поэт А. С. Пушкин писал:

Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди спасай!» Ты встал и спас [57].

«Слава Кутузова, — писал поэт, — неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала Святой Елены!.. Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал» [58].

Изгнание Наполеона из России и фактическое уничтожение его Великой армии еще не означало конец господству Франции в Европе. И Александр I, и Кутузов прекрасно понимали, что выход русской армии на берега пограничной реки Неман не означал конца вооруженной борьбы с Наполеоном. Прекращение военных действий на границе России давало ему хорошую возможность быстро восстановить военные силы своей империи и через определенное время возобновить войну.

К тому времени летучие армейские отряды от войск генералов Платова и Витгенштейна уже сражались с противником по ту сторону российской границы.

Главнокомандующий предоставил императору план дальнейших военных действий. Войскам Витгенштейна ставилась задача в случае отступления 10-го пехотного корпуса Макдональда к Висле дислоцироваться около города Алленштейн. Армии адмирала Чичагова после соединения с корпусом Остен-

Сакена — выйти к Варшаве, чтобы не допустить соединения Макдональда с корпусами Шварценберга, Ренье и Понятовского (австрийским, саксонским и польским).

Михаил Илларионович, в отличие от Александра I, хорошо понимал, что в начале кампании 1813 года русской армии придется рассчитывать только на свои собственные силы. Император же стремился как можно быстрее склонить Австрию и Пруссию к военному союзу с Россией. Однако он плохо представлял истинное положение русской и неприятельской армий.

Согласно рапорту главнокомандующего от 7 декабря 1812 года, численность Главной армии сократилась почти в четыре раза и составляла 27 464 человека при 200 орудиях. Общая численность всех русских войск, предназначенных для заграничного похода, насчитывала 86 445 человек при 533 орудиях [59].

Причин сокращения численности действующих войск было несколько. В госпиталях было оставлено 48 тысяч раненых и больных. Много войск осталось в освобожденных городах для несения гарнизонной службы. Армейские полки и батальоны, оставляемые гарнизонами, постепенно заменялись ополчением, но на это требовалось время. Численность резервов перед походом русской армии в Европу составляла 202 тысячи человек.

Войска Наполеона, бежавшие из России, насчитывали около 70 тысяч человек. Кроме того, в крепостях от Вислы до Эльбы насчитывалось более 120 тысяч гарнизонных войск. Наиболее крупной крепостью был Данциг с 37-тысячным гарнизоном. Таким образом, численность неприятельских сил составляла около 200 тысяч человек. Наполеон объявил во Франции рекрутский набор при выходе французских войск из Смоленска, следующий — по приезду в Париж.

Император французов принимал самые энергичные действия по формированию новой армии. Из Испании он вызвал войска Варшавского герцогства, гвардейские полки и легион жандармов, из Италии — корпус Бертрана. Принятые меры позволили Наполеону к февралю 1813 года создать 300-тысячную армию.

Приведя в порядок действующие войска, генерал-фельдмаршал Кутузов двинул русскую армию в европейский освободительный поход. Наступление велось по трем направлениям: на Кенигсберг, Данциг, на Плоцк и на Варшаву.

Успешные действия кутузовской армии ускорили разрыв Пруссии с Францией. В Восточной Пруссии находились корпуса Макдональда и Йорка. На этом направлении двигалась большая часть военных сил России: 3-я Западная армия, отдельный корпус Витгенштейна, казачий корпус Платова (24 полка по 250—300 казаков в каждом). Общее командование этими войсками император возложил на адмирала Чичагова, имевшего около 60 тысяч человек.

Наступление на Варшаву преследовало цель занять столицу герцогства Варшавского и разгромить сильную австро-саксонскую группировку войск. Эту задачу предстояло решить войскам генерала М. А. Милорадовича численностью около 13 тысяч человек.

Между группировками Чичагова и Милорадовича наступала в направлении на Плоцк Главная армия, при которой находился и Главный штаб. В нужный момент основные силы русской армии могли подкрепить войска правого или левого крыла.

В начале 1813 года русский главнокомандующий главной своей задачей считал освобождение Восточной Пруссии. Он обратился с воззванием к местным жителям, которое было опубликовано на немецком и французском языках. Вскоре прусский корпус генерала Йорка отделился от корпуса Макдональда и объявил себя нейтральным в идущей войне.

Огромное значение для всей кампании 1813 года имело заключение в середине февраля Калишского трактата, подписанного М. И. Голенищевым-Кутузовым и прусским канцлером К. А. фон Гарденбергом. Этот трактат сделал Пруссию союзницей России в войне с Францией. Уже через три недели королевство выставило армию в 128 тысяч человек вместо 80 тысяч, как было условлено ранее. В подчинение русскому полководцу поступило три союзных корпуса — генералов фон Йорка, фон Бюлова и генерала от кавалерии фон Блюхера.

Наступая от Вислы до Одера, русские войска за месяц прошли расстояние более 300 км. Из лучших казачьих полков был создан передовой армейский летучий отряд под командованием генерал-адъютанта А. И. Чернышева. Вперед были высланы и другие маневренные отряды.

Эти далеко выдвинутые вперед русские войска 5 февраля заставили Ожеро сдать Берлин, затем был взят Гамбург, что позволило прорвать континентальную блокаду Англии. Южнее армейские летучие отряды вынудили

маршала Даву отступить от Дрездена к Магдебургу. Русские и прусские войска, освободив от французов Северную Германию, вышли к Эльбе. В тылу антинаполеоновских войск продолжалась блокада крепостей с французскими гарнизонами.

Руководя боевыми операциями русско-прусских войск, Михаил Илларионович кроме того «употребляет все способы, дабы привлечь народ» Варшавского герцогства на сторону России. На польских землях налаживается мирная жизнь. Главнокомандующий строго следил за тем, чтобы русские войска не причиняли местному населению никаких обид.

Одновременно улаживались дела в Пруссии, король которой Фридрих-Вильгельм III без особого восторга отнесся к тому, что его генерал Йорк самолично подписал с русской стороной конвенцию о нейтралитете. Кутузовское воззвание к населению Восточной Пруссии имело широкий положительный резонанс. Захваченный в Мемеле прусский гарнизон передается в состав войск Йорка. Королю Фридриху-Вильгельму III помогают покинуть еще занятый французами Берлин.

Успехом увенчались дипломатические усилия М. И. Голенищева-Кутузова по выведению из войны Австрии. С командованием корпуса Шварценберга, оборонявшим польскую столицу, заключается секретная конвенция о бессрочном перемирии. В результате боевые действия с австрийскими войсками были фактически прекращены. Хотя Австрия формально оставалась союзницей Франции, ее армия уже не вела военных действий с русской. Шварценберг сдает противнику Варшаву без единого выстрела.

Секретное соглашение с австрийским командованием позволило русскому главнокомандующему на время вывести из войны польский корпус Понятовского, сосредоточившийся у Кракова. Австрийцы сперва оставили его без своего прикрытия, а затем согласились пропустить через свою территорию на соединение с французской армией только при условии его разоружения. Маршал Франции князь Понятовский пошел на это.

И хотя при жизни М. И. Голенищева-Кутузова Австрия еще не стала союзницей России в борьбе с Наполеоном, тем не менее политическая деятельность генерал-фельдмаршала по нейтрализации австрийских войск во многом облегчила положение русской армии в заграничном походе.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III вскоре по достоинству оценил уровень командования Кутузов союзными русско-прусскими войсками в войне с Наполеоном на немецкой земле. Он был награжден сразу двумя высшими орденами союзного теперь королевства — Черного и Белого Орла, а также драгоценной табакеркой.

Одновременно Фридрих-Вильгельм III предложил русскому полководцу принять второе гражданство и имение в его королевстве, от чего Михаил Илларионович вежливо отказался. Однако прусский монарх смог уговорить генерал-фельдмаршала принять в его свиту сына-наследника, будущего короля Фридриха-Вильгельма IV.

В последние дни своей жизни полководец много занимался административной и государственной деятельностью. Согласно положению о большой действующей армии, он «ответствовал за порядок управления союзных, неприятельских земель», которые занимались подчиненными ему войсками. Он лично разработал Положение об образовании высшего органа государственной власти в Варшавском герцогстве — Верховного временного совета. Император Александр I утвердил его, написав на проекте: «Быть по сему». В Польше был создан специальный совет правосудия.

От имени Верховного временного совета Варшавского герцогства по распоряжению М. И. Голенищева-Кутузова польским воинским частям, воевавшим в составе французской армии, было направлено предложение о прекращении сопротивления русским войскам.

Кутузов учреждает Административный совет союзных государств Северной Германии и разрабатывает Положение о его деятельности. По замыслу русского главнокомандующего, совет должен был прийти на смену наполеоновскому Рейнскому союзу и ведать всеми вопросами вооружения, финансов и продовольствия. М. И. Голенищев-Кутузов назначил президентом этого руководящего органа прусского барона Штейна.

Особенно много хлопот генерал-фельдмаршалу доставляли финансовые и экономические вопросы. Он вел интенсивную переписку с российским министром финансов графом Д. А. Гурьевым по вводу в оборот на занимаемой русскими войсками территории ассигнаций, серебряных и медных монет России. Своим приказом по армии главнокомандующий определил соотношение одного серебряного рубля к четырем ассигнациям. Этот же

приказ разрешал воинским начальникам вести расчеты с местным населением в русской валюте.

Главнокомандующему пришлось бороться и с фальшивыми российскими ассигнациями. Наполеон оставил несколько миллионов таких «российских рублей» во время своего бегства из Варшавы для уплаты императорских долгов. Фальшивые ассигнации были выпущены Наполеоном в начале 1812 года в Польше, чтобы подорвать финансовую систему России. Бумажные деньги были привезены в Москву. При отступлении французской армии фальшивки оказались в Вильно, где министр иностранных дел Франции Г.-Б. Маре не смог выполнить требование императора об их уничтожении.

Приходилось решать самые разнообразные вопросы: заботиться об устройстве госпиталей и организовывать работы по починке Бромбергского канала, спасать от уничтожения войсками Понятовского чугунные и пушечные заводы в Тарновице и Глейвице, добиваться у императора Александра I отмены запрещения на ввоз в прусские владения хлеба из России, освобождать от эмбарго корабли Соединенных американских штатов на Балтике, разрешать таможенные проблемы...

Чрезмерное напряжение и неимоверно широкий масштаб деятельности — военной, административной, дипломатической, непрерывная, полная лишений походная жизнь не могли не подорвать сил и здоровья Михаила Илларионовича. В письмах родным он все чаще и чаще жалуется на усталость, недуг, на большую занятость: «Покой мне нужен, я устал, как давно мне покою не было». В предпоследнем письме Михаил Илларионович сетует жене: «Мне столько забот, столько хлопотать должно, что дай бог только остаться живу» [60].

Русская армия все дальше уходила от российских границ на запад. 4 апреля 1813 года кутузовская Главная квартира прибыла в силезский город Гайнау (ныне город Хайнув в Республике Польша). Императору Александру I русскому и главнокомандующему саксонцы устроили торжественную, праздничную встречу. Стояла сырая, туманная погода — генерал-фельдмаршал почувствовал легкое недомогание и озноб.

Через два дня Михаил Илларионович вместе с государем выехали в небольшой силезский городок Бунцлау, спеша в столицу Саксонии — город Дрезден. В пути погода совсем испортилась: пошел мокрый снег с дождем.

Болезненное состояние ехавшего в открытых дрожках фельдмаршала еще более ухудшилось.

После торжественной встречи жителями Бунцлау М. И. Голенищев-Кутузов остановился в доме владельца соляных факторий господина фон дер Марка. Больной полководец расположился в небольшой угловой комнате на втором этаже.

Император Александр I на следующий день продолжил свой путь в Дрезден, оставив при больном полководце своего лейб-медика Я. В. Виллие и офицеров Главной квартиры князя П. М. Волконского и К. Ф. Толя. Превозмогая болезнь, Кутузов еще продолжал руководить войсками: направлял приказы и предписания, изучал рапорты, вел переписку. В Бунцлау ему привезли ключи от капитулировавшей перед русскими войсками крепости Торн.

Болезнь прогрессировала. В среду, 16 (20) апреля 1813 года в 21 час 30 минут великий русский полководец генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский скончался.

Один из адъютантов великого полководца будущий летописец Отечественной войны 1812 года А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Закат дней его был прекрасен, подобно закату светила, озарившего в течении своем великолепный день; но нельзя было смотреть без особенного прискорбия, как угасал наш знаменитый вождь, когда во время недугов избавитель России отдавал мне приказания, лежа в постели, таким слабым голосом, что едва бывало можно расслушать слова его. Однако же его память была очень свежа, и он неоднократно диктовал мне по несколько страниц безостановочно».

Императорский лейб-медик Биллие с местным врачом Бислизенусом на следующий день после смерти произвели вскрытие и бальзамирование тела покойного, которое было положено в цинковый гроб, у изголовья которого поместили небольшой серебряный сосуд цилиндрической формы с набальзамированным сердцем Спасителя Отечества.

Журнал военных действий русской армии и другие свидетельства указывают, что император Александр I с «неописуемым прискорбием» узнал о смерти великого полководца. Известие пришло накануне сражения с

французской армией под Люценом. Чтобы поддержать дух русской армии перед битвой, это горестное событие некоторое время сохранялось в тайне.

11 июня в Казанском соборе состоялась церемония похорон Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Два дня северная столица Российской империи прощалась с прославленным генерал-фельдмаршалом. Нескончаемым потоком мимо гроба проходили люди всех сословий и званий, отдавая последние гражданские почести Спасителю Отечества.

13 июня гроб опустили в специально подготовленную нишу центрального зала Казанского собора. Позднее великому русскому полководцу перед собором был воздвигнут величественный памятник, который стоит и поныне.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

ВОСПИТАННИК АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ И ИНЖЕНЕРНОЙ ШКОЛЫ

И. М. Кутузов — П. И. Шувалову

17 апреля 1759

Имею я сына Михайла одиннадцати лет [1], который на первой указной срок, имея тогда от роду седьмой год? Правительствующего Сената в геральдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца.

От того времени обучался сверх российской грамоте, немецкого языка с основанием, по французски, хотя несовершенно, говорит и переводит и в

латинском грамматику оканчивает и переводить зачел. Також арифметики и геометрии и фортификации один манер прочертил. И несколько рисовать, також истории, географии и которых наук, что принадлежат до артиллерии, яко то в арифметике, географии и фортификации.

По прошению моему, а по ордеру Его Превосходительства от фортификации генерал-майора Муравьева, онсй сын мой чрез инженер-капитан-порутчика Шалыгина и освидетельствован.

И как оный сын мой ревностное желание и охоту имеет служить Ея Императорскому Величеству [2] в артиллерийском корпусе, того ради Ваше Высокографское Сиятельство всепокорнейше прошу, дабы повелено было означенного сына моего по желанию определить в артиллерийский корпус, а для обучения артиллерии и окончания зачатых наук отдать мне.

Инженер-полковник Ларион Г[оленищев]-Кутузов

Ордер Артиллерийской и Инженерной школе

№ 1230   31 июля 1759. [С.-Петербург]

По требованию моему сего июля 21 дня присланным ко мне ис Правительствующаго Сената указом велено недорослей: статского советника сына Якова Нартова, инженер-полковника сына Михайлу Кутузова <...> определить в Артиллерийскую школу. Того ради Артиллерийская и Инженерная школа имеет об[ъ]явленных недорослей в ученики причислить и ведать, что данным от меня артиллерии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Глебову ордером велено их для поощрения к наукам написать капралами, и ежели пожелают, для обучения артиллерийской науки на своем коште в отпуск в дом, то ж данными пашпортами отпустить по его рассмотрению.

[Граф Петр Шувалов]

Ордер Артиллерийской и Инженерной школе

10 декабря 1759. С.-Петербург

По представлению оной школы, артиллерии каптенармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках и математике знание, а паче что принадлежит до инженера имеет склонность, в поощрение прочим, сего числа произведен мною в инженерный корпус первого класса кондуктором; о чем Артиллерийская и Инженерная школа будучи известна, имеет ему, Кутузову, сей кондукторский чин объявля, в верности службы привести к присяге и оставить по прежнему при школе, к вспоможению офицерам для обучения прочим; а о том же от меня гг. артиллерийскому и инженерному генералитету ордировано и о учинении оклада жалованья в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации предложено.

Граф П[етр] Шувалов

Ордер Артиллерийской и Инженерной школе

№ 10 5 марта 1761

В последовавшее от Его Сиятельства минувшаго февраля 28 числа по инженерному корпусу генеральное обер-офицерам произвождение, состоявшие при оной школе кандукторы первого класа Михайла Голенищев-Кутузов, Афанасий Малыгин, Володимер Воейков и Николай Греков произведены во инженер-прапорщики и должны вступить в действительную службу; чего ради имеет школа, объявля им те чины, представить для разпределения в чертежную Его Сиятельства.

Подлинной подписал генерал-майор и кавалер
Михайла Деденев

Аттестат М. И. Кутузова 1761*

№	Имена	Сколько от роду лет			Время вступления в службу			В нынешних настоящих чинах	Какие науки знает и какого состояния
		годы	месяцы	числа	годы	месяцы	числа		
1	Инженер-прапорщик Михайла Голенищев-Кутузов	14	759	октябрь	20	761	февраль	28	Науку инженерную и артиллерийскую знает, по французски и по немецки говорит и переводит весьма изрядно, по латыни автора понимает, а в истории и географии хорошее начало имеет; состояния доброго и к перемене достоин.

Артиллерии обер-кригс-комиссар Михайло Мордвинов

*Число и месяц не указаны

Русско-турецкая война
1768—1774

В. М. Долгоруков — Екатерине II

28 июля 1774. Лагерь при Сарабузды

<...> 23 числа отрядил я, Всемилостивейшая Государыня, к поискам над неприятелем генерал-порутчика и кавалера графа Мусина-Пушкина с семью баталионами пехоты, в числе находящихся под ружьем двух тысяч осьми сот пятидесяти человек, сам же я остался с двумя баталионами пехоты и двумя конными полками прикрывать тыл его чтоб не быть ему отрезану. Между тем турки отделясь от главного своего при Алуште лагеря, по уверению пленных, тысячах в семи или осьми, заняли весьма твердую позицию в четырех верстах от моря, пред деревнею Шумою, на весьма выгодном месте, с обеих сторон которого были крутые каменные стремнины укреплены ретраншаментами. Как скоро войски Вашего Императорского Величества повели на оные свою атаку двумя каре, то встречены были жесточайшим из пушек и ружей огнем. Неприятель, пользуясь удобностию места и превосходством сил, защищался из ретраншаментов с такою упорностию, что более двух часов, когда оба каре, подаваясь вперед непроходимыми стезями, приобретали каждый шаг кровию, не умолкала с обеих сторон производимая из пушек и ружей наисильнейшая

пальба. По приближении к обоим ретраншаMENTам, генерал-порутчик граф Мусин-Пушкин, которого храбрость и ревностное к службе Вашему Императорскому Величеству известны, приказал, приняв неприятеля в штыки, продаться в ретраншаMENT, что и исполнено с левой стороны, где самое сильнейшее было сопротивление Московского легиона гренадерским баталионом под собственным приводством храброго господина генерал-майора и кавалера Якобия, с другой же секунд-майором Шипиловым, подкрепляемым от полковника Либгольца столь удачно, что турки, возчувствовав сии поражения ударивших в них войск Вашего Императорского Величества, бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи и будучи гонимы к обширному лагерю своему на берегу стоящему <...>

Числа побитого неприятеля наверное знать не можно, поелику и в пропастях и между камнями повержены тела их, но на месте осталось более трех сот трупов; взятые же в плен: один байрактар и два рядовых турков, четыре пушки и несколько знамен. Из числа же всего войска Вашего Императорского Величества убитых: унтер-офицеров, капралов и разного звания рядовых тридцать два. Ранены: Московского легиона подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадерский свой баталион, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат. Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла на пролет в том же месте на другой стороне лица. <...>

Генерал князь Долгоруков

Ордер Военной коллегии

3 октября 1775

Ее Императорское Величество, снисходя на прошение Тульского пехотного полку подполковника Михайла Голенищева-Кутузова, Высочайше указать соизволила уволить его для излечения ран к теплым водам, считая с 1

генваря будущего 1776 года, на год без вычета жалованья. О чем Государственной Военной коллегии к подлежащему исполнению объявляю.

Г. Потемкин

Русско-турецкая война
1787—1791

Н. В. Репнин — Г. А. Потемкину

№ 158 26 декабря 1787. Николаевка

Хотя я уповаю иметь честь сам завтра явиться у Вашей Светлости, однако для выиграния времени при сем в копии покорнейше представляю данную мною наставление господину генерал-майору и кавалеру Голенищеву-Кутузову.

Все его здесь учреждение нашел я весьма порядочно, как и укрепление здешнего замка весьма же хорошо устроено, так что при помощи Божией можно надеяться, что при сем poste под предводительством его, господина генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова, в случае нападения неприятельского все пойдет с желаемым успехом.

Больные его, которые беспокоили Вашу Светлость, теперь, слава Богу, гораздо поправляются и мало очень остается из них трудных.

Известий о неприятеле здесь никаких нет.

Генерал князь Репнин

Ордер Бугскому егерскому корпусу

19 февраля 1788

<...> Сия часть (одиночное обучение стрельбе в цель — состав.) во всех баталионах имеет весьма слабое начало, а об успехе оной сомневаться не можно, ежели приложить старание и откинуть старинное предупреждение, будто бы российского солдата стрелять цельно выучить не можно; за ленивыми и незнающими офицерами присмотреть рачительно, чтобы при сем учении не напрасно время пропадало, и выводить в роте не более капральства вдруг, дабы каждому егерю не торопясь показывать, что ему примечать должно, а для лучшего успеха поручить сие можно и субалтерн-офицеру, ежели он ротного командира знающее, и особливо отборных мастеров, которых можно поручить, ежели рассудится, и одному офицеру в баталионе.

В каждой роте лучших стрелков от 20 до 30 человек иметь отобранных и записанных, которые в подобном случае особливо употребляться будут. По искусству и числу сих людей узнать можно годность ротного командира.

Приемами много не заниматься; учить без пустого стуку и так, чтобы ружье от того никак не терпело; сие давно уже от меня было предписано.

Г. А. Потемкин — Екатерине II

№ 77 22 августа 1788. Лагерь под Очаковым

Всемиловейшая Государыня!

По сделании двух батарей противу Очакова на левом фланге армии при заложении таковой же с коммуникационными линиями на правой стороне предсадами, в ближнем от города расстоянии, 17-го сего месяца турки учинили к последней сильную вылазку. Они атаковали прикрытие, из егерских баталионов составленное, и сражение между ними продолжалось под жестоким с батареей огнем долее четырех часов. Неприятель, пользуясь неравносью места, рвами наполненного, стоял отчаянно, но везде был сломлен и в бегство обращен, претерпев урону до пяти сот раненых и убитых. Егери поступали в сем случае с беспримерною неустрашимостью, и турки, невзирая на выгоду места, везде бежать принуждены. Между тем от жестокого

действия батарей город во многих местах зазжен, и пожар продолжался до самого утра.

С нашей стороны урон состоит в убитых двух капитанах, Ушакове и Зубатове, двух капралах, двадцати осьми егерях и одном канонире. Ранены: шеф Бугского егерского корпуса генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов, порутчик Скалон, подпорутчики Кумкин и Шурман, сержант один, капрал один, егерей сто десять и канониров три.

Всеподданнейшие донося Вашему Императорскому Величеству о сем покушении неприятеля, к собственному его вреду послужившему, повергаю себя к освещенным Вашим стопам.

Вашего Императорского Величества вернейший подданный
князь Потемкин-Таврический

Екатерина II — Г. А. Потемкину

18 сентября 1788

Пошли, пожалуй, от меня наведываться, каков генерал-майор Кутузов, я весьма жалею о его ранах. <...>

Г. А. Потемкин — М. И. Кутузову

11 июня 1789. Харьков

Милостивый государь мой Михайла Ларионович.

Ея Императорскому Величеству благоугодно было во Всемилостивейшем уважении на усердную Вашу службу, радение Ваше и отличную исправность в исполнении Вам порученного пожаловать Вас кавалером ордена Святого Владимира большого креста второй степени. Я, препровождая к Вашему Превосходительству знаки сего ордена, с тем чтобы Вы оные возложили на

себя по установлению, надеюсь, что сия Монаршая милость будет новым побуждением к отличению себя новыми подвигами.

Имею честь быть с особенным почтением Вашего Превосходительства, милостивый государь, покорным слугою.

Потемкин-Таврический

Г. А. Потемкин — А. В. Суворову

25 ноября 1790. Бендеры

Измаил остается гнездом неприятеля, и хотя сообщение прервано чрез флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг! По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части. Много тамо равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторой род сей нерешительного. Рибас будет Вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым; огляди все и распоряди, и помоляся Богу предпримайте. Есть слабые места, лишь бы дружно шли, князю Голицыну дай наставление, когда Бог поможет, пойдет выше.

Вернейший друг и покорнейший слуга князь
Потемкин-Таврический

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

12 декабря 1790. Измаил

Любезный друг мой, Катерина Ильинишна.

Я слава Богу здоров и вчерась к тебе писал с Луценковым, что я не ранен и Бог знает как. Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся.

Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшной город в наших руках, а ввечеру приехал домой, как в пустыню. Иван Ст. и Глебов, которые у меня жили, убиты, кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами. Целый вечер был один, к тому же столько хлопот [3], что за ранеными посмотреть не могу; надобно в порядок привести город, в котором одних турецких тел больше 15 тысяч. Полно говорить о печальном. Как бы с тобою видеться, мой друг; на этих днях увижу что можно, мне к тебе или тебе ко мне. <...> Скажу тебе, что за все ужаси, которые я видел, накупил дешево лошадей бесподобных, между прочим одну за 160 рублей буланую, как золотую, за которую у меня турок в октябре месяце просил 500 червонных. Этот турок выезжал тогда на переговоры. <...> Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось. Ты и дети не рассердитесь на меня, что гостинцев еще не посылаю, не видишь совсем таких вещей, как были в Очакове, для того что все было на военную руку.

Деткам благословение. Верный друг
Михайла Г[оленищев]-Кутузов.

А. В. Суворов — Г. А. Потемкину

21 декабря 1790. Измаил

<...> С 10-го на 11-е число в три часа пополудни все войски выступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а флотилия до Дунаю плыла к назначенным местам. А в пять часов с половиною все колонны как с сухого пути, так и водою, двинулись на приступ <...>

С левого же крыла, под присутствием господина генерал-поручика и кавалера Самойлова, шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова единовременно с первой и второю колонною, преодолев весь жесткий огонь картечных и ружейных выстрелов, дошла до рва, где бригадир Рыбопьер положил живот свой. Скоро, спустясь в ров, взошла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела

бастионом. Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем. Но множество оно остановило на первый миг распространение по валу и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контраскарпе*. <Контр-эскарп.> С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частью побит. Твердая в той строке** <Так в подлиннике, следует читать стране.> нога поставлена и войски простирали победу по куртине к другим бастионам <...>

Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною с помощью Божиею, наконец, решился в новую Россию славу. Мужество начальников, ревность и расторопность штаб- и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами <...>

Ставлю долгом своим свидетельствовать мужество и храбрость колоножных начальников и просить им за подвиги, труды и победу воздания [4]. Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов. <...>

М. И. Кутузов — Н. В. Репнину

№ 96 6 июня 1791. Лагерь при Тульче

Четвертого сего месяца помощью Всесильного имел я удачу разбить знатный корпус неприятеля под командою Ахмет сераскера трехбунчужного, имевшего при себе трехбунчужного же Журн-оглу, бывшего начальника в Хотине, и двухбунчужных Кюрд Осман-пашу и Дагир арнаут-пашу, им содействовал и хан Бахти-Гирей с пятью султанами, имея при себе всех некрасовцев и неверных запорожцов.

Весь укрепленный лагерь, где натура и некоторая степень искусства размножили препятствия достался нам добычею, восемь новых пушек и несколько знамен. Неприятель, получивший 2-го числа подкрепление, считался в пятнадцати тысячах турок и около осми тысяч хану принадлежащих; урон его убитыми простирается до тысячи пятисот человек, в том числе много знатных чиновников; раненых спасти можно было человек до тридцати, ибо казаки преследовавшие неприятеля, не хотя отягощаться пленными, пощады не давали. В Бабаде истреблены большие их магазейны, около тридцати тысяч четвертей и запас пороха.

При сем деле наш урон весьма мал и состоит почти весь в казаках.

Сейчас прибыл я к Тульче.

Генерал-порутчик Голенищев-Кутузов

Сие препроводить честь имею с моим дежурным майором Алфимовым, коего труды при сем деле пред Вашим Сиятельством похваляю.

Михайла Голенищев-Кутузов

Екатерина II — М. И. Кутузову

18 марта 1792. С.-Петербург

Усердная Ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, коими Вы отличились в сражении при Мачине и разбитии войсками Нашими под командою генерал князя Репнина многочисленной турецкой армии, верховным везирем Юсуф-пашею предводимой, где Вы, начальствуя над войсками левого фланга, при стремительных и многочисленных неприятельских нападениях преодолели все трудные переходы, в движениях Ваших соблюли отличное искусство и порядок, а в поражении неприятеля мужество и храбрость, учиняют вас достойным военного Нашего ордена Святого великомученника и победоносца Георгия. На основании установления его Мы Вас кавалером ордена сего большого креста второго класса Всемилостивейше пожаловали и,

знаки его при сем доставляя, повелеваем Вам возложить на себя и носить узаконенным порядком. <...>

Екатерина

Посольство в Турцию
1792—1794

Екатерина II — М. И. Кутузову
№ 530 25 октября 1792

Михайло Ларионович!

Вознамеревая отправить Вас чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской, повелеваю для получения надлежащих наставлений поспешить Вашим сюда приездом.

В. П. Кочубей — С. Р. Воронцову

7 октября 1792. С.-Петербург

<...> Императрица вчера назначила генерал-лейтенанта Кутузова Михаила Ларионовича послом в Константинополь. Никто не ожидал подобного выбора, поскольку хотя человек он умный и храбрый генерал, однако никогда его не видели использованным в делах политических. <...>

М. И. Кутузов — Екатерине II

№ 5 7 июня 1793. Из лагеря при м. Криуляны

Последнюю всеподданнейшую реляцию мою от 1-го числа сего июня месяца имел я счастье донести Вашему Императорскому Величеству о неотложном назначении 4-го числа сего ж месяца для размены моей при Дубоссарах с послом турецким, которая и действительно в тот день благополучно совершилась, после некоторых с стороны турецкой настояний, которые более просьбою именовать должно, чтобы размена воспоследовала не на нашем, а на их пароме, на что мы с генералом Пассеком и почли за должное согласиться в замену всех снисхождений и дабы дальнейшим оспориванием столь маловажного над нами преимущества не отдалить времени и самой размены. При сем осмеливаюсь так же представить Вашему Императорскому Величеству часть моего журнала с 22 мая до 7 числа сего месяца, из которого Ваше Императорское Величество усмотреть изволите, что ничего не упущено противу обряда, наблюденного при размене последнего бывшего посольства. <...>

Поведение турок с нами, Всемилостивейшая Государыня, чрезвычайно вежливо, и при всяком случае приметна крайняя их осторожность, дабы не подать нам причины к негодованию. Посол их пробудет в лагере при Дубоссарах семь дней и без сомнения согласится подвергнуть себя всем осторожностям в рассуждении проветривания вещей, и я с моей стороны, ежели приметно будет от него о сем нетерпении, промедлю здесь для взаимности несколько дней, не отдаляясь от Кривулен.

Михайла Голенищев-Кутузов

Екатерина II — Сенату

18 августа 1795. С.-Петербург

В день мирного торжества сентября 2-го прошлого 1793 года, по росписи с трона Нашего превозглашенной, пожаловав генералу-порутчику Михайле Голенищеву-Кутузову за службу его в вечное и потомственное владение две тысячи душ. Всемилостивейше повелеваем отдать ему в таковое потомственное владение из секвестрованных от участвовавших в бывшем

польском мятеже в Волынской губернии фольварки: зубовщинский, Шершневецкий, Кропивный, Волянский, Селянщинский, Сколобовский, Краевщинский, Могиланский и Немеровский, да местечко Райгородок, в коих по поданной Нам ведомости показано две тысячи шестьсот шестьдесят семь душ мужеска полу, с принадлежащими к ним землями и угодьями и всею хозяйственною в оных наличностию. Сенат, предписав куда следует о надлежащей всего того отдаче помянутому генерал-порутчику Голенищеву-Кутузову, имеет заготовить к подписанию Нашему жалованную Нашу грамоту.

Екатерина

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

4 октября 1793. Пера

Я въехал 26 сентября в Константинополь. Турки в церемонияле не делали никакова затруднения, и министерство велело сказать мне, что, из дружбы к особе моей, более Порты желает сделать учтивости мне, нежели Репнину. Таин определили на прежнем основании 400 пиястров на день, да султан, из особого уважения, из комнатной казны прибавляет 200, итого 600 пия[стров] на день. <...> Визирь на другой день приезда прислал спросить о здоровьи и табакерку с алмазами, чашку кофейную с алмазами и яхонтами, чрезвычайной работы, и 9 кусков богатых парчей, с таким еще вниманием, что каждого цвета по 30 пик здешней меры, чтобы стало на женское европейское платье. Все это ценят слишком на 10 000 пия[стров]. <...> Говорят, бытто <Т. е. будто.> велел султан готовить богатые подарки.

Министры все живут за городом, но приезжали смотреть моего въезда. Цесарской, прусской и неаполитанской были у меня за одну станцию от Конст[антинополя], и все вообще были с визитом на другой день приезда моего. Я ездил в Буюк-Дере, где обедал у цесарского интернунция. Они все живут хорошо. <...> Константинополь вот что: видя турецкие города, между прочим и Адриянополь, подумаешь иметь воображение об Константинополе; но ошибешься. Здесь строят, особливо в Фанаре и Пере, так мудрено и

смешно, что превосходит воображение. Улицы шириною с лосолев кабинет. Дома превысокие, множество окон, и балконы сходятся в верхних этажах вместе. Над моим домом есть бельведер. Взойдешь на него и увидишь все положение Константинополя: сераль, гавань превеликая, покрытая беспрестанно судами и лодками, которых, конечно, во всякое время глазом увидишь тысячу, Константинополь с прекрасной Софией, Сулимание, Фанари, Галата, Пера, прекрасной пролив Константинопольской, называемой древними Босфор Фракийской; за ним предместье Скутари в Азии; в нем 200 000 жителей; море Мрамора, острова Княжия, мыс Калцыдонской, гора Олимп, la tour de Leandre <Башня Леандра.> и множество других мест, — все это видно вдруг. Сии чудеса увидя, не рассмеешься, а заплачешь от чувства нежности.

Целую тебя, мой друг, будь здорова.

Михайла Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

5 ноября 1793. Пера

<...> На прошедших днях были визиты у визиря и аудиенция у государя, и от этого не мог я приняться за почту иначе, как вчерась, и задержал; в прошлую ночь она была должна уехать.

Как бы тебе на скоро сказать, что султан и его двор: с султаном я в дружбе, то-есть он, при всяком случае, допускает до меня похвалы и комплименты; велел подружиться своему зятю капитан-паше со мною; при одном споре об шубе, как ее надевать, заупрямился я (то-есть прежде церемонии за несколько дней). Он запретил со мною спорить и велел мне сказать, что полагается на меня, и что человек с моим воспитанием ему не манкирует. Я сделал так, что он был доволен. На аудиенции велел делать мне учтивости, каких ни один посол не видал.

Дворец его, двор его, наряд придворных, строение и убранство покоев мудрено, странно, церемонии иногда смешны, но все велико, огромно, пышно

и почтенно. Это трагедия Шакесперова, поэма Мильтонова [5], или Одиссея Гомерова.

А вот какое впечатление сделало мне, как я вступил в аудиенц-залу; комната немножко темная, трон, при первом взгляде, оценишь в миллиона в три; на троне сидит прекрасной человек, лутче всего его двора, одет в сукне, просто, но на чалме огромной солитер с пером и на шубе петлицы бриллиантовые. Обратился несколько ко мне, сделал поклон глазами, глазами и показал кажется все, что он мне приказывал комплиментов прежде; или я худой физиономист, или он доброй и умный человек. Во время речи моей слушал он со вниманием, чтобы наклонял голову и, где в конце речи адресуется ему комплимент от меня собственно, наклонился с таким видом, что кажется сказал: «мне очень ето приятно, я тебя очень полюбил; мне очень жаль. Что не могу с тобою говорить». Вот в каком виде мне представился султан. Задержал почту.

Прощайте, мои друзья.

Здравствуйте, детки, Боже вас благослови.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

18 декабря 1793. Пера

<...> Хлопот здесь множество; нету в свете министерского посту такого хлопотливого, как здесь, особливо в нынешних обстоятельствах, только все не так мудрено, как я думал; и так нахожу я, что человек того только не сделает, чего не заставят. Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей Богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно. <...>

М. И. Кутузов — М. Решиду

[декабрь] 1793

Жалобы посла блистательной Порты, пребывающего в Санкт-Петербурге, меня удивляют. Мне известно, что никто из пленных, оставшихся при своем законе и пожелавших возвратиться в отечество, противу воли в России не задержан, что доказывает множество пленных, в оттоманские области возвратившихся. Принявшие же закон христианской добровольно, могут ли почитаться в числе насильственно задержанных? Не известен мне образ, коим поступает посол в рассуждении таковых, и какими случаями навлекает себе неприятности, но наглые поступки людей, свиту его составляющих, подали может быть причину, необходимую полиции к некоторым осторожностям, на которые посол негодует и несправедливо жалуется. Не хочу я утруждать реис-эфендия неприятным исчислением всех своевольств, ими учиненных. Поведению их свидетели все иностранные, живущие в С.-Петербурге, в протчем все принадлежащие почести и уважения учинены послу, сколько мне известно, и уверяю, что приняты вновь строгие меры для отыскания пленных, задержанных насильно, буде таковые есть.

Право народное наблюдается в России свято, чему свидетель вся Европа. Агент и враждующей с Россией державы пользовался бы в полной мере покровительством оной, а посол дружественный, имеющий запечатлеть мир между великими державами, одушевленный единственно своими чувствованиями и хранящий меры поведения должного при великом дворе, может ли не пользоваться всем уважением, характеру его принадлежащим, среди столицы, отличающейся всеми добродетелями гостеприимства и особым вниманием к иностранным.

М. И. Кутузов — А. В. Суворову

5 января 1794. Пера

Господин генеральный консул Северин доносит мне, что он уведомил Ваше Сиятельство, будто бы Порта намерена через три месяца объявить России войну. Я должностию служения своего поставляю предупредить Вас, милостивого государя, что по примечаниям моим не полагаю я разрыв с нами

столь близок. Однако ж я поручил господину Северину уведомлять обстоятельно Ваше Сиятельство о проходящих новых войсках в оба княжества и в Бессарабию и о строении крепостей.

10 прошедшего декабря вручен Порте именем господина поверенного в делах решительный отказ о перемене тарифа, вечность коего основана на ясные слова 21 статьи торгового договора, по сию пору она мне ни слова по сему делу не говорит, а я толкую сие, следуя пословице: молчание суть признание, и уповаю, что сие дело не произведет больших хлопот. Везде развалившиеся ее крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот ее еще не силен; предпринятые перемены денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще всего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи, часть Аравии, большая Румелии и окрестности Требизонда довольно занимают непокорностию своею Порту. Все сии причины должны воздержать ее, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для нее пагубной крайности; но наиболее ее удержит знание, что управляет войсками в новоприобретенной области муж, столь страшные раны ей наносивший и коего смею уверить о беспредельной моей преданности и о том отличном и сердечном высокопочитании, с коим остаюсь Вашего Сиятельства, милостивого государя моего, всепокорнейшим слугою

Михайла Голенищев-Кутузов

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

20 января 1794. Пера

<...> Я здоров, только хлопотно очень; когда приходит отправлять почту, то сижу за письмом сутки по трои. И материя в письме все такая, что всякое слово важно, и чтобы не соврал не равнодушно. К тому же Хвостов, Пизани, Бароци между собою злы; друг под друга подкапываются. Также и мелких людей, которые в важные дела употребляются, много все плуты, и надобно не только стеречься и их, но и их обманывать.

Я выеду первого числа марта и поеду скорее, нежели сюда ехал, так что буду к границе в конце апреля. <...>

Верный друг Михайло Г[оленищев]-Кутузов

Селим III — Екатерине II

23 февраля 1794

<...>Поелику же реченный великий Ваш посол по природному своему благоразумию и прозорливости все правила посольской должности с совершенною точностию и благовидною вежливостию выполнил и таким образом долг своего усердного служения и верности своему государству так, как надлежало исполнив и удовлетворив, о возвратном своем отправлении просил Высочайшего Нашего соизволения, которое и получить уже удостоился.
<...>

Педагогическая и военно-административная
деятельность
1794—1804

М. И. Кутузов — Екатерине II

17 сентября 1794

По Высочайшей и Всемилостивейшей Вашего Императорского Величества воле я в командование Шляхетного сухопутного кадетского корпуса вступил, о чем счастье имею Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше донести.

Михайла Голенищев-Кутузов

Приказ Сухопутному кадетскому корпусу

№ 13 27 января 1795

Для соблюдения порядка предлагаю господину дежурному майору подавать мне ежедневно записки, какое прошедшего дня для господ воспитанников было кушанье, и объяснить во оных о доброте припасов. А также и о том за нужное нахожу постановить, чтоб вещи предвидимые, как-то: пудру, помаду, ленты, гребни и прочее, требованы были помесечно вперед, не превозвышая положенного учиненным распоряжением покойным господином главным директором корпуса графом Антоном Богдановичем Дебальменом на наличное число воспитанников; если же что излишнее истребуется, остаток показывать при будущем требовании и тогда к тому остатку только дотребовать.

Крайне стараться господам ратным командирам, инспекторам и прочим, чтоб вещи и прочее употребляемы были со всякою бережливостию. А требования таковые чинить не на лоскутках, но надлежащим порядком, ибо оные при книгах документом должны быть, и присылать в первых числах к господину главному казначею от каждого частного командира за подписанием, а он, получа, рассмотрев, что требуемое все нужно и не превозвышает положенного числа, сделав на них свое надписание, отдает тому приходчику, у коего оные вещи состоят, а если у разных, с них дает свои повеления за подписанием, а те оставляет при себе; в случае же когда усмотрит превосходство или что сумнительное, имеет доложить мне и тогда ожидает моего на то повеления. О чем кому следует дать сего определения копию.

Михайла Г[оленищев]-Кутузов

Н. П. Панин — А. Б. Куракину

13 января 1798. Берлин

<...> Подобно Вам, милый кузен, сознаю трудность выбора человека, долженствующего быть моим помощником. Вследствие этого у меня родилась мысль, которую я отдаю на Ваше мнение. Так как предварительный наказ [6] хотят дать генералу Кутузову, нет ли возможности остановиться на нем и оставить его здесь на несколько времени? Признаюсь, я предпочитаю его весьма многим. Он умен, со способностями, и я нахожу, что у нас с ним есть сходство во взглядах. Если пришлют кого иного, мы потеряем драгоценное время на изучение друг друга и, так сказать, на сочетание наших мнений. Еще одна из главных причин заключается в том, что (Кутузов) имел успех при дворе и в обществе. Старому воину они здесь доступнее, чем кому иному, и с этой выгодой он соединяет еще другую: знает в совершенстве немецкий язык, что необходимо. Наконец, повторяю, я думаю, что он будет полезнее другого и что мы с ним всегда поладим. <...>

Павел I — М. И. Кутузову

№ 149 15 февраля 1799

Господин генерал от инфантерии Кутузов.

Откомандирование Вашего квартирмистра сюда для полковых надобностей, не получив сперва на то Моего соизволения, приписывается Мною не к иному, как к Вашим прихотям, за что чрез сие и делаю Вам выговор.

М. И. Кутузов — П. Г. Дивову

Февраль* <Число не указано.> 1800. Вильно

Видя из иностранных газет и полученных мною из Петербурга сведений, что моровая язва открылась во Франции, куда распространилась до пределов Страсбурга, что думаю и Вам не безизвестно, побуждаюсь Вас, милостивый государь мой, покорнейше просить, есть ли бы паче чаяния, от чего да

сохранит нас Всевышний, коснулась та гибельная болезнь пределов Пруссии, не оставить поспешнейшим уведомлением, дабы я мог заблаговременно к ограждению Высочайше мне вверенной губернии от сей заразы предпринять надлежащие меры строгим осмотром проезжающих из-за границы людей в пределы Литвы и ввозимых товаров. Сим Вы весьма много одолжите пребывающего с истинным почтением навсегда

Михайла Голенищев-Кутузов

М. И. Кутузов — Литовской врачебной управе

№ 1460   26 апреля 1800

Из доставленного ко мне от новгородского городничего надворного советника Скалона рапорта усмотрел я, что из числа находящихся там для излечения оставленных мушкатерским Берха, что ныне Баклановского полку нижних чинов 18 померло 12 человек; предписываю врачебной управе посему учинить надлежащее и точнейшее исследование, от чего таковое число умерших из толь малого количества последовало и не было ли в пользовании и признании, которое за болящими употреблять было должно, с чьей-либо стороны упущения, что же по сему окажется, донести мне.

Из Высочайшего приказа

8 сентября 1800

Его Императорское Величество в присутствии Своем в городе Гатчине соизволил отдать следующий приказ.

Его Императорское Величество объявляет Высочайшее Свое благословение бывшим сего числа войскам на маневрах и командующим оными генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову и генералу от кавалерии графу фон дер-Палену, также и всем батальонным командирам, нижним же

чинам жалует по рублю, по чарке вина и по фунту говядины на человека; а притом Высочайше объявить изволили, что весьма утешно для Его Императорского Величества видеть достижения войска такого совершенства, в каком оно себя показало во всех частях под начальством таковых генералов, которых качества и таланты, действуя таковыми войсками и такой нации, какова российская, не могут не утвердить и не обеспечить безопасности и целости государства. <...>

Генерал-адъютант граф Ливен

М. И. Кутузов — Александру I

№ 80 21 ноября 1801

О бывшем в сем 1701 году по Выборгской губернии урожае хлеба ведомость у сего на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение поднося, всеподданнейше счастье имею представить, что нынешний урожай гораздо лучше прошлогоднего и что посеянный на будущий год озимый хлеб большею частию так хорош, что от него надеяться можно обильной жатвы, естли в будущую весну по сходе снегу и когда земля начнет таять не будут сильные утренние морозы и северные ветры, которые в той стороне почасту наилучшие виды доброй жатвы уничтожают.

Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов

М. И. Кутузов — Александру I

24 августа 1802. С.-Петербург

Всемиловитивейший Государь!

Бывши отягчен непритворною болезнью, не мог я чрез некоторое время отправлять должности; ныне же, получа облегчение, дерзаю испрашивать Вашего Императорского Величества о себе воли.

Сколь ни тяшко мне видеть над собою гнев кроткого Государя [7], и сколь ни чувствительно, имев пред сим непосредственной доступ, относиться чрез другого, но, будучи удостоверен, что бытие мое и силы принадлежат не мне, но Государю, повинуюсь без роптания во ожидании Его священной воли. Но ежели бы Вашему Императорскому Величеству не угодна была вовсе служба моя, в таком случае всеподданнейше прошу при милостивом увольнении воззреть оком, больше как сорокалетнюю в должностях военных и других, долго с честью отправляемых; на понесенные мною раны; на многочисленное мое семейство; на приближающуюся старость и на довольно расстроенное мое состояние от прехождения по службе из одного в другое место; и на беспредельную приверженность к особе Вашей, Государь, которую, может быть, застенчивость моя или образ моего обращения перед Вашим Императорским Величеством затмевает.

Всемиловитивейший Государь, Вашего Императорского Величества всеподданнейший

Голенищев-Кутузов
генерал от инфантерии

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

4 августа 1803. Горошки [8]

<...> Новым экономом я поныне очень доволен: он профессор, но дай Бог, чтобы у него было хотя наполовину честности противу его ума. А дурак и половины не сделает того, что бы можно было сделать. Я три недели и больше никуда из своих границ не выезжал и завтра еду в один фольварк за 25 верст, где еще не бывал. Хлеб сняли, то есть рожь и пшеницу. Урожай хорош, пшеница в десять раз родилась, а рожь поменьше — обманули в посеве — меньше было засеяно, нежели показали, не то раскрали мужики у эконома. Как

хлеб весь снимут, то приняться надобно за строения; нету ни винницы порядочной, ни одной пивоварни — что здесь важный пункт, особливо в Райгородке. Винокурия будет порядочная на восемь котлов, да надобно много пристроить в Райгородке для жидов. Вот мои упражнения. <...>

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

17 ноября 1804. Житомир

Посылаю, мой друг, 100 рублей и еще сколько могу, присылать буду до отъезда моего. Скучно работать и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено; иногда, ей Богу, из отчаяния хочется все бросить и отдаться на волю Божию. Видя же себя уже в таких летах и здоровье, что другого имения не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет и раны видеть потерянными, и эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным. Как-нибудь надобно, хотя за время, себе помочь, посмотрю, что можно будет сделать на контрактах в Киеве. <...>

[Михайла Голенищев-Кутузов]

Русско-австро-французская война 1805

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

31 августа 1805. Радзивиллов

Насилу, мой друг, доехал сегодня только до границы. Прескверная дорога была до самого Петербурга. <...> Сегодня в ночь пускаюсь в дорогу за границу и скоро надеюсь войски догнать. Я довольно здоров. Детей уведомя, что я здоров и их помню и благословляю. <...>

Верный друг Михаила Г[оленищев]-Кутузов

Приказ Подольской армии

3 октября 1805. Браунау

1.

Рекомендую господам шефам подтвердить офицерам полков, им вверенных, оказывать должную в обхождении благопристойность с австрийскими офицерами, наипаче же всякое уважение и почтение к их генералитету. В противном случае за малейшую грубость и неучтивость не только взыщу строго, но предавать стану законному наказанию, как нарушителей субординации.

2.

Всем нижним чинам подтвердить, чтобы отнюдь обывателям никаких обид и неудовольствий не причиняли, но старались бы убегать от всего, что может быть поводом к какой-либо ссоре и жалобам, и стараться наиболее ласковостью и хорошим обхождением с хозяевами привязать к себе жителей здешней земли.

Генерал Г[оленищев]-Кутузов

Приказ Подольской армии

6 октября 1805. Браунау

1-е

По приложенному при сем ордер-де-баталии с наименованием начальников фланговых, бригадных и полковых, вступить господам генералам

в командование назначенных им частей и бригад. Во время дела противу неприятеля, ежели вся пехота в кор-де-баталии будет действовать вместе, то командовать обеими флангами старшему генерал-лейтенанту Дохтурову.

2-е

Часто случаться будет надобность формировать баталионные колонны как для проходу сквозь линии, так и для лутчего наступления в трудных местах. Формирование сие делать на середину баталионов, составляя четвертой и пятой взвод на месте, а протчие, сделав по рядам налево и направо, формируют колонну.

3-е

Свойственное храбрости российское действие вперед в штыки употребляться будет часто, причем применять и наблюдать весьма строго:

1-е. Чтобы никто сам собою не отважился кричать победоносное Ура! Пока сие не сказано будет по крайней мере от бригадных генералов.

2-е. Чтобы при натиске неприятеля в штыки люди не разбегались, а держались во фрунте сколько можно.

3-е. Сколь скоро сказано будет: Стой! Равняйся! тотчас остановились; тут видна будет доброта каждого баталиона особенно и достоинство его командира, которой предписанные сии осторожности наиболее выполнит.

4-е

Баталиону, проходя закрытое лесом или иным образом место, деревни или тому подобное, тут, не ожидая приказу генерала, выслать стрелков и закрыть себя как должно.

5-е

Я надеюсь, что не имею нужды напоминать, что всякий во время дела будет при своем месте.

Генерал-Г[оленищев]-Кутузов

Александр I — М. И. Кутузову

[24] октября 1805

После бедствия австрийской армии Вы должны находиться в самом затруднительном положении. Остается для Вас лучшим руководством: сохранять всегда в памяти, что Вы предводительствуете армиею Русскою. Всю доверенность Мою возлагаю на Вас и на храбрость Моих войск. Надеюсь также на Ваше убеждение в том, что Вы сами должны избирать меры для сохранения чести Моего оружия и спасения общего дела. Знаю, теперь ничего не должно предоставлять случаю, и надобно выигрывать время, доколе корпус Буксгевдена не подойдет на театр войны и пруссаки не начнут военных действий. Однакож, если Вы не можете избежать сражение, то полагаю, что согласно первоначальному Вашему мнению, Вы пойдете атаковать неприятеля и не будете ожидать его в позиции.

Вам непременно должно сохранять доброе согласие с австрийскими генералами, но, удостоверясь из опыта в неспособности генерала Макка, Вам не должно полагаться на его советы. Я тогда только останусь спокойным, когда узнаю, что Вы решились принять на самого себя высокую ответственность защищать Вену. Вы имеете к себе доверенность Мою, армии и союзников. Докажите неприятелю, сколь справедливо возлагается на Вас общая доверенность.

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

30 ноября [1805]. В Венгрии

Пользуясь отъездом князя Волконского, скажу тебе, мой друг, что я, слава Богу, здоров. К Лизаньке принужден был послать Апочинина, чтобы отвезти ее

в Россию. Письмо, здесь прилагаемое к графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену, вели ему доставить с осторожностью. Ты слышала, конечно, об наших нещастиях. Могу тебе сказать в утешение, что я себя не обвиняю ни в чем, хотя я к себе очень строг. Бог даст, увидимся; етог меня никогда не оставлял.

Детям благословение.

Верный друг Михайло Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Александру I

4 декабря 1805. Местечко Ретим

Генерал-лейтенант Милорадович рапортует мне, что Владимирского мушкетерского полка капитан Сухотин, штаб-капитан Хатов и порутчик Франк накануне сражения с неприятелем рапортовались больными, а Сухотин и Франк, не сказавшись в полку, уехали в Вагенбург, только дали знать через фельдфебелей о своей болезни. В Вагенбурге приказано было полковому лекарю Зимницкому их болезни освидетельствовать, которой объявил, что они здоровы и никаких болезней не имеют. Я именем моим полагаю наказать их примерно, лишив чинов, выписать из службы. Вашему Императорскому Величеству о том всеподданнейше представляю.

Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов

М. И. Кутузов — Александру I

15 декабря 1805. Местечко Лошонц

После сражения бывшего в 20-е число ноября, нижние чины из плену французов спаслись бегством и вынесли четыре знамя, ими с древок сорванные, и именно: Бутырского мушкетерского полка портупей-прапорщик

Измайлов 1-й и Галицкого мушкетерского фельдфебели: Никифор Бубнов, Селиверст Куфаев и унтер-офицер Иван Волков, а фельдфебель Александр Андреев одне кисти и копье. О сем их отличном поступке вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу.

Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов

Александр I — М. И. Кутузову

24 февраля 1806. С.-Петербург

Нашему генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову.

Отличное мужество Ваше и неутомимая деятельность, дознанная уже прежде Вашими подвигами и подтвержденная ныне во время бывшей кампании противу французских войск, где Вы, неблагоприятными обстоятельствами союзника будучи поставлены в необходимость предпринять оную при весьма малой потере до Ольмюца, отвращая искусными и благоразумными распоряжениями все покушения на Вас многочисленного неприятеля и причинив ему неоднократно на пути поражениями весьма чувствительный вред, обращают на себя Наше внимание и милость, во изъявление коих Мы Всемилостивейше пожаловали Вас кавалером ордена Нашего Святого равноапостольного князя Владимира большого креста первой степени, коего знаки при сем препровождая, повелевает Вам возложить на себя и носить по установлению. Удостоверены Мы, впрочем, что Вы, получив таковое доказательство Нашей признательности, потщитесь и впредь продолжением ревностной службы Вашей вяще удостоиться Монаршего Нашего благоволения.

Александр

Военная и административная деятельность,

русско-турецкая война 1806—1812

М. И. Кутузов — Александру I

1 марта 1806. Дубно

Согласно с Высочайшим Вашего Императорского Величества повелением, при коем приобщено было новое расписание войск, я не преминул учинить надлежащее исполнение; когда ж некоторые полки выступят, чрез какие главные места иттить будут и когда придут на новые свои квартиры, Ваше Величество изволите усмотреть из всеподданнейше подносимой при сем ведомости.

Постепенное всех и позднее некоторых выступление из настоящих квартир было необходимо для избежания стеснения и самого недостатка по пути в квартирах и подводах, коих число полкам, лишившимся за границею лошадей своих и обозов, нужно ныне не в пример превосходнее противу прежнего, к тому же я в сем распоряжении имел в виду главной предмет — продовольствие людей и лошадей. Естли бы все полки выступили вдруг, не токмо цены на хлеб и фураж, довольно уже высокие, превзошли бы тогда всякую меру, но оказался бы неминуемо и недостаток; напротив того, теперь дано время к приготовлению продовольствия подвозом из дальнейших мест, где цены умерены.

Я не преминул отнестись по сему предмету ко всем гражданским губернаторам, в губерниях коих расположатся войска по новому расписанию или проходить будут, снабдив соответственными повелениями и военного советника Грабовского, и, чтобы как сему, так и губернаторам дать нужное время к принятию мер, я принужденным нашелся умедлить даже вступление первых полков. О чем имею щастие всеподданнейше донести.

Подлинной подписал генерал от инфантерии

Голенищев-Кутузов

М. И. Кутузов — Д. С. Дохтурову

29 июня 1806

Милостивый государь мой Дмитрий Сергеевич!

Отличная храбрость, подвиги и понесенные труды Вашим Превосходительством в минувшую кампанию в приятнейшую обязанность поставили меня свидетельствовать о них у престола Его Императорского Величества. Государю Императору в воздаяние оных угодно было всемилостивейше пожаловать Вас кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени, коего знаки при Высочайшем рескрипте у сего к Вашему Превосходительству препровождая, твердо в душе моей убежден, что ими облечается один из отличнейших генералов прошедшей кампании, особенно заслуживший внимание его Императорского Величества, любовь всей армии, почтение имеющего честь пребыть с истинною преданностию Вашего Превосходительства воепокорным слугою

Михайло Г[оленищев]-Кутузов

P. S. Служба Ваша, Дмитрий Сергеевич, без сомнения приобрела Вам право на вяция награждения, и я могу Вас уверить, что монаршая милость не ограничится на препровождаемом мною к Вам ордене. Я надеюсь в скорости иметь приятное для меня удовольствие возвестить Вам новые знаки высочайшего к Вам благоволения.

Кутузов

Александр I — Ф. А. Голубцову

19 сентября 1806. С.-Петербург

Господин тайный советник и государственный казначей Голубцов!

Во уважении на усердную и верную службу генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова Всемилостивейше пожаловали Мы ему для оплаты долгов, по службе нажитых, пятьдесят тысяч рублей, которые повелеваем выдать ему из Государственного казначейства. Пребываем впрочем Вам благосклонны.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукой тако:

Александр

Контрсигнировал министр финансов граф Васильев

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

29 апреля [1807]. Киев

<...> Я хожу всякий день поутру по целому часу пешком по саду, этим хочу лечитца от толщины. В саду столько соловьев, что я и в Горошках больше не слыхивал; для их нарочно держут муравьев с яйцами. Погода теперь прекрасная, и все фруктовые деревья цветут. Хлебы везде хороши, только беда, что подвод много надобно посылать с провiantом к армии в рабочую пору. <...>

А. А. Прозоровский — Александру I

№ 2521   21 декабря 1807. Яссы

<...> Страхуюсь я, Всемилостивейший Государь, только престарелых моих лет, хотя сил душевных, надеясь на милость Божию, и достать может. Итак, опасуюсь я, чтобы иногда телесные силы мои не отказали мне самолично все увидеть, хотя в самых важных случаях я, конечно, все положение земли сам осмотрю; но на всякий таковой случай для пользы Вашей, Всеавгустейший Монарх, нужно, чтобы первый подо мною генерал не только имел достаточные

сведения, но и опытность в военном искусстве, дабы я, в случае когда с силами не соберусь что-либо сам осмотреть, мог употребить его вместо себя. К сему признаю я способнейшим генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, который почти мой ученик и методу мою знает, а решительны, Всемилостивейший Государь, в предприятиях мы будем <...>

Князь А. Прозоровский

М. И. Кутузов — П. К. Эссену 3-му

№ 983 4 апреля 1808

Московский гренадерский полк, стоя на квартирах в городе Киеве, добрым поведением людей своих обратил к себе благодарность жителей сего города, которую и поручаю вашему превосходительству оному полку объявить.

Приказ Главному корпусу Молдавской армии

№ 62 Ноябрь* <Число не указано.> 1808

По случаю выступления войск Главного армии корпуса на зимние квартиры, я поставлю себе приятнейшею обязанностью, изъявить признательность мою господам дивизионным начальникам, шефам и командирам полков за строгую дисциплину и совершенной порядок вверенных им войск во все время пребывания их в главном лагере, при селении Калиени расположенном. Поведение нижних чинов в рассуждении обывателей относительно собственности их, во все время ненарушимой, таково, что служить может примером войскам всей Европы.

Я надеюсь, что зимние квартиры послужат им новым способом к приведению всех частей службы Его Императорского Величества еще к большему и совершенному устройству. Рекруты сделаются уже старыми солдатами, изучены будут их должности в совершенстве; притом и стрельбе в

цель, для чего приведены будут ружья в такое состояние, что солдат на его надеяться может; притом сохранено будет и здоровье солдат. Кавалерия также не упустит вместо обыкновенных проездов обучать людей и молодых лошадей поодиночке, дабы кавалерист вне-эскадронно и один страшен был неприятелю. Сего в полной надежде от полков я ожидать вправе, зная начальников.

[Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов]

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

17 апреля [1809]. Лагерь при Браилове

Сегодня едет куриер, мой друг, к вам в Петербург.

Я, слава Богу, здоров и все, которые около меня. Надеемся скоро взять Браилов. Аннушка, думаю, вчерась только приехала в Фокшаны, отсюда верст семьдесят, и там остановится.

За все твои присылки благодарю, и теперь прошу прислать пластыря на руку и побольше. Больше некогда писать, здесь хлопотно. Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-Ку[тузов]

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

16 мая 1809. Галац

<...> Состояние мое здесь становится мне тяжело, при всем моем терпении. Фельдмаршал делает все по советам других; однакоже за всякую неудачу сердится тут же и на меня, так, как бы точно делал по моему совету. Мое положение тем тяжелее, что я должен скрывать все неудовольствие мое,

не показать никому виду, чтобы не испортить службы; да и тебя прошу никому об этом не говорить и ко мне об этом не писать. Буду терпеть, пока смогу. <...>

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

3 июня 1809. Галац

<...> Меня, кажется, поссорили с князем из Петербурга, именно думаю, княгиня, бытто что-то говорила и до него дошло. Я не интригант, бог с ними, как хотят. Буду терпеть, пока мочь будет. Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-Ку[тузов]

Аттестат подполковника К. Ф. Толя

№ 622 20 июня 1809

С апреля месяца 1808 года поступив в мою команду старшим чиновником к Главному Молдавской армии корпусу, во все время оказывал не только усердие и расторопность, но совершенно во всех случаях оправдал те труды, которые на воспитание его в кадетском корпусе употреблены были, и, соединяя познания своей части с отличной храбростью, доказал те чувства, которые в младенчестве в публичном воспитании старались ему вселить, и тем доставил мне случай сугубо приятно отдать ему справедливость, имев его кадетом под моими глазами и видя теперь достойным офицером в войсках Его Императорского Величества.

[Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов]

М. И. Кутузов — А. М. Хитрово

23 сентября 1809. Вильно

Милая Аннушка, здравствуй!

<...> Несмотря на все удовольствия Вильны, в которых, уверяю тебя, у меня нет недостатка, я часто скучаю, находясь вдали от вас. Хотя у меня есть все для того, чтобы мне здесь нравилось, потому что у меня много друзей. <...>

Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-Кутузов

Всех сестриц поцелуй.

М. И. Кутузов — Н. П. Румянцеву

№ 94 26 апреля 1811. Бухарест

Милостивый государь граф Николай Петрович!

При одном из почтейнейших отношений Вашего Сиятельства от 12-го сего апреля получил я исправно полную мочь на случай трактования с Портою для заключения мира.

Обретая в сем подвиге особенный знак высокомонаршей ко мне доверенности Его Императорского Величества, я стараться буду употребить все мои силы и все мое напряжение, дабы исполнением священной воли его достигнуть цели заключением желанного мира, естли только споспешествовать к тому будут возможность и обстоятельства. С господином тайным советником Италинским буду я находиться в частных сношениях, дабы, пользуясь опытности, приобретенною им долговременным упражнением в делах политических, в общих рассуждениях не упускать ничего из виду, что может служить к пользе Государя и отечества.

Я обязательнейшим долгом для себя поставляю принести Вашему Сиятельству чувствительнейшую благодарность за все столь лестные на счет мой выражения ваши. Для меня паче всего в жизни утешительно будет в

настоящем моем звании оправдать доверенность ко мне монарха и приобрести себе продолжение доброго расположения Вашего и откровенности, с каковыми Вы, милостивый государь, сделали начало Ваших со мною сношений. Во взаимность того, я прошу также Вас принять искреннее удостоверение в чувствованиях отличного высокопочитания и совершенной преданности, с коими имею честь пребыть Вашего Сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга.

Михайла Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

23 июня [1811]. Лагерь пред Рущуком за Дунаем

22-го, то-есть вчерась, Бог Всемогущий даровал мне победу. Я выиграл баталию над визирем, который был, конечно, в шестидесяти тысячах; это не моими, а, конечно, вашими молитвами. Слава Богу, здоров, но усталость такая что едва могу держать перо. Я весьма доволен генералами и любовью солдат. Дрались на всех пунктах пять часов и везде хорошо.

Приметен анекдот, что визирь получил от меня накануне баталии шесть фунтов чаю, он до его охотник, и приказывал мне, прислав лимонов и апельсинов. Мы с ним весьма учтивы и часто наведываемся о здравии.

Обнимаю тебя, мой друг, и детей с внучатами. Боже их благослови.

Верный друг Михайло Г[оленищев]-Кутузов

Приказ Молдавской армии

№ 65 24 июня 1811

По воздании Всевышнему благодарения за победу, мною одержанную, считаю, во-первых, справедливым долгом изъявить истинную мою

благодарность вначале г.г. генералам, товарищам моим, содействовавшим искусством и мужеством своим к разбитию сильного неприятеля; не менее сердечную признательность мою объявляю г. штаб- и обер-офицерам, столь достохвально должность их выполнивших; нижним чинам, в сражении бывшим принадлежит участие в победе сей, они твердостью своею не уступили нигде мечу неприятеля, и те части войск, которые я во время самого жаркого сражения близко видеть мог, во всех тех видел дух русских и победу, уже написанную на их лицах.

22-е число июня пребудет навсегда памятником того, что возможно малому числу, оживленному послушанием и геройством противу бесчисленных толп, прогнать неприятеля.

Генерал Г[оленищев]-Кутузов

Александр I — М. И. Кутузову

18 июля 1811. С.-Петербург

Михайло Ларионович!

Одержанная Вами над верховным визирем победа в 22-й день июня покрыла Вас новою славою. Большое превосходительство сил неприятельских Вас не остановило. Вы желали токмо их встретить, и опыт оправдал верность воинских Ваших предусмотрений: пятнадцать тысяч храбрых разбили шестьдесят-тысячные турецкие толпы. Неприятель спасся от совершенного истребления токмо в укреплениях, ком предосторожная робость его прежде битвы еще приготовила.

В память сего знаменитого подвига и в знак благодарности отечества Я возлагаю на Вас портрет Мой.

Пребываю навсегда к Вам доброжелательный

Александр

Из заметок о генералах русской армии капитана де Лонгерю

[Август 1811]*<Документ не датирован. Дата установлена по содержанию документа.>

Генерал Кутузов-Голенищев. Главнокомандующий Молдавской армией, 65 лет, хороший генерал, весьма уважаемый в России, хороший тактик, очень храбрый перед лицом неприятеля. Очень богат. <...>

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

3 октября 1811. Близ Журжи

Я слава Богу, здоров, мой друг. Визирь больше нежели когда-нибудь раскаивается, что перешел Дунай. Вчерась было происшествие, которое не часто бывает: от меня корпус на той стороне Дуная атаковал визирской лагерь, который со всем богатством взят. Визирь убежал своей персоной по сю сторону к своему главному корпусу и окружен отвсюда. Дай Бог добрый конец всему. Люди наши свежи и храбры. Теперь надобно только Богу молиться.

Детей всех целую. Боже их благослови.

Верный друг Михайло Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

16 октября [1811]

У меня все идет хорошо, слава Господу сил! Армия турецкая заперта. Силистрия и Туртукай взяты. У Видина Засс прогнал турков за Дунай и сам переходит. Об мире говорим. Только хлопот много и заботы. Детям благословение. Вперед буду писать к им много.

Верный друг Михайло Г[оленищев]-К[утузов]

М. И. Кутузов — М. Б. Барклаю де Толли

18 октября 1811. Крепость Журжа

С е к р е т н о

Милостивый государь мой Михайло Богданович!

Сколь ни велико я имел отвращение к приостановлению военных действий, но, наконец, должен был к сему приступить, увидя, что без того визирь не приступить не только к уступкам, но и к трактованию, ибо вся его цель спасти чрез скорый мир войски, на сей стороне находящиеся, в том числе и корпус янычарской. И так естлиб я не согласился на приостановление действий, тогда бы могла быть взята и в плен, может быть, вся армия, но визирь уже не имел бы причины спешить так миром. И какое султану осталось бы побуждение к скорой ратификации?

С совершенным почтением и истинною преданностию имею честь пребыть Вашего Высокопревосходительства всепокорный слуга.

Михайло Г[оленищев]-Кутузов

Александр I — Правительствующему Сенату

29 октября 1811. С.-Петербург

В ознаменование благоволения Нашего к знаменитым заслугам и в особенности к отличным подвигам и благоразумным воинским усмотрениям, оказанным в течение настоящей против турок кампании главнокомандующим Молдавскою армиею генералом от инфантерии Голенищевым-Кутузовым,

признали Мы справедливым пожаловать Ему и потомству Его графское Российской империи достоинство.

Правительствующий Сенат не оставит, изготовив установленным порядком грамоту, поднести оную к Нашему утверждению.

Александр

Александр I — М. И. Кутузову

22 марта 1812. С.-Петербург

С е к р е т н о

Граф Михаил Ларионович!

Вы получили с сим курьером от канцлера разрешение на вопросы, возникшие по мирным переговорам.

Обстоятельства час от часу становятся важнее для обеих империй, Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира с Портою. Убедительнейше Вас вызываю любовью к своему отечеству обратить все внимание и усилия ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все побочные занятия, и с тем проницанием коим Вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу.

Для единственного Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставить заключение мира, можете Вы сделать необходимую уступку в статье о границе в Азии. В самой же крайности позволяю Вам заключить мир, положив Прут, по впадению его в Дунай, границею. Но сие дозволение вверяю личной Вашей ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо, без изъятия, не было известно о сем до самого часу

подписания. На сию столь важную уступку однако же, не иначе позволяю Вам согласиться, как постановя союзный трактат с Портою.

Я надеюсь, что Вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите из виду ничего нужного к достижению желаемой цели.

Пребываю Вам навсегда благосклонным

Александр

Помета рукой М. И. Кутузова: Получен 2 апреля.

Александр I — М. И. Кутузову

9 апреля 1812. С.-Петербург

Михаил Ларионович!

Заключение мира с Оттоманскою Портою прерывает действию Молдавской армии; нахожу приличным чтобы Вы прибыли в Петербург, где ожидают Вас награждения за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали Мне и отечеству. Армию, Вам вверенную, сдайте адмиралу Чичагову. Пребываю Вам навсегда благосклонным.

Александр

М. И. Кутузов — Н. П. Румянцеву

№ 47 16 мая 1812. Бухарест

С е к р е т н о

Милостивый государь граф Николай Петрович!

Приведя к окончанию настоящую с Портою негоциацию заключением и подписанием сего числа мирного между обоими державами договора, честь имею препроводить при сем с сего трактата копию, покорнейше прося Вас, милостивый государь, поднести оную на Высочайшее Его Императорского Величества усмотрение.

В сем счастливом для отечества нашего и общепольном событии старался я, сколько то обстоятельства дозволяли, сблизиться с разумом всемилостивейшего Его Императорского Величества рескрипта, чрез посредство Вашего Сиятельства ко мне доставленного, и руководствоваться как в образе трактования, произведенного сходственно с Высочайшею волею во всевозможной тайне, так и в самом ограничении первоначальных требований наших. <...>

Что же касается до союза, то об оном не упоминается в трактате, по неимению у полномочных турецких достаточной власти на помещение таковой статьи. Настаивая в сем требовании, не только повредили бы мы скорейшему успеху начатого дела, но и вовсе бы ход оногo и самое событие могли приостановить. Между тем как теперь, когда положено твердое основание доброму согласию, можем мы посредством возобновляемых ныне дружеских сношений между нами и Портою Оттоманского извлечь из мира сего всю ту пользу, каковую Государь Император предполагать для себя изволит, и склонить султана на вступление с нами в союз.

Примите, милостивый государь, искреннейшее мое поздравление по случаю сего важного предприятия, после толиких пожертвований, трудов и домогательств, с преодолением всех препятствий к желаемому концу приведенного, в то время когда обстоятельства Европы соделывают мир с Портою толико для нас полезным.

С отличнейшим высокопочтанием и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

гр[аф] Михайло Г[оленищев]-Кутузов

P. S. Нет сомнения, что мир, ныне заключенный с Портою, обратит на нее неудовольствие и ненависть Франции, а потому также неоспоримо, решится султан на все наши предложения, почитая тогда союз с нами для собственной своей безопасности необходимым.

Имею честь быть

ut in litteris

гр[аф] Михайла Г[оленищев]-Кутузов

Отечественная война и Заграничный поход

1812—1813

И. А. Пуколов — А. А. Аракчееву

27 июня 1812. С.-Петербург

<...> Военные бюллетени переходят из рук в руки. Говорят многое, как водится в больших городах. Впрочем станем ожидать от Божеской милости всего хорошего. <...>

Александр I — М. И. Кутузову

15 июля 1812 г. Москва

Михайла Ларионович! Настоящие обстоятельства делают нужным составление корпуса для защиты Петербурга. Я вверяю оной Вам. Воинские Ваши достоинства и долговременная опытность Ваша дают Мне полную надежду, что Вы совершенно оправдаете сей новой опыт Моей доверенности к Вам. В состав сего корпуса войдут все войска, находящиеся в Петербурге и окрестностях, равномерно и новое вооружение, которое Я ожидаю от дворянства перербургского, одушевленного, конечно, тем же усердием, как и московское. Предписываю Вам сообразить все нужные меры по сим

предметам с фельдмаршалом графом Салтыковым, ген[ералом] от инф[антерии] Вязмитиновым и ген[ерал]-лейт[енантом кн[язем] Горчаковым.

Пребываю навсегда Вам доброжелательным

Александр

И. П. Оденталь — А. Я. Булгакову

19 июля [1812]. [С.-Петербург]

<...> Вот уже 11 часов утра, а из армий нет никаких известий. В таком случае лучше не делать никаких догадок. Божусь Вам, что сам себе дал слово никак не толковать и даже не думать о сей медленности. Ухожу от тех, которые бы могли меня на то наводить. Чувствую токмо и про себя разумею, что граф Голенищев-Кутузов здесь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Бог жизнь его и здравие! Его выбрало здешнее дворянское сословие начальником вновь набираемых защитников отечества. Натурально ему от сего отказаться было не можно. Но ежели не последует по Высочайшей воле полезнейшего для него, а следовательно, и для России назначения, то накажет праведный и всемогущий Судия тех, которые отъемлют у нас избавителя. Вчерась на сего почтенного, заслугами покрытого мужа не мог взирать я без слез. <...> Исторгли у него меч, а дают вместо того кортик. А ведь у него меч в руках также действует, как у Михаила Архангела. С кортиком-то, Бог ведает, к чему он приступит. Да еще, Боже оборони, как поспеет он к шапочному разбору. Эй! Глас общий взывает: пустите героя вперед с регулярными! Все уцелеет и до задних оруженосцев дело не дойдет. Им достанется токмо воссылать к Богу усердные благодарения за победы, за истребление врага. <...>

Александр I — Правительствующему Сенату

29 июля 1812. С.-Петербург

Указ Нашему Сенату.

Во изъявление особенного Нашего благоволения к усердной службе и ревностным трудам Нашего генерала от инфантерии графа Голенищева-Кутузова, способствовавшего к окончанию с Оттоманскою Портою войны и к заключению полезного мира, пределы Нашей империи распространившего, возводим Мы Его с потомством Его в княжеское Всероссийской Империи достоинство, присвоив к оному титул Светлости. Повелеваем Сенату заготовить на княжеское достоинство диплом и поднести к Нашему подписанию.

Александр

Ф. В. Ростопчин — Александру I

6 августа 1812

Государь! Ваше доверие, занимаемое мною место и моя верность дают мне право говорить Вам правду, которая, может быть, встречает препятствие, чтобы доходить до Вас. Армия и Москва доведены до отчаяния слабостью и бездействием военного министра, которым управляет Вольцоген. В главной квартире спят до 10 часов утра: Багратион почтительно держит себя в стороне, с виду повинуется и по-видимому ждет какого-нибудь плохого дела, чтобы предъявить себя командующим обеими армиями.

Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска: иначе, Государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредоточивает все в своей голове. Он сам должен быть в большом затруднении; но Барклай и Багратион могут ли проникнуть его намерения? <...>

Александр I — М. И. Кутузову

8 августа 1812. С.-Петербург

Михайло Ларионович!

Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий хотя и предшествовало было начальными успехами, но последствия оных не открывают мне той быстрой деятельности, с каковою бы надлежало действовать на поражение неприятеля.

Соображая сии последствия и извлекая истинные тому причины, нахожу нужным назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве.

Известные военные достоинства Ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают Вам истинное право на сию мою доверенность.

Избирая Вас для сего важного дела, Я прошу всемогущего Бога, да благословит деяния Ваши к славе российского оружия и да оправдаются тем щастливые надежды, которые отечество на Вас возлагает.

Пребываю Вам всегда благосклонным

Александр

Александр I — Екатерине Павловне

8 августа 1812

<...> Я нашел, что настроение здесь хуже, чем в Москве и провинции; сильное озлобление против военного министра, который, нужно сознаться, сам тому способствует своим нерешительным образом действий и беспорядочностью, с которой ведет свое дело. Ссора его с Багратионом до того усилилась и разрослась, что я был вынужден, изложив все обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цели комитету, — назначить главнокомандующего всеми армиями; взвесив все основательно, остановились на Кутузове, как на старейшем, и дали таким образом Беннигсену возможность

служить под его начальством. Кутузов вообще в большом фаворе у здешнего общества и в Москве. <...>

М. И. Кутузов — М. Б. Барклаю де Толли

№ 17 13 августа 1812. Бронницы.

Милостивый государь мой Михайло Богданович!

Влагаемые у сего высочайшие рескрипты: один на имя Вашего Высокопревосходительства, другой же, которой прошу тотчас доставить на имя Его Сиятельства князя Багратиона, — укажут Вам милостивый государь мой, Высочайшее назначение меня главнокомандующим всех армий. Поспешая туда прибыть, сие будет покорнейшею моею просьбою, выслать ко мне фельдъегеря в Торжок, через которого мог бы я получить сведение о том, где ныне армии находятся, и которой указал бы мне тракт из Торжка к оным.

Я оставляю личному моему с Вашим Высокопревосходительством свиданию случай удостоверить Вас, милостивый государь мой, в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть, Вашего Высокопревосходительства всепокорный слуга

князь Михаил Г[оленищев]-Кутузов

Высочайшее письмо к графу Нессельроду и письмо к г. Строганову покорно прошу доставить им.

Г[оленищев]-Кутузов

И. П. Оденталь — А. Я Булгакову

16 августа 1812. С.- Петербург

<...> Злодей прорвался к Смоленску там, где того не предполагали. Неверовского дивизия слишком была слаба, чтобы не пасть среди отчаянного защищения против силы, которая вдесятеро ее превышала. Не я буду описывать Вам ужасы, которым от худого распоряжения подвергся Смоленск.

Сильно достанется теперь Михайле Ларионовичу поправлять ошибки! Как можно было дать начальство над армиею такому человеку, которого нигде, кроме ручного боя, нельзя употреблять, да и то много с 10-ю тысячами! Надеюсь, что Кутузов всех этих храбрецов поставит на своем месте. До сих пор мы сами себе были враги. Не так пойдут дела, как ум возьмет поверхность над интригами. Ему должны теперь покоряться, ибо от него зависит избавление России. <...>

Вчера же обедал я вместе с бойким казанским протопопом. Он до слез тронул меня и всех присутствовавших рассказом об отъезде Михаила Ларионовича! Будущий избавитель наш в дорожном экипаже в воскресенье пред самую обедню при великом стечении народа приехал служить молебен в Казанский собор. Во все продолжение оного стоял он на коленях, вся церковь с ним. Он заливался слезами, воздевая руки к Распорядителю судеб, вся церковь рыдала. По окончании молитвы всяк хотел подхватить русскую надежду под руки. Два протопопа собора воспользовались сим счастьем. Народ теснился вокруг почтенного старца, прикасался его платья, умолял его: «Отец наш! Останови лютого врага, низложи змия». Несчастливым считаю себя, что не зрел сего величественного и умирительного шествия.

Кутузов! Ты восторжествовал над кознями. С обетом народа, с твоим умом, с твоею опытностью, с любовью к Отечеству, ты восторжествуешь и над страшным врагом. Гони вон строптивых, мнимых героев, сделай в начальстве другой распорядок, расставь непобедимых так, чтоб коварство везде обретало себе оплот. <...>

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

19 августа [1812]. При Гжатской пристани

Я, слава Богу, здоров, мой друг, и питаю много надежды. Дух в армии чрезвычайной, хороших генералов весьма много. Право, недосуг, мой друг, Боже, благослови детей.

Верный друг Михаила Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Ф. В. Ростопчину

№ 8 21 августа 1812. Колоцкий монастырь

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

Я уже имел честь уведомить Ваше Сиятельство о недостатках в продовольствии, которые армии наши претерпевают. Теперь, намереваясь по избрании места близко Можайска дать генеральное сражение и решительное для спасения Москвы, побуждаюсь повторить Вам убедительнейшие мои о сем важнейшем предмете настояния. Если Всевышний благословит успехи оружия нашего, то нужно будет преследовать неприятеля: а в таком случае должно будет обеспечить себя также и со стороны продовольствия, дабы преследования наши не могли остановлены быть недостатками. На сей конец отношусь я сего же дня к гг. губернаторам калужскому и тульскому с тем, чтобы они все, учиненные Вашим Сиятельством по сему распоряжению, выполняли в точности и без малейшего замедления. Все сие представляю я беспримерной деятельности Вашей.

Уведомясь, что жители Москвы весьма встревожены разными слухами о военных наших происшествиях, прилагаю здесь для успокоения их письмо на имя Вашего Сиятельства, которое можете вы приказать напечатать, если почтете за нужное.

Коль скоро я приступлю к делу, то немедленно извещу Вас, милостивый государь мой, о всех моих предположениях, дабы Вы в движениях своих могли содействовать миру и спасению отечества.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью, милостивый государь мой, Вашего Сиятельства всепокорный слуга

князь Михаил [Голенищев]-Кутузов

[P. S.] Я доныне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию. Сегодняшнего числа хотя и довольно хороша, но слишком велика для нашей армии и могла быть ослабить один фланг. Как скоро я изберу самую лучшую, то при пособии войск, от Вашего Сиятельства доставляемых, и при личном Вашем присутствии употреблю их, хотя еще и недовольно выученных, ко славе отечества нашего.

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

22 августа [1812]. При селе Бородине

Я, слава Богу, здоров, мой друг, и с надеждою на Бога. Армия в полном духе. Солдаты из Смоленска вынесли чудотворный образ Смоленския Богоматери и сей образ везде сопутствует нам.

Всем нашим кланяйся. Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-К[утузов]

М. И. Кутузов — Ф. В. Ростопичину

№ 70 26 августа 1812

Место сражения при сельце Бородине

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

Сего дня было весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощью Божиею русское войск не уступило в нем ни шагу, хотя неприятель в весьма превосходных силах действовал против него. Завтра, надеюсь я, возлагая мое упование на Бога и на московскую святыню, с новыми силами с ним сразиться.

От Вашего Сиятельства зависит доставить мне из войск, под начальством Вашим состоящих, столько, сколько можно будет.

С истинным и совершенным почтением пребываю Вашего Сиятельства, милостивого государя моего, всепокорный слуга

князь Кутузов

М. И. Кутузов — Ф. В. Ростопчину

27 августа 1812. Жуков

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

После кровопролитнейшего сражения, вчерашнего числа происходившего, в котором войска наши потерпели, естественно важную потерю, сообразную их мужеству, намерение мое, хотя баталия и совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву противу, конечно, уже несколько пораженных сил его. Помощи, которые требую я, различные и потому отправляю я полковника к[нязя] Кудашева оные Вашему Сиятельству представить лично и просить, чтобы все то, что может дать Москва в рассуждении войск, прибавки артиллерии снарядов и лошадей и прочего, имеемого ожидать от верных сынов отечества, все бы то было приобщено к армии, ожидающей сразиться с неприятелем. И к кому же надежнее могу я во всех сих нуждах обратиться, как не к известному любовью и усердием достойному предводителю древней столицы.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Сиятельства, милостивого государя моего, всепокорный слуга

князь Г[оленищев]-Кутузов

Приказ по армии

№ 12 28 августа 1812

Главная квартира деревня Шелковка

Особенным удовольствием поставляю объявить мою совершенную благодарность всем вообще войскам, находившимся в последнем сражении, где новый опыт оказали они неограниченной любви своей к Отечеству и Государю и храбрость, русским свойственную. Полки же лейб-гвардии доказали, что они по справедливости заслуживают щастие охранять священную особу Всемилостивейшего Нашего Государя. После самого кровопролитнейшего сражения не находилось ни одного из сих воинов, оставившего свои ряды.

Ныне, нанося ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим ему с помощью Божию конечный удар. Для сего войска наши идут навстречу свежим воинам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем. Щедрые награды Всемилостивейшего Государя всем храбрым готовы.

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

29 августа [1812]

Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонопартием. Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-К[утузов]

М. И. Кутузов — Александру I

29 августа 1812. В деревне Нара

Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать. Но чрезвычайная потеря, и с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Нара и должен отступить еще потому, что ни одно из тех войск, которые ко мне для подкрепления следуют, ко мне еще не сблизились, а именно: три полка, в Москве сформированные под ордером генерал-лейтенанта Клейнмихеля, и полки формирования князя Лобанова, которые приближаются к Москве.

Пленные сказывают, однако же, что неприятельская потеря чрезвычайно велика. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые, между прочими Давуст ранен. Ариергардные дела происходят ежедневно. Теперь узнал я, что корпус вице-короля италийского находится около Рузы, и для того отряд генерала-адъютанта Винценгероде пошел к Звенигороду, дабы закрыть по той дороге Москву.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший

князь Г[оленищев]-Кутузов

[P. S.] Некоторые пленные уверяют, что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми сорок тысяч.

Александр I — М. И. Кутузову

31 августа 1812. С.-Петербург

Князь Михайло Ларионович!

Знаменитый Ваш подвиг в отражении главных сил неприятельских, дерзнувших приблизиться к древней нашей столице, обратил на сии новые заслуги Ваши Мое и всего отечества внимание.

Совершите начатое столь благоуспешно Вами дело, пользуясь приобретенным преимуществом и не давая неприятелю оправляться. Рука господня да будет над Вами и над храбрым нашим воинством, от которого Россия ожидает славы своей, а вся Европа своего спокойствия.

В вознаграждение достоинств и трудов Ваших возлагаем мы на Вас сан генерал-фельдмаршала, жалуем Вам единовременно сто тысяч рублей и повелеваем супруге Вашей, княгине, быть Двора нашего статс-дамою.

Всем бывшим в сем сражении нижним чинам жалуем по пяти рублей на человека.

Мы ожидаем от Вас особенного донесения о сподвизавшихся с Вами главных начальниках. А вслед за оным и обо всех прочих чинах, дабы по представлению вашему сделать им достойную награду. Пребываем Вам благосклонны

Александр

Е. И. Кутузова — А.-Л.-Ж. де Сталь-Гольштейн

[30—31 августа]*<Датируется по содержанию.> 1812. Санкт-Петербург

<...> Звезда Наполеона, может быть, затмится; а что она 26 августа поблекла, это верно. Вот что, интересная особа, поспешила я сообщить Вам. Зачем вы не остались до 30? Вы в состоянии разделить вполне общую радость всего города. Вы настолько меня узнали, чтобы понять, каково теперь у меня на душе, и как бы я была счастлива встретиться с Вами в лучшую пору моей жизни. Государь справедливо оценил заслуги Кутузова: он пожаловал его фельдмаршалом; у меня портрет его. Лучшая же нам награда заключается в возрождающемся спокойствии России и, смею сказать, Европы. Не осуждайте меня за чрезмерную гордость; если уже позволено гордиться, то именно тогда, когда имеешь мужа, подобного моему. Прощайте милая интересная особа**<Перевод с французского.>. <...>

Журнал военных действий

[Сентябрь 1812]

Сентября 1. Армия отступила к г. Москве; расположилась лагерем: правый фланг пред деревнею Фили, центр между селами Троицким и Волынским, а левый фланг пред селом Воробьевым; арьергард армии при деревне Сетуне.

Сей день пребудет вечно незабвенным для России, ибо собранный совет у фельдмаршала князя Кутузова в деревне Фили решил пожертвованием Москвы спасти армию. Члены, составлявшие оный, были следующие: фельдмаршал князь Кутузов, генералы: Барклай де Толли, Беннигсен и Дохтуров; генерал-лейтенанты: граф Остерман и Коновницын, генерал-майор и начальник главного штаба Ермолов и генерал-квартирмейстер полковник Толь [9].

Фельдмаршал, представя Военному совету положение армии, просил мнения каждого из членов на следующие вопросы: ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение или сдать оному столицу без сражения? На сие генерал Барклай де Толли отвечал, что в позиции, в которой армия расположена, сражения принять невозможно и что лучше отступить с армиею через Москву по дороге к Нижнему Новгороду, как у пункту главных наших сообщений между северными и южными губерниями.

Генерал Беннигсен, выбравший позицию пред Москвою, считал ее непреодолимую и потому предлагал ожидать в оной неприятеля и дать сражение.

Генерал Дохтуров был сего же мнения.

Генерал Коновницын, находя позицию пред Москвою невыгодною, предлагал идти на неприятеля и атаковать его там, где встретят, в чем также согласны были генералы Остерман и Ермолов; но сей последний присовокупил вопрос: известны ли нам дороги, по которым колонны должны двинуться на неприятеля?

Полковник Толь представил совершенную невозможность держаться армии в выбранной генералом Беннигсеном позиции, ибо с неминуемою потерей сражения, а вместе с сим и Москвы, армия подвергалась

совершенному истреблению и потере всей артиллерии, и потому предлагал немедленно оставить позицию при Филях, сделать фланговый марш линиями влево и расположить армию правым флангом к деревне Воробьевой, а левым между Новой и Старой Калугскими дорогами в направлении между деревень Матилово и Воронкова; из сей же позиции, если обстоятельства потребуют, отступить по Старой Калугской дороге, поелику главные запасы съестные и военные ожидаются по сему направлению.

После сего фельдмаршал, обратясь к членам, сказал, что с потерием Москвы не потеряна еще Россия и что первую обязанность составляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге.

Вследствие сего, приказано было армии быть в готовности к выступлению. <...>

М. И. Кутузов — Ф. В. Ростопчину

1 сентября 1812. Фили

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение принуждают меня с горестию Москву оставить. Армия идет на Рязанскую дорогу. К сему покорно прошу Ваше Сиятельство прислать мне с сим же адъютантом моим Монтрезором сколько можно более полицейских офицеров, которые могли бы армию провести через разные дороги на Рязанскую дорогу.

Пребываю с совершенным почтением, милостивый государь мой, Вашего Сиятельства всепокорный слуга

князь Г[оленищев]-Кутузов

Д. С. Дохтуров — М. П. Дохтуровой

3 сентября 1812

<...> Я, слава Богу, совершенно здоров, но я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас! Мы уже по сю сторону столицы. Я прилагаю все старание, чтобы убедить идти врагу навстречу; Бенингсен был того же мнения, он делал что мог, чтобы уверить, что единственным средством не уступить столицы было бы встретить неприятеля и сразиться с ним. Но это отважное мнение не могло подействовать на этих малодушных людей: мы отступили через город. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать? Следует покориться, потому что над нами по-видимому тяготеет кара Божия. Не могу думать иначе: не проиграв сражения, мы отступили до этого места без малейшего сопротивления. Какой позор! Теперь я уверен, что все конечно, и, в таком случае ничто не может удержать меня на службе: после всех неприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков, допущенных по слабости начальников, после всего этого ничто не заставит меня служить — я возмущен всем, что творится! <...>

Я полагаю, что мы пойдем по Калужской дороге, но я боюсь, чтобы соседство Москвы не было для вас опасно; любезный друг, если возможно, то переберитесь несколько далее.

М. И. Кутузов — Александру I

4 сентября 1812. Жилино

После столь кровопролитного, хотя и победоносного с нашей стороны, от 26-го числа августа, сражения должен я был оставить позицию при Бородине по причинам, о которых имел щастие донести Вашему Императорскому Величеству. После сражения того армия была приведена в крайнее расстройство, вторая армия весьма уже ослабела. В таком истощении сил приближались мы к Москве, имея ежедневно большие дела с авангардом неприятельским, и на сем недалеком расстоянии не представилось позиции, на которой мог бы я с надежностью принять неприятеля. Войски, с которыми

надеялись мы соединиться, не могли еще притти; неприятель же пустил две новые колонны — одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогам, стараясь действовать на тыл мой от Москвы, а потому не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение остатков армии; но и кровопролитнейшее разрушение и превращение в пепел самой Москвы. В таком крайне сумнительном положении, по совещании с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен я был решиться попустить неприятеля взойти в Москву, из коей все сокровища, арсенал и все почти имущества как казенные, так и частные вывезены и ни один дворянин в ней не остался.

Осмеливаюсь всеподданейше донести Вам, всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того с войсками, которых успел я спасти, делаю я движение на Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние защищать город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важный литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно и связь с армиями Торماسова и Чичагова, если бы они показали большую деятельность на угрожение правого фланга неприятельского.

Хотя не отвергаю того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но, не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию.

Генералу Винценгероде предписано от меня держаться самому на Клинской или Тверской дороге, имея между тем по Ярославской казачий полк для охранения жителей от набегов неприятельских партий.

Теперь, в недалеком расстоянии от Москвы, собрав мои войски, твердою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия вашего Императорского

Величества цела и движима известною храбростию и нашим усердием, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочем Ваше Императорское Величество Всемилостивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал. Полковник Мишо объяснит Вашему Императорскому Величеству обстоятельнее положение наших дел.

Генерал от инфантерии князь Г[оленищев]-Кутузов

Александр I — П. А. Толстому

8 сентября 1812. С.-Петербург

<...> По видимому враг впущен в Москву. Я рапортов с 29-го августа по сие число от князя Кутузова не имею, но по письму от графа Ростопчина от 1-го сентября через Ярославль извещен Я, что князь Кутузов намерен оставить с армиею Москву. Причина сей непонятной решимости остается Мне совершенно сокровенна, и Я не знаю стыд ли России она принесет, или имеет предметом уловить врага в сети. <...>

Александр

Ф. В. Ростопчин — Александру I

8 сентября [1812]. Деревня Кутузова,
по Тульской дороге в 34 верстах от Москвы

<...> Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию. В самом деле, странно, каким образом, после столь постыдного, три месяца длившегося отступления, столицей Вашею овладел доведенный до крайности неприятель. <...> Генералы в бешенстве, а офицеры громко говорят,

что стыдно носить мундир. Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников, и они грабят на глазах своего начальства. <...> Разстреливать невозможно: нельзя же казнить смертью по несколько тысяч человек на день? Всюду каверзы. Бенигсен добивается главного начальства. Он только и делает, что отыскивает позиции в то время, когда армия в походе. Он хвастает тем, что один говорил против оставления Москвы и хочет выпустить о том печатную реляцию. <...> Барклай подал голос за оставление Москвы неприятелю, и тем, может быть, хотел заставить забыть, что, благодаря его поспешности, погиб Смоленск. Князя Кутузова больше нет — никто его не видит; он все лежит и много спит. Солдат презирает его и ненавидит его. Он ни на что не решается; молоденькая девочка, одетая казаком, много занимает его. Покинув Москву, он направился на Коломенскую дорогу, чтобы прервать сообщение неприятеля с Смоленском и воспользоваться запасами, накопленными в Калуге и Орле. Он даже думает дать сражение, но никак не решится на него. Довод у него тот, что надо сберегать армию; но если она должна все отступать, то он скоро ее лишится. Я держусь мнения, что Бонапарт уйдет от него в то время, как он всего менее будет ожидать того. <...>

Все делают Кайсаров и Кудашев, они распорядители судьбы Вашей и судьбы Империи. Так как распространено мнение, что Кутузов действует по Вашим приказаниям, и так как объявленная им самим сдача Москвы без сражения поразила всех ужасом, то было бы необходимо, для предотвращения мятежа, отозвать и наказать этого старого болвана и царедворца. Иначе произойдут неисчислимы бедствия. <...>

Я в армии, смерть у меня в душе. Вижу войско в беспорядке, крестьян разоренных, сообщения прерванные; нет начальника и никого, кто бы его заменил. Вот другой раз общественное мнение обманулось в своем выборе. Каменский рехнулся, а Кутузов, старая баба-сплетница, потерял голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая.

Вашего Величества
всепреданнейший граф Ростопчин

М. И. Кутузов — М. И. Платову

№ 222 17 сентября 1812

Известился я, будто командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все. Таковое известие не могло меня не оскорбить, и я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с просьбою уведомить меня в откровенности без отлагательства о причине странного сего случая. Хотя, правда, и не даю я оному полной веры, ибо теперешнее положение нашего отечества одно весьма сильно возбудит каждого из нас преодолевать всякие трудности и самой жизни не щадить, о чем я излишним да[же] считаю напомнить Вам. Впрочем, если известие, ко мне дошедшее, справедливо, что все полковые командиры заболели, в таком разе я обязан буду довести о сем до сведения Государя Императора, между тем не упущу и мер принять, какие Высочайшая власть предоставляет мне по долгу службы.

Александр I — Екатерине Павловне

18 сентября [1812] С.-Петербург

<...> Нечего удивляться, когда на человека, постигнутого несчастьем, нападают и терзают его. Я никогда не обманывал себя на этот счет и знал, что со мной поступят также, чуть судьба перестанет мне благоприятствовать. Мне суждено, быть может, лишиться даже друзей, на которых больше всего я рассчитывал. Все это, по несчастью, в порядке вещей в здешнем мире! <...>

Что лучше, как руководствоваться своими убеждениями? Им только и следовал я, назначая Барклая главнокомандующим 1-й армии за его заслуги в прошлые войны против французов и шведов. Именно они говорят мне, что он превосходит Багратиона в знаниях. Грубые ошибки, сделанные сим последним в этой кампании и бывшие отчасти причиною наших неудач, только подкрепили меня в этом убеждении, при котором меньше, чем когда-либо, я мог считать его способным быть во главе обеих армий, соединенных под Смоленском. <...>

В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было единодушное желание. Так как я знаю Кутузова, то я

противился сначала его назначению, но когда Ростопчин, в своем письме от 5 августа известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая Барклая и Багратиона годными для главного начальства, и когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить общему желанию — и я назначил Кутузова. Я и теперь думаю, что при тех обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать их трех генералов, одинаково мало подходящих в главнокомандующие, того, за которого были все. <...>

После того, что я пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов всякую ответственность, что не внушаю войскам никакого доверия, и поставленными мне в вину поражениями, делаю их более прискорбными, чем те, которые зачли бы за генералами, — судите, дорогой друг, как мне должно быть мучительно услышать, что моя честь подвергается нападкам. Ведь я поступил, как того желали, покидая армию, тогда как сам только и хотел, что быть с армией. До назначения Кутузова я твердо решил вернуться к ней, а отказался же от этого намерения лишь после этого назначения, отчасти по воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова, отчасти по вашим собственным советам и советам многих других, одного с вами мнения. <...>

Напротив, мое намерение было воспользоваться первой минутой действительного преимущества нашей армии над неприятелем, которое бы вынудило его отступить чтоб, действительно, приехать в Москву. Даже после известия о битве 26 числа я выехал бы тотчас, не напиши мне Кутузов в том же рапорте, что он решил отступить на 6 верст, чтобы дать отдых войскам. Эти роковые 6 верст, отравившие мне радость победы, вынудили меня подождать следующего рапорта; из него я увидел ясно только одни бедствия. <...>

Что касается меня, дорогой друг, то я могу единственно ручаться то, что мое сердце, все мои намерения и мое рвение будут клониться к тому, что, по моему убеждению, может служить на благо и на пользу отечеству. Относительно таланта, может, у меня его недостаточно, но ведь таланты не приобретаются, они — дар природы. Справедливости ради должен признать, что ничего нет удивительного в моих неудачах, когда у меня нет хороших помощников, когда терплю недостаток в деятелях по всем частям, призван

вести такую громадную машину, в такое ужасное время и против врага адски вероломного, но и высоко талантливом, которого поддерживают соединенные силы всей Европы и множество даровитых людей, появившихся за 20 лет войны и революции. Вспомните, как часто в наших с вами беседах мы предвидели эти неудачи, допускали даже возможность потерять обе столицы, и что единственным средством против бедствий этого ужасного времени мы признали твердость. Я далек от того, чтобы упасть духом под гнетом сыплющихся на меня ударов. Напротив, более чем когда-либо, я решил упорствовать в борьбе и к этой цели направлены все мои заботы. <...>

Наполеон — М. И. Кутузову

3 октября <По новому стилю.> 1812 года. Москва

Князь Кутузов!

Посылаю к Вам одного из Моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтоб Ваша Светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно, когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые Я с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтобы он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом.

Наполеон

А.-Л.-Ж. де Сталь — Е. И. Кутузовой

24 сентября (5 октября) [1812]. Стокгольм

Как благодарна я Вам, княгиня, за Ваше письмо; я уже думала, что забыта Вами — это было бы естественно при таких обстоятельствах, но прискорбно для меня. Действительно, князь, Ваш супруг, был Фабием в отношении этого

африканца; он дерзнул выждать и ему удалось, дай Бог однакоже, чтобы успех этот был полным, такому человеку как Наполеон, вселенная повинуется, его силы неистощимы, он вызовет войска из Германии и, конечно, соединит все усилия чтобы изгладить позор, испытанный им в первый раз в жизни. Поддержите энергию Вашего супруга в минуту, когда, быть может, успех ему изменит — я уверена. Что с этой стороны он найдет опору и ему будет принадлежать честь изменить судьбу мира. Вы вполне достойны, княгиня, чувствовать энтузиазм, который должно возбуждать такое положение — вообще, на Вас лежит ответственность войны. <...>

Боже мой, как завидую я Вам, я не знаю судьбы более прекрасной, как быть женою великого человека! Будьте так добры сказать генералу Милорадовичу, что я готовлю ему лавровый венок, как достойному сподвижнику своего полководца. Тысячу приветствий.

Александр I — М. И. Кутузову

16 октября 1812. С.-Петербург

Нашему генерал-фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову.

Усердна Ваша служба и многие оказанные Вами знаменитые Отечеству заслуги, а наконец и ныне в 6-й день сего текущего месяца одержанная войсками, предводительству Вашему порученными, совершенная победа над сильным французским корпусом, под начальством короля Иоахима Мюрата состоящим, обращают вновь на Вас внимание Наше и признательность, в ознаменование которых признали Мы за благо пожаловать Вам золотую с лавровыми венками, украшенную алмазами шпагу.

Сей воинственный знак, достойно Вами стяжанный, да предшествует славе, какою по искоренении всеобщего врага увенчает Вас Отечество и вся Европа.

Александр

Управляющий Военным министерством князь Горчаков

М. И. Кутузов — И. В. Торубаеву

16 октября 1812.

Слобода Полотняные Заводы

Государь мой Иван Викулич!

Именем моим поручаю Вам успокоить купеческое и мещанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение и опасность. Уверьте их, что я ищу дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, и что цель моя не в том состоит, чтобы выгнать неприятелей из пределов наших, но чтобы, призвав в помощь всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России. Уповайте на Бога, молитесь ему о поддержании сил и храбрости нашего воинства, исполняйте Ваши обязанности и будьте покойны. Вы есть и будете защищены, в том удостоверяет Вас всегда доброжелательный и усердный

князь Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

16 октября [1812]

Я, слава Богу, здоров, мой друг. Здесь, ей-Богу, все хорошо. Наполеон бегает по ночам с места на место, но по сю пору мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя.

Детям благословение.

Верный друг Михайла [Голенищев-Кутузов]

М. И. Кутузов — М. И. Платову

№ 320 23 октября 1812

Генералу от инфантерии Милорадовичу приказано от меня следовать по большой дороге за неприятелем и теснить его сколько можно более. Вследствие чего, Ваше Высокопревосходительство, старайтесь выиграть марш над неприятелем так, чтобы главными силами Вашими по удобности делать на отступающие головы его колонн нападения во время марша и беспрестанные ночные тревоги. Сие самое предписано графу Орлову-Денисову делать слева по большой дороге. Таковой род преследования приведет неприятеля в крайнее положение, лишив его большей части артиллерии и обозов. При сем прошу Вас меня сколь можно чаще уведомлять о положении Вашего корпуса и о успехах, в коих я не сомневаюсь.

М. И. Кутузов — Александру I

27 октября 1812. Ельня

Всемиловейший Государь!

Генерал от кавалерии Платов с некоторого времени оказал давнюю свою ревность и действовал неутомимо при всей своей болезни. Кажется, что верх его желаний есть титул графское.

Всемиловейший Государь, Вашего Императорского Величества всеподданнейший

князь Г[оленищев]-Кутузов.

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

30 октября [1812].

Не помню деревни, верст с сорок от Смоленска <Помета М. И. Кутузова.>

Я, слава Богу, здоров, мой друг, но хворал очень поясницею, так что не мог на лошади сидеть. <...>

Беннигсена почти к себе не пускаю и скоро отправлю. Сегодня я много думал об Бонапарте, и вот что мне показалось. Если вдуматься**<Часть письма, начиная со слов «Если вдуматься...», кончая словами «...хотя бы на некоторое время», написана на французском языке.> он умел или никогда не думал о том, чтобы покорить судьбу. Наоборот, эта капризная женщина, увидев такое странное произведение, как этот человек, такую смесь различных пороков и мерзостей, из чистого каприза завладела им и начала водить на помочах, как ребенка. Но, увидев спустя много лет и его неблагодарность и как он дурно воспользовался ее покровительством, она тут же бросила его, сказав: «Фу, презренный! Вот старик, — продолжала она, — который всегда обожал наш пол, боготворит его и сейчас, он никогда не был неблагодарным по отношению к нам и всегда любил угождать женщинам. И чтобы отдохнуть от всех тех ужасов, в которых я принимала участие, я хочу подать ему свою руку хотя бы на некоторое время...»

Письмо это получишь через Фигнера — здешний партизан. Погляди на его пристально, это — человек необыкновенный. Я такой высокой души еще не видал, он фанатик в храбрости и в патриотизме, и Бог знает чего он не предпримет.

Начав от Бородина, неприятель от нашей Главной армии потерял 209 пушек, почти примеру нет.

Детям благословение.

Верный друг Михайло Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов — П. А. Нилову

№ 136 13 ноября 1812

Главная квартира г[ород] Копысь

Доходят до меня слухи, что в некоторых губерниях обходятся с пленными жестоко, лишая их собственности, им принадлежащей. Я хотя весьма далек от того, чтобы думать, что и в управляемой Вами губернии происходит таковое же зло, однакож в предосторожность, уважая права человечества, обязанностью считаю поставить на вид Вашему Превосходительству обстоятельство сие с тем, что если откроются в Высочайше вверенной Вам губернии подобные происшествия, то чтобы не оставили Вы предать всей строгости законов виновного в том.

Генерал-фельдмаршал князь Г[оленищев]-Кутузов

М. И. Кутузов и Н. Д. Кудашев — Е. И. Кутузовой

15 ноября [1812]

На дороге к Борисову

Я, слава Богу, здоров. Вы беспокоитесь об моей головной боли, а это уже давно прошло.

Чичагов с армией подошел к Борисову и крепость занял. Это на самой дороге, где итти неприятелю: увидим, что Бог определит.

Пришлите, пожалуйста, теплых чулков и мою шляпу, которую забыл Егор.
<...> За большое письмо благодарю Дашиньку [10]. Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-Кутузов

<...> Наполеон, как кажется, с каждым днем все больше запутывается в своих делах. Последние 8 дней, без сомнения, самые замечательные дни нашего столетия. Князь фельдмаршал возвысил славу русских и их оружия над всеми нациями. <...>

Николай к[нязь] Кудашев

М. И. Кутузов — калужскому купеческому обществу

5 декабря 1812. Вильно

В спокойствии вашем я приемлю живейшее участие и сердечно радуюсь безопасности, в каковой ныне жители Калуги в мирных жилищах своих под покровом Августейшего Монарха нашего имеют свое пребывание, к молитвам вашим и благодарности Всевышнему присоединяю свою, прося его и впредь сохранить край сей с равным благословением. Благодарю вас душевно за ту признательность, каковою наполнено письмо ваше.

Я щастлив, предводительствуя русскими! Но какой полководец не поражал врагов, подобно мне, с сим мужественным народом! Благодарите Бога, что вы русские; гордитесь сим преимуществом и знайте, чтоб быть храбрым и быть победителем, довольно быть только русским.

Освобождение Польши и истребление врага есть плоды благоволения к нам Всевышнего Бога. Храмы наши, пострадавшие временно примерным обруганием и расхищением до основания гонителями православной веры, достойно отомщены, и нам осталось одно, утвердить себя в законе и молитве к Царю царей, благоволившему оружию нашему открыть путь к столь блестящей славе, с обещанием сохранить навсегда в твердой памяти труды ваши, подъемлемые на пользу российского воинства, обнаруживающие истинное усердие и преданность к престолу.

Пребуду навсегда ваш усердный

князь Михаил Г[оленищев]-Кутузов

Александр I — Правительствующему Сенату

6 декабря 1812. С.-Петербург

В память незабвенных заслуг Нашего генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, доведшего многочисленныя неприятельские войски искусными движениями своими и многократными победами до совершенного

истощения, истребления и бегства, особливо же за нанесенное в окрестностях Смоленска сильное врагу поражение, за которым последовало освобождение сего знаменитого града и поспешное преследуемых неприятелей из России удаление, жалуем Мы Ему титул «Смоленского», повелевая Правительствующему Сенату заготовить на оный грамоту и взнести к Нашему подписанию

Александр

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

7 декабря [1812]. Вильно

<...> Слава Богу, остатки французской главной армии перешли за Неман. Сему примеру, надеюсь, последуют и цесарцы и Макдональд.

Карл двенадцатый вошел в Россию так же, как Бонапарте, и Бонапарте не лутче Карла из России вышел. 380 тысяч составляли его корпусы, кроме Макдональда, а что вывел? Благодарю за стихи Синельникова, есть места прекрасные. Напиши, пожалуйста, кто этот Синельников? Надобно к ему написать.

Бедный Павел Бибилов безнадежен, не знаю, как мать и жена перенесут.
Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-К[утузов]

П. П. Коновницын — М. И. Платову

№ 716 10 декабря 1812. Вильно

Государь Император прибыл сегодня в город Вильно. По повелению Его Светлости честь имею донести Вашему Сиятельству, что воля Его Величества есть, чтобы вы, следуя за неприятелем, берегли бы сколько возможно более

пруссские войска, объявляя им, что Вы только поляков и французов поражать намерены и что Вы не престанете следовать за ними. Равномерно просит Его Светлость ежедневно извещать его о всем происходящем.

Генерал-лейтенант Коновницын

Приказ по армии

21 декабря 1812. Вильно

Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах Империи, каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед. Два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских. Тысячи падали разом и погибали. Тако всемогущий Бог изъявлял на них гнев свой и поборил своему народу.

Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались Святынею, и вы видели как десница Вышнего праведно отметила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались противу России. Непременная воля Всемилостивейшего Государя Нашего есть, чтобы спокойствие жителей не было нарушаемо и имущества их остались неприкосновенными. Объявляя о том, обнадежен [я], что священная воля сия будет выполнена каждым солдатом в полной мере. Никто из них да не отважится забыть ее, а г.г. корпусных и дивизионных командиров именем Его

Императорского Величества вызываю в особенности иметь за сим строгое и неослабное наблюдение.

Подлинный подписал: главнокомандующий всеми армиями генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов-Смоленский.

М. И. Кутузов — Г. П. Ермолову

21 января 1813. Г[ород] Плоцк

Примите искреннейшую мою благодарность, милостивый государь мой Гаврила Петрович, за письмо Ваше от 24 декабря, мною полученное. Участие, приемлемое Вами во всем, касающемся до любезнейшего нашего Отечества, доказывает мне, что Вы истинный сын России! Сердце мое вместе с Вашим радуется той славе, каковою увенчаны воины, ополчившиеся против врага целой Европы, мечтавшего попрасть все, для нас священное. Но дивен Бог в делах своих! Его всещедрая десница укрепила ряды непобедимых, кои, мужественно рассея полчища иноплеменные, по трупам их достигли пределов чуждых.

Непритворные похвалы, которым удостоиваюсь я нередко от соотечественников моих, разделяю я [с] сподвижниками моими, храбрости коих обязан я тем, что все надежды мои вижу увенчанными успехами, и естли Россы всегда будут сражатца за веру своих прародителей, царя и честь народную, то слава будет вечным их спутником; и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом святую Русь!

Желание Ваше иметь мой портрет почту за особенное удовольствие выполнить доставлением оногo Вам, но не прежде, как получу из Петербурга; ранее же сделать сие не имею возможности.

С почитанием и преданностью пребыть честь имею Ваш, милостивый государь мой, всепокорный слуга

князь Михаил Кутузов-Смоленский

М. И. Кутузов — Г. Л. Блюхеру

№ 450 7 марта 1813. Калиш

С глубокой благодарностью получил я Ваше письмо от 17-го текущего месяца, в котором Ваше Сиятельство выражаете свои чувства ко мне. Я считаю особой честью для себя начать поход вместе с генералом, который уже в течение многих лет привлекает к себе внимание всей Европы и на которого его Отечество с уверенностью возлагает свои надежды. Да будет борьба, в которую мы теперь вступаем, завершена так же счастливо, как справедливо ее начало, как священно ее продолжение.

Одновременно прошу Ваше Сиятельство присылать мне каждые десять дней ежедневный журнал согласно принятому у меня распорядку.

Примите и пр[очее]

М. И. Кутузов — Е. И. Кутузовой

7 марта [1813]. Калиш

Сейчас из Бреслава едет курьер в Петербург и государь за ним вслед. Он там три дни гостил. Прием был чрезвычайной, и пруссаки без памяти. Король мне отдал в команду свои войски. Не смею задержать курьера, весьма наскоро отправлен, и государь должен сейчас приехать. С будущим курьером надеюсь много писать об дрезденских праздниках.

Наши на Ельбе, и здесь все тихо.

Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-К[утузов]

М. И. Кутузов — Е. и. Кутузовой

11 марта [1813]. Калиш

<...> Мы сюда ждем прусского короля. Пришли, пожалуйста, несколько, хотя три экземпляра, ежели есть, моих гравированных портретов. Из России пишут незнакомые и просят. А вот как в Берлине награвировали по расспросам, посылаю; достану да пришлю таких, что в разных костюмах, и в шубе, и Бог знает как. Есть такие, что и по две копейки. <...>

Поведение наших войск здесь всех удивляет, и моральность в солдатах такая, что и меня удивляет. Детям благословение.

Верный друг Михайла Г[оленищев]-К[утузов]

М. И. Кутузов — Г. Р. Державину

Марта 1813. В Силезии, м[естечко] Милич

Милостивый государь мой Гавриил Романович!

Письмо Вашего Высокопревосходительства имел я честь получить. Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении Вашем «На парение орла» прямо на мой щет, но произведение сие, как и прочие бессмертного Вашего пера, имеет особенную цену уважения и служит новым доказательством Вашей ко мне любви. Сколько же лестно и приятно для меня гимн Ваш, коего один токмо экземпляр собственно для меня получил я чрез Петра Петровича Коновницына, но не более, как пишете Вы, о чем сожалея, весьма бы желал присылки оных. Повторяя чувства совершенной моей благодарности на Ваше ко мне расположение, имею честь быть с истинным почтением и преданностью,

милостивый государь мой, Вашего Превосходительства всепокорный слуга

князь К[утузов]-Смоленский

Е. Б. Фукс — П. М. Волконскому

16 апреля 1813. Бунцлау

Милостивый государь князь Петр Михайлович!

16-го сего апреля в 9 часов и 35 минут пополудня свершилось ужаснейшее для нас происшествие. Обожаемый нами фельдмаршал князь Михайло Ларионович кончил дни свои. Удар сей столь сильно поразил меня, что от сокрушенного и обремененного печалию сердце не в состоянии я изъявить Вашему Сиятельству никакого утешения, кроме того, что славные подвиги его будут жить вечно в сердцах россиян и в летописях избавленного им Отечества.

Имею честь быть с совершенным почтением и душевною преданностию, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Подлинный подписал: Е. Фукс

Из журнала военных действий

Апрель 1813

[18 апреля]. Сего числа получено к неопisanному прискорбию Государя Императора и всего войска известие о последовавшей апреля в 16-й день в городе Бунцлау кончине генерал-фельдмаршала, главнокомандующего всеми российскими и союзными армиями бессмертного князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, коего тело, по Высочайшему повелению, отправлено в Санкт-Петербург, дабы было погребено со всеми высокому званию его, и навеки незабвенным Отечеству оказанным заслугам, подобающими почестями.

Александр I — Е. И. Кутузовой

25 апреля 1813. Дрезден

Княгиня Катерина Ильинишна!

Судьбы Вышнего, которым никто смертный воспротивиться не может, а потому и роптать не должен, определили супругу Вашему, светлейшему князю Михаилу Ларионовичу Кутузову-Смоленскому, посреди громких подвигов и блистательной славы своей, переселиться от временной жизни к вечной. Болезненная и великая не для одних Вас, но и для всего Отечества потеря! Не Вы одне проливаете о нем слезы; с Вами плачу Я, и плачет вся Россия, Бог, позвавший его к себе, да утешит Вас тем, что имя и дела его остаются бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его. Европа и весь свет не престанут ему удивляться, и внесут имя его в число знаменитнейших полководцев. В честь ему воздвигнется памятник, при котором россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться, чужестранец же уважать землю, порождающую соль великих мужей.

Все получаемое им содержание повелел Я производить Вам.

Пребываю Вам благосклонный

Александр

А.-Л.-Ж. де Сталь — Е. И. Кутузовой

8 (20) мая 1813. Стокгольм

Вы испытали большое несчастье, княгиня, и с Вами вся Европа; если что-нибудь может уменьшить Вам жестокою утрату, так только чудный блеск Вашего имени. Фельдмаршал Кутузов спас Россию и ничто в будущем не сравнится со славою последнего года его жизни — сердце мое, однако, сжимается при мысли, что не увижу никогда человека, который был так же великодушен, как и велик. Я соболезную всей душой о Ваших страданиях. <...>

Н. И. Тургенев — А. И. Михайловскому-Данилевскому

[Июнь] 1813

Вы спрашиваете у меня о погребении светлейшего князя. Так, надобно было видеть все, здесь по сему случаю происходившее, чтобы судить о признательности народной к спасителю Отечества, ибо сие титло дают ему все, и история, конечно, не представит примера, когда бы глас народа был столь решителен и столь одинаков. Тело бессмертного покойника находилось долго в Сергиевской пустыне, за 13 верст отсюда. Туда спешил каждый отдать долг почитания и благодарности незабвенному, наконец тело было привезено сюда. За две версты от города лошадей остановили, и народ с нетерпением просил позволения выпрячь их и везти гроб на себе, что и сделал. Все знатные шли за гробом. При заставе народ воскликнул «Ура!», и верно великая душа покойного на небесах в среде Суворова и Румянцева слышала сие восклицание, происходившее от восторга, смешавшегося с душевною горестию. Все улицы, где везли фельдмаршала, были наполнены народом, все зрители плакали. Гроб был поставлен на катафалке в Казанском соборе. В пятницу новое печальное празднество занимало каждого жителя Петербурга. По Невскому проспекту с трудом пройти можно было. Я был в церкви при отпевании. В то время, когда гроб был снят с катафалка и понесен в приготовленную в церкви же могилу, яркие лучи солнца ударили из верхнего окна прямо на могилу, прежде же того погода была пасмурная. Таким образом само небо, казалось, принимало участие в сей горести народной и благословило в могилу победителя того, который вооружался против человечества, вооружился и против самого Бога.

Так тело покойного было предано земле. Горесть была видна на лице каждого, и каждый благословлял его и с умилением молил Бога об умершем. Конечно, спаситель миллионов насладится достойною наградою за заслуги свои в будущей жизни, где нет горести, но где радость чистая и неотравляемая слабостями и пороками людей завистливых и пристрастных.

Желал бы Вам прислать что-нибудь из написанного на смерть князя, но по сие время нет еще ничего достойного памяти великого.

Е. И. Кутузова — Александру I

14 сентября 1813. Санкт-Петербург

Всемиловитый Государь!

Вдова князя Кутузова просит у Вас милости. Бог свидетель, что совершенная крайность к сему меня принуждает. Малое имение, доставшееся после покойного, отягчено его и моими долгами и едва достает на заплату процентов с оногo в казну и партикулярным подать; сие самое делает меня без малейшего доходу и остаток дней моих должна проводить, оплакивая теперь мужа и нищету свою.

Вашего Императорского Величества верноподданная Голенищева-Кутузова-Смоленская

Александр I — Д. А. Гурьеву

30 августа 1814. С.-Петербург

Господину министру финансов.

В память знаменитых заслуг, оказанных Отечеству покойным генерал-фельдмаршалом князем Кутузовым-Смоленским, Всемиловитейше повелеваю выдать за зарплату долгов вдовствующей супруге его сто пятьдесят тысяч рублей и каждой из его дочерей по пятидесяти тысяч рублей из Государственного Казначейства.

На подлинном подписано собственною

Его Императорского Величества рукою Александр.

Документы

1. Общепринятым годом рождения Кутузова, утвердившимся в литературе, считается 1745 г. Однако данные, содержащиеся как в публикуемом документе, так и в ряде формулярных списков 1769, 1785, 1791 гг., указывают на возможность отнесения этой даты к 1747 или 1748 гг. Уточнение этого важнейшего факта биографии Кутузова требует дальнейших специальных исследований.

2. Императрица Елизавета Петровна.

3. Эти хлопоты были вызваны исполнением Кутузовым должности коменданта Измаила.

4. За отличие при штурме Измаила Кутузов был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

5. Поэма английского поэта Д. Мильтона «Потерянный рай».

6. Речь идет о секретном поручении Кутузову выяснить отношение Берлинского двора к сближению с Россией.

7. Александр I был явно недоволен деятельностью М. И. Кутузова на посту военного губернатора С.-Петербурга; 28 августа 1802 года по прошению он был уволен от всех должностей и получил годовой отпуск.

8. Имение Кутузова на Волыни, в Житомирском уезде.

9. Не упомянуты Н. Н. Раевский, М. И. Платов и Ф. П. Уваров.

10. Д. М. Опочинина.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О М. И. КУТУЗОВЕ

Директор Кадетского корпуса

Долго допытывались мы и наконец узнали, что к нам назначен начальником Михаил Илларионович Кутузов. Мы уже слышали о его чудесных ранах, о его подвигах под Измаилом, о его быстром движении за Дунаем и на

высотах Мачинских, которое решило победу и было первым шагом к заключению мира с Портою Оттоманскою в исходе 1791 года. В половине 1794 года был он чрезвычайным послом в Константинополе, где ловкою политикою возбудил общее внимание послов европейских, а остроумием своим развеселял важный диван и султана. В блестящих лаврах вступил он к нам в корпус, и тут встретило его новое торжество, как будто нарочно приготовленное для него рукою графа Ангальта. Вошед в нашу залу, Кутузов остановился там, где была высокая статуя Марса, по одну сторону которой, как уже выше было сказано, начертана была выписка из тактики Фридриха II: «Будь в стане Фабием, а в поле Ганнибалом», а по другую сторону стоял бюст Юлия Кесаря. Если бы какая-нибудь волшебная звезда вскрыла тогда звезду будущего, то тут представилась бы живая летопись всех военных событий 1812 года. Но тогда в нашей великой России никто об этом не думал; все в ней пировало и ликовало, только мы были в унынии. Кутузов молча стоял пред Марсом, и я через ряды моих товарищей подошел к нему и сказал: «Ваше Высокопревосходительство! В лице графа Ангальта мы лишились нашего нежного отца, но мы надеемся, что и вы с отеческим чувством примете нас к своему сердцу. Душа и мысль графа Ангальта жила для нас и благодарность запечатлела в душах наших любовь его к нам. На полях битв слава увенчивала вас лаврами, а здесь любовь ваша к нам будет одушевлять нас такою же признательностью, какую питали мы и к прежнему нашему отцу». Когда я кончил, Кутузов, окинув нас грозным взглядом, возразил:

— Граф Ангальт обходился с вами как с детьми, а я буду обходиться с вами как с солдатами.

Мертвое молчание было единственным на это ответом. Он понял, что мы догадались, что слова его были посторонним внушением. <...>

Верил ли Кутузов молве о графе (Ангальте — сост.) и о корпусе, не знаю. Но он был вполне светским человеком и в этом резкою чертою отличался от Суворова. Отделяясь от света, Суворов, как будто опасаясь, чтобы слава его подвигов не затмилась, набивался с письмами ко всем значащим своим современникам. Кто чего-нибудь ищет и домогается, тот не хочет быть забытым. «Не показись раза три в театре, — говорил Наполеон после первой войны в Италии, — и слава твоя расстелется дымом». Кутузов не вел переписки, но в виду общества действовал своим лицом, кланялся и

уклонялся, выжидал и не упускал выжданного, оттерпывался и после сумрачных дней выходил блистательнее. <...>

Чрез два дня воспоследовал экзамен, всегда происходивший по вечерам. Началось с русской словесности. Николай Яковлевич Озерецковский задал нам сочинить письмо, будто бы препровожденное к отцу раненым сыном с поля сражения. <...>

Два первые сочинения Кутузов слушал без особенного внимания. Дошла очередь до меня. Я читал с жаром и громко, Кутузов вслушивался в мое чтение. Лицо его постепенно изменялось, и на щеках вспыхнул яркий румянец при следующих словах: «Я ранен, но кровь моя лилась за отечество, и рана увенчала меня лаврами! Когда же сын ваш приедет к вам, когда вы примете его в свои объятия, тогда радостное биение сердца вашего скажет: «Твой сын не изменил ожиданиям отца своего!» У Кутузова блеснули на глазах слезы, он обнял меня и произнес этот роковой и бедоносный приговор: «Нет брат! Ты не будешь служить, ты будешь писателем!»

Недавно еще слышал я, будто бы Кутузов обходился с нами сурово. Это неправда; правда только то, что между им и нами было какое-то безмолвное недоверие, но это недоверие рушилось и разрешилось случайно. Кутузов пожал тогда такие лавры, каких не пожинал ни на высотах Мачинских, ни под стенами Измаила, ни на поле Бородинском — он победил самого себя.

Два вечера прошли спокойно. На третий спрашивали у нас всемирную историю, которая как будто нарочно подоспела с великими своими превратностями к важнейшему обстоятельству нашей кадетской жизни. Мы начали шепотом разговаривать между собою и голоса 120-ти кадет слились в один жужжащий гул. «Тише, господа!» — сказал Кутузов. Мы смолкли и через несколько минут опять заговорили. «Тише говорю вам!» — грозно повторил Михаил Илларионович. Мы замолчали, но не надолго. «Тише!» — закричал он еще грознее и при этом третьем «тише» прибавил несколько слов, от которых мы замолчали. Ударило восемь часов; Кутузов вышел. Мы все пошли за ним. Каждый вечер Кутузов ездил к тогдашнему временщику. Слуга сказал, куда ехать, а мы закричали:

— Подлец хвост Зубова!

В наше время о каждом экзамене начальник корпуса лично доносил императрице. На другой день Кутузов явился к ней.

— Каковы твои молодцы? — спросила Екатерина.

— Прекрасны, ваше величество, — отвечал он, — они слишком учены, им недостает только военной дисциплины. А потому, хотя они не дожили еще до срока двух лет, но позвольте их выпустить.

Екатерина согласилась и сказала:

— Постарайся отдать твоих молодцов на руки таких полковников, которые бы не застращали их службу. Юношей надобно беречь, они пригодятся.

Кутузов объявил нам решение Екатерины. При появлении его, нынешний граф Толь и я, мы стояли возле его. Кутузов любил Толя за искусные чертежи и за охоту к военным наукам.

— Послушай, брат, — сказал он Толю, — чины не уйдут, науки не пропадут. Остайся да поучись еще. Толь остался, и Кутузов ознакомил его с своими военными правилами и познаниями.

Шесть человек выпущены были капитанами, а все прочие поручиками. Кутузов созвал к себе наших офицеров и сказал им: «Господа, разведайте, кто из кадет не в состоянии обмундироваться, да сделайте это под рукою. Наши юноши пресамолюбивые, они явно ничего от меня не возьмут». С мундиров недостаточных кадет мерки сняты были ночью: чрез три дня мундиры были готовы и отданы им, будто бы от имени их отцов и родных. Ударил час прощания. Мы составили круг. Кутузов вошел в него и сказал: «Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказал вам, что буду обходиться с вами, как с солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдат? Я получил и чины, и ленты, и раны: но лучшую наградою почитаю то, когда обо мне говорят: он настоящий русский солдат. Господа! Где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека искренно желающего вам счастья, и который совершенно награжден за любовь к вам вашей славою, вашей честью, вашей любовью к отечеству».

За день до выхода из корпуса, когда надели мы мундиры, Кутузов поодиночке призывал нас к себе и предлагал нам тактические вопросы. Мне задал вопрос о полевых укреплениях. Чувствуя, что по строгим правилам науки не могу отвечать, я спросил: «Как прикажете мне объясниться, тактически или исторически?» Он взглянул на меня и сказал: «Ну, посмотрим, отвечай исторически». Я начал: «Полевые укрепления устраиваются для остановки первых напоров неприятеля. Известнейшие из таких укреплений устроены были Петром I на поле Полтавском, и граф де Сакс в сочинении своем о

военном искусстве приписывает им победу русских над Карлом XII [1]. <...> Но никакие укрепления не могут устоять пред отважной решимостью войска. Граф Ангальт рассказывал нам о вашем движении на высотах Мачинских, споспешествовавшем к заключению мира с Портою Оттоманскою 1791 года». Кутузов был доволен моим ответом. <...>

По приказанию милостивца нашего семейства Л. А. Нарышкина я напечатал в корпусной типографии упомянутую песнь Великой Екатерине, переплел в голубой атлас и представил ему первое мое печатное сочинение. В то же утро отправил от меня к князю П. А. Зубову с майором Петровым, служившим при дворцовой конюшне. В приемной князя было уже множество лиц и в мундирах и во фраках. Нисколько не робея, но укрываясь от любопытных взоров, я стал в угол комнаты и закрыл шляпою мое сочинение, а мой услужливый путеводитель, как опытный знакомец с передними знатных, подбегал то к тому, то к другому с приветствиями и расспросами. <...>

Тут, нечаянно оглянувшись, я увидел М. И. Кутузова, который стоял недалеко от дверей. В то время от князя вышел камердинер с подносом и с пустою шоколадною чашкою в руках. Кутузов поспешно подошел к нему и спросил по-французски: «Скоро ли выйдет князь?» — «Часа через два», — отвечал с важностью камердинер. А Кутузов, не отступавший от стен Очакова, ни от стен Измаила, смиренно стал на прежнее место. Досада закипела в моем юном сердце; я подошел к Петрову и сказал: «Я не стану более ждать!» Оторопев от этих слов, Петров спросил: «А что же я доложу Льву Александровичу?» — «Что вам угодно, — отвечал я. — Кутузов, герой Манчинский и Измаильский, здесь ждет и не дождетя, а я что такое?» И я ушел. Часу в шестом вечера пришел я к Нарышкину. Он сидел на софе с каким-то незнакомым человеком: то был Державин. Увидя меня, Лев Александрович захохотал и сказал: «Гаврило Романович! Посмотрите, вот этот Вольтеров гурон, который убежал из приемной князя, он затеял там высчитывать послужной список Кутузова. Понатрется в свете — перестанет балагурить».

С. Н. Глинка (1776—1874) — писатель, издатель журнала «Русский вестник», участник Отечественной войны 1812 года.

На маневрах в Гатчине

В 1800-м году, в Красном Селе, были маневры. Одною частью войск командовал известный генерал Пален, а другою — М. И. Кутузов. К отряду первого подъехал император Павел.

«Ваше высокопревосходительство, — сказал он Палену, — позвольте мне находиться при вас не как императору, а как принадлежащему к вашему отряду».

Обозревая в зрительную трубу войска противной стороны, император заметил, что Кутузов стоит вдалеке от войск своих, окруженный только адъютантами и самым малым числом конвоя.

«Я возьму его в плен, я возьму его в плен, — повторял с усмешкой Павел, утешаясь будущим торжеством своим, — дайте мне, ваше высокопревосходительство, только эскадрон кавалерии».

«Из какого полка и который именно эскадрон повелите, Ваше величество?» — спросил Пален.

«Какой будет вам угодно, ваше высокопревосходительство, — отвечал Павел, — только один эскадрон, только один, и я возьму неприятельского главнокомандующего».

Пален назначил эскадрон гусар, и император, осторожно отделившись от общей массы, старался ехать с гусарами так чтобы Кутузов не заметил этого движения. Избрав дальнюю дорогу вокруг лесов, он на пути твердил гусарам, чтобы они, огибая последний, бывший в виду у них, лес, ехали как можно тише, остановились бы, где он прикажет, потом вдруг, по его знаку, скакали бы за ним и исполнили то, что он повелит.

Так и было сделано. Объезжая последний лес, Павел удивлялся оплошности Кутузова, который нигде не поместил войск для своей личной безопасности. Достигнув конца леса, император остановил гусар и сам, из-за деревьев, высматривал положение главнокомандующего. В то время Кутузов оставался еще с меньшею защитою. Почти все адъютанты его и многие конвойные были разосланы. Показывая рукою в противную сторону, он последнему из адъютантов отдавал приказание ехать к войскам. Павел считал Кутузова в своих руках и крикнул: «За мной!» — понесся, а вслед его

бросились и гусары. Но только что они сделали это первое движение, вдруг, с одной стороны леса, с другой — из лощин между пригорками высыпали егеря и открыли такой страшный огонь, что гусары были сбиты, расстроены и сам император увидел себя в необходимости сдаться со всем своим отрядом. Павлу, который за минуту ожидал торжества, было это неприятно. Он, уже как государь, повелел остановить стрельбу и один поехал к Кутузову. Вероятно хитрый полководец заметил в подзорную трубу движение Павла или известился об этом чрез лазутчиков, и заранее приготовил засаду.

«Хорошо, батюшка, хорошо, — говорил император, подъехав к Кутузову, — я думал вас взять в плен, а вышло, что я у вас в плену!»

Несмотря на одобрение и ласку, Павел не мог вполне скрыть своей досады и, мрачный возвратился к войскам Палена.

После маневров генералы приглашены были в Павловск. Государь уже успокоился и был милостив. Весело встретив гостей в саду, в любимом своем павильоне, император при всех рассказал о неудавшемся своем подвиге, подошел к Кутузову, обнял его и произнес: «Обнимаю одного из величайших полководцев нашего времени!»

П. Ф. Карабанов (1767—1851) — коллекционер, собиратель преданий по истории России XVIII — начала XIX в.

Русско-австро-французская война 1805 г.

Пока мы стояли в Браунау, главнокомандующий приказал назначать к нему с каждого полка на ординарцы офицера с одним унтером из дворян, преимущественно портупей-прапорщиков и юнкеров, и по одному рядовому на вести. Дней за семь до выступления, пришла и мне очередь. Рано утром ввели нас в огромную аванс-залу и построили в две шеренги, юнкеров в первую, рядовых во вторую, офицеры стали на правом фланге. Скоро зала наполнилась генералами и штаб-офицерами. Сзади нашего фронта была маленькая дверь, вроде потаенной, и оттуда, через полчаса, вышел Кутузов в теплом вигоневом сюртуке зеленоватого цвета. Скромно пробравшись вдоль стены к правому флангу, сперва прошел он офицеров, разговаривая с

некоторыми, а потом начал смотреть наш фронт. Я стоял по старшинству полка первый; гренадерские полки находились в авангарде и от них не было ординарцев. Михайло Ларионович подошел ко мне, спросил мое имя и которой губернии. На ответ мой он вскричал: «Ба, малороссиянин!» — и, обратясь к Милорадовичу, промолвил: «Благословенный край, я провел там с корпусом мои лучшие годы, люблю этот храбрый народ!» Случившемуся тут же моему шефу генералу Дохтурову он приказал оставить меня при главной квартире бессменным. Потом я узнал, что Кутузов часто посещал дом моего деда и нередко проживал у него дня по три и более. Переступив во вторую шеренгу и проходя по ней, он проговорил с каждым вестовым несколько слов: все их них были уроженцы великороссийских губерний, и он о каждом русском племени отзывался в различных выражениях с искусной похвалой, от которой у каждого выступала на лице краска, изобличавшая желание оправдать ожидание главнокомандующего.

И. Бутовский (1784 — после 1857) — в 1805 — портупей-прапорщик Московского пехотного полка.

Когда австрийский генерал-квартирмейстер Вейротер принес Кутузову для подписания диспозиции к бою, то сей сказал князю Волконскому [2]: «Ты знаешь, что я баталии не хочу давать, потому что она не может быть нам выгодна, но они сего требуют, так я подписываю».

А. И. Михайловский-Данилевский (1790—1848) — генерал-лейтенант, военный историк; в 1812 году — поручик, адъютант начальника Петербургского ополчения, затем состоял при Главном штабе Кутузова; ранен при Тарутино.

На другой день после битвы, Кутузов на привале подъехал к разложенным огням; ездовой, как обыкновенно, приготовил ему скамейку; он сел и осмотрелся кругом; разных полков офицеры столпились подле него с любопытством. Он посмотрел на часы и, помедля немного, сказал: «Господа, вы молоды, еще успеете отплатить французам, но я стар и Бог весть

доведется ли мне ратовать против них, а поношение за Аустерлиц падет на меня невинно... Вмешательство цесарцев превратило все дело в гущу». Лицо его было мрачно, он замолчал, грея руки и потирая их над огнем. Скоро доложили, что неприятель сближается, и он приказал подать лошадь.

И. Бутовский

Русско-турецкая война 1806—1812 гг.

Кутузов, будучи очень умным, был в то же время страшно слабохарактерный и соединял в себе ловкость, хитрость и действительные таланты с поразительной безнравственностью. Необыкновенная память, серьезное образование, любезное обращение, разговор, полный интерес и добродушие (на самом деле немного поддельное, но приятное для доверчивых людей) — вот симпатичные стороны Кутузова. Но зато его жестокость, грубость, когда он горячился или имел дело с людьми, которых нечего бояться и в то же время его угодливость, доходящая до раболепства по отношению к высокостоящим, непреодолимая лень, простирающаяся на все, апатия, эгоизм, вольнодумство и неделикатное отношение в денежных делах, составляли противоположные стороны этого человека.

Кутузов участвовал во многих сражениях и получил уже тогда настолько опыта, что свободно мог судить как о плане кампании, так и об отдаваемых ему приказаниях. Ему легко было различить достойного начальника от несоответствующего и решить дело в затруднительном положении, но все эти качества были парализованы в нем нерешительностью и ленью физической и нравственной, которая часто и была помехой в его действиях.

Однажды, в битве, стоя на месте, он услышал издали свист летящего снаряда; он настолько растерялся, что вместо того, чтобы что-нибудь предпринять, даже не сошел с своего места, а остался неподвижен, творя над собой крестное знамение. Сам он не только никогда не производил рекогносцировки местности и неприятельской позиции, но даже не осматривал стоянку своих войск, и я помню как он, пробыв как-то около четырех месяцев в лагере, ничего не знал, кроме своей палатки.

Слишком полный и даже тяжеловесный, он не мог долго сидеть на лошади; усталость настолько влияла на него, что после часового учения, которое для него казалось целым веком, он уже не годился больше ни для какого дела.

Эта его лень простиралась и на кабинетные дела и для него было ужасно трудно заставить себя взяться за перо. Его помощники, адъютанты и секретари делали из него все что им было угодно, и несмотря на то, что Кутузов, без сомнения был умнее и более знающий, чем они, он не ставил себе в труд проверять их работу, а тем более поправлять ее. Он подписывал все, что ему ни подавали, только бы поскорее освободиться от дел, которым он и так-то отдавал всего несколько минут в день, возлагая их главным образом на дежурных генералов армии.

Вставал он очень поздно, ел много, спал 3 часа после обеда, а затем ему нужно было еще два часа, чтобы прийти в сознание.

Кутузов ужасно легко подчинялся женскому влиянию и женщины, какие бы они ни были, господствовали над ним самым неограниченным образом.

Это влияние женщин на толстого, одноглазого старика было смешно в обществе, но в то же время и опасно, если страдающий такой слабостью назначался во главе войск. Он ничего не скрывал от своих повелительниц и ни в чем им не отказывал, а вследствие этого возникала, конечно, масса неудобств. Но этот же Кутузов, такой безнравственный в своем поведении и в своих принципах и такой посредственный, как начальник армии, обладал качеством, которое кардинал Мазарини требовал от своих подчиненных: он был счастлив. Исключая Аустерлиц, где его нельзя упрекать за бедствия, потому что он был только номинальным начальником, фортуна везде благоприятствовала ему, а эта удивительная кампания 1812 года возвысила его счастье и славу до высочайшей степени. Кутузов был ранен несколько раз, из них одна рана, между прочим, очень оригинальная: в Крыму, во время атаки одного редута, он был ранен в голову между висками и его спасение тем более чудесно, что он даже не потерял зрение и продолжал видеть также хорошо, как и прежде, но в 60 лет он потерял один глаз и теперь опасался потерять и другой*.<Он мне рассказывал, что во время своего путешествия в Голландию, он узнал, что один знаменитый профессор хирургии и анатомии должен был защищать диссертацию относительно ран и доказать, что рана, которую будто

бы, как говорили, получил Кутузов, есть не что иное, как сказка, потому что с такой раной трудно остаться в живых и уже невозможно совершенно сохранить зрение. Кутузов отправился его слушать и после лекции профессора он встал и сказал ему перед всей аудиторией: «Господин профессор, вот я здесь и я вас вижу» (Прим. автора).>

А. Ф. Ланжерон (1763—1831) — граф, генерал от инфантерии, новороссийский генерал-губернатор, на русской службе с 1790 г., в 1806—1812 командовал корпусами Молдавской армии, в 1812 — командир корпуса 3-й Западной армии.

По прибытии Кутузова, я передал ему командование армией и посвятил во все подробности, которые еще ему не были известны. Сначала он поразил меня своей неутомимой деятельностью, к которой мы совсем не привыкли, но его энергия скоро остыла и обычная ленность по-прежнему вошла в свои права. Тут-то я заметил, как он сильно опустился за последнее время. Были тому причиной его года или он перестал бороться со своими недостатками, но только, несмотря на весь его ум, дурные его стороны особенно выдались в этой войне, чего не может не отметить история.

Первым делом Кутузова, по приезде в Бухарест, было отыскать себе владычицу; сделать это было совсем не трудно, но его выбор поразил нас. Он пал на 14-летнюю девочку, племянницу Ворлама и бывшую уже замужем за одним молодым боярином Гунианом. Она очень понравилась Кутузову и он, хорошо зная валахские нравы приказал ее мужу привезти ее к нему что тот и исполнил. На следующий день Кутузов представил нам свою возлюбленную и ввел ее в общество, но к несчастью, этот ребенок (как и все женщины, кто бы они были) скоро начал иметь на нас большое влияние и пользовался им исключительно для себя и своих родных.

Когда 64-летний старик, одноглазый, толстый, уродливый, как Кутузов, не может существовать без этого, чтобы иметь около себя трех—четыре женщины, хвастаясь этим богатством — это достойно или отвращения или сожаления, но когда последнее из этих созданий управляет им совершенно,

руководит всеми его действиями, дурно на него влияет, раздает места, то тут уже отвращение уступает место негодованию. <...>

Сенатор Милошевич, по неверно рассчитанной экономии, уничтожил в Валахии спатарю. Спатар — это начальник высшей полиции; вся его деятельность заключалась в том, что он собирал к себе всех воров и разбойников, подкупал их деньгами и, таким образом, мешал им практиковать их промысел. Когда уничтожили эту должность, то все служащие у спатара болгаре очутились без дела, тогда они разделились на банды и стали разбойничать по всему краю, вплоть до ворот Бухареста. Чтобы уничтожить грабежи и убийства, Кутузов восстановил спатарю и поручил ее одному греку по имени Понтосуглону, человеку очень умному и деятельному, который начал с того, что собрал у себя половину всех бунтовавших разбойников и с их помощью переловил другую половину. Это ему вполне удалось и разбои утихли.

Генерал Кутузов сильно покровительствовал валахам и защищал их от разорения и убытков, которые могли причинить квартировавшие там войска. Под страхом наказания он запретил войскам пользоваться каким-либо имуществом жителей, потому что злоупотребления войск доходили до такой степени, что деревни через которые проходили войска оставались совершенно опустошенными. Кутузов сумел даже обойтись вовсе без сбора подвод для нужд полков, так как в это время у жителей Валахии наступила жатва. Чиновники, конечно, были опечалены этим, так как для них это, наверное, было бы большим доходом. Когда обращались к исправнику с требованием ста повозок, он наряжал 1000 и, 900 отсылая обратно, брал за них большие суммы денег.

А. Ф. Ланжерон

Мы узнали, что Кутузов был замещен адмиралом Чичаговым.

Выбор этот нас озадачил; тогда мало кто из нас знал его; когда же мы ознакомились с ним, изумление наше было очень велико.

Кутузов был в отчаянии предоставить Чичагову заключать мир, что мог бы совершить он сам гораздо раньше. Он понял свои ошибки, раскаивался в них и

находился в ужаснейшей ситуации. Но счастье и тут помогло ему. Император вспомнил (хотя довольно поздно) о моем разговоре с великим визирем и согласился на Пруте, собственноручно известив об этом секретным образом Кутузова.

Тогда Кутузов не дал ни минуты покоя посредникам, и к нашему большому удивлению и радости, мир был заключен Кутузовым в конце апреля, тремя днями раньше приезда Чичагова, который мог бы иметь честь сделать то же, если бы приехал скорее. Повторяю, что это мир был и будет для меня загадкой.

А. Ф. Ланжерон

Отечественная война 1812 года

Начальником московского ополчения избран был дворянством М. Л. Кутузов [3], а в помощь ему граф Ираклий Иванович Морков. В Москве уже получено было известие что французами занят Смоленск; с сим известием приехал великий князь цесаревич. Государь вскоре после сего изволил отъехать в Петербург [4]. В сей столице петербургское дворянство собирало тоже ополчение, и сие дворянство подчинило своих ратников тоже М. Л. Кутузову. В сем качестве он приехал явиться к государю. Это было в Таврическом дворце; я, увидевши сего славного генерала, подхожу к нему и говорю:

— Стало быть, дворянство обеих столиц нарекло ваше высокопревосходительство своим защитником и отечества!

Михаилу Ларионовичу неизвестно еще было, что московское дворянство избрало его также начальником своего ополчения. Когда он узнал о сем назначении, с полными слез глазами сказал:

— Вот лучшая для меня награда в моей жизни! — и благодарил меня за сие известие.

Хотя Барклай де Толли и назван был главнокомандующим 1 западную армию, но он не переставал быть военным министром: в отсутствии его управлял военным министерством князь А. И. Горчаков.

Однажды я был дежурным при государе на Каменном острове. Князь приезжает с докладом к императору и говорит мне:

— Ах, любезный друг, какую я имею ужасную комиссию к государю! Я избран ходатаем от всего комитета гг. министров, чтобы просить его величество переменить главнокомандующего армиею и, вместо Барклая, назначить Кутузова. Ты знаешь, как государь жалует Барклая, и что сие — собственный выбор его величества.

Я с нетерпением ожидал, когда князь Горчаков выйдет из кабинета императора. Действительно, случай был редкий, чтобы какое-либо место, хотя составленное, впрочем, из первейших государственных чинов, — предложило государю нашему, противу воли его, переменить лицо, и какое же? — главнокомандующего армиею, тем более, что император, как известно было, не весьма благоволил тогда к генералу Кутузову. Наконец, я увидел князя Горчакова, выходящего из кабинета государева; видно, что у них был продолжительный и жаркий разговор, ибо князь имел лицо, как пламя. Он мне сказал:

— Слава Богу, я успел. Нельзя не дивиться кротости и милосердию государя; представь себе, что я осмелился, наконец, сказать его величеству, что вся Россия желает назначения генерала Кутузова, что в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим. Государь приказал князю Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобы на другой день поутру приехал к его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генерал Кутузов прибыл на Каменный остров. Я с ним был один.

— Мне предстоит великое и весьма трудное поприще, — сказал Михаил Ларионович, — я противу Наполеона почти не служил; он все шел вперед, а мы ретировались может быть, по обстоятельствам нельзя было иначе. Скажите мне, — продолжал он, — кто находится в главной квартире Барклая из чиновников, занимающих место по штабу? Я никого не знаю.

Я назвал ему всех, и когда он услышал, что обер-квартирмейстерскую должность отправляет барон Толь, он мне сказал:

— Я этому очень рад, он мой воспитанник, он выпущен из первых кадетского корпуса, когда я оным командовал.

После сего позвали его к государю. Выходя из кабинета его величества, генерал Кутузов мне сказал:

— Дело решено, — я назначен главнокомандующим обеих армий, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнил, что у меня ни полушки нет денег на дорогу, я воротился и сказал: «Mon maitre, je n'ai pas un sou d'argent.<«Государь, у меня нет ни копейки денег».>

Е. Ф. Комаровский (1769—1843) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1812 — генерал-майор, инспектор внутренней стражи.

По назначении его главнокомандующим над войсками государь приказал ему приехать к себе в такой-то час в Каменноостровский дворец. Назначенный час пробил, а Кутузова все нет. Проходит еще минут пять и более. Государь несколько раз спрашивает, приехал ли он? А Кутузова все еще нет.

Рассылаются фельдъегеря во все концы города, чтобы отыскать его. Наконец, получается сведение, что он в Казанском соборе слушает заказанный им молебен. Кутузов приезжает. Государь принимает его в кабинете и остается наедине около часа. Отпуская, провожает его до дверей комнаты, следующей за кабинетом. Тут прощается с ним. Возвращаясь, проходит он мимо адъютанта Комаровского, дежурного генерал-адъютанта, и говорит ему: «Публика хотела назначения его; я его назначил, что до меня касается, умываю себе руки». Этот рассказ со слов самого графа Комаровского был передан мне Д. П. Бутурлиным. Правдивость того и другого не подлежит сомнению. Как подобный отзыв ни может показаться сух, странен и предосудителен, но не должно останавливаться на внешности его. Проникнув в смысл его внимательнее и глубже, отыщешь в этих словах чувство тяжелой скорби и горечи. Когда был поставлен событиями вопрос «Быть или не быть России», когда дело шло о государственной судьбе ее и, следовательно, о судьбе самого Александра, нельзя не предполагать в государе и человеке бессознательное равнодушие и полное отсутствие чувства, врожденного в каждом, чувства самосохранения. Государь не доверял ни высоким военным способностям, ни личным свойствам Кутузова. Между тем он превозмог в себе предубеждение и вверил ему судьбу России и свою судьбу, вверил единственно потому, что Россия веровала в Кутузова. Тяжела должна была быть в Александре внутренняя борьба; великую жертву принес он Отечеству,

когда, подавляя личную волю свою и безграничную царскую власть, покорил он себя общественному мнению.

П. А. Вяземский (1792—1878) — князь, русский поэт и критик.

Мне довелось видеть князя накануне его отъезда. Это был старец весьма любезный в обращении; в его лице было много жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран в продолжении пятидесяти лет военной службы. Глядя на него, я боялась, что он не в силе будет бороться с людьми суровыми и молодыми, устремившимися на Россию со всех концов Европы. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в войсках становятся татарами, и мы видели на Суворове, что ни возраст, ни почести не могут ослабить их телесную и нравственную энергию. Растроганная покинула я знаменитого полководца. Не знаю, обняла ли я победителя или мученика, но я видела, что он понимал величие подвига, возложенного на него. Перед ним стояла задача восстановить добродетели, насажденные христианством, защитить человеческое достоинство и его независимость; ему предстояло выхватить все эти блага из когтей одного человека, ибо французы, немцы и итальянцы, следовавшие за ним, неповинны в преступлениях его полчищ. Перед отъездом Кутузов отправился молиться в церковь Казанской Божией Матери, и весь народ, следовавший за ним, громко называл его спасителем России. Какие мгновения для простого смертного! Его годы не позволяли ему надеяться пережить труды похода; однако, в жизни человека бывают минуты, когда он готов пожертвовать жизнью во имя духовных благ.

А.-Л.-Ж. де Сталь (1766—1817) — баронесса, французская писательница.

Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках, от солдата до генерала. Все, кто мог, полетели навстречу почтенному вождю принять от него надежду на спасение России. Офицеры весело поздравляли друг друга с счастливою переменю обстоятельств; даже солдаты, шедшие с котлами за водою, по обыкновению

вяло и лениво, услышав о приезде любимого полководца, с криком «ура!» побежали к речке, воображая, что уже гонят неприятелей. Тотчас у них появилась поговорка: приехал Кутузов, бить французов!.. Старые солдаты припоминали походы с князем еще при Екатерине, его подвиги в прошедших кампаниях, сражение под Кремсом, последнее истребление турецкой армии на Дунае, все это было у многих в свежей памяти. Вспоминали также о его чудесной ране от ружейной пули, насквозь обоих висков. Говорили, что сам Наполеон давно назвал его старой лисицей, а Суворов говаривал, что Кутузова и Рибас не обманет. Такие рассказы, перелетая из уст в уста, еще более утверждали надежду войск на нового полководца, русского именем, умом и сердцем, известного знаменитостью рода, славного многими подвигами; одним словом, с приездом в армию князя Кутузова, во время самого критического положения России, когда Провидение наводило на нее мрачный покров гибели, обнаружилось явно, сколь сильно было присутствие любимого полководца воскресить упавший дух русских как в войске, так и в народе. Что любовь войска к известному полководцу есть не мечта, а существенность, проводящая чудеса, то показал всему свету незабвенный для славы России Суворов, с горстиею сынов ее.

И. Т. Радожицкий (1788—1861) — артиллерии генерал-майор, писатель; в 1812 — поручил 11-й артиллерийской бригады.

Славный день Бородина

Качества, которыми обладал он, обличали в нем, может быть, в большей степени государственного человека, нежели полководца. Особенно, в самых битвах, ему недоставало теперь прежней личной деятельности, причины чему надобно искать в его летах. Нельзя, впрочем, отнять у Кутузова ни быстроты взгляда, ни проницательности; обращение его внушало доверенность.

Перед Можайском, при селе Бородине, новый главнокомандующий решился дать генеральное сражение. Он не был побуждаем к тому собственным убеждением, но считал необходимым принести эту жертву общему мнению.

Е. Вюртембергский (1788—1857) — принц, генерал от инфантерии; в 1812 — генерал-лейтенант, командир 4-й пехотной дивизии.

Еще только несколько переходов, и мы достигли села Бородина, выгодное положение которого способствовало исполнению цели князя, а посредством редутов и батарей по всей линии позиция была еще больше укреплена.

23 августа армия заняла эти позиции и встала в боевом порядке; все роды оружия заняли указанные места. <...>

Когда князь проезжал по фронту армии, все приветствовали его громким «ура!». Случилось, что на правом фланге князь на минуту задержался, осматривая позицию, вдруг высоко над нами взвился орел и начал делать круги над нашими головами. Князь заметил его первый, обнажил голову и воскликнул: «Ура!» Свита, которая увидела в чудесном появлении царя птиц благоприятное предзнаменование, восторженно вторила князю.

И. Р. Дрейлинг (фон, Иоганн Рейнгольд) (1793—после 1869) — тайный советник; в 1812 — корнет Малороссийского кирасирского полка, ординарец Кутузова.

После выбора позиции рассуждаемо было, в случае отступления, куда идти.

Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны в том предположении, что и Наполеон оставит Московскую дорогу и не пойдет более на Москву, а следить будет за армиею через Верею; но Кутузов отвечал: «Пусть идет на Москву».

А. Б. Голицын — в 1812 — корнет лейб-гвардии Конного полка, ординарец Кутузова.

С вершин укрепленных и неукрепленных высот бородинские солдаты как простые зрители (я говорю о правом крыле, где сам находился) и офицеры увидели наконец приближение всей французской армии. Три огромных клуба пыли, пронзенных лучами склонявшегося солнца, светлели в воздухе, три стальные реки текли почти в равном между собой расстоянии. На полянах пестрели люди; над перелесками, немного превышавшими рост человека, сверкала железная щетина штыков. Русское солнце играло на гранях иноземной стали. Все это шло скоро, но мерно. <...>

Когда все силы неприятельской армии выяснились, заревел редут Шевардинский, ожили овраги и кустарники на правом берегу Колочи и пули засновали со свистом в уровень человека, ядра и гранаты стали описывать дуги над головами наступающей армии. <...>

Перед центром правого крыла большой русской линии, у подножия вооруженных высот, немного левее (если посмотреть от Москвы) от села Бородина разъезжал кто-то на маленькой бодрой лошадке (небольшом гнедом клепере), из-под фуражки его, сплюснутой на голове, выбивались пряди белых волос. Шарф повешен по-старинному, чрез плечо, на мундирном сюртуке. Ездок был среднего роста, построение тела имел коренное русское: он был дюж, широк в плечах и в это время довольно дороден, особенно в ногах заметен был какой-то отек. За ним ездили два донца, из которых один возил скамеечку. Прибежав дробной рысью на то место, которое мы указали, генерал (это показывали его эполеты) вероятно, только что окончивший объезд линий, потому что клепер его еще дымился, этот генерал начал сходить с лошади. С каким-то болезненным усилием ступил он сперва на скамеечку, которую проворно подставил ему донец, потом на ней же уселся лицом к Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидел Михаила Ларионовича Кутузова, нашего нового главнокомандующего. Правый глаз его был несколько прищурен. Всматриваясь внимательно, вы бы легко заметили, что в нем уже погасла живая точка света. Это следствие раны ужасной, неслыханной, о которой, в свое время, говорили все врачи Европы. Турецкая пуля, ударив близ виска, искосила ось глазную и оставила генерала (одного из прозорливейших полководцев) полузрячим. Далее, в чертах лица его, овально-продолговатого, особенно если рассматривать его в профиль и

преимущественно в подбородке, значительно округленном, находили сходство с очерком лиц фамилии Бурбонов; странное сочетание сходств.

Говоря о нравственных его свойствах, должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи, в одно время, директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление. В кругу своих он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собой говорили «можно ли быть любезнее его?» Зная это, я часто всматривался в лицо его, отыскивая, которая бы из черт этого лица могла оправдывать всеобщую молву (распущенную великим Суворовым), молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотрим теперь на него, сидящего на поле Бородинском. Он все еще сидел на своей скамеечке с ногойкою в правой руке, то помахивая ею, то концом ее чертя что-то на песке, а между тем дума полная, высокая, сияла на лице его. Если б не легкое механическое движение правой руки, его можно было бы почесть за изваяние из бронзы: так был он неподвижен, так углублен в свои мысли, лучше сказать, в одну мысль. Бой, начатый передовыми стрелками левого крыла, притих. С минуту продолжалось молчание по всей линии. Вдруг вздохнуло опять на левом крыле, и этот вздох огласил окрестности. Еще... еще... и все зарокотало. Эта началась тяжба за редут Шевардинский; адвокаты с обеих сторон говорили свои гремящие речи и менялись доказательствами. Кутузов сделался весь внимание. Я видел, как он протягивал вперед голову и вслушивался, вслушивался, иногда наклоня левую ухо к земле, как будто желая угадать — подается пальба или отступает. Но вот во всю конскую прыть прискакал адъютант, сказал слово о Багратионе, другое о французах, и Михайло Ларионович, вспрыгнув с места с легкостью молодого человека, закричал: «Лошадь!» — сел, почти не опираясь на скамеечку, и, пока, огромный клуб свившегося над окрестностию дыма поглотил главнокомандующего с его великою думою, в которой развивались уже семена предстоящего сражения. Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин, говорили: «Вот сам Кутузов поехал на левое крыло!»

Ф. Н. Глинка

Теперь вернемся мысленно на противоположную высоту, соседственную с курганом Горецким. Ее легко отыскать у корпуса Дохтурова. Там также есть человек замечательный. Он все на той же маленькой лошадке: все в той же, как мы уже описали, одежде. Он окружен множеством офицеров, которых беспрестанно рассылает с приказаниями. Одни скачут от него, другие к нему. Он спокоен, совершенно спокоен, видит одним глазом, а глядит в оба, хозяйственно распоряжается битвою; иногда весело потирает рука об руку (это его привычка) и по временам разговаривает с окружающими, но чаще молчит и наблюдает.

Это Кутузов.

Ф. Н. Глинка

Когда французская гвардия предприняла нападение на наш левый фланг, или, по крайней мере, заметно было у неприятеля движение, я был послан Дохтуровым к Кутузову с донесением и, вместе с тем, просить подкрепления. Князь, выслушав, встал со скамейки и велел мне скакать к Раевскому и сказать ему, чтобы он употребил все усилие собрать, что может, и подкрепить Дмитрия Сергеевича. Обратившись, он заметил Раевского, сидящего среди его свиты на пне: «А, да вот он, — и, сделав несколько шагов к нему (Раевский подошел), продолжал, — послушайте, что он говорит (указывая на меня). — Ради Бога, соберите, что у вас только осталось, и летите туда». На возражение Раевского: «что у него ничего не осталось в массе и все перебито», Кутузов убеждал его еще, и тогда Раевский сел на лошадь, послал своих окружающих собирать кучки, оставшиеся от полков и направлять их налево, и, обратившись ко мне, продолжал: «Скажите Дмитрию Сергеевичу, что сколько соберу, всех приведу. Не знаю, однако же, послужит ли это к чему».

Возвратившись к Дохтурову, я нашел его на барабане; возле него сидел на земле начальник артиллерии 2-й армии барон Левенштерн; ядра и гранаты

осыпали его. Отдав ему отчет в поручении, он сказал: «Да уже теперь, кажется, не нужно; французы что-то остановились...»

И. П. Липранди (1790—1880) — генерал-майор, чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел; с 1812 — поручик свиты е. и. в. по квартирмейстерской части, состоял при 7-м пехотном корпусе.

Сколько живо и ясно пред памятью моей предстал Бородинский день, столько же смешанно, туманно, как томительный сон, припоминаю себе первые дни отступления. Бесконечный ряд повозок, заваленных ранеными, огромная нить артиллерии, вышедшей из соразмерности с остатками армии, отдельные люди разных воротников, отыскивавшие свои полки, какое-то общее уныние после обманутых надежд, оглушенные после такого громового дня, отупление после таких потрясающих и торжественных ощущений; все это вместе навело на меня какое-то онемение всех чувств, почти бессмысленность.

Незавидна в подобные дни судьба главнокомандующего, к тому же, обязанного скрывать под личиною бесстрастия все в душе его происходящее! Кутузов между Бородиным и Москвою должен был выстрадать века целые.

П. Х. Граббе (1789—1875) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в 1812 — поручик лейб-гвардии конной артиллерии, адъютант Ермолова.

Фили. Сдача Москвы французам

В присутствии окружающих его генералов спросил он меня, какова мне кажется позиция? Почтительно отвечал я, что по одному взгляду невозможно судить положительно о месте, назначаемом для шестидесяти или более тысяч человек, но что весьма заметные в нем недостатки допускают мысль о невозможности на нем удержаться. Князь Кутузов взял меня за руку, ощупал пульс и сказал: «Здоров ли ты?» Подобный вопрос оправдывает сделанное с некоторой живостью возражение. Я сказал, что драться на нем он не будет или будет разбит непременно. Ни один из генералов не сказал своего мнения, хотя

немногие могли догадываться, что князь Кутузов никакой нужды в том не имеет, желая только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя.

А. П. Ермолов (1777—1861) — генерал от инфантерии, член Государственного совета; в 1812 — генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник Главного штаба 1-й Западной армии.

Князь Кутузов решил, наконец, вопрос своей властью, высказав свое твердое желание отступить. Когда я увидел, что решение сдать Москву без боя принято до военного совета, что мнение, высказанное генералами, не заносилось даже в протокол и, что на совет не был приглашен московский генерал-губернатор граф Ростопчин, тогда, как его уверяли еще в тот день утром, что столицу будут защищать до последней крайности, то я решил уехать из совета. Приехав домой, я записал прежде всего то, что было принято на совете, в результате которого было разорено, быть может совершенно напрасно, столько семей.

Л. Л. Беннигсен (Бенигсон, Беннингсен Л. А. Т.) (1745—1826) — граф, генерал от кавалерии; ганноверский барон, на русской службе с 1773; в 1806—1807 — главнокомандующий русской армией; в 1812 — начальник штаба Кутузова.

Говоря о князе Кутузове, Беннигсен, известный своим хладнокровием, выходил из себя и краснел несколько раз от злобы. Вот собственные его слова: «Кутузов одарен был чрезвычайным природным умом, но не имел ни малейшего понятия о военном искусстве, я его знал очень хорошо, потому что знакомство наше продолжалось сорок три года. Он ничего не читал и совсем не умел писать, что я могу засвидетельствовать множеством ничтожных записок его жене моей, в то время, когда мы жили вместе в Вильне; стыдно их читать: он был не сведущ в географии и не имел ни малейшей совести, но был великий царедворец. <...>

Я предлагал в военном совете, собранном в деревне Филях 1 сентября, идти на неприятеля и напасть на него для того, чтобы Наполеон отрядил два корпуса, один вице-короля италийского, чтобы обойти нас справа, а другой, — чтобы отрезать нас с левой стороны. Французская армия, ослабленная множеством беглых, число коих, как я узнал после, простиралось до шестидесяти тысяч, была бы неминуемо разбита, а два корпуса, отряженные с той целью, чтобы нас обойти, были бы сами отрезаны».

А. И. Михайловский-Данилевский

Тарутинский маневр

2 сентября наступил для Москвы в продолжении веков, и для Кутузова на пределах жизни, самый страшный их день. Кутузов оставлял Москву на жертву ослепленному завоевателю, на его гибель, и сам в слепоте человечества, в глубокой горести, не видел парящего над собою гения России, с венком бессмертия за подвиг великой решимости. Конечно, легче было, уступая общему порыву, дать под Москвой сражение и погибнуть с нею вместе. И тут была слава!

П. Х. Граббе

Длинный переход от Кулакова до Подольска продолжался в течение целого дня. Будучи отправлен к Милорадовичу, я догнал главную квартиру на привале, под вечер, уже в деревне Ломе. Первый раз зарево Москвы было нам так видно; Кутузов сидел и пил чай, окруженный мужиками, с которыми говорил. Он давал им наставления, и когда с ужасом говорили они о пылающей Москве, то ударив себя по шапке, сказал: «Жалко, это правда, но подождите, я ему голову проломаю». Кутузов на другой день старался собрать усталых и, не дожидаясь более одних суток, перешел в Красную Пахру, на среднюю Калужскую дорогу, где начинается целый ряд достопамятнейших событий кампании сей. В Пахре главная квартира была несколько дней; тут

расстался с армией Барклай де Толли, на место которого назначен был Тормасов [5].

Всякий день, просыпаясь, Кутузов спрашивал: «А что? неприятель где? не видать еще его?» На третий день, после свидания с корпусными командирами, он был весьма весел, ибо они донесли, что собраны все усталые, что все в полках в порядке. (Ему подана за обедом прекрасная уха из стерлядей. «Откуда рыба эта?» — спросил он. — «Калужские купцы прислали, — был ответ, — и обещались доставлять такую каждый день». — «Ну, спасибо им. Видно, что мы теперь дома у себя»).

А. Б. Голицын

Это сражение разбудило беспечно спавшего на пепле Москвы Наполеона. И на другой же день 7 октября неприятельская армия начала выступать из Москвы. Хитрый фельдмаршал, хотя наружно и показывал, что он восхищен этою победою, в самом деле не мог простить себе того, что он послушался красная Беннигсена. У них уже давно начались нелады, а тогда они явно рассорились. Вскоре после 7 октября Кутузов, споря с начальником своего штаба, очень ласково заметил ему: «Мы никогда, голубчик мой, с тобою не согласимся; ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну».

А. Ф. Воейков (1779 — 1839) — профессор, поэт-сатирик, журналист

Идем вперед, с нами Бог...

Поражение Мюрата разрушило все мечты, прекратило все недоумения медлившего в кремлевских стенах Наполеона. Как бы в отмщение им за тайные свои страдания, за столько обманутых надежд в продолжении своего в них пребывания, он приказал подорвать их — бессильное мщение, омрачившее еще одним пятном грозную драму великой его жизни!

7 октября армия французская оставила Москву и устремилась на Калугу, в надежде обойти слева наш Тарутинский лагерь и успеть прежде нас занять ее. Но Кутузов, вовремя извещенный, благодаря в особенности бесстрашному Сеславину, оставил 11 октября свой навсегда знаменитый лагерь при Тарутине и 12 пришел с армиею к Малоярославцу, где уже с рассвета кипел кровавый бой у Дохтурова с вице-королем Итальянским. Этим уничтожено последнее покушение Наполеона приготовить себе отступление путем, от войны еще не потерпевшим.

П. Х. Граббе

18 (октября). Мы отправились в путь ранним утром и остановились на ночлег в Медыни. Армия продолжила свой марш к Кременскому, где разместилась главная квартира фельдмаршала Кутузова. Нужно признать, что этот одноглазый старик удачлив. Неприятель обратился в бегство, не будучи разбитым. Не составляет особого труда убивать и брать в плен бегущих. <...>

31 (октября). Армия провела весь день в Лабково, чтобы передохнуть, поскольку люди очень устали. Мне кажется, что фельдмаршал нуждается в отдыхе и императору следовало бы уволить его в отпуск. Все идет хорошо. Платов взял 25 пушек и 800 пленных, а Витгенштейн — шесть тысяч. Мы одни остаемся в полном бездействии. Это невыносимо. Беннигсен возмущен ленью Кутузова.

Н. Д. Дурново (1792—1828) — генерал майор; в 1812 — прапорщик свиты е. и. в. по квартирмейстерской части, адъютант Волконского, в сентябре—декабре состоял при Беннигсене.

На одном из маршей Кутузов на дрожках, подъехал к Семеновскому полку, впереди которого ехали верхом Посников, я и другие ближайшие офицеры, объявил нам, что перехвачен курьер, везший известие к Наполеону о Маллетовском заговоре, возникшем в Париже. Рассказав подробно обстоятельства этого дела, он прибавил. «Я думаю, собачьему сыну эта

весточка не по нутру будет. Вот что значит не законная, а захваченная власть!»

Кутузов был вообще красноречив; но при солдатах и с офицерами он всегда говорил таким языком, который бы им врезывался в память и ложился бы прямо на сердце.

И. С. Жиркевич (1789—1848) — генерал-майор артиллерии, Симбирский и Витебский губернатор; в 1812 — поручик 1-й легкой роты лейб-гвардии артиллерийской бригады.

К Красному мы пришли днем раньше французов и остановились было на большой дороге. Но Кутузов рассчитал, что эта ширма может служить и западнею для Наполеона, и бесславием для Кутузова, ежели первый успеет прорвать ширму и уйти в глазах «спасителя отечества», ибо нельзя остановить целую армию. Он выбрал среднее: отошел в сторону версты три, оставляя дорогу в виду у себя, чертил в уме, как нанести ему удар сильнее обыкновенного... Но пламенный князь Кудашев, зять его и советник, горя желанием — одним ударом решить судьбу Наполеона и России, установился на самой дороге, или, как говорится, лоб в лоб Наполеону! Я, по привычке, обскакал эту линию и Кудашев поручил мне просить светлейшего придать ему войска, но что он ручается честью разбить все наголову и не выпустить ни души.

Едва я сказал фельдмаршалу, как он закричал на меня: «Скачи ты к этому... скажи ему, чтобы он сию же минуту оставил свое предприятие и очистил дорогу. Он ребенок и думает, что это идет дело с обыкновенным человеком, а не знает того, что его ожидает. Мы имеем дело с Наполеоном! А таких воинов как он, нельзя остановить без ужасной потери. Для нас довольно и очень довольно выгнать его из России и уничтожить посреди бегства».

С. И. Маевский (1779—1848) — генерал-лейтенант; в 1812 — надворный советник, генерал-аудитор, исполняющий должность дежурного генерала 2-й Западной армии, с сентября — при штабе Кутузова.

«Победа совершенная...»

Наполеон отступал с невероятною поспешностью, опасаясь быть настигнут нашею армиею прежде перехода за реку Березину. Но опасения его были напрасны, и хотя точные были сведения о неприятельской армии, фельдмаршал не трогался с места, правдоподобно, с тем расчетом, что далекий путь, усиливающаяся зима, свирепствующий голод и предстоящая борьба при Березине, без содействия главной армии приведут французское войско в состояние, близкое к разрушению.

А. П. Ермолов

Копыс. 20 ноября (2 декабря) 1812. <...>

Я знал давно, что фельдмаршала считают человеком хитрым, но его наружность показывает доброту и откровенность. Он лишился глаза от пули, ему около шестидесяти лет, он говорит свободно по-французски, а его выговор сдается на немецкий, в его лице я видел поступки и обращение истинного патриарха! Я также, может быть, нахожу его и хитрым, но вся его хитрость в честном смысле: он образован и хорошо понимает человека! Особенно есть один человек, которого фельдмаршал узнал и понял так хорошо, что привел его прямо в западню, из которой он вряд ли и вырвется. Князь все свои дарования посвятил Отечеству, но ничего не сделал для приобретения себе имущества и хотя он давно занимает весьма важные места, а все небогат! В военное время он самый попечительный полководец; в Петербурге он наилюбезнейший человек, ищущий общественных удовольствий. Он всегда любил французов, и если теперь ведет против них неслыханно убийственную войну, то этого хотел Наполеон. <...>

Копыс. 30 ноября (11 декабря) 1812. <...>

Фельдмаршал Кутузов мне сказывал, что давно уже поняли характер и даже сумасбродство Наполеоновы; что все были в том уверены, что он, перешедши Неман не остановится, но устремится по обыкновению к дальнейшим завоеваниям. Ему уступали столько пространства, сколько было нужно для того, чтоб истомить его армию, ослабить и победить ее усталостью или голодом; притом надеялись, что суровость климата и совсем ее уничтожит.

<...>

Фельдмаршал более всего удивлялся тому, с какою легкостью удались ему те хитрости, которыми он старался задержать Наполеона в Москве. «А с тем вместе, — присовокупил он, — мне смешны были все его требования на мир тогда, как он очевидно не имел уже достаточно сил к продолжению войны!» <...> «Пюибюск, ты мог видеть, — сказал он мне, — как скоро армия ваша оставила Москву, я запер вам все те новые выходы, которыми вы хотели пробраться и даже отступил от принятого мною плана: избегать, как можно, сражений. При Малоярославце я с вами сразился для того, что мне нужно было заставить вас идти тою дорогою, которая была опустошена вами же; я был уверен, что кроме нескольких деревянных изб, вам разрушать уже более нечего. Я приказал также графу Платову идти с боку подле вашего правого фланга; наша армия шла за вами, и одна ее часть, с левого вашего фланга, не допускала ваших фуражиров удаляться от дороги. Как пленных, так точно я и вас вел от Вязьмы до Смоленска; от меня зависело истребить вас еще до прибытия в сей город, но я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать для сего ни одним из своих солдат. Ты видишь, что с тех пор как ты со мною, через каждые три дня я даю им роздых и ежели бы провианта или вина у меня не достало, я бы тотчас остановился, заперся бы, и никто не посмел бы явиться перед моею армиею. Вот как мы, северные варвары, сохраняем людей!

Ваших лошадей я поморил с голоду, но я знал, что чрез сие вынужу вас бросить всю вашу артиллерию в Смоленске, так и случилось: вышедши из него, у вас не было более ни пушек, ни конницы; мой авангард с 50 пушками ожидал вас под Красным. Я желал истребить вас без сопротивлений, и потому приказал стрелять только по хвостам ваших колонн, конницу же пускать только на расстроенные ваши отряды. Сам Наполеон помогал мне, он сверх моих ожиданий растянул свои корпуса так, что между ими было расстояние на

целый день пути. Я не ходил с места четыре дня, и вот ваша гвардия и все корпуса, следовавшие за Наполеоном, постепенно мимо нас проходили, каждый для того, чтобы оставить половину своих солдат с нами. Поверь, что спаслось под Красным, то с великим трудом пройдет Оршу! Распоряжения мои сделаны до Березины, таким образом, что там должен быть конец путешествий вашей армии и ее полководца, разумею, если приказания мои исполнятся в точности.

Бесспорно, у вас были прекрасные солдаты, но многие остатки их приходили умирать при Красном, под нашими пушками: их мужество достойно было лучшей участи и лучшего начальника!» <...>

«Ну, — сказал фельдмаршал, — еще много может быть бедствий и кровопролитий, если Наполеон вырвется за Березину! <...> Вашим сенатором для народного блага следует явно противиться Наполеону. Он явный враг его, он сумасшедший: доказательство тому — вся эта кампания! Если бы он захотел продолжать свои завоевания далее за Москву, то мы могли бы еще миль пятьсот уступить ему, но его силы уже истощились до Москвы.

Война, предпринятая им против государства, столь обширного как Россия, есть такая глупость, на которую ни ваши старые генералы, ни Сенат, ни советники не должны были соглашаться».

Я отвечал фельдмаршалу, что мне неизвестно, сообщено ли было Наполеону сие намерение к первым государственным чинам, но что я знаю, как во Франции не переставали осуждать даже его нападение, сделанное им на Испанию, и за его упорство к продолжению сей войны, которая истощила нашу казну и погубила наших старых и самых опытных воинов. <...> Известно также, присовокупил я, что Наполеон никому не позволял противоречить своим военным предприятиям, и, что он не много согласовался со мнениями дел гражданских. <...>

«И так ваши образованные французы выбрали себе сокола из басни!» — это колкое замечание довершило наш разговор. Я сказал князю, что по занятии Смоленска мы хотели остановить тут армию для прикрытий Польши, и притом рассказал ему подробно весь план, который намерены были в главной квартире привести в исполнение 25 августа, то есть тот самый, про который я писал тебе в письме от 19 августа. Фельдмаршал согласился, что в то время ничего опаснее нельзя было придумать для России, но он еще присовокупил к

сему: «Я не думаю, чтобы сей план был изобретением Наполеона, слишком привыкшего к коротким кампаниям, да и нельзя думать, чтобы он решился употребить два года на побеждение одного государства. Кто его знает хорошо, тот может быть в том уверен, что в его предприятиях не имеет места то, чего требуют время, терпение и рассудительная медлительность». <...>

М. Л. де Пюибюск — в 1812 — интендантский чиновник Великой армии, взят в плен под Красным.

1-го декабря явился я к светлейшему. Как главная квартира видимо изменилась! Вместо разоренной деревушки и курной избы, окруженной караульными, выходившими и входившими в нее должностными людьми и проходившими мимо войсками, вместо тесной горницы, куда прямо входили из сеней и где видали мы светлейшего на складных креслах, рассматривавшего планы во время борьбы своей с гением величайшего завоевателя всех веков, я увидел улицу и двор, уставленные великолепными каретами, колясками и санями. Толпы подобострастных польских вельмож в русских мундирах, множество наших и неприятельских пленных генералов, штаб- и обер-офицеров, из которых многие с костылями, изувеченные, другие же бодрые и веселые — все, теснясь, стремилось к крыльцу, в переднюю и в залы человека, за два года пред этим в этом же городе заведывавшего лишь одним гарнизонным полком, несколькими гражданскими чиновниками, а ныне предводительствующего всеми русскими силами и спасителя своего отечества!

Д. В. Давыдов (1784—1839) — генерал-лейтенант, поэт и военный писатель; в 1812 — полковник Ахтырского гусарского полка, командир партизанского отряда.

Слава, бессмертная слава Кутузову! Это он, это глубокая мудрость его советов спасли Россию от крайней гибели. Я знаю, что, к сожалению, даже между нами существуют люди, настолько неблагодарные или

предубежденные, чтобы желать лишить его память справедливого уважения благодарного отечества, но усилия их останутся тщетными.

Действия фельдмаршала в течение всей кампании были так прекрасны, что смело могут выдержать исследования самой придирчивой критики. Ему можно поставить в упрек только две ошибки, но первая из них, заключающаяся в том, что он дал Бородинское сражение, была вынуждена политическими соображениями, что же касается до второй, состоящей в отступательном движении 14-го октября из-под Малоярославца в Гончарово, то признаюсь, что для оправдания ее не существует ни одного сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Но как должен быть велик этот полководец, который в течение четырех месяцев самой деятельной кампании совершил лишь одну ошибку! К тому же взамен этой ошибки сколько прекрасных действий, из которых любого было бы достаточно, чтобы упрочить репутацию! Переход с Коломенской дороги на Калужскую, от Тарутина к Малоярославцу, фланговое преследование, переход от Ельни к Красному и мудрые соображения сражений под Красным являются образцами военного искусства, которые всегда будут вызывать удивление знатоков. Низкая зависть и другие столь же низменные страсти могут временно омрачить память Кутузова, но потомство, более справедливое, не преминет поставить его, как спасителя отечества, наряду с Пожарским, а как великого полководца — наряду с Суворовым.

Д. П. Бутурлин (1790—1849) — действительный тайный советник, сенатор, военный историк; в 1812 — подпоручик свиты е. и. в. по квартирмейстерской части.

Я помню, как в одно утро принесли готово-написанный приказ к фельдмаршалу, где от имени его напоминалось о Суворове. Фельдмаршалу прочитали его, и все, кроме имени, ему понравилось. Но чтобы скрыть ревность свою, он раскрыл ее следующим разговором.

«Конечно, Александр Васильевич был великий полководец, но ему не представилось тогда еще спасти отечество. Я, вставая и ложась молю Бога, что я русский и что судьбы его дали мне случай спасти отечество».

Этот девиз был всегдашним и любимым его разговором.

С. И. Маевский

4 мая

Увы, пока этот год отмечен только смертью светлейшего. Хотя ее держат в тайне от всей армии, те, кто узнали об этом, проливают слезы скорби, воздавая должное герою, который спас Россию. При жизни человеку не отдают справедливости, после смерти его славу преувеличивают. Сейчас все превозносят светлейшего до небес, а совсем недавно почти все его осуждали; я рад, что, как ни молод, ни разу не поддался соблазнам злословия.

Благоразумие светлейшего, которое вы называли робостью, сохранило жизни нашим славным солдатам; то, что вы называли нерешительностью, было мудростью; ваш дух был, видно, слишком слаб, чтобы понять весь размах его политики. Все его действия имели тщательно обдуманную цель. Все обширные операции, которыми он руководил, были направлены к одному; отдавая распоряжения о размещении орудий, кои должны были обеспечить победу над французами, он в то же время обдумывал сложные политические комбинации, кои должны были нам обеспечить благорасположение всех европейских кабинетов. В армии его обожали и за его имя, и за его знакомое и любимое лицо; достаточно было ему показаться, чтобы все радовались.

А. В. Чичерин (1793—1813) — в 1812—1813 — поручик лейб-гвардии Семеновского полка.

Из воспоминаний о М. И. Кутузове

1. Имеется в виду трактат Морица Саксонского о военном искусстве «Мои мечтания».

2. П. М. Волконский, в 1805 г. — генерал-майор, дежурный генерал русско-австрийской армии.

3. Начальником Московского ополчения Кутузов был избран 16 июля 1812 г.

4. Память изменила мемуаристу: Александр I не мог получить в Москве известие о взятии французами Смоленска, поскольку он покинул ее и выехал в Петербург в ночь с 18 на 19 июля, а Смоленск был занят неприятелем 6 августа.

5. Очевидно, мемуариста подвела память. Барклай де Толи покинул армию в конце сентября, когда она уже заняла позицию при Тарутине, а Тормасов временно принял команду над Главной армией лишь в ноябре 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

Начало биографии

1. Общий Гербовник Дворянских родов Всероссийской Империи, начатый с 1797 года. Ч. II. — С. 31.

2. Синельников Ф. Жизнь частная и характер Его Светлости Генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. — СПб., 1814. Ч. VI. 3; Дубровин Н. Князь Кутузов-Смоленский в 1812 г. Артиллерийский журнал, № 3, 1863. — С. 185—186.

3. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. — М.: Археографический центр, 1955. — С. 8.

4. Жилин П. А. Кутузов. — М.: Воениздат, 1979. — С. 8.

5. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. Сост. Гр. А. Бобринский. — СПб., 1890. Ч. 1. С. 470.

6. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. — С. 18—19.

7. Синельников Ф. Жизнь частная и характер Его Светлости Генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. VI. С 593.

8. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712—1912 гг. — СПб., 1912. Т. I. — С. 22 (в разделе «Приложения»).
9. М. И. Кутузов: Сборник документов. — М.: Воениздат, 1956. — Т. V. С. 593.
10. Синельников Ф. Жизнь светлейшего князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. — СПб., 1813. Ч. II. — С. 3.
11. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. — С. 597.
12. Синельников Ф. Жизнь светлейшего князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. II. — С. 7—8.
13. Борзаковский П. К. Императрица Екатерина Вторая Великая. — М.: Панорама, 1991. — С. 6—7, 31.
14. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. — СПб., 1866. — Т. I. С. 147.
15. Там же. Т. II. С. 83, 84.
16. М. И. Кутузов. Сборник документов. — М.: Воениздат, 1950. — Т. I. С. 10.
17. Петров А. Война России с Турцией с польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. Т. II. — С. 102—105.
18. Там же. С. 105.
19. П. А. Румянцев: Документы. — М., Воениздат, 1953. Т. II. — С. 329, 338.
20. Там же. С. 349, 350.
21. М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. I. — С. 11.
22. Синельников Ф. Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, ч. I, СПб, с. 16—17.
23. Там же, с. 17.
24. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. Т. II. — С. 134, 135.
25. П. А. Румянцев: Документы. Т. II. — С. 357.
26. Там же. С. 351, 352, 355, 356.
27. Там же. С. 359.
28. Брагин М. Полководец Кутузов. — М., 1944. С. 12.

29. Петров А. Война с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. Т. II. — С. 331—335.
30. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. — СПб., 1874. Т. III. — С. 88—90.
31. Синельников Ф. Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. I. — С. 28, 29.
32. М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. I. — С. 14.
33. Там же. С. 16, 17.
34. Там же. С. 15.
35. А. В. Суворов: Документы. — М., Воениздат, 1949. Т. I. — С. 45.
36. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. — С. 83, 84.
37. М. И. Кутузов: Сборник документов. — Т. I. С. 23, 24.
38. Синельников Ф. Жизнь частная и характер Его Светлости генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. I. — С. 39.
39. М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. V. — С. 62, 63.
40. М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. I. — С. 26, 27.
41. Брагин М. Полководец Кутузов. — С. 14.
42. М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. V. — С. 604, 605.
43. М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. I. — С. 65.
44. Там же. С. 59, 60.
45. Дубровин Н. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1866. С. 125, 126.
46. Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. — М.: Наука, 1992. — С. 103.
47. Там же. С. 103.
48. Там же. С. 108.
49. Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII в. — СПб, 1915. — С. 45.
50. Там же. С. 81.
51. С.-Петербургские Сенатские ведомости, № 43, 1859 г., мая 7.

Возмужание полководца

1. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. — М.: «Голос», 1992. С. 149.
2. М. И. Кутузов: Документы. — М., Воениздат МО СССР, 1950. — Т. 1. С. 42.
3. Там же. С. 49.
4. Там же. С. 52.
5. Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М.: Наука, 1992. С. 141.
6. Там же. С. 153.
7. Тюрин М. Ф., Мефедовский А. Ф. О ранениях М. И. Кутузова / М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. — СПб., 1993,. — С. 153.
8. Петров А. К биографии светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. — Военный сборник, № 3, 1900. — С. 9.
9. Жизнь и военные подвиги генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. — СПб., 1813. — С. 20.
10. Светлейший князь Смоленский, фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов и его современники. — М., 1898.
11. РГИА, ф. 925, оп. 1, д. 10. С. 25—27.
12. Синельников Ф. Жизнь военная и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. — СПб., 1813. Ч. 1. — С. 51—52.
13. Тюрин М. Ф., Мефедовский А. Ф. О ранениях М. И. Кутузова. С. 46.
14. Полевой Н. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времени Петра Великого до царствования императора Николая I. — СПб., 1845. — С. 203.
15. М. И. Кутузов: Документы. — М., Воениздат МО СССР, 1950. Т. 1. — С. 75.
16. Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. — С. 156.
17. М. И. Кутузов: Документы. — С. 76.
18. Там же. С. 88, 89.

19. Советская Военная Энциклопедия. Т. , М.,
20. Петров А. Н. К биографии светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. — Военный сборник, № 3, 1900 — С. 10; Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. — М.: Воениздат, 1988. — С. 29.
21. М. И. Кутузов: Документы. — М.: Воениздат МО СССР, 1950. Т. 1. — С. 5.
22. Там же. С. 113.
23. Там же.
24. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. — М.: Археологический центр, 1995. — С. 112.
25. Петров А. К биографии светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. — Военный сборник, № 3, 1900. — С. 233.
26. Петров А. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II 1787—1791 гг. — СПб., 1880. Т. II. — С. 88.
27. М. И. Кутузов: Документы. — М., Воениздат МО СССР, 1950. Т. 1. — С. 114.
28. Там же. С. 116—177.
29. Петров А. К биографии светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. — Военный сборник, № 3, 1900,. — С. 233.
30. Петров А. Вторая турецкая война. — С. 212.
31. Петров А. К биографии светлейшего князя. — С. 235.
32. Петров А. Вторая турецкая война. — С. 249.
33. Синельников Ф. Жизнь военная и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. — СПб., 1813. Ч. 1. — С. 14.
34. М. И. Кутузов. Сборник документов. — М., 1950. Т. 1. Док. № 280. С. 199.
35. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. — М.: Археологический центр, 1995. — С. 124.
36. М. И. Кутузов: Сборник документов. М., 1950. Т. 1. Док. № 398. С. 292.
37. Там же. Док. № 395. С. 290.
38. Там же. Док. № 340. С. 247.
39. Там же. Док. № 364. С. 268.
40. Там же. Док. № 396. С. 240.

41. Русская старина. — СПб., 1873. Т. VIII. — С. 153—154.
42. Тарле Е. В. Кутузов как государственный деятель, дипломат. — «Известия», № 223, от 21 сентября 1945 г.
43. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. — М.: Археологический центр, 1995. — С. 147.
44. Лалаев. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному управлению. — СПб., 1880. — С. 64.
45. Записки И. С. Жиркевича. — «Русская старина», 1874. Т. IX. — С. 216.
46. Там же.
47. М. И. Кутузов: Документы. — М., Воениздат, 1950. Т. 1. — С. 361.
48. Там же. С. 358.
49. Галушко Ю, Колесников А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. — М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1993. — С. 28.
50. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. — М.: Археологический центр, 1995 — С. 172.
51. Русская старина, 1873. Т. VIII. С. 362.
52. Русская старина, 1874. Т. X. С. 326.
53. Русская старина, 1873. Т. VIII. С. 367.
54. М. И. Кутузов: Сборник документов. — М., 1950. Т. 1. Док. № 812. С. 583.

Глава 3

Полководческий почерк

1. Жилин П. А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. — 3-е изд., доп. М., Воениздат, 1987. С. 81.
2. Клембовский В. Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии. СПб., 1889. С. 13.
3. Глинка Ф. Н. Краткое начертание «Военного журнала». СПб., 1817. С. 10.
4. М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1951. Т. II. С. 25.

5. Клембовский В. Обзор кампании 1805 года... С. 24.
6. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М.: Археологический центр, 1995. С. 193.
7. Бутовский И. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 14.
8. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. II. С. 70.
9. Там же. С. 45.
10. Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 184.
11. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 76—77.
12. Там же. С. 76.
13. Там же. С. 84.
14. Документы штаба М. И. Кутузова 1805—1806. Сборник. Вильнюс, 1951. С. 138.
15. Русская старина. 1870, изд. 2-е. Т. I. С. 497—499.
16. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 97.
17. Клембовский В. Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии. С. 177.
18. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. II. С. 177.
19. Там же. С. 169.
20. Записки Алексея Петровича Ермолова. 1801—1812 гг. М., 1865. Ч. I. С. 29.
21. Бутовский И. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. С. 37.
22. Вопросы истории. 1952. № 3. С. 75.
23. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. С. 140.
24. Там же. С. 145.
25. Леер Г. А. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 25.
26. Военная история. Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. Изд. 4-е. СПб., 1994. С. 651.
27. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. С. 223.

28. Бертенев П. Русский архив, год девятый, журналы 6—9. М., 1871. С. 91.
29. Леер Г. А. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. С. 35.
30. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. С. 155.
31. Гуляев Ю. Н., Согдаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. С. 228.
32. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. II. С. 338.
33. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. II. С. 145—146, 155.
34. Русская старина. Т. 139. СПб., 1909, август. С. 388.
35. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. С. 212—213.
36. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. II. С. 433.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IX. С. 9.
38. М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1952. Т. III. С. 90.
39. Там же. С. 59—60.
40. Там же. С. 57—58.
41. Там же. С. 181.
42. Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. М.: Военное издательство, 1988. С. 110—111.
43. Петров А. Война России с Турцией 1806—1812 гг. СПб., 1877. Т. III. С. 429.
44. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 293.
45. Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. С. 113.
46. РГВИА, ф. 9190, оп. 165, св. 50, д. 64, л. 22.
47. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 306.
48. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. С. 107.
49. Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I). СПб., 1871. Т. I. Ч. 1. С. 77.
50. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 350—353.
51. Там же. С. 483.
52. Петров А. Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. III. С. 272.
53. Полководец Кутузов. Сборник статей. М., Политиздат, 1955. С. 106.

54. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 472.
55. РГВИА, ф. ВУА, д. 2954, л. 1 об.
56. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. С. 116—117.
57. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 502.
58. Там же. С. 469.
59. Русский архив, № 10, 1902 г. С. 223.
60. Петров А. Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. III. С. 273.
61. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 480, 481.
62. Там же. С. 366.
63. Там же. С. 558.
64. Там же. С. 612.
65. Там же. С. 627, 628.
66. Там же. С. 642.
67. Петров А. Война с Турцией 1806—1812 гг. Т. III. С. 309.
68. Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 год. Ч. II. С. 230—231.
69. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. С. 722.
70. Там же. С. 694.
71. Жизнь и военные подвиги генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1913. С. 125—127.
72. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов. М., 1947, док. № 93. С. 137.
73. Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 134.

Глава 4

Спаситель Отечества

1. Толстой Л. Н. Сочинения. М., 1951. Т. VI. С. 9—10.
2. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М.: Археологический центр, 1995. С. 279.

3. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. I. Прил. к гл. VI. С. 503—512.
4. Каузлер Ф. Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. СПб., 1844. Ч. I. С. 111—112.
5. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. С. 131.
6. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 90.
7. Жилин П. А. Фельдмаршал Кутузов. М., Военное издательство, 1988. С. 130.
8. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. II. С. 184.
9. Русский архив, 1892, N... С. 443.
10. М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. Док. № 82. С. 72.
11. Русский архив. 1867. С. 779.
12. См.: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. С. 295.
13. Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.
14. Клаузевиц. 1812 год. М., 1937. С. 90.
15. Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. СПб., 1898. С. 125.
16. Жилин П. А. Фельдмаршал Кутузов. С. 162.
17. М. И. Кутузов. Сборник документов. Док. № 157. С. 129.
18. Митаревский Е. Н. Воспоминание о войне 1812 года. М., 1871. С. 55.
19. Каузлер Ф. Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. С. 112.
20. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. С. 162.
21. М. И. Кутузов. Сборник документов. Док. № 173. С. 142.
22. Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 г. Ч. 1. 1839. С. 28.)
23. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. С. 220.

24. М. И. Кутузов. Сборник документов. Док. № 184. С. 150—151.
25. Бартенев П. Русский архив. Год четырнадцатый. М., 1876. Кн. 1. С. 224.
26. Липранди И. П. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 71.
27. Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1837. Т. III. С. 131.
28. М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 154.
29. Толь К. Ф. Описание битвы при селе Бородине. СПб., 1839. С. 45—46.
30. История СССР. 1987. № 4. С. 135.
31. Бартнев П. Русский архив. Год четырнадцатый. М., 1876. Кн. 1. С. 228.
32. Жилин П. А. Фельдмаршал Кутузов. С. 177.
33. Липранди И. П. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? С. 16—17.
34. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. II. С. 323, 328.
35. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 275.
36. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 198.
37. М. И. Кутузов. Сборник документов. Док. № 425. С. 327.
38. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 15. С. 34.
39. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 253.
40. Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882. С. 199.
41. Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 355.
42. Жилин П. А. Фельдмаршал Кутузов. С. 195.
43. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. С. 331.
44. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 11—12.
45. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 3. С. 142; ч. 4. С. 378—379.
46. Сегюр. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 81.
47. Русская старина. 1877, январь. С. 24.

48. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 3. С. 321.
49. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 214.
50. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 239.
51. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 20. С. 30.
52. Кутузов М. И. Из личной переписки. Знамя, 1947, № 5. С. 105—106.
53. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 178, 183.
54. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 398.
55. Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 347.
56. М. И. Кутузов Сборник документов. М., 1955. Т. IV. Ч. 2. Док. № 564. С. 556.
57. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 102.
58. Там же. С. 133.
59. М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1955. Т. IV. Ч. 2. Док. № 563. С. 552—554.
60. Кутузов М. И. Из личной переписки. С. 119.
61. Цит. По: Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. М., 1988. С. 278.

Алексей Шишов — военный историк и писатель, ведущий научный сотрудник Института военной истории. Автор почти 200 научных документальных и публицистических работ, в том числе 18 военно-исторических трудов, по эволюции военного могущества Руси, Московского царства и Российской империи.